

АНДРЕЙ МАРТЯНОВ

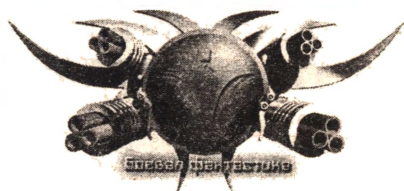
БОРЬБА ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ МАРТЯНОВ
ВРЕМЯ ВЕСТНИКОВ

АНДРЕЙ МАРТЯНОВ

ВРЕМЯ
ВЕСТНИКОВ

Цикл Андрея Мартьянова
«**ВЕСТНИКИ ВРЕМЕН**»

Вестники Времен. Знамя над Тауэром
Дороги старушки Европы
Рождение апокрифа
Законы заблуждений
Большая охота
Время вестников

АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВ

**ВРЕМЯ
ВЕСТНИКОВ**

Лениздат
2008

Оформление обложки В. Аникина

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Мартьянов А.

М 29 Время вестников. — СПб.: Лениздат, «Ленинград»,
2008. — 512 с.

ISBN 5-289-02608-8

Долго ли, коротко ли, а миновал целый год с того дня, когда «дракон Люфтваффе» совершил вынужденную посадку на мирной полянке баронства Фармер в Нормандии. А год выдался сногсшибательный: с раскрытыми тайнами, войнами, покушениями, изменами, обретениями и утратами. Серж де Казакофф стремительно делает карьеру при дворе Ричарда Львиное Сердце, а вот дела Гунтера фон Райхерта день ото дня все хуже. Великая игра за право обладания коронами Европы и Азии близится к финалу... Вожди крестоносцев и сарацин встречаются рядом с городом Аккой.

Кто одержит победу? Или победы не существует, но есть только бесконечная история, меняющаяся с каждым новым мгновением?

Наступает Время Вестников – время свободного выбора, время решений, время, когда Высшие Силы больше не подталкивают людей в нужном направлении...

ББК 47.2.1.2.1

ISBN 5-289-02608-8

© «Ленинград», 2008

© Мартьянов А., 2008

Благодарности:

Марине Кижиной-Стариковой
и Кириллу Старикову —
неизменным соавторам, сумевшим довести долгий
труд до логического завершения.

Посвящается всем участникам
шумного исторического карнавала.
Маски, мы вас знаем!..

В тексте использованы стихи: М. Щербакова, М. Куз-
мина, Л. Бочаровой, Е. Сусорова.

— А кто у нас нынче враг народа Божия?
Умберто Эко. Имя Розы

...А где-то позади, за далью и за пылью,
Остался край чудес: там человек решил,
Что он рожден затем, чтоб сказку сделать былью —
Так человек решил, да видно, поспешил.
Ведь сказку выбрал он с печальной развязкой,
И призрачное зло в реальность обратил.
Теперь бы эту быль обратно сделать сказкой —
Да слишком много дел и слишком мало сил...

Как-то вечером патриции
Собрались у Капитолия —
Новостями поделиться и
Выпить малость алкоголя...

ПРОЛОГ

Письма из Империи

Из переписки патрикия Исаака-Михаила-Никиты Ангела, проживающего в Константинополе, с его сводной сестрой Елизаветой-Теодорой Ангелиной, в замужестве маркграфиней ди Анажело де Монферрато, проживающей в Тире.

Письма написаны своеручно патрикием в период августа—ноября месяцев 1189 года

Письмо первое, доставленное греческим торговым кораблем

Дражайшая сестрица!

Опуская необходимые изъявления приязни и уверения в неизменной сердечной привязанности, вынужден обратиться к тебе с настоящей просьбой.

Умоляю, сделай одолжение и повлияй на назойливого варвара, за которого тебя угораздило выскочить замуж! Объясни ему, что я не желаю *(два последних слова выделены красными чернилами и подчеркнуты)* принимать ни малейшего участия в его сумасбродствах. Так что он может одним махом сократить свои расходы на всяческого рода конфидентов, которых он упорно присылает в мой дом. Я не желаю с ними разговаривать — да-да, не желаю, так ему и передай! Если он пришлет еще кого-нибудь, клянусь, велю затравить его собаками! И пусть потом не жалуется!

Дорогая Тео, я всегда подозревал, что склонность ко всяческого рода авантюрам у франков в крови. Вероятно, они с нею рождаются. Сие отнюдь не означает, что все остальные должны следовать их извилистой доро-

гой. Чужеземцам трудно, порой почти невозможно понять и принять смирение обитателей Империи перед ликом власть предержащих.

Базилевс, каков бы он ни был, — власть, ниспосланная нам от Бога. Если он плох как правитель — это всего лишь означает, что Всевышний в очередной раз решил испытать нашу кротость. Высочайшая немилость подобна грозе: пошумит и стихнет. Молись только, чтобы она не задела тебя краем черного крыла. Моя нынешняя жизнь меня вполне устраивает. Небольшой доход от виноградников, дом на Малой Месе, круг испытанных друзей и фамильная библиотека — вот все, что мне нужно.

Упаси меня Господь от политических игр и плетения интриг. Стремление запечатлеть свое имя на скрижалях истории порой обходится слишком дорого.

Постарайся растолковать это своему супругу — а то, похоже, он никак не возьмет в толк. Думает, ежели ему посчастливилось вырвать у арабов Тир, то он кесарь и Господь Бог в одном лице. Его ненаглядный Тир — всего лишь город в исконно имперских владениях. Пусть и захваченных сейчас неверными. Настанет день, и утраченное возвратится обратно к подлинным хозяевам.

Вижу, вижу, ты недовольно хмуришься. Тебе никогда не нравились мои воззрения на бестолковую суету франков вокруг Иерусалима. С тех пор, как ты самоуверенно решила связать свою жизнь с Конрадом, ты стала настоящей верной католичкой. Истребление неверных, освобождение Святого Града и прочие благоглупости.

Все-таки родная кровь — это удивительно. Даже если ты пребываешь на берегах совершенно другого моря, в сотне дневных переходов от меня, я все равно догадываюсь, о чем ты думаешь.

О том, что непутевый старший братец непременно должен повесить себе на шею супружеское ярмо.

Кстати, о ярме. Помнишь Склиров, владельцев соседствующей с нами усадьбы? Наш покойный папенька

еще носился с замыслом оженить меня и младшую Склирену. Услыхав его предложение в первый раз, я пришел в ужас. Посуди сама, на кой мне сдалась эта желчная и мрачная юница? К тому же с унылой физиономией, более подходящей дряхлой сирийской верблюдице. Готов поспорить, ее никогда в жизни не приглашали любоваться восходом луны над площадью Августеон.

Потом почти одновременно отдали Богу души наш почтенный родитель и стратиг Александр Склир (этого прикончили в боях где-то на южных границах с Персией), а ты, отрада моих очей, укатила со своим муженьком покорять Святую Землю. Вот тогда мне и пришло на ум, что в рассуждениях нашего отца крылось зерно здравомыслия. Воистину, как это верно — соединить брачными узами две старейшие семьи Империи, Ангелов и Склиров (заодно пополнив нашу тающую казну — но это я добавляю исключительно для тебя).

Ничего хорошего из моих добрых намерений не вышло. Самоуверенная нахалка отказала. Не сходя с места и не раздумывая. Я повторил попытку на следующий год, решив подождать, пока девица одумается, насладится полученной свободой и перебесится.

Она отказала снова.

Как несказанно измельчало все в нашем мире, дорогая моя Теол!.. Столетие назад подобные резкие слова неизбежно привели бы к кровопролитной вражде между нашими семьями. Теперь же я мог лишь кротко высказать свое мнение о том, сколь дурно сказалось на ее манерах отсутствие надлежащего воспитания.

Моя несостоявшаяся невеста непочтительно фыркнула и удалилась. Было это, дражайшая сестрица, ровно три года назад.

Спустя два или три месяца моя соседка пропала. Не выскочила замуж и не уехала жить в провинцию, не удалась от мира в монастырь. Просто исчезла. Перестала показываться в гостях и на представлениях, посещать

празднества и Ипподром, словно и не было никогда девицы Склирены. Вести дела в усадьбе она оставила своего младшего братца Алексиса (ты знаешь мое невысокое мнение об этом, с позволения сказать, литераторе, вернее, марателе пергаментов) и старого управляющего Льва.

Общими усилиями эти двое быстро превратили почтенное имение Склиров в вертеп и лупанарий. Каждый вечер и каждую ночь — праздники с актерками и певичками, мимы, комедианты, фейерверки, вопли, грохот! Прислуга окончательно распустилась, тащит все, что подвернется под руку, да еще и обкрадывает нас!

Каплей, переполнившей чашу моего терпения, стала трагедия с фазанами и катайскими анемонами. Фазанов передушила удравшая гончая наших соседей. Рассаду анемонов, обошедшуюся мне едва ли не по номизме штучка, подчистую сожрали кролики. Кто-то из склировой челяди, видите ли, забыл запереть клетку.

Избавляю тебя от описания долгого скандала, в котором, помимо меня и Склиров, оказался замешан квартальный надзиратель, спешно прибывший чиновник из управы епарха и еще с десятков разнообразных личностей, не считая зевак и добровольных советчиков. Алексис уперся не хуже рыночного осла — хотя полсотни золотых монет вполне возместили бы мою утрату. Твой братец оказался по уши в судейских дрызгах. Наш дом осажден стряпчими и адвокатами. «Дело о потраве» уже дважды слушалось во дворце на площади Юстиции, и конца-краю этому не видно.

Однако вскоре мне в голову пришел неплохой способ избавиться от досадного соседства и законников-вымогателей. Будучи на день святой Ирины в гостях у достойного семейства Вранасов, я доподлинно разузнал: творческий зуд Алексиса толкнул его на выпуск сборника басен и сатир собственного сочинения. Анонимного, разумеется, — даже у пустоголового горе-литератора

достанет ума не подписывать подобное творение. Милейшая Ираида Вранаса по доброте душевной одолжила мне сию книжицу, и я провел замечательный вечер за чтением.

Должен признать, некоторые из опусов Склира не лишены остроумия. Скажем, тот, в коем повествуется о старом козле, возжелавшем стать супругом табуна юных газелей. Намек более чем прозрачен. С оказией непременно вышлю тебе копию. Уверен, тебе понравится. А твоему супругу понравится еще больше. Как всякий варвар, он наверняка испытывает тягу к простым грубым шуткам.

Дочитав до конца, я аккуратнейшим образом поместил строки, могущие служить указанием на сильных мира сего и всячески порочащие их достоинство. Уложил книжицу в пакет, снабдив ее указанием на Алексиса Склира как на подлинного творца мерзкого фамуса. Традиционно подмахнув письмо прозвищем неуловимого и всезнающего Обеспокоенного Верного Подданного, я на следующее же утро отправил мой подарок в Высокий Цензорат. Остается ждать, как скоро воспоследуют результаты. Благодарение Господу, жернова Закона в Империи пока еще крутятся безукоризненно.

Притиска. Предпринял некоторые шаги для того, чтобы выяснить, куда все-таки столь таинственно сгинула младшая Склирена. Можешь себе представить, Тео, мои осведомители уверяют, якобы она имела неосторожность спутаться с окружением епарха нашей столицы, престарелого и премудрого Дигениса, правой руки базилевса! Всякие там лазутчики, конфидененты, охотники за чужими секретами и жизнями. Никогда не понимал, отчего некоторые восторженные молодые люди находят подобное низкое ремесло неотразимо романтичным?

У Склиров тяга к подобным выходкам, впрочем, является фамильной чертой. Сколько веков за ними тянется мрачная слава отравителей, подстрекателей и за-

говорщиков? Уверяют, якобы моя соседка удалилась из Империи именно по велению грозного старца, отправившись во владения франков, в захваченный ими Вечный город Рим, поближе к престолу тамошнего первосвященника. Сеять смуту и рознь, надо полагать. Надеюсь, франки ее поймают и вздернут. Отдав предварительно на потеху десятку северных варваров.

С наилучшими пожеланиями здоровья и всемерно-го благополучия, твой любящий брат Исаак.

Письмо второе, отправленное голубиной почтой

Дорогая!

Мое сумрачное существование внезапно озарилось солнечным лучом. Дерзких и злоязыких Склиров настигла карающая длань Закона! Не далее, как три дня назад, к ним наведальсь Алые Плащи, дворцовая гвардия.

По удивительному стечению обстоятельств я как раз в тот миг сидел на террасе, услаждая свой ум чтением одного познавательного трактата. Так что вся сцена развернулась передо мной, как на лицедейском представлении. Пьеса развивалась согласно эллинским канонам: громогласное чтение указа базилевса «Во имя отца, и сына, и святого духа, моя от Господа державность повелевает...», искреннее недоумение и возмущенное заламывание рук арестовываемого, небольшая потасовка. После вульгарного шумства, изрядно оскорбившего мой слух, Алексиса выволокли на двор и затолкали в закрытые носилки. Кажется, он пребывал без сознания. В какой-то миг я ощутил подобие искреннего сочувствия к неудачливому отпрыску некогда великого семейства. Даже произнес предписанную для таких случаев молитву Богородице «Мольба о заступничестве для страждущих и пребывающих в узилищах».

Доблестные ликторы немного погоняли челядь Склиров, спалили какой-то сарай на задворках и с чувством выполненного долга удалились.

Ликованию моему нет предела! Наконец-то я смогу вести подобающий мне размеренный и добродетельный образ жизни, не нарушаемый ночными воплями и разгульными полуночными празднествами! В приливе радостного энтузиазма я отправился на очередное слушание тяжбы «Ангел против Склира», добившись ее разрешения в мою пользу. Разве я не умник, дорогая сестрица? Теперь бы еще прирезать выморочное имение к нашим владениям — а оно наверняка вскоре будет объявлено таковым по смерти держателя — и нынешний год можно считать прожитым не зря!

Три тысячи благословений на твою очаровательную головку. Можешь лишний раз поцеловать своего варвара, передав ему привет лично от меня. Надеюсь, это немного подпортит ему настроение на остаток дня. Твой Конрад всегда терпеть меня не мог. Не понимаю, отчего? Разве я не являл по отношению к нему образчик кротости и хороших манер? Даже, следуя твоей настойчивой просьбе, доносов на него не писал. Кроме одного единственного случая, но согласись, он того заслуживал! И ты меня давно простила, не так ли, милая Тео?

**Письмо третье, обнаруженное экспедицией
Королевского археологического общества
Великобритании в 1872 году при раскопках
в квартале Галата. По неизвестным причинам
патрикий не сумел или не успел отправить
пакет адресату**

Обожаемая моя Тео!

Вынужден заметить, в последнее время ты пренебрегаешь своим долгом любящей родственницы. Пишешь

редко и коротко, а твои записочки добираются ко мне так неторопливо... Надеюсь, мои ответы достигают тебя? Из понятных тебе соображений, опасаясь доверять письма служащим государственной почты, я вынужден переправлять их со всяческого рода оказиями.

В богоспасаемой Империи кое-что переменилось, кое-что пребывает в неизменности. Золотой Кубок осенних бегов этого года на Ипподроме вопреки ожиданиям и предсказаниям достался не признанному фавориту, а упряжке какого-то киликийского провинциала. Соединенные общим горем, партии Зеленых и Голубых примерно наказали дерзеца, заодно учинив безобразное побоище с городской стражей.

Из-за высоких стен Палатия расползаются нехорошие слухи. Базилевс Андроник в очередной раз сильно невзлюбил своих подданных и предается размышлениям, на ком бы отвести душу (*фраза старательно вымарана*). Царственный опять рыщет в поисках заговорщиков. По его слову таковых разыскивают как в Палатии, так и за его пределами. Дворцовая стража уже многим нанесла внезапные визиты, и после тех визитов воздух столицы наполнился плачем, скрежетом зубовным и стенаниями.

На восточных границах имели место многочисленные стычки с дикими племенами — изрядное число батальи закончилось для Империи позорным поражением. Домоправительница нынешним утром принесла с рынка достоверный слух о том, что германские варвары во главе со своим королем по прозвищу Барбаросса достигли города Средец, болгарской столицы и движутся дальше, через Балканские горы.

Правитель англов Риккардо, коего соплеменники неведомо за какие достоинства окрестили Львиным Сердцем, умудрился совершить истинный подвиг. Сей крестоносный воитель захватил благословенный остров Кипр и то ли пленил, то ли убил тамошнего самозванного кесаря, Исаака Комнина, родича базилевса. Среди ко-

рабелъщиков и торгового люда царит сдержанное ликование: пиратские грабежи Исаака Кипрского у всех как кость в горле. Отпиши поскорее, правда ли это?

В первой декаде ноября неожиданно выпал мокрый снег, на несколько часов преобразивший город в дивной красоты картину. Вообрази только, Тео: наш старый сад, припорошенный серебром, еле различимые в мерцающей пелене купола и крыши... Море налилось тяжелой свинцово-серой краской и подернулось призрачным туманом, корабли в Гавани выглядели грязными скорлупками. Долетавший с Августеона колокольный звон казался приглушенным и надтреснутым. Печаль, разлитая повсюду божественная печаль о великом граде, раскинувшимся на берегах Мраморного моря...

Ничто не нарушало сей благолепной картины... кроме моих досадных затруднений с желудком. Я тут нанял нового повара, родом из Персии. Ты не представляешь, Тео, что он способен сотворить из куска самой обыкновенной баранины! Единственный его недостаток — стремление добавлять в любое блюдо такое количество специй, что скоро остатки нашего фамильного состояния перекочуют к гильдии торговцев пряностями.

Пребывая в состоянии душевной меланхолии, я поднялся наверх, на террасу, дабы предаться лучшему из занятий — составлению письма к тебе, дорогая сестрица. Помнишь, сколько дивных вечеров мы провели здесь вдвоем, пока тебе не втемяшилось в голову... Впрочем, довольно. Ты поступила, как сочла нужным.

С радостью извещаю тебя, что после долгих хлопот и мытарств, растянувшихся едва ли не на месяц, я нахожусь в двух шагах от приобретения прав на землю и усадьбу Склиров Младших. Проволочка вызвана тем обстоятельством, что Алексис Склир вроде бы еще находится среди живущих, а сестра его пропадает в нетях. Изнуряемый нетерпением, я подумывал нанять актрису, дабы та исполнила роль Склирены в маленькой пье-

се для обитателей Дворца Юстиции, но не отважился. Ежели та и в самом деле трудится в ведомстве епарха, мой маленький подлог может обойтись мне слишком дорого. Подожду официального оповещения о кончине Склира, и уж на следующий день отправлюсь в Счетную Палату. Как объяснил нанятый мною законник, правами девицы Склирены в этом случае можно смело пренебречь: во-первых, она женщина, во-вторых, ну какие права могут быть у члена семьи казненного за подрыв основ существования благословенной Империи?

Как положено рачительному хозяину, я наведалься осмотреть наше будущее владение и отдал указания по приведению его в надлежащий вид. За время отсутствия Склира бродяги или разбежавшиеся слуги расхитили часть имущества. Конечно, было бы самоуверенной глупостью рассчитывать на владение казной Склиров — она наверняка отойдет государству. Но кое-какие ценные мелочи мы вполне можем перенести к себе в усадьбу. Для лучшей сохранности, так сказать. Все равно они достанутся нам. Истинного сожаления достойно исчезновение управляющего имением, ты наверняка должна его помнить. Мы с тобой прозвали его Старым Львом, хотя он был отнюдь не так уж дряхл. Он был весьма и весьма толковым домоправителем, хотя и потворствовал Алексису в устройении его шумных празднеств...

Привлеченный непонятным шумом внизу, патрикий отложил перо и бросил скучающий взгляд через каменную балюстраду террасы. Увиденное так его поразило, что почтеннейший Исаак-Михаил Ангел вскочил, с грохотом опрокинув табурет, и заметался, явно не зная, куда кинуться — то ли к ведущей вниз лестнице, то ли к двери во внутренние покои. Один раз он подбежал к самым перилам и перевесился через них, испуганно вытаращившись на вымощенную гранитом площадку внизу.

Источник размеренного шума приближался. Сквозь ветви облетевших деревьев можно было различить, что по широкой аллее сада бодро марширует пятерка гвардейцев в алых плащах и форме, копирующей римскую. Возглавлял их кривоногий десятник с надраенной бронзовой бляшкой посланца Палатия «при исполнении». Сбоку семенил чрезвычайно перепуганный челядинец Ангела, заполошно размахивая руками и непрерывно тараторя.

Взгляд патрикия остекленел. Он попятился, наткнулся на стол. Вцепился в перо, как утопающий — в соломинку, и, разбрызгивая чернила, вывел несколько кривых строк:

...может статься, дорогая Тео, когда это письмо окажется в твоих руках, меня уже не будет в живых. До тебя дойдут разные слухи и сплетни, злопыхатели наверняка не преминут опорочить мое имя, но ты ведь не поверишь им, милая сестрица? Обещай помолиться за упокой моей души, Тео!

Знай, дорогая сестренка, что древние были правы, говоря, якобы нет ничего хуже, чем жить в интересные времена.

Храни тебя Господь. Пошли тебе все святые, драгоценная Тео, долгих лет жизни во времена скучные, заурядные и мирные...

— Исаак из фамилии Ангелов? В мудрости своей базилевс Андроник высочайше повелевает поместить тебя под стражу. Обоснование — сведения, сообщенные о тебе арестованным преступником Алексисом из семейства Склиров. Следуй за нами.

Ах, не плыть по голубому морю,
Не видать нам Золотого Рога,
Голубей и площади Сан Марка.
Хорошо отплыть туда, где жарко,
Да двоится милая дорога,
И не знаю, к радости иль к горю.

Не видать открытых светлых палуб
И судов с косыми парусами,
Золотыми в зареве заката.
Что случается, должно быть свято,
Управляем мы судьбой не сами,
Никому не надо наших жалоб.

Может быть, судьбу и переспорю,
Сбудется веселая дорога,
Отплывем весной туда, где жарко,
И покормим голубей Сан Марка,
Поплывем вдоль Золотого Рога
К голубому ласковому морю!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬ: В ОЖИДАНИИ РОЖДЕСТВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ Чужак в краю чужом

**Середина ноября 1189 года.
Константинополь,
столица Византийской империи**

Троица бездельников сидела неподалеку от причала Морской Девы, передавая из рук в руки связку сушеных морских коньков и созерцая причаливающий корабль. Зеваки расположились с некоторыми удобствами — среди огромных, грубо обтесанных гранитных глыб. Камни доставили сюда и свалили в этом уголке порта еще позапрошлым летом, намереваясь использовать для починки Адрианова мола. Старинный, почти пятисотлетней давности волнолом, исправно защищавший гавань от разгулявшихся волн, в последнее время пришел в полное небрежение. Дальняя его часть развалилась и скрылась под водой, и на нее махнули рукой. Ближнюю пытались чинить, подсыпая новые гранитные глыбы. В борьбе людей и моря стихия пока одерживала верх.

День выдался ненастный, с холодным порывистым ветром, и грозоздкий неф никак не мог встать боком к пристани. Вокруг суетилось с пяток плоскодонок, волочивших за собой брошенные с борта корабля канаты. Объединенные усилия не помогали.

Корабль «Три апостола», над чьей кормой болталось намокшее голубое полотнище с крылатым львом Вене-

цианского торгового союза, упрямо норовил сокрушить причал тяжелым носовым ростром. Лодочники и корабельщики крыли друг друга на чем свет стоит, но без привычного азарта, скорее, по привычке. Всем хотелось поскорее подвести корабль к пристани и сойти на берег.

С высоты своей колонны, который век дуя в молчащую витую раковину, равнодушно взирала на людскую суету бронзовая и слегка облезшая морская дева. На голове у статуи примостилась нахохленная толстая чайка.

Подле широкого всхода на причал маялись, кутаясь в толстенные плащи с капюшонами, представители властей и их подчиненные. Бдительная таможенная стража явилась исполнять свои обязанности — собирать мзду за право ступить в пределы благословенной Византийской империи, исчислять налоги на доставленные товары и вынюхивать недозволенные к ввозу вещи, как-то: франкские еретические сочинения, арабские дурманные зелья, не внесенных в общую опись пассажиров и животных, утаенные драгоценности, пряности и предметы роскоши.

В том, что таковые непременно обнаружатся, никто не сомневался.

Загадка крылась исключительно в размере суммы, при получении которой таможенники украсят своей печатью пергамент, разрешающий команде корабля и прибывшим пассажирам вход в город. Чуть поодаль дожидались своего часа носильщики, встречающие, зазывалы постоялых дворов и просто зеваки без определенного рода занятий, наподобие сидевшей на камнях троицы.

Корабль грузно ударился шершавым боком в осклизлые сваи причала. Заскрипели блоки, с хлопаньем начали сворачиваться задубелые от соли паруса. С борта нефа на пристань перебросили сходни. Оживившиеся таможенники устремились за поживой. Началась привычная волокита — с изучением представленных документов, с подробным допросом: кто, куда, да с какой целью при-

были в град базилевсов? Надолго или проездом, везете ли с собой товар на продажу или исключительно собственный скарб?..

Изнутри по борту судна частым градом застучали молотки. Распахнулся здоровенный черный проем, изнутри ощутимо пахло перепревшим сеном и застоявшимся конским духом. Выведенная на причал гнедая лошадь тут же зашаталась из стороны в сторону и завалилась набок. Конюхи засуетились вокруг упавшего животного. Гнедая вставать отказывалась, мотала головой и сердито ржала.

— Долго ж они плыли, — тоном знатока заметил один из праздных созерцателей, обладатель козлиной бороденки и овчинной телогрейки, почти новой, лишь самую малость подпаленной по подолу. — А лошадки хороши... С самого Египта, пожалуй, будут, у арабов куплены. Кто-то себе славную новую упряжку приобрел, помяните мое слово!

Слушатели покивали. Шимон, по прозвищу Гиппофил или Гиппа, то есть попросту Лошадник, знал о скакунах все или почти все, ибо добрую часть своей жизни провел в качестве служителя на столичном Ипподроме. Однако Гиппу, как и многих до него, подвели не в меру болтливый язык и стремление поскорее разбогатеть. Почтенный служитель украдкой делился конюшенными сплетнями с ипподромными барышниками (не безвозмездно, само собой), получая скромную долю от выигрышных ставок.

Однажды во время сего противоправного деяния он был замечен управляющим и мгновенно оказался за воротами Ипподрома. С изрядным скандалом и десятком плетей — чтобы другим впредь было неповадно.

С той поры Шимон Гиппа перебивался то здесь, то там, а когда совсем припирало — плелся, подобно многим нищebroдам столицы, в гавани Золотого Рога. Здесь всегда хватало как честной работы, так и возможности

прибрать что-нибудь, оставленное без присмотра или плохо лежащее.

Нынешним летом Гиппе посчастливилось: он вступил в небольшое, но сплоченное сообщество, промышлявшее на пристанях. Вместе и жить стало веселее, и дела пошли лучше.

Сегодня, к примеру, часть шайки ловила удачу в другом конце порта, у пристани святого Феофания, где причалили два персидских судна — груз перетащить, провести кого по городу или поручение какое исполнить. Шимона же и молодого Эпу, парня толкового, но еще не заслужившего достойного прозвища, кликнул с собой предводитель сообщества, почтенный Никифор. Неизвестно по каким причинам его именовали Скифом. То ли прабабушку его, славянку родом, якобы привезли из-за моря и продали на рынке блистательного Константинополя, то ли, наоборот, дед его служил в войске базилевса Василия Болгаробойцы, ходившего усмирять дикие земли.

Троица ежилась на холодных камнях, терпеливо выжидая и не забывая коситься по сторонам. Попадешься стражникам, охраняющим Гавань, — хорошего не жди. Измочалят и швырнут с берега, а море-то отнюдь не летнее: холодное, неприветливое, подернутое сердитыми косматыми волнами и разводами грязно-серой пены. Даже неизменные крабы, густо облепившие прибрежные камни и сваи, сегодня попрытались.

С борта «Трех апостолов» начали по одному высаживаться пассажиры. Ступив на берег, они, подобно многострадальным лошадям, тоже шатались, цепляясь за ограждения и привыкая к отсутствию постоянной качки. К грузному чернобородому типу в богатом халате кинулось не меньше десятка встречающих, низко кланяясь и причитая на все лады. Из-за груды ящиков выбежали носильщики с паланкином, толстяк забрался в них и торжественно отбыл вкупе с гомонящей свитой.

Следующими на пристань сошли арабы, сирийцы, не то египтяне, — тесная группка человек в пять. Эпа дернулся встать, но Скиф лениво пнул его в копчик: сиди, мол. Добыча не про нашу честь. Вздорные и спесивые дети Пророка своим-то соотечественникам не доверяют, а чужакам — тем более. Даже если они впервые в Константинополе, предпочтут обратиться к за помощью к властям.

И точно — следом за арабами по сходням бодро скатился обрадованный мелкий чин из таможенников, пристроился впереди, показывая дорогу и разглагольствуя. Гости столицы косились на него с нескрываемым отвращением.

Скифу и его подчиненным пришлось мерзнуть почти до полудня, когда на сходнях венецианского судна появились те, чьего появления дожидались нищebroды. Мелкие торговцы, путешественники, паломники. Люди, незнакомые с Перекрестком Мира, как порой высокопарно именовали шумную столицу Империи, и не ведающие ее обычаев. Вряд ли они догадывались, сколько пар глаз сейчас пристально наблюдает за ними, оценивая содержимое их кошельков и способность постоять за себя. Почтенный Никифор и ему подобные словно взвешивали приезжих на незримых весах, прикидывая: можно ли безнаказанно ограбить растерявшегося гостя в темном углу или выгоднее честно сопроводить его через город к нужному месту?

— Этот, — внезапно подал голос Скиф. — Эпа, пошел. Не оглядывайся, дурень, мы за тобой. Давай, давай, пошевеливайся, не то уведут бычка в чужое стойло...

Не подозревавшая о своей незавидной участи добыча облапила колонну Морской Девы, переводя дух и свыкаясь с непоколебимой твердостью земли под ногами. Франк с диковатым видом таращился по сторонам, хотя смотреть, в сущности, было не на что. Ну гавань с бесконечными рядами кораблей. Ну пристани, заваленные товарами — приготовленными к отправке или только что

выгруженными на берег. За туманной хмарью и дымными испарениями большого города еле проглядывали очертания купола Святой Софии. Столпотворение вавилонское, суeta и привычная толкотня. Ровным счетом ничего заслуживающего внимания.

На вид гостю страны можно было дать чуть больше двух десятков лет. Обличье его показалось варварским даже ко всякому привычным нищebroдам Золотого Рога. Иноземец был невысок, но весьма широкоплеч, с мощной шеей — чем и впрямь походил на крепкого бычка. Волосы его, длинные и светлые, за время долгого морского путешествия свалялись в неопрятную паклю. Все земное имущество франка составлял объемистый кожаный мешок, тяжелый даже на вид, лежавший сейчас на мокрых досках пристани.

Чужеземец носил меч — стало быть, принадлежал к благородному сословию, если у варваров таковое имеется. Впрочем, в византийской столице оружие ему без надобности. В соответствии с законом, изданным как бы не самим Константином Благословенным, иноземцам запрещалось носить и пускать в дело клинки более двух ладоней длиной. Таможенники наверняка обмотали рукоять и устье ножен франкского меча бечевой с тонкой металлической нитью внутри и привесили к концам обвязки печать. Конечно, в случае чего нить можно запросто порвать, но буква закона соблюдена и придраться не к чему.

Покуда чужак топтался на месте, Эпа времени зря не терял. Юркой рыбкой просквозил через цепочку носильщиков, приметив попутно, что с другой стороны на лакомый кусочек нацелился еще один портовый пройдоха. На краткий миг их пути пересеклись. Не останавливаясь, Эпа ловко заехал конкуренту локтем под дых. Тот немедленно потерял интерес к добыче, напоследок от души полив соперника отборнейшей портовой бранью. Эпа даже не оглянулся — дело важнее.

— Да будут благословенны твои дни, чужеземец! — бодро затараторил юнец, бесцеремонно дернув варвара за рукав. — Я вижу сомнения на твоём лице? Ты впервые в столице? Позволь стать твоим проводником. Поверь, никто не знает Константинополь лучше меня! Я подскажу, где можно остановиться на ночлег и выгодно поменять звонкую монету, и сопровожу до франкского квартала, если господин желает...

— Не понимаю, — сказал франк на ломаном греческом, с чудовищным акцентом.

Разогнавшаяся колесница эпинного красноречия вдребезги расшиблась о непроходимую стену варварской необразованности.

Опешивший нищий поскреб в затылке. Ему как-то не пришло в голову, что новоприбывший может не разумеет местного наречия.

— Э-э... Идти город... постоялый двор... еда, пить, быстро-быстро!.. — Эпа перешел на искаженный персидский, ограниченный запас слов на коем обычно позволял без труда находить общий язык с уроженцами Аравии и Сирии.

— Не понимаю, — повторил чужак.

Европа и Византия с равным недоумением воззрились друг на друга.

«Совсем ты тупой, что ли?» — огорченно подумало порождение клоак Константинополя, пытаясь вспомнить, как объяснялись между собой недавно заглянувшие в гавань норманны из Сицилии. Ничего толкового на ум не приходило. По мнению Эпы, варвары просто каркали, в точности уподобляясь воронам. В полном отчаянии нищеврод украдкой оглянулся на жожака. Скиф, нахмурясь, молча показал ему жилистый кулак.

Белобрысый, поразмыслив, заговорил сам. Благодарение Святой Деве, он говорил на латинянском — перевранном до неузнаваемости греческом. Эпа с трудом узнавал одно слово из трех, но это было уже кое-что.

Если он верно разобрал бормотание франка, тот желал попасть к святому Иоанну... Квартал святого Иоанна? Нет? Приход церкви Святого Иоанна Апокавка? Тоже нет? А, Орден святого Иоанна! Божьи люди в черных одеяниях с белыми крестами? Как же, есть тут такие. Да, конечно, я знаю самую краткую дорогу к их владениям. Сколько будет стоять? Сущие гроши, господин, не достойные упоминания! Что-что? Господина зовут Гай? Благородное, древнее имя. А я буду Эпа. Просто Эпа, сын Власия, если матушка не соврала и не ошиблась. Ступайте за мной да старайтесь не потеряться. Город-то у нас не маленький, сами видите. Самый что ни на есть полис, выражаясь по-книжному... Господин к нам надолго?..

Скиф и Шимон выждали, куда франк и навязавшийся провожатый удалятся на приличное расстояние, прыгнули с камней и пристроились в отдалении. Сейчас толковый мальчик Эпа поведет бычка безрогого на веревочке по запутанным улочкам и рыночным площадям. Улучив момент, пощупает, есть ли у франка за душой симпатичные золотые кругляшки... а там посмотрим, поразмыслим. Может, гость страны — щедрый и понимающий человек. И не придется его ни лупить дубинкой по загривку, ни резать в темном переулке.

* * *

Франк оказался созданием угрюмым и молчаливым: то ли из-за незнания языков, то ли по природной склонности. По сторонам с удивлением — да, глазел. Рыночному изобилию и многолюдству — да, поражался. Застрял у лавки, где торгош выставил арабские клинки, — на что Эпа и рассчитывал. Какой же воин сможет равнодушно пройти мимо этих изящных красавиц, синеватых стальных молний на черной ткани? Пока франк та-

рашился и пытался на пальцах объяснить с продавцом, Эпа без труда совершил необходимое. Шарахнувшись от проезжавшей мимо повозки, врезался боком в чужеземца. Ненароком огладил рукой мешок, который франк старательно прижимал к себе и рассыпался в долгих извинениях за свою неловкость.

— Железное там — доспехи, что ли, — торопливо доложил Эпа сотоварищам, на краткое мгновение отстав в толчее от чужеземца. — А за пазухой припрятано два кошеля. Толстенных! Богатенький варвар оказался. Знакомых у него в городе нет, родни тоже, и сам он приехал сюда в одиночку. Скиф, кончать его надо! — мальчишка аж прыгал от нетерпения. — Он сметливый, вот-вот заподозрит, что я его кругами по городу таскаю!

— Скажи ему, уже почти пришли, — распорядился вожак маленькой шайки. — Веди в проулки за площадью Стратигии. Стража туда отродясь не суется. Как отойдете поглубже, так мы и выскочим.

— Он никаких языков не понимает, кроме собственного и ихней жуткой латыни, — добавил на прощание Эпа и умчался, ужом проскальзывая сквозь толпу.

— Повезло, — заикнулся Гиппа, немедленно схлопотав от Скифа подзатыльник: не трещи, мол, языком раньше времени, удачу спугнешь. Шимон сконфуженно при молк, и на вопрос старшего, в точности ли он все запомнил и усвоил, истово закивал. В предстоящей задумке очень много зависело от его благообразной внешности и умения отвлечь внимание.

...Когда парочка мелких злоумышленников достигла нужного места, потерявший терпение франк уже сгреб Эпу за ухо и деловито возил физиономией по известняковому забору, наставительно что-то твердя. Мальчишка в ответ жалостливо причитал. Местечко Эпа выбрал замечательное: глухой тупик, образованный сходящими стенами и заборами, узкие окна-щели наглухо закрыты ставнями, безлюдье и тишина. Даже не верится, что

всего в двух сотнях шагов отсюда клокочет и яростно торгуется рыночная площадь. Шимон перевел дух, скроил озабоченный вид и явился из-за угла, на ходу восклицая: «Господи всемогущий, что случилось? Покража? Не кликнуть ли стражников? Какой позор для нашего славного города!»

Голосил Гиппа (с учетом полученных сведений) на латыни — с акцентом и перевирая слова, однако вполне уверенно. Заслышав знакомую речь, франк, разумеется, обернулся — но вывернутое ухо Эпы отпустить и не подумал. Увлечшийся своей ролью Лошадник на миг струхнул. Слишком уж настороженным, звериным был взгляд непривычно светлых глаз заезжего гостя столицы. Эдакий не подумает смиренно делиться с ближними своим добром...

«Зато нас троел!» — успокоил себя Шимон, вновь входя в образ обеспокоенного законопослушного горожанина и беспрепятственно приближаясь к франку. Тот не заподозрил подвоха, бросив сквозь зубы: «Мы заблудились».

Добрый горожанин пожелал узнать подробности. Выслушав, заохал, сочувственно тряся головой и цокая языком. Выругал самозваного проводника и отвесил тому подзатыльник, вынудив варвара разжать пальцы, сомкнутые мертвой хваткой на ухе жертвы. Освобожденный мальчишка отполз на пару шагов и захныкал, клянясь, что вел господина самой короткой дорогой. Не его вина, что здесь такие узкие и извилистые переулки! Он всего-то хотел заработать пару монет для своей старой голодающей матушки! Вот добрый человек не даст солгать, подтвердит, что владение иоаннитов совсем рядом, рукой подать!

Гиппа охотно подтвердил. Гиппа вызвался сам проводить чужеземца. Однако, наученный горьким опытом, тот потребовал, чтобы ему просто объяснили дорогу. Размахивая руками, Лошадник принялся объяснять, счи-

тая на пальцах повороты и исподволь оттесняя франка назад, к невысокому глинобитному забору.

По замыслу столичных мошенников, событиям предстояло развиваться просто и быстро. В нужный миг Скиф перемахивает через забор и сваливается прямо на голову жертве, замороченной разглагольствованиями Лошадника. Общими усилиями они сбивают франка с ног, оглушают, вытаскивают из-за пазухи кошель и уносят ноги. Коли варвару не посчастливится, он отдаст концы прямо здесь. Если же франкский череп окажется достаточно прочным, пусть идет и сколько угодно жалуется городской страже. Стражникам вряд ли симпатичны скандальные иноземцы. Да и как в городе с населением почти в пятьсот тысяч душ разыщешь трех человек?

Так рассуждали почтенный Никифор и его соратники в трудном деле ограбления ближних своих.

Однако вышло все совсем по-иному. За долю мгновения до того, как примерившийся Скиф с дубинкой наизготовку уже был готов ринуться на добычу, белобрысый, словно почуяв опасность, зыркнул через плечо наверх.

Дальнейшее несколько смешалось у Шимона в памяти. Должно быть, из-за сокрушительного пинка в живот. Совершив краткий полет, Лошадник утробно квакнул, приложился затылком о каменный забор и сполз вниз беспорядочной грудой костей. Эпэ полоумный чужеземец сломал руку. Парень искренне считал, что легко отделался. Предводителя шайки варвар отлупил ножами до потери сознания и затолкал вниз головой в каменную бочку, что стояла подле угла дома и служила для сбора текущей с крыши воды. К счастью для Никифора по прозвищу Скиф, бочка была наполнена всего на треть — иначе он бы точно утонул, пребывая притом на суше.

«Лучше бы мы нанялись тюки перегаскивать, — удрученно размышлял Гиппа, охая и даже не пытаясь под-

няться на ноги. — Тогда бы хоть на ужин заработали. Говорили умные люди: не связывайся с франками, они с рождения Господом обделенные, а оттого злые, как черти...»

* * *

Бывший служитель при столичном Ипподроме ошибался.

Благородный мессир Гай Гисборн был даже злее самого черта.

Путешествие измотало его до предела. Гай всерьез опасался, что до конца жизни не сможет ни толком поесть — свихнувшийся от жестоких приступов морской болезни желудок упорно отвергал все подряд; ни ходить, как подобает человеку, — ему по-прежнему казалось, будто он на шаткой палубе, мотающейся во всех направлениях одновременно. Только это могло объяснить доверчивость, проявленную английским рыцарем к посулам местных уроженцев. Никто не спорит, на далеком Альбионе тоже хватает жуликов и мошенников, но там они свои, знакомые, можно сказать, родные по крови...

Прецепторию иоаннитов Гай отыскал самостоятельно (правда, только к наступлению вечера), спрашивая дорогу в лавках попримичнее. Многочисленных уличных доброхотов, прямо-таки изнывавших от стремления помочь богатенькому чужеземцу, встречал очень пристальный и весьма недобрый взгляд. Доброхоты сразу увядали и растворялись в темноте переулков.

Привратник владений Ордена святого Иоанна и явившийся на его зов молчаливый служитель оказались соотечественниками доброй памяти мессира Франческо, попутчика в долгом путешествии по землям Франции и Лангедока. Это обстоятельство почему-то показалось мессире Гисборну хорошим знаком —

как и наличие в странноприимном доме прецептории свободной комнаты. Войдя в свой новый временный дом, Гай рухнул на жалобно скрипнувший топчан, проспав ровно двое суток — от восхода до заката и далее от заката до восхода. В конце концов обеспокоенные служители заявили проверить: случаем, не помер ли постоялец?

Молодость и долгий отдых взяли свое. Проснувшись, Гай ощутил себя здоровым, бодрым и ужасно голодным. А также донельзя озадаченным, удивленным и обескураженным.

Пища в трапезной прецептории оказа́лась вкусной, но странной: мясо с обилием резких специй, какое-то мелкое белое пшено, густое черное вино с отчетливым привкусом смолы. Трапезная размещалась в полуподвальном помещении, гулком и пропахшем подгорелым маслом, с непривычно плавными очертаниями кирпичных сводов и крохотными полукруглыми оконцами. Мимо проходили люди, загораживая тусклые отсветы зимнего солнца. Жуя, мессир Гисборн наконец сумел толком поразмыслить о событиях прошедших месяцев и расставить их в надлежащем порядке.

«Подумать только, я — в Константинополе!..»

...Первая часть странствия сэра Гисборна — через Лигурийский залив и Тирренское море, от Марселя до сицилийской столицы Мессины — заняла ровно неделю и прошла в совершенном благополучии, несмотря на страхи корабельщиков перед надвигающимся сезоном штормов. 27 октября 1189 года неф «Святая Анна» бросил якорь в мессинской гавани. Сэр Гай в сопровождении двух кряхтевших под тяжестью изрядного груза носильщиков отправился выполнять свой долг.

Приморский город, считанные дни назад принимавший у себя крестоносное воинство, опустел. Седмицу назад корабли объединенных английской и французской армий ушли отсюда, взяв курс к берегам Кипра. Оста-

вил Сицилию и папский двор, во главе с престарелым понтификом вернувшийся обратно в Рим.

Однако мадам Элеонора и дочь ее Иоанна, овдовевшая супруга предыдущего правителя Сицилии, уехать еще не успели. Гай был убежден, что госпожа Элеонора нарочно мешкала с отправлением в родные английские края, дожидаясь на Сицилии известий о победах и поражениях крестоносцев.

Увидеться с мадам Пуату оказалось проще просто: старая дама и ее маленький двор с удобствами расположились в замке Танкреда Сицилийца. К вящему удивлению и скромной гордости мессира Гисборна, госпожа Элеонора его помнила — по имени и в лицо — с тех времен, когда он пребывал при дворе принца Джона.

Однако вид втащенного в покои старой королевы «товара» — четырех сундуков итальянской работы из мореного кедра с бронзовыми украшениями — в кои веки заставил обычно говорливую и бойкую мадам Пуату на некоторое (пусть и весьма краткое время) лишиться дара речи. Вдовствующая королева английская, на середине слова оборвав недоговоренную фразу, уставилась хищно сузившимися глазами на выстроенные рядком сундуки. Гай невольно поежился: кто его знает, вдруг, действуя из лучших побуждений, он нарушил чьи-то далеко идущие планы? У госпожи королевы наверняка имелись собственные замыслы касательно участи архива покойного канцлера Лоншана... А если он все неправильно понял и вместо награды огребет полновесное заслуженное наказание?

Выдержав долгую паузу, королева-мать милостиво улыбнулась и настойчиво потребовала рассказа о том, каким чудом мессир Гисборн сделался обладателем сих бумаг, — подробнейшего, пусть он даже и затянется надолго. Ведь сэр Гай никуда не спешит?

Скорбно вздохнув, мессир Гисборн изложил, поставившись ничего не утаивать, но воздерживаться от соб-

ственных умозаключений. Последнюю привычку он невольно перенял от недоброй памяти Дугала Мак-Лауда и загадочной дамы по имени Изабель Уэстмор. Мадам Элеонора внимала, поощрительно кивая и взирая на рассказчика с искренней приязнью — каковой, наверное, не устаивался даже ее прославленный отпрыск Ричард.

К концу повествования Гай чувствовал себя выжатой досуха тряпкой. Госпожа королева же выглядела человеком, плохо скрывающим искреннее ликование. Она несколько раз переспросила Гаю о том, уверен ли мессир рыцарь в точном описании событий, касающихся лангедокского замка Ренн-ле-Шато и его обитателей. По ее просьбе Гаю пришлось повторить эту, весьма запутанную, часть своего рассказа не то дважды, не то трижды. Упоминание о загадочном шевалье Ральфе Джейле заставило старую даму сокрушенно покачать головой, уточнив, не довелось ли сэру Гисборну столкнуться с сим господином позже, после злоключений в камаргских болотах? Гай честно ответил, что нет, и с жаром поведал о происках злокозненного компаньона, Мак-Лауда, а также намерении одного коварно похитить архив Лоншана — на что Ее величество королева Английская лишь недовольно поджала губы да покачала головой.

Элеонора ничем не подтвердила, но и не опровергла заявлений кельта и Джейля о том, что они трудились заради ее пользы. Однако Гай решил, что королеве-матери отлично знакомы оба упомянутых имени — хотя бы оттого, что они не вызвали у Элеоноры никаких дополнительных вопросов. Стало быть, тут какие-то свои непонятные дела... Возможно, шотландец все-таки не лгал? Просто слегка искажал правду в согласии со своими нуждами?..

Впрочем, верно говорят мудрые люди: во многих знаниях — многие скорби. Сбросив наконец тяжкий груз своих познаний, Гай перевел дух, опрокинул поднесенный

бокал вина и, утоляя любопытство мадам Элеоноры, поделился собственными планами на будущее. Планы оставались неизменными. Мессир Гисборн желал добратся до Константинополя, дождаться своих друзей и присоединиться к войску освободителей Гроба Господня.

— А я знаю ваших знакомцев! — просияла почтенная дама. — Мессир Мишель де Фармер из Нормандии и его оруженосец, господин Гунтер фон Райхерт, правильно? Впрочем, мессир Райхерт больше не оруженосец, а полноправный владетель баронства... если мне не изменяет память, отныне ему принадлежит некий Мелвих где-то в шотландских землях.

«Однако! — поразился Гай. — Как они умудрились попасть на Сицилию — обогнав меня? И как германец умудрился разжиться баронством в Шотландии? Подвиг, что ли, какой свершил?»

— Они отправились вместе с армией Ричарда, — жизнерадостно сплетничала госпожа королева. — На Кипр, карать Исаака Комнина. Вы уже наверняка слышали эту невероятную историю с поджогом флота? О ней, по-моему, уже все Средиземноморье трещит без умолку.

«Мои приятели всю сражаются на Кипре... -- с грустью подумал мессир Гисборн. — Похоже, наши замыслы касательно встречи в Константинополе больше не имеют значения... Нет, негоже отступать на полпути. Я обещал быть к Рождеству в Византии — и я там буду. Пусть даже в одиночестве».

Об иной причине, влекшей его в столицу империи базилевсов, Гай даже задумываться себе не позволял. Понимал, что это не более чем блажь и чистой воды выдумка.

Элеонора с явственным нетерпением косилась на сундуки, предвкушая счастливый миг знакомства с их содержимым. Королеву-мать справедливо именовали сердцежкой и интриганкой, однако неблагодарной ее не называл никто и никогда. Человек, преодолевший

столько передраг и испытаний, сумевший доставить ей истинное сокровище, заслуживал щедрого вознаграждения. Как и того, чтобы мадам Пуату обратила на него самое пристальное внимание, похлопотав о его будущем. Толковые молодые люди весьма и весьма пригодятся королевству Английскому — когда в недалеком будущем трон займет младший Плантагенет, Джон...

Распроставшись с госпожой Элеонорой и шагая в порт, Гай с возрастающим недоумением размышлял о своем вознаграждении, ожидавшем его возвращения из Святой Земли. Припомнив, что Гисборны владеют небольшим манором в Ноттингамшире, госпожа королева удовлетворенно хлопнула в ладоши, заявив: Лондон уже давно засыпан жалобами на тамошнего шерифа, сэра Ральфа де Монсара. Мол, летами дряхл, с обязанностями не справляется, мздоимствует без меры и карает без причины. Сэр Гай как раз родом из тамошних краев и наверняка отлично знает состояние дел в графстве. Освободите Иерусалим — и сразу домой, в Англию, принимать край во владение!

«Неплохое начало карьеры, — поддразнивал себя Гай, — шериф ноттингамского захоlustья! Помнится, еще в самом начале нашего знакомства Гунтер очень интересовался — не служил ли я помощником шерифа нашего края? Теперь я ему честно скажу: помощником не был, а вот шерифом наверняка стану. Ежели уцелею. Пусть завидует».

В столь жизнерадостном настроении сэр Гисборн поднялся на борт корабля «Гордость Генуи», направлявшегося напрямик на другой край мира, в далекую и казавшуюся почти что сказочной Византийскую империю.

Вот тут-то и начался суший кошмар, словно бы преисподняя до срока явилась на землю.

Подле греческих берегов «Генуя» угодила в объятия свирепого шторма, протащившего ее по всем отмелям и рифам, в изобилии усеивавшим архипелаг Кикладов.

Неф полз через неприветливое осеннее море от островка к островку, черпая воду, теряя паруса и мачты, и завершив свой скорбный путь в гавани острова Лемнос.

Отправляться на этом корабле далее означало, что в скором времени вам придется плыть на рассыпающейся куче бревен, подгребая уцелевшим черпаком. Пассажиры «Гордости Генуи», хоть и пребывали в недовольстве, признавали, что им здорово повезло. Они живы и добрались до берега — не до какого-нибудь захудалого островка с парой деревень, а до оживленной торговой гавани у самых врат Мраморного моря.

Изнывавший от неопределенности Гай проторчал на Лемносе почти седмицу, когда в порту появились «Три апостола». Шедшие — слава тебе, Господи, во веки веков — в Константинополь. За время вынужденного ожидания сэр Гисборн узнал от попутчиков и местных жителей уйму многообразных сведений об окрестных морях и уверился, что впереди его ожидает седмица преспокойного плавания. Сперва по длинющему проливу Дарданеллы, затем по собственно Мраморному морю, не раз упомянутому в Библии, и вот он уже в столице базилевсов.

Как же.

В сумерках, при входе в узкое горло пролива на венецианский неф налетели два узких, вертких суденышка под непривычными косыми парусами. По счастью, на корабле оказалось достаточное количество людей, способных держать в руках оружие и оказать сопротивление. Грабителей, взобравшихся на борт «Трех апостолов», частью перебили, частью взяли в плен. Один из корабликов не успел вовремя сманеврировать, убравшись с пути тяжеловесного нефа. Раздавленный, он отправился на дно вкупе с теми, кто не успел спрыгнуть за борт. На втором судне поразмыслили и, предоставив былых товарищей их собственной судьбе, ринулись наутек, к близкому азиатскому берегу.

Пассажиры и экипаж «Трех апостолов» ликовали, но длилась их радость недолго. Мраморное море встретило неф противным ветром и пришедшей с Черного моря длинной, мертвенной зыбью. От непрерывной, размеренной качки в скором времени всех поголовно скрутила морская болезнь. Появившийся-таки на горизонте Константинополь был воспринят не как долгожданная цель долгого пути, а как место избавления от мук. Пассажиры мечтали выбраться на берег и благополучно испустить дух.

Однако по прошествии двух дней тяготы морского странствия забылись, уступив место новым впечатлениям. Следовало задаться более насущным вопросом: вот ты добрался туда, куда стремился. Что теперь?

Отставив в сторону опустевшие тарелку и кружку, Гай решил: для начала он пойдет и разыщет кого-нибудь, ведающего странноприимным домом. Если давешний уговор все еще в силе, те, кто добрались сюда первыми, должны были оставить весточки о себе.

* * *

Мессир Мишель де Фармер из Нормандии, провинции королевства Английского, и Гунтер фон Райхерт, уроженец Великой Римской империи, не появлялись в пределах иоаннитской прецептории города Константинополя. Как следствие, благородные господа не вписывали своих имен в толстенную книгу постояльцев.

Движимый непонятным искушением Гай спросил у хлопотливого попечителя, не останавливался ли тут наемник из Шотландии, именем Дугал Мак-Лауд. Подобная выходка была вполне в духе несносного кельта. Разругаться вдрызг, удалиться, хлопнув дверью, а затем объявиться как ни в чем не бывало, призывая забыть прошлое и жить настоящим.

Но и Мак-Лауд здесь тоже не показывался.

Одолжившись небольшим обрезком потертого пергамента, ноттингамец составил краткую записку, известившую его друзей о том, что с 18 дня месяца ноября он, Гай Гисборн, проживает в здешнем странноприимном доме. Сложенный и запечатанный конверт перешел на хранение к брату попечителю, уверявшему постояльца, что так поступает не он один. Приезжающие в Империю европейцы частенько стовариваются о встречах через прецепторию — благо ее нетрудно сыскать.

Утверждение вызвало у Гая сдавленный невеселый смешок.

Что ж, раз он оказался в Константинополе первым, нужно придумать, чем занять ожидание. Причем занять с пользой. Приснопамятное столкновение в порту неприятно доказывало: здесь даже нищие умеют болтать на четырех-пяти языках, тогда как мнящий себя неплохо образованным франкский рыцарь еле-еле изъясняется на одном-двух. Да и город необходимо посмотреть — чтобы было о чем поведать восхищенным друзьям и родственникам, вернувшись домой.

Отважно предпринятые в одиночку прогулки в окрестностях прецептории окончательно лишили Гая душевного равновесия. Можно пережить, что в глазах здешних обитателей он выглядит варваром и чужаком — причем чужаком неприятным и нежелательным. Настоящим же потрясением стало внезапное осознание истинного положения вещей.

Лондон и иные европейские поселения, до того казавшиеся Гаю большими и процветающими городами, теперь предстали в своем истинном облике — грязными варварскими деревеньками, выросшими, как плесень, на руинах покинутых римских крепостей. Подлинное средоточие обитаемого людьми Универсума находилось здесь, в огромном, древнем и запутанном граде, выплеснувшемся за пределы могучих крепостных стен.

Медленное, стареющее сердце некогда Великой Римской империи билось в городе, соединяющем Европу и Азию. Городе на берегах двух морей, переполненном роскошными дворцами — новехонькими и ветшающими, старинными, времен язычества, памятниками и голосистыми торжищами, в городе, не засыпающем ни днем, ни ночью. Гай потерялся в Константинополе, среди извилистых горбатых улочек, прячущихся за высокими заборами усадеб родовитых семейств, среди говорящих на незнакомом языке людей.

Потерялся, не в силах вновь отыскать себя.

Он больше не мог заставить себя покинуть прецепторию, смертно завидуя соседям по страннопримному дому. Те преспокойно уходили и приходили, заключая сделки и ведя переговоры, обустривая свои дела, покупая и продавая. Никогда ранее мессир Гай не испытывал подобного гнетущего ощущения — что, вновь ступив на улицы многолюдного Константинополя, он не сможет отыскать дороги обратно. Это было глупое, унижительное и недостойное английского рыцаря чувство, но мессир Гисборн не знал, как с ним справиться.

Он бродил по владению иоаннитов, похожему на перенесенную сюда прямиком из какого-нибудь итальянского города маленькую крепость. Спиной ощущал — или так ему казалось — преследующие его недоуменные и вопросительные взгляды. На самом деле хозяева и временные гости прецептории даже не подозревали о душевном смятении молодого человека. Им не было до этого никакого дела. Франк оплатил проживание на месяц вперед и теперь был волен вести себя, как вздумается — при условии соблюдения законов вежества и гостеприимства.

Спасение нагрянуло с совершенно неожиданной стороны.

В который раз меряя шагами прецепторию, Гай обнаружил в дальнем уголке маленький облетевший сад и крытый павильон. Калитка в невысокой стене соединя-

ла садик с той частью обширного хозяйства иоаннитов, которая некогда положила начало Ордену — с местным госпиталем, лечебницей. Врачеватели ордена Святого Иоанна справедливо почитались лучшими после арабов, то есть непревзойденными в европейском мире. Услугами константинопольского госпиталя пользовались в основном франкские торговцы и путешественники, но братья Ордена не отказывали в помощи и горожанам греческого или любого иного происхождения. Про себя мессир Гисборн решил, что, когда будет съезжать, непременно сделает щедрое пожертвование в пользу столь богоугодного заведения.

Гай несколько раз приходил в обветшавшую беседку. Сидел, бездумно смотря на черные ветви раскачивающихся под ветром деревьев. Размышлял о прихотливых путях судьбы. О том, где сейчас находятся и чем заняты его знакомцы и случайные попутчики. Доберется ли сюда Мишель? А если нормандец так и не появится к условленному сроку, что делать ему, Гаю? Плунуть на все, отправиться к Иерусалиму? Барбаросса и его армия, говорят, уже неподалеку...

В очередное посещение павильона мессира Гисборна поджидала неожиданность — место оказалось занятым. На разошедшейся скамье восседал некий почтенный муж средних лет, явственный местный уроженец — некогда черноволосый, а ныне обильно поседевший, грузный, с задумчиво-усталым выражением благообразного и густобородого лица. Левая его рука безжизненно висела на перевязи, из чего Гай сделал верный вывод: незнакомец пребывает на излечении в госпитале. Здоровой правой рукой грек вел сам с собой ожесточенное сражение на черно-белых клетках маленькой шахматной доски, пристроенной на колченогом столике.

Охватив мирное зрелище быстрым взглядом, Гай повернулся уйти. Но не успел, остановленный басовитым голосом и безукоризненной латынью:

— Вообще-то я не кусаюсь. Если вы умеете играть, то сделаете мне большое одолжение, составив компанию. Святые братья упоминали, якобы вы прибыли едва ли не с другого края земли. Утолите мое суетное любопытство, ответьте — это правда?

— Святые братья преувеличивают, — невольно улыбнулся Гай. Незнакомец отчего-то сразу внушал доверие. — Но прибыл я издалека, это верно.

— Что ж... Так много людей в наши дни вдруг испытывали тягу к дальним странствиям... Мое имя Лев. Лев из рода Треда. Не имея чести быть высокорожденным патриkiem, я просто мирный и бездельный обыватель славного Константинополя. Заходите и садитесь, поболтаем. Ибо чем еще развлечься двум малознакомым людям в огромном городе, как не болтать о пустяках и сплетничать?

— Слишком уж он огромный, ваш город, — признался Гай, перешагивая низкий порог. — Я Гай. Гай Гисборн. Я из Англии. Здесь, наверное, никогда не слышали о такой стране. Но играть в шахматы я умею.

— А, остров Альбион, — согласно кивнул полысевшей макушкой почтеннейший Лев из рода Треда. Он смешал фигуры на доске и сноровисто расставил их заново. — Большинство горожан и в самом деле никогда не слышали такого названия. Но лично я его знаю. Э-э, как оно правильно произносится... Английское королевство. В Палатийской гвардии служат несколько десятков человек родом оттуда. Мне доводилось их видеть. Они куда больше похожи на страшных варваров и дикарей, нежели вы, кирие Гай. Должен заметить, для франка у вас редкое имя.

— Это все дед и наш приходской священник, — уныло пояснил мессир Гисборн. — Один шепелявил, а другой был тугоух по ветхости лет и, к стыду его, не слишком учен. Вместо «Ги», как собирались назвать новорожденного, нацарапал в своей книге «Гай». Потом я узнал,

что так звали римского короля... нет, кесаря. Он жил давно. Еще когда Италией правили язычники.

...Жизнь чужака в земле чужой расцветила новыми красками, став если не веселее, то куда познавательнее. Лев Треда, упорно именовавший себя «ленивым и незначащим обывателем», мог поддержать разговор на любую тему — от различий в традициях Западной и Восточной Церкви до последних новостей из Иерусалима и Дамаска. Как он умудрялся быть настолько осведомленным, не покидая стен прецептории, Гай не знал. Зато с удивлением обнаружил, что его исподволь натаскивают в знании греческого наречия. Оно было весьма схоже с латынью, только звучало более архаично.

Что порой повергало англичанина в глубочайшую задумчивость, так это своеобразное чувство юмора господина Треды. Требовалось очень внимательно прислушиваться к словам ромея, чтобы уловить миг, когда невинная с виду фраза оборачивалась замаскированной насмешкой, грустной и желчной одновременно. Его краткие комментарии к восторженным рассказам гостя столицы всегда были окрашены эдакой печальной иронией, едкой, как щелочь.

— Большой храм желтого кирпича, с полосой разноцветных изразцов между первым и вторым ярусом? — задумчиво уточнял он, передвигая фигурку коня по доске. — Через две улицы отсюда, рядом с зеленым рынком? Церковь Святого Мокия. Сто пятьдесят восемь лет тому на праздник Пятидесятницы базилевс Лев Мудрый высочайше почтил этот храм своим присутствием. И что бы вы думали, дорогой Гай? Какие-то простолюдины закидали его камнями. Да так метко, что почтенный базилевс скончался прямо на паперти. Какие были времена — императоры не гнушались запросто пообщаться со своими подданными...

— А белое здание под зеленой крышей, со множеством колонн, заканчивающихся эдакими завитками в

виде бараньих рогов? — спрашивал Гисборн, делая, в свою очередь, ход.

— Дворец Юстиции. Только между нами, заглазно его частенько именуют Дворцом Кровопийц. Ох уж эти наши судейские. Им бы только содрать с обеих сторон побольше золота. Бывало, выигравший процесс истец и проигравший ответчик выходили оттуда, рыдая и обнимаясь, как братья, встретившиеся после долгой разлуки, — ибо все свое состояние они оставили за порогом Дворца. Иные, случалось, даже травились с горя.

— Чиновники везде одинаковы, досточтимый Лев... а вот та маленькая церковь по соседству с прецепторией? Такая беленькая, под голубым куполом? Знаменита ли она чем-нибудь?

— А, эта. Часовня пресвятой великомученицы Агаты Сирийской. Прославлена тем, что в ней патриарх Евфимий, оживленно споря с полководцем Кекавменом о том, стоит ли присоединяться к очередному мятежу, использовал свой пастырский посох в качестве веского решающего аргумента. Слава Богу, Кекавмен оказался при мече и, в отличие от иных вояк, знал, для чего предназначена эта тяжелая железная штукавина. К счастью, никто не пострадал — кроме разрубленного посоха, конечно. И какого-то мелкого служки, сунувшегося под руку спорщикам. Его потом канонизировали, этого служку.

— Вы настоящий кладезь познания, кирие Лев! Ну а огромный медный бык на рыночной площади, вроде бы он полый внутри...

— Собственно, площадь так и называется — площадь Тавра. А бык, что ж бык... Ну да, полый. По праздникам мы в нем жарим преступников. Римская традиция. Наши предки-язычники заталкивали туда христиан-мучеников, мы же насыщаем чрево Быка врагами Империи. Ничего особенного, мой уважаемый друг, всего лишь памятник палаческой изобретательности.

Не выдержав, Гай расхохотался.

— Мессир Лев, — сквозь смех выдавил он, — ну признайтесь, вы просто морочите голову доверчивому иностранцу! Такого не может быть! Неужто в вашем прекрасном городе не сыщется места, не отмеченного убийством какой-нибудь важной персоны?

— Отчего же, сыщется, — меланхолично ответил Тред. — Будучи в городе, посетите храм Софии Премудрости. Кстати, среди прочих святых реликвий там хранится Покров Богоматери...

— Неужто подлинный?!

— Разумеется, совершенно подлинный, привезен лично великой базилиссой Еленой из Иерусалима. Вообще-то их, Покровов, я имею в виду, у нас три. Одна риза хранится в храме Софии, другая в Никее, а третья до недавних пор числилась по описи палатийского имущества, да затерялась где-то в кладовых... Так вот, совсем рядом с собором притулилась крохотная часовня во имя святого Николая. Ее еще называют Убежищем. В ней предоставляется укрытие любому страждущему, бегущему от тяжелой руки закона или базилевса — что, в сущности, одно и то же. Со времени постройки часовни миновало не меньше четырехсот лет, и покамест ее не обагрила невинно пролитая кровь. Но мы не теряем надежды, что однажды и там случится какое-нибудь знаменательное смертоубийство, которое можно будет внести в хронографы.

Смех мессира Гисборна перешел в неприличное хрюканье.

— Здоровый смех, как уверяли древние врачеватели, продлевает жизнь, — одобрительно кивая, произнес господин Лев. — Таков Константинополь — роскошный позолоченный идол, внутри которого пыль, паутина и пауки. Но мы здесь рождаемся, живем и умираем. Столетие за столетием. Мы даже пытаемся любить этот город. Смейтесь, смейтесь — мы заслуживаем, чтобы приезжие

варвары начали смеяться над нами. Знаете, Гай, за тысячелетие существования Империи на троне сменилось больше девяноста базилевсов. То есть каждый из них правил чуть более десяти лет. Я скверно знаю вашу историю, но полагаю, что даже во франкских землях никогда не творилось такого безобразия. Теперь же, покорнейше прошу меня простить, но вам шах, а через два хода — мат.

Общение с циничным и острым на язык Львом Тредой позволило ноттингамцу взглянуть на великий город без предвзятости. Кроме того, к сэру Гисборну начали возвращаться угасшие было здравомыслие, любопытство и жизнерадостность. Да, Константинополь подавлял величием имперской столицы, да, от здешнего многолюдья и многоголосия рябило в глазах, а церкви византийцев, куда рискнул заглянуть приезжий франк, повергали в трепет своим великолепием и выставленным напоказ богатством. Да, по сравнению со здешними приходскими храмами собор в Туре представлял убогой сельской часовенкой. Однако и в блистательном Константинополе хватало грязных закоулков, нищих, кланчивших милостыню на перекрестках, уличных воришек и жуликоватых торговцев. Город старательно скрывал от чужаков свои язвы и пороки, и требовалось прожить здесь какое-то время, чтобы научиться заглядывать под раззолоченную маску.

А под ней скрывалась другая, и еще одна, и еще...

* * *

— Я подумал, мой юный друг, вам будет полезно кое с кем познакомиться, — изменив своим привычкам, почтенный Лев Треда лично пожаловал в странноприимный дом. С ним пришел его соотечественник, моложе годами, в вычурном одеянии зеленых и алых тонов, с

быстро шныряющими глазками и самой приятной из всех улыбок, какую только можно вообразить. — Кирие Гай, это мой давний знакомец Анастасиос Либри. Анастасиос, этот тот молодой человек, о котором я тебе рассказывал. Он явно нуждается в твоих заботах.

Обращаясь к несколько ошарашенному Гаю, Треда пояснил:

— Не обращайтесь внимания, что кирие Либри смахивает на мелкого жулика. На самом деле он давно дорос до крупного мошенничества. И продолжает оставаться на свободе только по милости высоких покровителей да благодаря щедрым взяткам, которыми он подкармливает дознавателей епарха.

Знакомец мессира Льва соорудил мину оскорбленной невинности, но смолчал.

— Кирие Либри получает свои немалые доходы именно с того, что облапошивает гостей Империи, — невозмутимо продолжал Лев. — Он содержит с десятков толмачей, понимающих множество различных наречий мира, торгует книгами и редкостями, а также оказывает посильную помощь тем, кто впервые в Константинополе. Заверяю вас, мой друг Анастасиос может быть весьма и весьма полезен, ибо ему ведомы все входы, выходы и нужные люди столицы. Предупреждаю сразу — он вас обдерет. В разумных пределах, в отличие от портовых прощелыг, коим вы столь неосторожно доверились в первый день своего приезда. Но каждый из безантов, перебравшихся из вашего кошелька на жительство в сундуки кирие Либри, будет им вполне заслужен. У вас пропадет необходимость безвылазно сидеть в четырех стенах, слушая старого брюзгу. Константинополь стоит того, чтобы узнать его ближе... Анастасиос, я удаляюсь. Можешь развернуть фонтан своего красноречия. Кирие Гай, если он станет излишне болтлив и назойлив, пригрозите обратиться к его конкурентам с Августеона. Действует безотказно.

На латыни господин Либри изъяснялся несколько хуже, чем достопочтенный Лев, но зато языком он и в самом деле работал за троих, а то и за четверых. Сэр Гай не успел ни опомниться, ни возразить, как лишился пяти золотых номизм, получил на две ближайшие седмицы сопровождающего, понимающего латынь и норманно-франкский, подписал какой-то пергамент и выслушал уйму свежайших сплетен о жизни города, двора базилевса и служителей Церкви. После того, как излучающий гостеприимство и доброжелательность кирие Анастасиос наконец убрался, у мессира Гисборна еще с полдня звенело в голове.

Окрестный мир вновь переменялся: улицы, площади, дворцы и храмы, виденные сэром Гаем, обрели названия, историю и приметы. В людском гомоне на улицах все чаще стали проскальзывать узнаваемые слова.

И диковинная мысль, с самого начала странствия назойливо зудевшая сэру Гисборну в уши, получила некоторый шанс на осуществление. Ибо кирие Анастасиос, воистину знавший город как свои пять пальцев, казался самым подходящим человеком для ее осуществления.

Время и место для беседы, само собой, тут же нашлись — почтенный грек и его франкский знакомец устроились в общем зале странноприимного дома прецептории, подальше от чужих ушей. После положенных суесловий, благодарностей за помощь и уверений во взаимной приязни, ноттингамец наконец добрался до изложения своих затруднений. Он заранее предупредил, что разговор коснется весьма странной темы, но от волнения неверно составил первую фразу, брякнув наобум:

— Мне нужна женщина...

— А, это легко, — понимающе улыбнулся грек. — Кирие Гай, неужели вам до сих пор никто не сумел подсказать? Выйти за ворота, вдоль стены прецептории направо, после второго перекрестка налево, улица святого Епи-

фания. Пятнадцатый дом от угла. Лупанарий «Золотая луна», хозяйку зовут госпожа Костана. Очень неплохое...

— Нет, нет! — замахал руками сэр Гай. — Не просто женщина! Не любая женщина! Мне нужна совершенно определенная, понимаете? Рыжеволосая, лет двадцати от роду, худошавая...

— Конечно, понимаю, — пикантная улыбка Анастасиоса Либри сделалась еще тоньше. — Скажете хозяйке, она подберет в точности по вашему вкусу. Есть толстые, есть худые, наверняка отыщутся и рыжие.

Гисборн застонал, от отчаяния перейдя на норманно-франский:

— Да нет же, черт тебя подери! На кой мне шлюха?!

Стороны явно не понимали друг друга. Гай на миг зажмурился и заговорил, тщательно подбирая каждое слово:

— Я разыскиваю женщину, с которой был некогда знаком, но потерял ее по случайности. Как полагаете, сложно будет ее найти... в таком городе?

— Очень просто, кирие Гай, — бодро отвечал грек. — Скажите, как ее имя, а еще лучше — где она живет, и я с радостью провожу вас туда. Почти бесплатно!

— В том-то и дело, — мрачно сказал Гай, — я понятия не имею, где она живет. И как ее зовут, тоже не знаю. Я даже не уверен в том, что она находится именно в Константинополе. Просто надеюсь. Иначе мне придется шаривать в поисках ее всю Византию, а у меня нет для этого ни возможностей, ни времени.

Либри поскущел, сложил черные брови домиком и сокрушенно поцокал языком.

— Скверно, — признал он. — Дама высокого рода или простолюдинка?

— М-м-м... — Гисборн откровенно почесал в затылке, — нет, не простолюдинка, это точно. Она... Она такая... Темно-рыжая. У нее глаза цвета морской волны. Она остра на язычок, хитра и очень сметлива. А, вот еще!

Она должна была в конце ноября вернуться из далекого путешествия.

Лицо Анастасиоса сделалось задумчивым.

Припомнив обмолвки попутчиков, Гай торопливо добавил:

— Ее долго не было дома. Года два или три.

Последняя фраза прозвучала жалко, ибо мессир Гисборн отчетливо понял: отыскать по таким приметам фальшивую ирландку Изабель невозможно. Каким, должно быть, глупцом он себя выставил!

«Поразительная история, — размышлял тем временем почтенный грек, всем видом изображая крайнюю заинтересованность. — Кто бы мог подумать! Диковатый франкский воитель настойчиво желает отыскать неведомую девицу. А вид у него при этом такой ершистый и одновременно трогательный, будто ему и дела никакого нет до этой женщины... Даже не сообразил сослаться на вымышленного приятеля или исполняемое поручение. Провалиться на этом месте, драгоценные судари мои, это самая что ни на есть безответная любовь! Полудикие европейские варвары способны на подобные высокие чувства? Занятный молодой человек. Откуда он такой выискался? Лев как-то упоминал — с острова Альбион. Такая даль, невозможно представить... Отказаться? Согласиться? Деньги у него вроде водятся, заплатит как миленький... Занимательно будет узнать — чем окончится столь диковинный поворот судьбы?..»

— Очень трудно, — помолчав для пушей важности и вынудив франка поерзать от нетерпения на месте, изрек господин Анастасиос. — Почти неисполнимо. Пять безантов сейчас, на расходы. Столько же сверху, если дева все-таки отыщется. Поиски, само собой, займут какое-то время. Может, седмицу. Может, месяц.

— Я подожду, — пробормотал мессир Гисборн, не веря услышанному. Лощенный прохиндей действительно берется отыскать мистрисс Уэстмор? Или просто рас-

считывает вытянуть с доверчивого варвара побольше? Как бы то ни было, у него появился шанс! Совсем крохотный, один из тысячи или десяти тысяч, но чего только не случается в жизни?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шпионские будни

10 ноября.

Город Тир, побережье Святой Земли

Похолодало, и обширный сад во дворце правителей Тира облетел. За одну ночь осыпались дождем багряные персидские розы, свернулись в почерневшие трубочки листья диковинных арабских растений с гроздьями сиреневых цветов. На побережье Святой Земли надвигалась зима. Пусть она ни шла ни в какое сравнение с многоснежной зимой Британских островов или норвежских фьордов, но радости жителям это время года совершенно не доставляло. С моря наползали тучи, проливающиеся затяжными дождями и штормами, из аравийских пустынь прилетали пронизывающие ледяные ветра. Оживленные торговые гавани замирали, караваны стремились поскорее добраться до городских стен. Даже войн в это время старались не вести, только если совсем уж не оставалось иного выхода.

Такова была здешняя зима, с ее тревогами и смутными надеждами на будущее.

Привычного европейскому глазу каменного очага в Тирском дворце не имелось: в холода здание обогревалось теплым воздухом, идущим из подвалов по системе хитроумно расположенных труб, и множеством расставленных повсюду жаровен. Правитель Тира, однако, подумывал о том, чтобы выписать из Италии умельцев класть каминные — но все что-то мешало исполнить задуманное.

Маркграф Монферратский и его собеседник — плотного сложения мужчина лет тридцати, беловолосый, в водянисто-серых глазах которого застыло скупливое выражение — расположились подле исходившей теплом причудливой бронзовой жаровни и обговаривали последние мелочи. Собственно, все было давным-давно не раз сказано, решено и продумано, однако в последний миг частенько вспоминалось нечто упущенное.

Амори д'Ибелен, бывлой король Иерусалимский, правая рука маркграфа Конрада, вернейший и испытаннейший сторонник, с завтрашним утренним приливом отбывал в Константинополь. На одном из лучших и самых быстроходных судов Тира — арабской дангии под названием «Ларисса», собственности своего покровителя. Оба прекрасно знали, что отъезд Ибелена вызван настоятельной необходимостью, что спустя самое малое неделю ему позарез нужно быть в гаванях Золотого Рога, и все же, все же... Прибывший вчера корабль доставил в Тир последние новости. Крестоносная армия, покинув Мессину Сицилийскую, всей своей объединенной мощью обрушилась на Кипр.

— Дьявольщина, — маркграф Тира в очередной раз задумчиво переворошил тонкую пачку пергаментных листов. — Опять задержка. И когда теперь армии англичан и французов снова тронутся в путь? Вряд ли Исаак Кипрский сможет оказать крестоносцам достойное сопротивление, стало быть, весной мы наверняка узрим Ричарда и прочих под стенами Акки... Долго, все равно долго. Господи, как же долго тянется зима!

Риторическое восклицание ответа не требовало. Д'Ибелен молча кивнул, соглашаясь с сюзереном, и вернулся к прерванному занятию: выяснению, какой из четырех сортов сладкого шербета со льдом ему больше по вкусу. Сам Монферрат, хоть и прожил на Востоке больше десятилетия, шербета почему-то терпеть не мог.

— Итак, на чем мы остановились? — Конраду не си-

делось на месте. Выбравшись из кресла, он описал круг по небольшому залу и остановился подле высокого окна, выполненного в арабской манере и перечеркнутого тонкой позолоченной решеткой. За окном виднелось хмурое море с нависшими над ним свинцовыми облаками, часть окрестного квартала и маленький кусочек гаваней. Какой-то корабль, борясь со встречным ветром, пытался обогнуть мыс. — Ах да, госпожа Анна. Опять и снова — многострадальная госпожа Анна из Византии.

Амори молча отставил початый бокал в сторону и сделал движение, будто намереваясь встать. Монферрат раздраженно махнул на него рукой — сиди, мол, не на торжественном приеме. Барон флегматично кивнул, соглашаясь, и принялся излагать ровным голосом, словно читая с листа заранее заготовленный доклад:

— Как известно вашей светлости, за два минувших года я создал в Константинополе обширную сеть осведомителей, в той или иной степени причастных к тайнам Палатия. Мои лазутчики исправно следили и следят за умонастроениями среди придворной знати базилевса Андроника, о действиях самого престарелого кесаря и его семейственного окружения...

Конрад Монферратский слушал не перебивая, хотя и слегка скривившись. Главу конфиденентов маркграфа порой заносило, и его речи становились ужасно заумны.

— Сообщения складываются в весьма неприглядную картину, подтверждающую мое прежнее мнение. Можете считать меня твердолобым упрямым, мессир Конрад, но я обязан повторить уже не раз сказанное. Мы переоценили возможности и способности мадам Анны. Она нам не подходит. У мадам слабый характер, она нерешительна и чересчур замкнута. У нее нет ни друзей, ни союзников, ни хотя бы кучки сочувствующих придворных. Для греков она была и осталась чужестранкой. Европейцы про нее давно позабыли. Даже ее венценосный брат, его величество Филипп-Август, не интересуется

судьбой младшей сестрицы. Она не француженка и не византийка. Пустое место с хорошеньким личиком.

— Ты же знаешь, ей выпала тяжкая участь... — попытался найти достойное оправдание для своей креатуры Монферрат.

— Я назову вам с десятков благородных дам из разных краев Европы, чья участь была еще тяжелее, — вежливо, но непреклонно перебил сюзерена д'Ибелен. — Однако они не прозябают в неизвестности и не стали подстилками для коронованных старцев. Конечно, со стен Тира не разглядишь в подробностях, что делают и о чем думают в константинопольском Палатии. Когда мы доберемся до столицы базилевсов, я еще раз все тщательно проверю... но чутье редко меня подводило. Уверен, в решающий миг Анна либо струсит, либо выдаст нас своему супругу, либо просто откажется что-либо предпринимать. Запрется на десяток замков и будет сидеть безвылазно, пока под ней костер не разведут.

— Отчего ты столь недолюбливаешь бедную женщину? — подпустил ехидства в голос Конрад. Амори равнодушно пожал плечами:

— Я всего лишь здраво оцениваю шансы. Положившись на Анну, мы потерпим поражение. Будет много шума, много понапрасну пролитой крови — и никакого прока. И даже если нам повезет... Вдовица на троне — лакомая и слабая добыча. Мне придется держать в Константинополе не менее полусотни преданных людей, чтобы они направляли, а также денно и нощно берегли вашу ненаглядную Анну. Либо мы спешно выдаем ее замуж — за нашего ставленника, разумеется. Для чего нам уйма лишних хлопот? Куда проще сразу отправить безутешную даму в далекий киликийский монастырь. Коли через годик-другой она скончается — что ж, на все воля Господня.

— Положим. Но кем ее заменить? — нынешний спор был не нов, д'Ибелен и Монферрат уже не раз подступа-

лись к щекотливому вопросу. Пока маркграф Монферратский стоял на своем, но капля, как известно, камень точит. К тому же дотошный д'Ибелен всякий раз подбрасывал новые аргументы. — Братцем моей миледи Лизетт? Сдается мне, Исаак Ангел на троне будет еще хуже предшественника. Он врёт и предаёт столь же непринужденно, как дышит. Сперва радостно согласится на наши условия, а потом оставит нас в дураках. Эммануилом? У него никогда не хватит духу выступить против чрезмерно зажившегося отца. Комнин-младший мечтает прослыть эдаким Цинциннатусом, философствующим в процветающем имении, в окружении почтительно внимающей родни и восхищенных друзей. Ты, помнится, еще в начале этого года пытался найти с ним общий язык — и не преуспел?

— Времена, ваша светлость, меняются, — мессир Амори позволил себе короткую ухмылку. — Перед отъездом я переговорил с состоятельными купцами, прибывшими недавно из Константинополя — три генуэзца, несколько крещеных евреев и даже один мавр. Говорил со шкиперами, с прибывающими в Святую Землю палатинами — осторожно, чтобы не вызвать подозрений. Конечно, они знают немного, но в целом картина складывается нерадостная. Похоже, базилевс охвачен манией подозрительности. Ему всюду мерещатся заговорщики, в каждом он подозревает наемного убийцу. Ликторы в красных плащах хватают людей по малейшему подозрению. В Константинополе дня не проходит, чтобы кого-то из знати не обвинили в злодейском умысле. Неудивительно, что даже благодушный Эммануил задержался рыбкой на крючке. Ему кажется, царственный папенька в чем-то подозревает и его. Вы не хуже меня знаете, к чему приводят эдакие подозрения. Эммануил отправил ко мне посланца...

— Даже так? Ты мне об этом не говорил, — нахмурился Конрад.

— Сперва я должен был удостовериться, что это не очередные византийские происки, — невозможно парировал д'Ибелен. — Если угодно, я велю принести письмо. Оно выглядит совершенно невинным, с парой-тройкой воспоминаний о вашем бурном прошлом в качестве кесаря византийской армии да сетований на не-совершенство людское. Текст послания не имеет ровно никакого значения. Важно само обстоятельство, что Эммануил решился обратиться к нам за поддержкой. По прибытии в Константинополь я намерен уделить внимание именно ему, а не чахнувшей в позолоченных застенках Анне.

— И все же, все же... — Монферрат в задумчивости выбил пальцами дробь по мраморному подоконнику, но высказать свои сомнения не успел.

Дверная створка приоткрылась. В проем осторожно просунулась голова дворцового управителя, с сильным греческим акцентом известившая:

— Господину угодно принять посетителя? Пришел некий Даниил... Даниэль... Малльгрим, — управляющий запнулся, выговаривая трудную франкскую фамилию. — Уверяет, у него срочное дело к господину. Какое — не говорит. Прикажете прогнать?

— Какой еще Даниэль? — спросил сам у себя Конрад, а спустя мгновение совершенно некуртуазно хлопнул себя по лбу. Наблюдавший за сюзереном Амори озадаченно поднял бровь. — Старею, что ли? Или память отшибло? Зови, немедленно зови! Ибелен, Данни объявился!

— Принесла нелегкая, — еле слышно пробормотал Амори д'Ибелен.

Высокие створки черного дерева с инкрустацией черпаховой костью распахнулись настежь. В залу широким шагом вошел рослый, крепкого сложения человек. Конфидент отнюдь не торопился предстать пред ликом работодателя — ибо ничто в его облике не напоминало

о недавних тяготах долгого морского пути. Прибыв в Тир, гость явно уделил немало времени заботам о собственной внешности, посетив и заведение цирюльника, и общественные бани, и лавки готовой одежды.

— Мессир Конрад, — почтительный, соответствующий всем канонам этикета поклон в сторону тирского правителя. — Мессир барон... — чуть менее глубокий поклон в сторону д'Ибелена.

* * *

Мишель де Фармер и его бывший оруженосец, а нынче просто верный соратник Гунтер фон Райхерт напрочь отказались бы признавать в визитере Тирского дворца своего случайного знакомого, шотландского наемника Дугала из клана Мак-Лаудов. Сэр Гай Гисборн после долгих раздумий осторожно согласился бы, что Даниэль и Мак-Лауд имеют в облике эдакую смутно уловимую схожесть. Два этих человека могли сойти за отдаленных родственников — если забыть о совершеннейшей разнице в манере вести себя, одеваться, произносить слова. В речи де Маллегрима отчетливо слышался звонкий акцент коренного уроженца графства Бургундского, и выглядел он, как подобает достойному представителю благородного сословия.

Страховидная клеймора, черно-желтый плед, подранные вещи с чужого плеча, вечно взлохмаченная грива, пара тонких косиц — все, что некогда составляло неповторимый, надолго запоминающийся образ «Дугала Мак-Лауда», бесследно пропало. Разве что взгляд орехово-карих глаз остался прежним — цепким, чуть настороженным. Д'Ибелен хмыкнул про себя, прикинув, в какую сумму обошлась Дугалу новехонькая черно-зеленая бархатная роскошь. Вот уж истинная погибель всем встреченным дамам и девицам.

По мысли барона д'Ибелена, Даниэлю де Маллегри-му, бывшему confidentу Римской курии, ныне рассорившемуся с бывшими работодателями и перешедшему под руку тирского маркграфа, совершенно нечего было здесь делать. Ему надлежало спешно прибыть в Константинополь — и доставить туда же весьма важные документы, угодившие к нему в руки. Однако шотландец вечно поступал по-своему: то из врожденного духа противоречия, то оправдываясь обстоятельствами. Маркграф полагался на пройдошливого скотта, как на самого себя. Амори кельта недолюбливал, полагая того совершенно незнакомым с понятием дисциплины. Никто не спорит, толковый лазутчик должен быть сметливым и сообразительным, но когда подчиненный начинает злоупотреблять этими качествами...

— Гость в дом — счастье в дом! — с наигранной торжественностью провозгласил арабское приветствие Конрад. — Вот уж кого не ждали! Ты... привез? Где оставил? На постоялом дворе? На корабле?

— Войти не успеешь — сразу о делах. Хоть бы освежиться позволили с дороги, — буркнул гость. Ловким движением он прихватил со стола ополовиненный кубок д'Ибелена и залпом опрокинул в себя пинту ледяного шербета. Амори критически заломил бровь, но смолчал.

— О... да... — радости в голосе маркграфа поубавилось. — В самом деле. Ты ведь проделал долгий и опасный путь... Как тебе понравилось Средиземное море?

— Я заблевал его от Сицилии до Кипра, — мрачно сообщил пришелец, присаживаясь на скамью напротив д'Ибелена. — Ненавижу море. К тому же на корабле везли паршивых вонючих лошадей. И вокруг них металась уйма вонючих крикливых арабов.

Он потянулся налить себе еще шербета, однако д'Ибелен поспешно забрал кубок. Наградой ему стал неприязненный взгляд confidentа.

— Лошади, значит... — с сомнением протянул Конрад. — Ну да, понимаю... Так все же, ты привез то, что обещал в письме?

— Нет, — отрезал Даниэль. И замолчал, уставившись на владетеля Тира с некоторым вызовом.

От подобной наглости маркиграф Монферратский на мгновение опешил. Затем лицо его просветлело.

— Данни, Данни! Неужели ты полагаешь, что я мог тебя обмануть?! Вот, любуйся. — На свет явился свиток из белой козловой кожи, обвитый красным шелковым шнуром с печатью золотого воска. Конрад ди Монферрато извлек его из сундука в углу залы и развернул перед носом верного соратника, укоризненно покачивая головой. — Верховья реки Черво, городок Биелла и две соседствующие с ним деревушки. Не скажу, чтобы очень богатые места, зато какие там леса, какая охота!.. Лучшее дарю, от сердца, можно сказать, отрываю! Упомянутые земли переходят под руку предъявителя сего... не знал, на какое из твоих многочисленных прозвищ делать запись, так что оставил пустое место... с момента подписания высокими договаривающимися сторонами сего соглашения о даровании ленного владения и предъявлении оногo документа бальи в городской управе Биеллы. От души надеюсь, ты не вздумаешь чрезмерно угнетать мирных вилланов. Или, следуя вашей народной традиции, учинять бунты против законного сюзерена.

На лице Даниэля Маллегрима появилось тоскливое выражение. Он смотрел на свиток глазами голодной собаки, унюхавшей поблизости мясо.

— Теперь же, будь добр, — в третий раз, как заклинание, произнес маркиграф, — скажи, куда отправить людей за лоншановым архивом. Кстати, сколько там сундуков? Три? Пять? Больше?..

— Мессир Конрад, — вкрадчиво протянул гость, — дайте мне свиток... просто разрешите поддержать. И я сразу расскажу вам про архив. Позвольте?

Д'Ибелен сдавленно хрюкнул.

Улыбка медленно сползла с лица Конрада Монферратского. Он спрятал драгоценный пергамент за спину.

— Ты мне и так все расскажешь, — неприятным скрипучим голосом сказал он. — погоди. У тебя что, и впрямь его нет?! Но ты же сообщал из Пуату, якобы?..

— Погорячился, — неохотно признал Дугал, изучая узоры наборного паркета у себя под ногами. — Да, когда я отправлял из Пуату то письмецо, был у меня ваш ненаглядный архив. Пять сундуков. Черных, с бронзовыми уголками, набиты телячьими шкурками под самую крышку. Но потом, как бы так выразиться... превратности дороги... византийские лазутчики; лангедокские волкодлаки, английские рыцари... В общем, был да теперь нету. Уплыло ваше сокровище.

— Куда? — рявкнул Конрад. — К Андронику? А может, к Саладину?

— Ну, понимаете ли... — замялся конфиденд. — В дороге я малость перестарался, строя из себя верного слугу мадам Элинор. Моим спутником был благородный, но чересчур прямодушный сэр из свитских принца Джона. Я из шкуры вон лез, чтобы убедить его, мол, я самолично правая рука старой королевы. Только сей отважный паладин оказался излишне подозрителен. В Марселе он выждал подходящий миг и удрал вместе с сундуками, отважно вырвав архив из моих грязных лап. Думаю, в гавани он сел на первый попутный корабль, отходящий на Тринакрию...

— ...И теперь в Мессине миледи Элеонора тихо ликует, — завершил фразу молчавший до того барон Амори.

— Ну и пусть мадам порадует на старости лет, — язвительно хмыкнул чуть приободрившийся Дугал. — Она ведь ваша верная сторонница, так? Союзники должны доверять друг другу. Или там, в архиве, отыщется что-нибудь интересное про тайные делишки вашей милости?

— Заткнись! — прикрикнул на кельта Монферрат. Досада, разочарование, желание стереть неудачливого лазутчика в порошок — все это поднималось горячей приливной волной, угрожая вот-вот выплеснуться наружу. Мессир Конрад чуть слышно скрипнул зубами. Уже несколько месяцев он почитал драгоценный архив Лоншана своим. Строил планы, рассчитывал, каких новых союзников сможет привлечь на свою сторону, от каких соперников избавиться.

И вот — все пошло прахом!

Из-за кого, спрашивается? Из-за человека, которому он доверял, которого считал едва ли не одним из ближайших соратников! Проклятие, ну как Данни мог допустить такой вопиющий промах? Ведь с предыдущими поручениями шотландец справился безукоризненно! Теперь бумаги в руках хитроумной Элеоноры, и та не преминет при удобном случае пустить их в ход. Один Господь ведает, что творится на уме у старой аквитанской лисицы! Да уж, с такими союзницами и врагов не понадобится!

Должно быть, маркграф не сумел полностью справиться с выражением своего лица. Дугал виновато заерзал на скамье, а д'Ибелен желчно предположил:

-- Существовал ли он вообще, сей злокозненный похититель?

Конфидент хмуро покосился на Амори.

— Знаю, у вашей милости ремесло такое — всех подозревать. Только я мессира Конрада никогда прежде не обманывал и впредь не собираюсь. Все было именно так, как я говорю, — отрезал он. — Везение не бесконечно, сами знаете. И потом, ежели б я в самом деле перепродал архив... Неужто я явился бы сюда, потчевать вас небылицами?

— Причем изо всех сил настаивал бы на своей безупречной честности, твердя, что стал жертвой обстоятельств. Ты хоть предполагаешь, сколько умников до

тебя пыталось служить двум господам одновременно? Где они теперь, что с ними случилось? — Д'Ибелен многозначительно взглянул на сюзерена: — По моему твердому убеждению, мессир Конрад, пришло время продолжить сию познавательную беседу в более уединенном месте. Краткое изложение правдивого рассказа нашего неосмотрительного друга я представлю вам к завтрашнему утру. Я как раз недавно взял на службу одного сирийского умельца. Раньше он служил при багдадском дворе. Уверяет, якобы знает способ развязать язык самому закоснелому молчуну. Вот и выпал прекрасный случай проверить нашего мастера в деле.

— Мессир Конрад! — с отчаянием в голосе, то ли наигранным, то ли настоящим, воззвал Дугал.

Украдкой он бросил быстрый взгляд на окна, убедившись, что для лихого бегства они ну никак не подходят — узкие, стрельчатые да еще и забранные решеткой. Оружие у скотта, как и у прочих посетителей маркграфа, отобрали при входе во дворец, но если разжиться тяжелой скамьей... Впрочем, шотландец искренне уповал на то, что дело разрешится миром. Конрад Монферратский был, пожалуй, лучшим из его работодателей. Маркграф всегда проявлял себя разумным и расчетливым человеком. Он поймет сложные обстоятельства, в которых оказался верный конфидендент, и согласится с тем, что Дугал не виноват. Он сделал все, что мог. Не его вина, что честнейший и простодушный Гай учинил компаньону такую подлость.

— Чем мне доказать, что я не лгу? Ведь я мог исчезнуть тихонько с полученным за архив золотишком, и дело с концом. Но я сижу здесь, в вашем дворце. Оправдываюсь, хотя ровным счетом ни в чем не виноват!

— Та-ак, так! — нехорошо оживился д'Ибелен. — Значит, золотишко-то все-таки получил? Мало показалось, а?

— Проклятье! Я в том смысле, что *если бы* получил...

— Ах, беда! — издевательски ахнул барон. — Не иначе, обманул тебя эпарх — он с добычей, ты с носом?! Я всегда говорил, не связывайся с византийцами, плохому научат...

— Да какие, к дьяволу!..

— Прекратите, вы оба, — усилием воли Монферрат наконец справился с нахлынувшим раздражением. Ничего не поделаешь, в жизни бывают не только победы, но и горькие поражения. — Амори, ты решил перещеголять в коварстве дознавателей базилевса Андроника? Поздравляю, мессир, вы уверенно продвигаетесь к избранной цели. Даниэль, ты не оправдал возложенных на тебя надежд и связанных с тобой планов. Потому — не обессудь. Ты по-прежнему у меня на службе.

— А!.. — издал скорбное восклицание Дугал, когда пергамент с текстом ленного договора воткнулся в разъявленную до ушей пасть бронзовой лягушки-жаровни. — Ваша милость! За что караете?..

— За дело, — отрезал Конрад. — Важное, но проваленное. Господин барон, отныне сей неудачливый лазутчик становится вашей личной собственностью. Прихватишь его с собой в Константинополь, Амори.

— Да я ведь только что приехал! Далась мне ваша Византия! — попытался возмутиться Дугал, но, укрощенный единственным косым взглядом маркграфа, прикусил язык.

— Возьмешь его с собой, — с нажимом повторил Монферрат. — Пусть сапоги тебе по утрам чистит, что ли, или поклажу носит...

— Как будет угодно вашей светлости, — коротко хмыкнул Амори и небрежным взмахом руки указал Дугалу на дверь. — Обождите в коридоре, милейший. И не забудьте покрепче закрыть за собой дверь.

Человек, именовавший себя Даниэлем де Маллеримом, отчетливо скрипнул зубами, но подчинился, выйдя из комнаты.

Середина ноября — начало декабря. Константинополь

С высоты чайчьего полета обширная гавань Золотого Рога предстает в своем истинном облике — изрезанного большими и малыми бухтами берега Мраморного моря, водное пространство между коими рассечено далеко уходящим в море Палатийским мысом. К дальним западным областям гавани примыкает квартал Раковин, за века насквозь провонявший запахом гниющих и разлагающихся моллюсков-виссонов.

Небольшие округлые ракушки пурпурниц, добытые ныряльщиками у малоазиатского побережья, привозят сюда тысячами и тысячами. Усилиями и старанием красильщиков из сотни безжалостно взломанных и стгнивших раковин будет добыто несколько капель драгоценнейшего темно-фиолетового пурпура, идущего на создание знаменитейшего в мире византийского шелка. Того, из которого ткуются одеяния правителей в Византии, Италии, Греции, Святой Земле и даже варварской Европе.

Пурпур — ткань, один локоть которой порой стоит больше, чем участок плодородной земли с виноградником. Создают его ткачи-серикарии и красильщики, чьи руки за годы работы приобретают не смываемый ничем густо-лиловый оттенок. Квартал, по которому незнакомый с традициями Константинополя и непривычный человек не сможет пройти, чтобы его хоть разок да не стошнило. Миллионы жужжащих мух, плодящихся на разложенных под солнцем и медленно разлагающихся раковинах. Сохнувшие под бдительным присмотром на морском ветру отрезки драгоценной ткани.

К покосившимся причалам вдоль квартала Раковин не приходят большие суда из иных стран, везущие редкостные товары и посольства ко двору базилевсов. Здесь бросают якоря тысячи маленьких рыбацких плоскодо-

нок, неприметные корабли, доставляющие очередной груз пурпурниц, быстроходные суденышки, что появляются исключительно под вечер и редко задерживаются на ночь. Западная Бухта, она же гавань Святой Агафьи — рыбный садок столицы и постоянный источник беспокойства для сыщиков эпарха. Здесь свои порядки, свое наречие, свои законы. Обитатели Западной стороны нечасто появляются в самом городе — их улов распродает целая свора посредников, денно и нощно околачивающихся на пристанях. Место совершения сделок, здешний маленький Палатий и Дворец Юстиции в одном лице — таверна «Дырявые сети», что как раз напротив Птичьего причала.

Именно там старший мастер, он же хозяин крохотной мастерской по изготовлению лодок-хеландионов опрокинул поднесенный стакан, обмывая продажу своего очередного детища.

Вообще-то почтенный Фока Дгур, лодочных дел мастер, придерживался убеждения, что конец осени — не самое подходящее время для приобретения суденышка. Спрос на лодки настанет ближе к концу зимы и наступлению весны, когда многочисленные рыбацкие артели потянутся на взморье. Конечно, ставриду и кефаль на Мраморном море ловят круглый год, но зимой серебристые стаи уходят все дальше и дальше от берега. Рыбаки, кроме самых отчаянных или безденежных, сидят по домам или тавернам, проедая и пропивая летние доходы, чиня сети и предаваясь воспоминаниям о минувшем лете.

В сарае, где Дгур и его подручные превращали груды еловых и сосновых досок в очередную плоскодонку, вместительную, с широкой кормой и узким носом, тоже царило временное затишье. Большинство лодок продано, оставшиеся сложены в штабеля и накрыты просмоленным холстом до следующей весны.

Неожиданный покупатель не выглядел бедствующим или дошедшим до последней черты. Он просто

заглянул в распахнутую дверь, окликнул хозяина и поинтересовался, найдется ли лодка для продажи. На греческом он изъяснялся не слишком чисто, но внятно и разборчиво. Чем немало удивил кирие Дгура — ибо его посетитель оказался франком. Долговязым, лохматым детинушкой, державшим себя так, будто весь мир принадлежит только ему.

Хеландион он купил после долгого и отчаянного торга, доставив тем почтенному Фоке несказанное удовольствие — ведь половина удачной продажи кроется именно в рьяной перебранке из-за лишнего медного фолла. Покупку вытащили из сарая, доволокли до причалов и спустили на воду, по обычаю выплеснув на днище кружку вина. Затем, также следуя традиции, продавец и покупатель отправились в «Дырявые сети». Не удержав свое любопытство на привязи, Фока пожелал выяснить, кому именно он продал свое детище.

Ответ был краток: франка звали Бьярни, он служил десятником у Конрада Монферратского, а когда тот два года назад рассорился с базилевсом и подался в Тир, смылся. Несмотря на устрашающий вид, Бьярни предпочитал мирную, а не военную жизнь. Ему совершенно не хотелось резаться с сарацинами во имя спасения Святой Земли.

После третьего кувшина Дгур призадумался: не сдать ли собутыльника властям. Все-таки дезертир, бежал от своего господина. И еще неизвестно, откуда у него столько денег. Но, глянув повнимательнее на обманчиво простодушную физиономию франка, почтенный Фока рассудил, что будет разумнее промолчать. Кто знает, вдруг у варвара сыщутся друзья, которые не сочтут за грех плеснуть ночью на стены лодочного сарая Дгуров масла и поднести факел? Да и выгода невелика — за проданную лодку он получил пятьсот фоллов, за донос выручит в лучшем случае кератий. Мелкой монетой.

Остаток дня франк крутился вокруг своего приобретения. Залезал внутрь, дергал канаты, скреб ногтем медные уключины для весел, пересаживался со скамьи на скамью, лазал в маленький сундучок под кормовой скамейкой. Покупка явно пришлась ему по душе. Только под вечер, старательно привязав хеландион по соседству с тремя другими такими же, он, чуть пошатываясь, удалился.

Добросовестность иноземца не ведала границ. На следующее утро он потащился в Рыбацкую управу, внеся скучающему письмоводителю установленный налог на владение лодкой и мзду за право осуществлять ловлю рыбы в пределах гавани Золотого Рога и Пролива. В учетную книгу держателей малых судов его вписали как Бьярни сына Виглафа, свободного уроженца города Бергена, отныне — одного из почтенного сообщества константинопольских рыбаей.

— Апостолы тоже рыбу ловили, — непонятно высказался фальшивый Бьярни, выйдя из Управы и крутя на пальце две выданные медные бирки с выдавленным номером. Одну бирку, как требовал закон, он тщательно приколотил к носу своей плавучей собственности. Вторую прицепил к поясу. Нанял троицу скучающих на берегу бездельников, поручив им выкрасить плоскодонку в синий цвет. И исчез, объявившись спустя пару дней.

Если бы кто-то дал себе труд проследить за перемещениями и действиями новоиспеченного рыбака Бьярни, то был бы весьма удивлен. Франк закупил все необходимые принадлежности для ловли рыбы, как забрасываемой с кормы треугольной сетью, так и с помощью шнура с наживками, но в море ни разу не вышел.

Зато на берегу он не знал покоя. Появившись в Константинополе в середине ноября, франк целыми днями шатался из конца в конец города, порой даже нанимая лодочника для переправы через Босфор.

Бьярни — вернее сказать, Дугал — наведывался то в кварталы черни, то в усадьбы Старых Семейств, то в лавки — дорогие и дешевые, то в мастерские-эргастирии. Где-то он перебрасывался парой слов с продавцом или привратником, где-то задерживался для долгой беседы. Иногда оставлял собеседникам небольшие суммы, иногда совершал покупки, иногда просто вставал и уходил. Бойкого помощника торговца из рыбной лавки около Милия, с коим кельт долго обсуждал достоинства и недостатки разложенных на прилавке рыб, скотт подкараулил в темном углу, когда тот возвращался домой. Напал сзади и свернул шею, небрежно спрятав труп в бурьяне под забором.

Порой встречи Дугала выглядели прозаическими, порой — весьма таинственными. Так, однажды он до сумерек околачивался подле парусного склада венецианского торгового дома, пока из темноты не выскользнул некий тощий и ободранный нищеврод. Нищий пребывал в состоянии, близком к панике. Он даже на глаза толком показаться не рискнул, отчего разговор велся весьма причудливым образом. Дугал сидел на корточках, привалившись к прогнившему и чудом сохранявшему вертикальное положение забору. Его собеседник ежился с другой стороны, часто стуча зубами и глотая окончания фраз.

— Уеду я отсюда, — заполошно бормотал он. — Завтра же. Куда подальше. Жить охота. Всех переловили, никого не осталось. Продала нас какая-то сволочь. Мне повезло, удрал вовремя. Теперь тут прячусь, у «ночных рыбаков». Второй месяц уже пошел. Спать боюсь — вдруг продадут? Вдруг выследят? Дай денег, а?

— Дам, дам, — посулил шотландец. — Только скажи сперва: узнал, чего было велено?

— Ничего не знаю, — заныл нищеврод. — Кривой Сеса врал, будто разнюхал, а где теперь Кривой? В Нумерах с голодухи помирает, точно тебе говорю. Мое-то

дело маленькое, сбегай-посторожи... Вот и досторожил-ся. От любого шороха шарахаюсь. Мне б уехать... Спрячусь, нипочем не сыщут. В монастырь какой подамся, они своих на расправу не отдают... Деньги-то дашь?

— Лови, попрошайка, — тяжелый мешочек перелетел над досками. Послышалось торопливое шлепанье ног по земле. Дугал посидел еще немного, обдумывая услышанное, и побрел по хмурым константинопольским улочкам домой. Идти ему пришлось довольно долго. Пару раз его самоуверенно попытались ограбить, однажды задержал патруль ночной стражи, отвязавшийся только после предъявления медной бирки и уплаты дюжины фоллов.

В конце концов кельт свернул в низкую темную арку одного из ветхих домов, что выстроились вдоль безымянного кривого переулка на задворках площади Тавра. Домишко принадлежал голосистому, разветвленному и весьма небогатому семейству, охотно предоставившему заезжему чужеземцу в найм сарайчик на задворках. Впрочем, по сравнению с местами, где Дугалу порой выпадало жить, сарай выглядел настоящим дворцом. Даже крыша не протекала.

На следующее утро шотландец первым делом направился на шумную Золотую улицу, наведив большую лавку пряностей. Поглазев на разложенные образчики товара, купил связку засоленных крабьих лапок и удалился, шумно чавкая и выплевывая обсосанные клешни.

Невиннейшую покупку можно было в точности уподобить медному шарiku в недрах замысловатого эллинского устройства. Тронувшись от легкого толчка с места, шарик покатился вниз по желобу. Задевая рычаги, сдвигая противовесы, вынуждая незнакомых между собой людей доставлять весточки на другой край города. Пощелкивая и скрипя, механизм трудился — и наступивший вечер принес франку небольшой сюрприз.

Некто, пожелавший остаться неизвестным, подсунул под щелястую дверь хибары послание: пергаментный пакет с лежащим внутри бронзовым ключом и прицепленной к нему бляшкой. На бляшке красовалась глубоко вытравленная арабская цифра «семь». Строчки на отрезке пергамента лаконично поясняли: ключ означает оплаченное посещение общественных терм, что на улице святой Харисины. Приходить после девятого часа.

— Угу, — размашисто кивнув, сказал сам себе Дугал. Глянул по сторонам, как бы в рассеянности стирая тупой стороной ножа буквы с отрезка телячьей кожи. Ключ он тщательно спрятал за пазуху, конверт и письмецо похоронил на квартальной свалке под слоем мусора.

После визита в термы интересы скотта внезапно переменились. Долговязая фигура замелькала в кварталах мастеровых, исполняющих дворцовые заказы, и подле хозяйственных врат дворцового комплекса. Дважды кельт проникал за стены дворца — как добропорядочный помощник либо слуга одного из давних поставщиков провизии в палатийские кухни.

Именно там, в кухнях, Дугал столкнулся с гвардейцем дворцовой стражи, заглянувшим к знакомой поварихе перекусить и поболтать. Гвардеец, вот удача, оказался земляком фальшивого Бьярни из Бергена. Не слишком доверяя собственным подданным, базилевсы предпочитали в качестве охранителей своей драгоценной персоны иноземцев из варварских франкских земель или лежавшего за Черным морем царства Грузинского.

Грандиозная пьянка, устроенная Бьярни для нового приятеля и его собратьев по оружию, имела неплохие шансы войти в палатийские летописи. Норманнские варвары орали воинственные песни, передрались между собой, превратили в щепки всю мебель в отведенной им трапезной, насмерть перепугали нанятых персидских танцовщиц и под конец спалили старое здание конюшен, по счастью, пустующее. Десятники наперебой зазывали

Бьярни вступить в базилевсову гвардию, суля быстрое продвижение по службе и неплохой заработок. Тот обещался крепко подумать.

Однако во дворцах Палатия он более не появился. Перебравшись в бухту святой Агафьи, Дугал приобрел хеландион, которым не пользовался. Три или четыре вечера кряду скотт провел в «Дырявых сетях», щедро ставя выпивку собеседникам и развлекая посетителей своими байками. Громогласный франк не делал секрета из того, что намерен использовать купленную лодку вовсе не для мирного рыбного промысла, и вскоре добился своего — привлек внимание «ночных рыбаков». Столь обходительным прозвищем именovalo себя разветвленное и почтенное сообщество контрабандистов византийской столицы.

Попытка Дугала свести с Ночной Гильдией более близкое знакомство обернулась краткой, но яростной потасовкой. Наученные горьким многолетним опытом «рыбари» сочли его темной лошадкой из эпарховой конюшни, засланной выведать, не нарушает ли Гильдия отведенных ей границ и блюдет ли поставленные ей условия.

В драке кельта изрядно приложили по затылку трактирной скамьей, а сам он успел своротить с полдюжины носов и челюстей. Тяжелые и меткие кулаки полоумного франка стали решающим аргументом в его пользу — многомудрый эпарх наверняка бы прислал в гавани менее приметного соглядатая.

После примирения за кувшином темного хиосского вина — примирения столь же бурного, каким было недавно затихшее побоище — кошель Дугала оскудел еще немного. Шотландец внес добровольное пожертвование в помощь Гильдии, и через несколько дней впервые отвязал свой хеландион от причала.

Управляться с рулем и парусами ему не доверили, этим занимались люди более опытные. Недовольно бур-

чавший Дугал сидел на днище, смирно выполняя незаметную роль балласта и наблюдателя. Три плоскодонки зигзагами прошли вдоль береговой линии, поравнялись с Палатийским мысом и вернулись обратно.

Дугал остался чрезвычайно доволен прогулкой. О том, как он ненавидит мореплавание и все, с ним связанное, кельт ни разу не заикнулся.

* * *

В термы на улице святой Харисины — устроенные по римскому образцу, с большой общей фиалой-бассейном и двумя дюжинами маленьких отдельных кабинетов — шотландец явился едва ли не за час до назначенного срока. Служка при входе, подросток-араб, цепко глянув на предъявленную бирку, склонился в низком поклоне и молча провел гостя к нарядным, в золотых арабесках, дверям, украшенным той же цифрой «семь». С негромким щелчком повернулся в замке ключ, открывая доступ в маленький рай, предназначенный только и исключительно для праздного отдохновения. Отделанная зеленоватым мрамором ванна в полу, над которой склонилась безвестная эллинская богиня с точащим воду кувшином, кресла, кушетки, столик со снедью — и вся эта роскошь в полном распоряжении посетителя!

Взгляд Дугала исполнился нехорошей задумчивости. Задумчивость через мгновение сменилась алчностью.

Тот, кто назначил и оплатил встречу, прибудет скоро. Терять же время даром было не в привычках кельта.

Сцапав первый подвернувшийся кувшин, Дугал опробовав его содержимое, довольно крикнул и настойчиво забренчал в медный колокольчик. Прибежавший на звон мальчишка выслушал требование гостя, отрицательно покрутил бритой головой и умчался за старшим прислужкой.

Почтенный с виду и умудренный летами служитель терм поначалу тоже проявил несговорчивость, часто кланяясь и через слово, как молитву, твердя: «У нас приличное заведение» и «хозяин непотребств не жалуется».

Заплясавшая в пальцах гостя новехонькая номизма без труда повернула течение разговора в иную сторону. Когда же к монете добавилась ее родная сестренка, речь прислужника заструилась медовым потоком. Ее перемежали клятвенные обещания наилучшим и наибыстрейшим образом исполнить любые пожелания господина — и загодя предупредить его о том, когда в термы пожалует его компаньон, тоже франк родом.

Назначенный в дозор подросток-араб отнесся к своим обязанностям наплевательски. Увлеченно подглядывая в просветы между золотыми завитушками за происходящим в кабинете, он упустил миг, когда в коридор размашистой походкой вошел белобрысый иноземец. Здравомысленно рассудив, что теперь колотить по створкам все равно бесполезно, мальчишка тихонько улизнул. Пусть неверные сами разбираются между собой.

Невысокий, плотного сложения блондин с холодными светлыми глазами отомкнул дверь ключом с биркой «семь». Бесстрастно воззрелся на удобно расположившуюся в неглубокой купальне парочку в нарядах Адама и Евы — полулежавшего Дугала и сидевшую на нем верхом пухленькую чернявую красотку. Девушка бойко подпрыгивала, отрабатывая полученную мзду и одновременно успевая трещать языком.

Запоздавший посетитель отступил в коридор, с негромким стуком прикрыв створку. Лицо его сохранило выражение полнейшего равнодушия. Спустя на удивление краткое время девушка, закутанная в длинное одеяние нежно-розовых оттенков, с достоинством прошествовала мимо. В дверях она задержалась, послав Дугалу обворожительную улыбку и воздушный поцелуй.

— Без этого никак было не обойтись? — хмуро осве-

домился Амори д'Ибелен, войдя в кабинет во второй раз. Скотт сидел на прежнем месте, мечтательно глаза в потолок и довольно жмурясь. Совершив огромную уступку правилам приличия, он даже обмотал бедра полотенцем.

— Зато никаких подозрений, — жизнерадостно осклабился он, лениво салютуя вошедшему полупустой чашей. — Вот ежели бы я не пригласил эту милую деву, хозяин и прислуга сразу бы насторожились: отчего дикий франк пришел в термы и пребывает в одиночестве? Не иначе, вынашивает злодейский умысел! А потом к нему присоединяется соотечественник — и они начинают вынашивать планы уже вдвоем! А так все в порядке. Все знают, что варвары из Европы сами не свои до разврата и симпатичных девчонок. Вы не переживайте, месье барон, о вас я тоже позаботился. Как только свистну, дорогуша Мэри вернется с подружкой.

— Мэри, — удрученно повторил д'Ибелен, рушась в жалобно скрипнувшее кресло на львиных лапах. — С подружкой. Скажи честно, ты моей смерти добиваешься?

— «Мэри» выговорить проще, чем ее настоящее греческое имечко, — хмыкнул кельт. — Хотите, забавы ради я уговорю ее стать моей осведомительницей? Хотя она, как и милейший хозяин, наверняка верно служит епарху Дигенису. Сколь поразительный человек, должен заметить! Все хором твердят, якобы из него давно песок сыплется, а бойкий старец успевает везде и повсюду сунуть свой любопытствующий нос...

— Данни, — Амори отыскал среди кувшинов на столе непочатый, вытащил пробку и, мрачно зыркнув по сторонам, отхлебнул прямо из горлышка, — сделай одолжение. Помолчи.

Шотландец послушно заткнулся. Про себя он отметил, насколько скверно выглядит его покровитель — осунувшийся, с залегшими под глазами коричневыми глу-

бокими тенями и примерзшей к лицу маской скучающей вежливости. Кельту не требовалось задавать лишние вопросы, он и так знал причины, по которым тирский барон впал в столь плачевное состояние. Превосходная, обширная сеть лазутчиков, созданная трудами д'Ибелена, улавливавшая как дворцовые, так и городские новости, исправно снабжавшая Тир разнообразными и полезными сведениями, теперь зияла огромнейшими дырами и прорехами.

Дугал лично проверил многие из звеньев умолкшей более месяца тому назад цепи, обнаруживая в условленных местах то обгоревшие руины, то людей, въехавших сюда пару седмиц назад, то компании бездельников с подозрительно шныряющими по сторонам глазами. Сеть объединяла людей самых разных положений и титулов, от нищих и торговцев до служащих канцелярии градоправителя и придворных Палатия — и большинство из них постигли внезапные и трагические неприятности. Здание, возведенное д'Ибеленом, угрожающе раскачивалось, угрожая рухнуть и придавить своими обломками оказавшихся поблизости неосторожных.

Посидев немного в молчании, Амори перевернул кувшин над бокалом, но из горлышка вытекли только несколько запоздалых капель. Под беззвучное проклятие сосуд улетел в дальний угол, оставшись лежать там горсткой осколков, а барон потянулся за следующим.

— Напиться, что ли? — тоскливо спросил он то ли у Дугала, то ли у безответной мраморной девы. — Так ведь ничего не изменится... Поверить не могу — как, как проклятый Дигенис добился таких поразительных успехов? Все сходится на том, что он одержал верх по чистой случайности. В его руках оказался один из моих людей. Знавший немного, но все-таки знавший. Его выпотрошили, точно рыбу на прилавке, — и, пользуясь полученными сведениями, схватили тех, с кем он вел

дела. Те, в свою очередь, указали своих знакомцев и подельщиков, а в итоге, в итоге...

Способность долго предаваться отчаянию отнюдь не являлась основной чертой характера д'Ибелена. Правая рука Конрада Монферратского встряхнулся, подхватил с блюда серебряную палочку с нанизанным на нее местным лакомством — вываренными в меду персиками. Откусил кусочек и, жуя, отрывисто бросил:

— Новости есть?

— Только скверные, — в нескольких словах скотт описал свои последние встречи и визиты, уныло подытожив: — Куда бы я ни заглядывал, мне были не рады.

Амори меланхолично покивал, размышляя о чем-то своем, и внезапно хлопнул ладонью по широкому подлокотнику кресла. Не ожидавший столь резкого и громкого звука Дугал чуть вздрогнул, вопросительно уставившись на работодателя.

— Ты ведь знаешь, что византийский кесарь заключил мирный договор с Барбароссой? — спросил д'Ибелен привычным деловитым тоном. И сам себе ответил: — Наверняка знаешь. Об этом, по-моему, только глухой не слышал. Андроник сулил крестоносному воинству проводников провизию и корабли для переправы через Босфор. Соглашение подписывали в прошлом году, при посредничестве мессира Конрада... Теперь слушай внимательно, — Амори слегка наклонился вперед, что для него было равнозначно сильнейшему душевному волнению. — Через два-три месяца германцы пересекут границу Византии. А я только сейчас удостоверился в том, что кесарь не намерен выполнять им же предложенные условия!

— Бывает, — осторожно высказался Дугал. — Мнение сильных мира сего переменчивее ветра. Хотелось бы только знать, отчего ему вдруг вздумалось разорвать соглашение... Кстати, ваша милость, вы видели его?

— Соглашение?

— Императора.

— Видел, — отмахнулся д'Ибелен, словно речь шла о чем-то незначущем. — Седмицу тому. Роскошная парадная аудиенция в лучших византийских традициях, аж в глазах рябило от золота на пурпурном фоне. А почему он передумал...

Амори опрокинул свой кубок, с сомнением покосился на каменную богиню, на забранные позолоченной решеткой темные отверстия отдушин и сливов, и негромко произнес:

— Если хочешь знать мое мнение, оно таково: базилевс повредился рассудком. Под бременем прожитых лет, от здешних хитроумных интриг или еще от каких причин — не ведаю и знать не хочу. Сам понимаешь, это не первые в моей жизни переговоры, я вроде бы уже навиделся всякого. То, что происходит в Палатии... Оно не идет ни в какое сравнение с тем, что творилось в Иерусалиме или при Тивериаде. Тогда я был уверен, что мои собеседники, враги они или союзники, — люди разумные, сознающие смысл своих слов. Сейчас же... сейчас я представления не имею, как вести дело с человеком, облеченным императорской властью, но не имеющим власти над собственным разумом! Он говорит одно, спустя миг — иное, и, что ужаснее всего, я не в силах отличить, в какой миг берет верх безумие, а в какой он просто насмехается над растерявшимся франком! Закончился прием тем, что меня крайне вежливо, но непреклонно вытолкали вон, настоятельно присоветовав поскорее вернуться в Тир!

— Могли и не вытолкать, — задумчиво протянул шотландец. — А, к примеру, вежливо и благопристойно пригласить на торжественный обед по случаю вашего появления в Константинополе. Потом я сидел бы и гадал: куда запропастилась ваша светлость, отчего не дает о себе знать?

— Тьфу на тебя, — вполне искренне сплюнул Амори. — Хотя мне и в самом деле повезло. Посланцев Бар-

бароссы, скажем, я так и не смог повидать. Стража на воротах твердит одно — никого не велено пускать. Сдается мне, дом наверняка пустует, а его обитатели пребывают за решеткой. Если вообще еще живы.

— Ну хорошо, — Дугал с плеском выбрался из бассейна, усевшись на краю. — То есть я хотел сказать — ничего хорошего, все плохо. Но ведь вы, мессир Амори, наверняка не собираетесь прятаться за надежными тирскими стенами?

— Конечно, не собираюсь. — Взгляд водянисто-бесцветных глаз д'Ибелена, вроде бы еще мгновение назад рассеянно блуждавший по купальне, цепко впился в собеседника: — Твоим беспечным прогулкам по великому Константинополю наступает конец. Мне нужно, чтобы ты отыскал способ проникнуть в Палатий. Срок — месяц или чуть меньше, начиная с сегодняшнего дня. И, — барон на единственный краткий миг недовольно скривился, — не дожидаясь твоего следующего вопроса, отвечаю — «да». Ты получишь определенную сумму, которую сможешь использовать по своему усмотрению.

— Большую? — немедленно оживился конфиден.

— В разумных пределах, — отрезал д'Ибелен. — Отчитаешься за каждую потраченную номизму, запомнил?

— Мессир д'Ибелен, да вы просто скряга, простите на честном слове! — возмутился Дугал. — Трясетесь над каждым золотым, ровно еврейский ростовщик! А таки что с этого буду иметь я, простой и скромный исполнитель ваших приказаний? Вашу и мессира Конрада безмерную благодарность? И еще, мессир д'Ибелен. Мне нужно побольше разузнать об этом хваленем Палатии. Где какие здания расположены, много ли стражи, часто ли совершаются обходы, ну хоть что-нибудь! Не могу же я наобум сунуться в неведомое место, да еще рассчитывая уйти живым! Или живым я вам с его светлостью Конрадом уже не требуюсь? — последнее было добавлено с изрядной долей ехидства.

— Не говори ерунды, — проворчал Амори. — Сведения я тебе постараюсь добыть. Если... если все получится, обещаю: я лично похлопочу о возобновлении договора между тобой и мессиром Монферратом. Относительно земель в верховьях реки Черво.

— А коли меня схватят?.. — поддел собеседника кельт.

— Тогда не обессудь и не поминай имени моего всеу. Я оставил Константинополь месяц назад. И вообще я тебя не знаю и никогда в глаза не видел, — с коротким злым смешком отозвался тирский барон. Выбрал на блюде большое спелое яблоко в алых прожилках и с хрустом откусил изрядный кусок. Шотландец с нарочитым равнодушием повел голыми плечами:

— Хотя бы честно. Кого собираетесь возводить на освободившееся теплое местечко? Вдовицу? Я слышал, у старика Андроника жена ровно на полвека его моложе. К тому же прехорошенькая — если верить сплетникам на рынках. Впрочем, у базилевса имеется вполне взрослый отпрыск мужского пола, более подходящий для должности правителя. Или... — Дугал с хитрым видом прищурился, — или мессир Конрад сам мечтает о византийском престоле?

— Ты хоть иногда думай, о чем говоришь, — укоризненно посоветовал д'Ибелен.

На миг Амори пригрезились отголоски эха — не далее, как в прошлом месяце он, обращаясь к сюзерену, высказал такое же дерзкое предположение. Конрад оборвал его на полуслове — как он сейчас оборвал разглагольствующего подчиненного. Трудно все-таки с этим кельтом. Несказанно трудно. Как можно быть настолько самоуверенным? Ведь Дугал ни полусловом не заикнулся о том, что проникновение в Палатий невозможно! Значит, он полагает, будто способен добиться успеха. Но каким образом? Может, не торопить события? Император стар. Возможно, не сегодня-завтра он отдаст

Богу душу по вполне естественным причинам. А может, Андроник протянет еще с десяток лет, повергая подданных в ужас, а страну — в раздоры и разорение. Что выбрать? Как не совершить ошибки?

Д'Ибелену было не привыкать распоряжаться чужими жизнями, но своими руками приближать кончину византийского императора... Это не шло ни в какое сравнение с отправкой в горнило битвы очередного рыцарского копья или переговоров с египетским султаном относительно будущего раздела областей Святой Земли. Это нечто большее. Это — ни с чем не сравнимое ощущение того, что ты сам, собственными руками творишь и изменяешь ход истории. Летописцы занесут на скрижали исход твоих поступков, отметят, в каком году сменился правитель, дотошно исчислят земли, перешедшие из рук в руки. Никто из хронистов никогда не узнает истины, не увидит потайных рычагов и канатов, движениями которых был достигнут желаемый результат. Осознание этого скрытого могущества порой повергало Амори в трепет. Он не хотел взваливать на себя столь тяжкий груз ответственности.

Судьба все решила за него. Оставалось только надеяться, что назначенная на послезавтра встреча кое-что прояснит... Или запутает все еще больше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В поисках партнера...

25 ноября — 20 декабря

Анастасиос Либри, пусть и казался не знающим удержу болтуном, взятые на себя поручения исполнял тщательно и истово. Уже через седмицу после беседы с английским рыцарем грек появился в прецептории, торжественно шлепнув перед Гаем недлинный список. На

греческом и латыни. Вглядевшись, сэр Гисборн узрел три женских имени и подробную роспись с указанием, где проживает каждая из названных дам. Имена для непривычного, франкского слуха звучали таинственной и многообещающей песней: Ираида, Евангелина, Теодорика...

— Все хорошего рода, молоды, рыжеволосы, стройного сложения и недавно вернулись в Константинополь после долгого отсутствия, — заверил Либри. — Возможно, одна из этих прекрасных девиц окажется именно той, что вам нужна. Желаю удачи, кирие Гай. Если не достигнете успеха — продолжим поиски.

Ободренный столь быстрыми результатами, сэр Гай выступил в поход.

Первый же визит наглядно показал трудности, с которыми предстояло столкнуться отважному паладину.

Поместье Вранасов, где проживала некая дева Ираида, отделялось от прочего Константинополя высоченной стеной с воротами, самую малость уступавшими в размерах надвратным укреплениям Дуврского замка. Некоторое время Гай озадаченно изучал монументальное сооружение из-под навеса расположенной напротив лавки древностей. Постучаться и прямо сказать привратнику: мессир Гисборн из королевства Английского желает узреть молодую госпожу Ираиду Вранасу? По какому делу? Ну, мессир Гисборн имеет основания полагать, что она может оказаться его знакомицей по путешествию через Францию...

Прислуга уходит в дом, передавать новость хозяевам. Спустя миг во двор вылетают разгневанные господа Вранасы, размахивая чем-нибудь острым и железным. Оклеветанная девица рыдает, уверяя, что ездила на богомолье в Конью и никогда в жизни не бывала во Франции. Скандал на всю округу.

Поразмыслим также вот о чем. Допустим, он счастливчик, с первого раза выбросил трех коней. Здешняя леди Ираида и есть Изабель. Вряд ли она горит желани-

ем встречаться с бывшим попутчиком. Вдруг девица сочтет, что Гай заявился на другой конец мира, ведомый желанием отомстить ей? Или ему поручено увезти ее в Лондон. Как уличенную лазутчицу Империи, для последующего суда и казни. Тогда она просто откажется его видеть. Прислуга скажет, госпожи тут нет и никогда не было...

Не через забор же лезть!

Так и не придумав способа повидать обитательницу дома Вранасов, ноттингамец решил попытать счастья в соседнем квартале, у Гаридов. Однако и там его ждало разочарование в образе крепких ворот и мрачного сторожа, упорно не понимавшего ни латыни, ни родного греческого, ни языка золотых монет.

Пришлось вновь идти на поклон, за советом.

Господин Анастасиос хохотал над франкскими злоключениями долго и со вкусом. Отсмеявшись, выразил сочувствие, объяснив, что задуманное Гаем требует терпения и определенных расходов. Для начала надо постараться свести знакомство со слугами дома — лучше всего со служанками помоложе. Девицы до чрезвычайности падки на чужие секреты и маленькие подарки. Через них наверняка получится вывести что-нибудь полезное касательно их хозяек. Вдобавок, на счастье кирие Гая, грядет Рождество. Всякое богобоязненное семейство считает своим долгом в предпраздничные недели посетить храм своего квартала — да не единожды. Присоединитесь к процессии и высматривайте свою незнакомку.

Способ оказался действенным. За неделю англичанин доподлинно убедился, что ни одна из трех высокорожденных византиек не является мистрисс Уэстмор.

— Не она? — Гаю не понадобилось открывать рот — кирие Либри все угадал по разочарованному выражению лица иноземца. — Досадно... Что ж, сегодня вместо девичьих имен я раздобыл для вас кое-что прелюбопытное. — Мессиру Гисборну торжественно вручили блес-

тящую серебряную медальку на цепочке и перевязанный бечевой большой мягкий тюк. — Завтра у нас маленький праздник, день святого Агапия. Знатные господа из итальянского и венецианского подворий отправляются в Палатий. Созерцать дворцы, торжественный выход императора Андроника к подданным и публичное моление Порфирородного. Вы можете к ним присоединиться. С вас безант за право входа и хлопоты. Вот пропуск во дворец, вот надлежащая случаю одежда. Завтра до рассвета нужно быть на площади Августеон. Там вас встретят и проводят. Постарайтесь не опаздывать, кирие. Желаю приятного времяпровождения.

Анастасиос испарился прежде, чем ошеломленный Гай успел поблагодарить.

Больше всего ноттингамца поразило то обстоятельство, что в императорское владение за определенную плату пускают любого желающего. Впрочем, сумма в безант, то бишь десять номизм, отнюдь не по карману всем и каждому. Но само событие, конечно, заслуживает, чтобы помнить о нем до конца жизни и рассказывать затаившим дыхание слушателям.

* * *

Собравшихся посетителей впускали не через главные ворота дворца, огромную величественную Халкидию, но через боковые, украшенные золотыми фигурами львов и грифонов, где гости расставались с жетонами на право посещения. Стражники на воротах быстро и холодно-вежливо разбивали пришедших на маленькие группки по десятку или дюжине человек, каждую из которых сопровождал распорядитель и при необходимости — толмач. Гостям Палатия несколько раз напомнили о том, что надлежит быть сдержанными в проявлении восторгов и любопытства, чинно следовать за

распорядителем, не вступать в разговоры с обитателями дворцов — даже если те сами пожелают завязать беседу. Не прикасаться ни к единому предмету. Не говоря уж о том, чтобы дерзко прихватить сувенир на память. Последнее правило особенно настойчиво толковывали всем без исключения иноземцам.

Наставленные должным образом посетители гуськом пересекали широкий мост над неглубоким каналом — по осеннему времени на темной воде качались опавшие листья — и углублялись в лабиринт роскошных дворцовых построек.

Нескончаемый поток визитеров струился из одного помещения в другое — вроде бы неспешно, однако ж нигде не задерживаясь подолгу. Любой гость, неосмотрительно рискнувший свернуть с проложенной незримой тропки, со всем вежеством заворачивался обратно являвшимися неведомо откуда блюстителями либо слугами. Затаив дыхание от восторга, гости шли через огромные залы, где вместо привычных потолков было обрамленное росписями открытое небо. Тщательно разбитые сады со статуями вдоль дорожек и маленькими водопадами внезапно сменялись анфиладами маленьких, низких комнат, обильно расписанных позолотой и киноварью, а те опять переходили в бесконечные залы, галереи, ведущие вверх и вниз лестницы, часовни и павильоны. Даже беглый осмотр резиденции византийских базилевсов повергал в трепет и смятение — так сияла повсюду обильная позолота, сверкала мозаика из драгоценных камней, полыхали разноцветьем мраморные полы и пестрели фрески на стенах и потолках.

Поражало и количество насельников Палатия. В каждом зале, в каждом саду, на всякой открытой террасе обязательно находилось живописное собрание придворных — что-то вдумчиво обсуждающих, приглушенно смеющихся, созерцательно прогуливающихся. Казалось, некто тщательно позаботился о том, чтобы

ненавязчиво расставить их в нужных местах, наполнив величественные и пустоватые здания подобием жизни. Высокорожденные патрикии вроде бы совершенно не обращали внимания на скромно скользивших вдоль стен посетителей дворцов, с достоинством разыгрывая красочное представление «Жизнь Палатия».

«Мы настолько пропитаны фальшью, что давно перестали отличать ложь от правды. За ненадобностью, — вспомнилось Гаю безрадостное признание Льва Треды. — Это позволило нам стать мастерами церемоний, творцами величественных обрядов и непревзойденными умельцами двусмысленностей».

Исполненным почтительности шепотом провожаемый оповестил подопечных, что сейчас им предстоит вступить в один из знаменитейших и прекраснейших храмов Палатия, собор во имя святой равноапостольной Елены.

«Вот интересно, много ли базилевсов там убили?..» — мессир Гисборн честно придал своей физиономии самое благочестивое выражение, на которое был способен.

Вопреки обещанному, посетителям не довелось толком полюбоваться храмом и публичным молением императора. Их быстро провели по узкому проходу в глубине огромной церкви, отгороженному позолоченной решеткой. Остановиться гостям позволили только на маленьком пятачке свободного пространства, где они пробыли не более четверти часа. Распорядитель, исполняя свой долг, протолкнул более важных и именитых гостей вперед, ближе к причудливым завиткам решетки, откуда обзор был получше.

Прочим щедро дозволялось наслаждаться зрелищем из-за спин впереди стоящих. Из-под потолка плыло дивной красоты пение юношеских голосов — его могли не возбранно слушать все.

Андроник из династии Комнинов, император Византии, показался Гаю похожим на ожившую статую в оде-

яниях, густо затканых золотом и драгоценными камнями. Англичанин не разглядел толком ни выражения лица, ни даже облика Андроника — ибо по здешним представлениям, подданные должны видеть в своем правителе не живого человека со слабостями и недостатками, но исключительно символ торжествующей Империи. Базилевс в сопровождении священников и прислуги неторопливо передвигался вдоль золотого алтаря, возжигая свечи и благоговия. Иногда он с достоинством осенял себя крестом, едва заметно склоняя голову.

Гай Гисборн и его спутники не дождались, когда император достигнет дальнего конца алтаря — в коридоре появилась следующая группка посетителей, и франкам пришлось уступить место.

При выходе десятков дворцовых служащих раздавал уходившим гостям памятные жетончики овальной формы, откованные из позолоченной меди. С одной стороны медальки было выбито изображение Богородицы, с другой — надпись по-гречески. Мессиру Гисборну ее потом перевели, это оказалась фраза из Библии.

«Вдруг я сейчас проходил мимо Изабель и не узнал ее?» — с несвойственным ему прежде унылым ехидством рассуждал Гай, возвращаясь в прецепторию. Англичанин заметил, что в числе палатийских придворных были и дамы. Но попробуй, отличи одну византийскую леди от другой, если их лица скрыты под белилами и тенями, фигуры — под просторными одеждами, а волосы уложены в вычурные прически и перевиты золотыми лентами. Изабель Уэстмор вполне могла оказаться одной из этих прекрасных и недоступных женщин, горделиво выступающих среди изысканной роскоши дворцов.

* * *

В очередном представленном Либри списке значилось два имени — Табрита и Рифиотика.

Принадлежащее семье Табритов имение на Большой Месе, четвертый дом по левую руку после перекрестка Овечьих источников, встретило Гая запертыми воротами и приколоченными крест-накрест брусьями, украшенными здоровенным пергаментом с греческим текстом. Прохожие шмыгали мимо ворот с оглядкой, словно усадьбу поразила чума. В каком-то смысле так оно и было: как растолковали мессире Гисборну соседи по прецептории, обитателей усадьбы постигла кара закона — или подозрение базилевса, что означает почти одно и то же.

Требовалась всего лишь малая толика наблюдательности и ума, чтобы понять — в блистательной Империи творится неладное. Внешне все выглядит благополучно, сверкает и устрашает. А под слоем позолоты скрывается истина: император уже который год враждует с собственными подданными, обвиняя их в расшатывании устоев государства и истребляя древние фамилии, словно дурную траву на поле. Старые семейства не оставались в долгу, и в самом деле начиная создавать комплоты заговорщиков. Сперва мессире Гисборну показалось, будто такое времяпровождение является еще одной здешней традицией. Вроде как постоянная вражда итальянских городов между собой. С другой стороны, как только у итальянцев появляется общий враг, они быстро забывают старые распри — и получается нечто вроде давешней битвы при городе Леньяно, когда императору Барбароссе пришлось бросить свою наголову разгромленную армию и спастись бегством. А как обстоят дела здесь? Или общий враг византийцев — их собственный правитель? Чужая страна, диковинные обычаи...

Миледи Юлианию Рифиотику англичанин, следуя подсказкам щедро прикормленной служанки, изловил на Ипподроме. Юная дама слыла рьяной поклонницей скачек.

Константинопольский Ипподром поразил Гая куда больше дворцов Палатия. Огромное круглое сооруже-

ние с бесчисленными рядами скамей, вмещавшее несколько тысяч посетителей, казалось, явилось сюда прямиком из эпохи римских цезарей. Усугубляя сходство, над главными воротами Ипподрома красовался самый что ни на есть языческий кумир: золотая колесница, запряженная шестеркой вставших на дыбы коней, и возвышающееся в ней божество. Облик идола, впрочем, был весьма благолепен — молодой мужчина в венке, с луком за спиной, одной рукой державший поводья, а другой благословлявший колесничное ристалище.

Для зрителей статуя была настолько привычным зрелищем, что они не обращали на нее внимания. Пару раз с неудовольствием скосившись на эллинского идола, мессир Гисборн решил последовать примеру горожан. Язычество давным-давно посрамлено и повергнуто в прах, а сохранившиеся изваяния не в силах затмить разлившегося повсюду благодатного света христианства.

Как подметил англичанин, константинопольские власти и восточная Церковь проявляли удивительную терпимость, оставив в целости множество эллинских и римских скульптур, мозаик и фресок. Не говоря уж об уцелевших дворцах римских наместников и даже названиях некоторых мест, в которых упоминались языческие божи.

Успокоив себя таким образом, сэр Гай глянул налево — на соседку по отдельному балкону. Право сидеть здесь, а не вместе с прочей низкой публикой обошлось иноземцу в довольно кругленькую сумму.

Но, кажется, потраченные золотые того стоили...

Сердце Гая предательским образом заколотилось чаще. В дальнем углу балкона расположилось небольшое изысканное общество — двое молодых людей и девушка, окруженные десятком слуг. Перегнувшись через перила, дама азартными воплями подбадривала пронесшихся внизу всадников. Она носила зеленое облегающее платье, подчеркивающее стройность ладной фигур-

ки. На спину девицы падали две темно-рыжие косы, украшенные низкой мелких монет. Даже голос византийки был удивительно похож на голос незабвенной Изабель — звонкий, с металлическим оттенком.

Она? Не она?

Гонка закончилась под частый перезвон большого колокола и рев Ипподрома. Девица в зеленом раздраженно пристукнула кулачком по перилам и обернулась к спутникам, настойчиво им втолковывая что-то и резко жестикулируя. Молодые люди, судя по интонациям, пытались примирить госпожу с проигрышем.

Гисборн поник, выдохнув непроизвольно задержанный в груди воздух. Рыжекосая дама была до чрезвычайности хороша собой — но Юлиания Рифиотика никогда не появлялась в Туре-на-Луаре, не крада сундуков с архивами и не исчезала в болотах Камарга. Либо — и тогда надо отдать ей должное — она обладала способностью до неузнаваемости менять облик и цвет глаз. Глаза леди Рифиотики были карими. Утратив интерес к дорожкам конного поля, эти глаза с любопытством бежали зрителей на балконе. Остановились на Гae. Искусно подрисованные брови слегка приподнялись. Дама жестом подозвала слугу, повелительно указав тонким пальчиком на иноземца.

— Кирия Рифиотика спрашивает, не желает ли господин присоединиться к ее друзьям, — отбарабанил слуга по-гречески, возникнув рядом с англичанином. Подумал и повторил ту же фразу на корявой латыни, здраво рассудив, что франк может не разуместь здешнего наречия.

— Э-э... — опешил мессир Гисборн. — Ну... Сочту за честь, — наконец опомнился он.

К завершению скачек ноттингамец пребывал в горчайшем разочаровании и сожалении о том, что божий мир несовершенен, а леди Юлиания — не Изабель. Ромейка оказалась смешливой, остроумной, напроць ли-

шенной манеры с пренебрежением относиться к уроженцам иных краев и дружелюбной настолько, что двое ее спутников начали коситься на Гая с плохо скрываемым неудовольствием.

Про себя мессир Гисборн решил, что, ежели Изабель не отыщется, он с большим удовольствием навестит леди Рифиотику еще раз. Благо она приглашала и в подробностях обсказала, как найти в Константинополе ее дом.

* * *

Гость Константинополя, сэр Гай Гисборн понятия не имел, какое количество больших и малых храмов, а также часовен и просто мест для молитвы находится на одних только землях Палатия. Скажи ему кто-нибудь, что число таковых переваливает за сотню, а во всем городе приближается к тысяче — англичанин ничуть бы не удивился. Он уже понял, что Европе покуда не по силам угнаться за показной набожностью Империи.

Не ведал Гай и о том, что в тот день, когда он наравне с верными подданными Империи бродил, глаза и восхищаясь, по бесконечным дворцам, в одной из церквей Палатия произошла встреча, способная стать для Византии фатальной, сиречь роковой и судьбоносной.

...Храм Святого Николая, Мир Ликийских чудотворца (д'Ибелен так и не научился выговаривать звучное греческое название, именую святого несколько на варварский лад Николаусом) отличался от прочих городских соборов некоторыми особенностями. Во-первых, в нем хранилась чудотворная икона, написанная два, не то три столетия назад. Во-вторых, в Палатии он выполнял для многочисленных придворных роль не только Божьего дома, но и места встреч. В-третьих, по определенным дням за довольно круглую сумму там мог помо-

литься зажиточный горожанин... или не в меру любознательный иноземец.

Барону Амори храм пришелся не по душе — полутемный, сияющий тусклой позолотой иконных окладов, освещенный сотнями слабо мерцающих лампадок, изобильно, почти как у язычников, украшенный статуями, и от пола до потолка расписанный изображениями святых. Большеголовые лики смотрели отовсюду, и взгляд их был весьма далек от одобрения и христианского смирения. Пришедших помолиться было немного, они терялись во чреве собора. Порой вдоль стен тенями проскальзывали монахи — в черных одеяниях, с остроконечными капюшонами-куколями, скрывающими лица.

«Кто-то мне говорил, что византийское вероисповедание и наше католическое учение в основе своей не так уж сильно отличаются друг от друга, — припомнил д'Ибелен, нашедший себе укромное место за рядами приземистых пузатых колонн, украшенных непременной росписью. По плохо различимым в сумраке горам карабкались маленькие человеческие фигурки, устремляясь к небесам с серебряными облаками. — Кто же это рассказывал? Епископ Тирский Алинад? Патриарх Ираклий Иерусалимский, многомудрый трусоватый сибарит? Кто-то из высокоученых спутников султана Саладина? Как странно — арабы порой разбираются в хитросплетениях чужой веры лучше, чем мы сами... Должно быть, со стороны виднее».

Самого Амори религиозные споры и разногласия волновали лишь в той мере, в какой они затрагивали интересы его покровителя, Конрада Монферратского. Д'Ибелен находил, что лично ему весьма симпатичен тот простой способ, каким выясняет свои отношения с Римским престолом император Фридрих Барбаросса. Когда Рыжебородого не устраивают речи и намерения Папы, он выбирает своего — послушного и стоворчивого. Прав-

да, решительность германца не всегда дает добрые всходы, ведь многолетние усилия Фридриха возродить Великую Римскую империю так ни к чему не привели. Итальянские города по-прежнему не желают признавать его своим властителем, нынешний Папа Римский Климент тоже не слишком благоволит к старому императору. А что-то будет дальше, когда замысел Конрада начнет претворяться в жизнь...

Размышляя о вечном, д'Ибелен не забывал незаметно поглядывать по сторонам. Поначалу барон намеревался взять на эту встречу Дугала — пусть держится где-нибудь в сторонке и глядит в оба, — но потом раздумал. За ним и так наверняка следят с того самого мгновения, как он сошел на берег и переступил порог своего нынешнего жилища, дома старосты итальянского квартала, погречески консула. Ибелен надеялся, что внимание императорских и епарховых шпииков сосредоточилось на нем, посланце Конрада Тирского, а Дугалу повезло остаться незамеченным. Так пусть конфиденкт и дальше остается неприметной фигурой в тени, никак не связанной с ним, д'Ибеленом.

Тот, чьего появления дожидался Амори, появился на удивление скромно и незаметно, совсем не так, как обычно представляли перед подданными отпрыски правящей фамилии. Просто вошел еще один человек, впустив за собой струйку холодного ветра и неяркого солнца, прикрыл дверь и не торопясь зашагал по широкому срединному проходу между колонн к алтарю и чудотворной иконе. За ним никто не появился — что ничего не означало. Соглядатаи могли обосноваться в храме заранее. Да и кто поручится, что одна из безмолвных черных фигур местных монахов не является доверенными глазами и ушами зловещего кирие Дигениса?

Пришедший постоял, положенное количество раз крестясь и кланяясь, зажег свечу и отошел к правому приделу. Не шмыгнул украдкой, просто отошел не спе-

ша и присел на скамью у стены — возжелалось человеку побыть наедине с собой и Господом.

Выждав некоторое время и убедившись, что в соборе не прибавилось новых лиц, д'Ибелен опустился на ту же скамью — в почтительном отдалении от своего собеседника.

— Мессир Амори? — голос низкий, глуховатый, более подходящий человеку почтенного возраста. На самом деле Мануил Комнин был немногим старше состоявшегося иерусалимского короля, коему недавно исполнилось тридцать два года.

— Ваше высочество, — откликнулся д'Ибелен. Разговор шел на норманно-французском, коим наследник императора Византии владел почти как родным греческим. Госпожа Феодора Вотаниата из Иерусалима, матушка Мануила — или Эммануила, как называли его франки, — была из семейства, имевшего родственные отношения с европейцами. Да и сам Эммануил провел немало времени при дворе сначала короля Балдуина Прокаженного, а затем сестры его Сибиллы и ее неудачливого супруга Ги де Лузиньяна, пока двое последних оставались правителями Святой Земли. — Вы высказали пожелание встретиться со мной — и вот я здесь.

— А следом за вами притащилось два десятка соглядатаев, — сварливо буркнул наследник Византийской короны. Жизнь при отце, склонном подозревать всех и вся, отнюдь не способствовала улучшению характера Эммануила. Д'Ибелен, встречавшийся с Комниным-младшим около года тому назад, с сожалением отметил: ромей во многом начинает походить на венценосного папеньку. Насмешливый философ бесследно сгинул в омуте прошедших времен. Впрочем, чего еще ожидать от человека, вынужденного день за днем обитать в скопище гадюк, коим, несомненно, является Палатий? Права Эммануила на престол сейчас оказались под изрядным вопросом. Андроник Комнин развелся со своей вто-

рой супругой, матерью Эммануила, ради женитьбы на молоденькой Анне. Брак длится уже шесть лет, но новых отпрысков у престарелого базилевса не появилось. И пока их нет, Эммануил остается первым претендентом на трон Империи. — Что толку от вашего присутствия, мессир Амори? Опять начнете сорить обещаниями налево и направо? Мол, ваш сюзерен, маркграф Конрад всегда рад выступить в мою поддержку? Но мессир Конрад в Тире, а я — в Константинополе... чтоб ему пусто было!

Вывались последние слова произвольно, от сердца, или миг их произнесения был тщательно рассчитан — д'Ибелен в точности не знал. Он так и не научился в точности различать оттенки речи и настроений византийцев, улавливать тот миг, когда правда в их устах незаметно превращалась в ложь. Барон уже приготовил подходящий ответ, краткий по форме и многозначительный по сути, но собеседник не дал ему заговорить, спросив:

— Вы на днях виделись с моим отцом? Должно быть, за вас изрядно хлопотали — в последние дни он редко соглашается кого-либо принимать, тем более иноземца. И как вам показался наш царственный?

— Чрезмерно угнетенным грузом государственных забот, — еле слышно хмыкнул д'Ибелен.

— Вот именно, что чрезмерно, — Эммануил пошевелился, вкрадчиво зашелестели многочисленные складки просторного одеяния. — Два года назад на нас уже обрушилось нечто подобное. Тогда ему тоже мерещились заговорщики и отравители повсюду, но дело ограничилось малой кровью. Если так будет позволительно выразиться. Теперь он разошелся вовсю. Словно задумал известить под корень все старые семейства и по меньшей мере половину верных подданных. Скажите, Амори, вы ведь тоже наверняка сочли моего отца... безумным? Да ладно вам строить из себя невинную овечку —

подумали, подумали, не отпирайтесь. Не вы один так думаете. — Размеренная речь Эммануила вдруг сделалась торопливой, скомканной. — Но беда в том, что мы ничего не можем изменить... Только ждать. Что случится быстрее — он оставит мир... или мы все погибнем? А тут еще вы, франки, со своим освобождением Иерусалима и грандиозными планами. Хотите правду? Мой венценосный папаша до смерти перепугался, когда ему донесли о приближении Барбароссы. Он полагал, вы никогда не сможете собраться воедино и начать поход в Святую Землю. По его слову было сделано все для того, чтобы загубить поход в самом начале. Но у него не получилось, и теперь он мечется из стороны в сторону, не зная, что предпринять. Что он вам сказал касательно приглашений с Рыжебородым?

— Что испытывает веские сомнения, — признался д'Ибелен. — А еще — что признает благородной цель похода, но считает избранное королями Европы для этого предприятия время крайне неудачным.

— Говорю вам, он откажется от всего, что подписывал, — почти пророческим тоном изрек Эммануил. — И дело закончится не вызволением Иерусалима из рук неверных, а взятием разъяренными варварами мирного Константинополя. Кесарь Барбаросса, если верить тому, что о нем говорят, терпеть не может, когда препятствуют его планам.

— А вы? — бросил пробный камень Амори.

— Что — я?

— Вы можете терпеть, когда препятствуют вашим планам?

Оба замолчали. Д'Ибелен рассеянно следил за темной фигурой монаха, стоявшего рядом с алтарем и неторопливо убиравшего сгоревшие свечи. Наконец ромей уже не столь уверенно пробормотал:

— У меня все равно нет другого выхода. Если я рискну возмутиться вслух... или приискать сторонников...

или хотя бы высказать свои мысли вслух... как вы думаете, где мы тогда с вами встретимся? На площади Тавра, на месте казней — вот где. То, что я — отпрыск базилевса, только добавит зрелищу остроты. А вас, между прочим, будут казнить по соседству — за подстрекания и выступления против великой Византии.

— Значит, мы не должны этого допустить, — невозможно заявил д'Ибелен.

— Легко вам рассуждать, — огрызнулся Комнин-младший. — Случись что, вы шмыгнете в гавани и улизнете в свой Тир. А у меня семья и дети. Представляете, что с ними сделают? Слышали историю о том, как мой боговдохновенный папенька собственными руками свернул шею малолетнему племяннику? И все потому, что с возрастом тот мог стать претендентом на трон.

При кажущихся простодушии и взволнованности Эммануил точно знал, куда направить удар. Благополучие наследников надежно оправдывало любые поступки. Минуло уже два года, а барон д'Ибелен до сих пор не мог до конца осознать причину, из-за которой он бросился спасать Иерусалим и его обитателей. Ведь на самом-то деле его куда больше заботила безопасность Катрины и маленькой Беатрис, чем весь Иерусалим, вместе взятый. И что получилось? Христианский мир почитает его наравне с Конрадом Монферратским, избавителем-спасителем от неверных, а он пытался вывезти из осажденного города жену и дочь.

Неисповедимы пути Господни и истинные помыслы ближних твоих...

— Поэтому вы и должны действовать, если не хотите, чтобы ваших детей ждала столь же горькая судьба, — тяжелая дверь приоткрылась, впустив в храм еще кого-то, и барон д'Ибелен ощутил подспудное беспокойство. Разговор, несмотря на его важность, чрезмерно затягивался. Кто может поручиться, что на лестнице храма уже не перетаптываются в ожидании гвардейцы с приказом

задержать подозрительного франка и препроводить досточтимого Мануила Комнина пред грозный лик его коронованного отца? И того, и другого в этом случае не ждет ничего хорошего. — Скажите, ваше высочество... Вам, живущему здесь, наверняка хорошо видны потаенные течения, что движут Империей... Предположим — только предположим, — что ваш высокородный родитель скончался. По вполне естественным причинам, не вызывающим никаких подозрений. Что произойдет дальше? Как полагается по римским традициям, соберется Синклит, будет много шума и криков, но в итоге госпожа Анна, ваша мачеха, будет объявлена единовластной базилиссой?

— Даже если это произойдет, — презрительно фыркнул грек, — она не продержится на троне и седмицы. Ей весьма посчастливится, если дело закончится высылкой в отдаленный монастырь. У Анны нет поддержки ни в Палатии, ни в городе, нигде. Ее можно смело не принимать в расчет. Если только она тайком не сговорилась с кем-нибудь достаточно могущественным. Но она не сговорилась... даже не рискнула ответить на письма вашего сюзерена Конрада, иначе я бы об этом знал, — последнее было добавлено с легчайшей язвительной улыбкой, угадываемой больше по интонации, нежели по движению губ. — Стало быть, во дворце Августеон соберутся все, имеющие отношение к правящей фамилии.

— И много их? Я знаю вас, — перечисляя, Амори загибал пальцы, — Исаака с Кипра... но его дела сейчас плохи, он вызвал неудовольствие крестоносцев и те высадились в его владениях... Кажется, уцелел кто-то из дальних родственников предыдущего императора, вашего тезки Мануила. Ах да, еще есть сыновья его величества Андроника от первого брака. Только где они?

— Отсиживаются в провинции, — задумчиво протянул Эммануил. — Вкупе со своей матушкой, этой меге-

рой Евдокией. Не исключены и совершенно сторонние вмешательства — как у нас говорят, императоры с перекрестка, — хотя наша фамилия цепко держится за трон уже третье поколение подряд. Но я уверен, кто-нибудь обязательно возмутится и шума не избежать.

— Хотя прямой и единственный наследник престола Византии сейчас — вы, — полувопросительно, полутвердительно произнес д'Ибелен.

— Надеюсь оставаться им и впредь, — буркнул Комнин-младший, поднимаясь и, в точности как его отец, обрывая беседу недосказанной. Франкский барон поднялся со скамьи следом за ним, гадая: считать ли безмолвный договор между ними заключенным... или Эммануил предпочтет выжидать, уповая на естественный ход событий.

Многолетний опыт не подвел д'Ибелена. Византиец остановился перед иконой безвестной греческой святой, жестом подозвал франка ближе и негромко, размеренно произнес:

— Порой мне кажется — я сговорился бы с кем угодно, даже с безумными фанатиками из Аламута, лишь бы избавиться от этой постоянной угрозы, собственного родителя. Не ведаю, каким бы я стал базилевсом, хорошим или скверным. Ведь единственное, что я сумел познать на примере моего отца — как *не* стоит править Империей. Я сказал, что за Анной никто не стоит. Но, помимо малого круга друзей и сторонников, никто не стоит и за мной. Нужна поддержка — золотом... и сталью. Мне не хотелось бы взойти на престол, шагая по колено в крови, однако присутствие дружественной армии намного облегчило бы путь к Золотому залу.

— Я понимаю, — почти беззвучно откликнулся Аморри. Трудно было не понять. — Но для успешного завершения дела мне понадобятся кое-какие сведения. Приблизительное расположение зданий на землях Палатия и еще...

— Через два дня будьте у Портика на площади Юстиции, — оборвал его Комнин-младший. — В час, когда открываются заседания. Вас опознают. Если мне удастся разузнать что-то полезное — вы это получите. Но имейте в виду — кроме вас... и человека, которому эти бумаги предназначены, их не должен видеть никто. Вы уничтожьте их, мессир Амори, сразу после того, как изучите.

* * *

Холодные осенние дни утекали, сливаясь в недели. Прикинув как-то, сколько он уже находится в Константинополе, Гай ужаснулся. Выходило, что ноттингамец пользуется гостеприимством прецептории святого Иоанна третью седмицу кряду.

За это время он повидал не менее дюжины константинопольских девиц, хорошеньких и не очень, обогатил почтенного Анастасиоса Либри на сотню номизм, выучил расположение улиц в окрестных кварталах, научился самую малость говорить и понимать по-гречески — и не продвинулся в своих поисках ни на шаг.

Изабель Уэстмор пропала, не оставив по себе никаких следов. Первоначальная идея Гая лежала недалеко от истины: поддельной бристольской горожанке не было никакой нужды стремиться именно в Константинополь. Она могла скрываться в любом из сотен городов Византийской империи. Может статься, улизнув из Камарга, она вообще не покидала пределов Европы. Из Эгю-Морта она могла с равным успехом отправиться морем в Рим. Или в Иерусалим. Или вообще к арабам в Александрию!

«Я дурак, — утрюмо признал Гай, пытаюсь оставаться честным хотя бы перед самим собой. — Ловлю призрака. Женщину, которой никогда не существовало. Она выдумала себе все — имя, повадки, рыжие локоны. Хва-

тит заниматься глупостями. Проверю три последних имени, что добыл Либри, и довольно. В мире полно иных девушек — обычных милых девушек. Не плетущих небылиц, не шастающих с отмычками и не выведывающих секреты королей. Я встречу такую девицу и женюсь на ней. Успокоюсь. Забуду Изабель, как кошмарный сон. Забуду ее глаза, ее ложь, ее поцелуй. Забуду безумный месяц розысков. Я поддался наваждению ее чар, но теперь оно развеялось».

Почтеннейший Лев Треда, встречи с которым теперь происходили все реже и реже, тоже вознамерился покинуть прецепторию. Его рана затянулась, и константинопольский обыватель более не нуждался в услугах лекарей. Он возвращался домой, о чем с некоторым сожалением в голосе поведал Гаю.

Наступившие холода не позволяли, как раньше, провести мирный вечер в беседке за игрой в шахматы. Последнюю партию франк и ромей сыграли в комнате мессира Гисборна, натопленной и приобретшей некоторые черты обжитости.

Гай искренне огорчился. Советы и ненавязчивая помощь господина Льва помогли ему преодолеть растерянность первых дней в столице Империи. Если бы не кирие Треда, еще неизвестно, что бы случилось с потерявшимся чужаком в чужой земле.

Грек выслушивал благодарности Гая с привычной полуизумленной, полуиронической улыбкой, словно не веря, что сказанное относится именно к нему. Пожав плечами, он заявил: на его месте так поступил бы каждый. Осведомился, достиг ли кирие Гай успеха в своих поисках. Дескать, все насельники прецептории — и светские, и духовные — увлеченно обсуждают перипетии удивительной истории. Делаются даже нешуточные ставки, удастся франкскому воителю отыскать некую пропавшую деву или нет? Лично он, Лев Треда, рискнул пятью номизмами в пользу европейского рыцаря.

Мессир Гисборн растерянно заморгал. Покраснел. Сгоряча решил вздуть болтливого Либри. Напомнил себе, что это — Византия, где охота за чужими секретами впиталась в плоть и кровь всякого уроженца Империи. Конечно, его тайна давно сделалась общим достоянием постояльцев странноприимного дома. Даже без участия сплетника Анастасиоса.

— Ну и плакали ваши пять номизм, — мрачно буркнул Гай. Подтолкнул к сидевшему напротив Треде стопку пергаментных листов: — Вот они, женщины, которых я повидал. Все оказались не той, что я ищу.

Кирие Лев с интересом пролистал списки, выразительно поднимая бровь и еле слышно хмыкая.

— Кирие Анастасиос напел мне в уши, якобы вы не знаете о своей загадочной даме ровным счетом ничего, кроме самых общих примет, — поделился он. — Зачем же вы тратите время и деньги на ее розыски? Впрочем, если это слишком личное дело, я нижайше прошу прощения и умолкаю.

«Зачем? Ради чего?» — ноттингамец столько размышлял над этими простыми вопросами, что даже обрадовался возможности произнести тревожившие его мысли вслух. Вдруг мессир Лев, как человек куда более умудренный опытом и наверняка много знающий о женских повадках, убедит его в том, что поиски не имеют смысла?

— Я знал эту женщину под именем Изабель, — медленно начал Гай, старательно подбирая латинские слова. — Нам выпало вместе путешествовать через Пуату и Лангедок. Это области в Европе. Мы провели рядом два месяца. Потом Изабель бежала. Мой компаньон заподозрил ее в том, что она... э-э... как бы поточнее выразиться... трудится в пользу византийского престола. Вот и вся история. Могу только добавить, что никогда прежде я не встречал ни одной женщины, подобной ей. Она лживая, хитрая и коварная, как Раав из Библии. Она тверже камня и гибче стали. Ничего и никого не боится. Всегда зна-

ет, как поступить. Мне просто хотелось увидеть ее еще раз. Сказать, что я стал лучше понимать причины ее поступков... и не осуждаю ее. Теперь я вижу, сколь нелепой и неисполнимой была моя мечта. Если Изабель и прячется где-то в Константинополе, ее не найти. Полагалось бы еще скорбно добавить: «Мое сердце разбито», только это не так. Слишком уж плохо и мало я был с ней знаком. Но мне печально оттого, что я потерял ее и больше никогда не увижу. Я думал: найду Изабель, уговорю бросить ее самоубийственное ремесло, увезу с собой...

Лев Треда слушал сбивчивую речь франка в глубоком молчании. Губы его сошлись в одну тонкую линию, насупленные густые брови сдвинулись к прямой переносице. Казалось, его вынуждают принять некое важное решение, от которого зависит его жизнь, — а он не в силах перешагнуть черту. Треда пристально смотрел на франка, вертя в пальцах костяную фигурку шахматной королевы. Гай недоумевал — что в коротком рассказе могло вызвать у почтенного Льва столь сильное душевное волнение?

Грек колебался, и выбор был для него мучителен. Внезапно он переставил фигуру с клетки на клетку, и встал, скрипнув ножками резко отодвинутого табурета.

— Вы можете пойти со мной? — сквозь зубы спросил он. — Прямо сейчас. Доверившись и ни о чем не спрашивая?

Вместо ответа мессир Гисборн поднялся на ноги.

Ромей и франк вышли за ворота прецептории, днем всегда стоявшие открытыми — символ того, что братья святого Иоанна не откажут в помощи никому из страждущих. Подле ворот двое служителей прецептории раздавали нищим из большого медного чана остатки трапезы постояльцев. Мессир Гай и его провожатый свернули направо и долго шли вдоль протяженной каменной стены, сложенной из желтого известняка и обросшей, как днище корабля ракушками, десятками лавчонок и навесов. Когда стена закончилась маленькой угловой ба-

шенкой, путники углубились в лабиринт узких улочек, на очередном перекрестке повернув влево.

Через несколько сотен шагов по шумной торговой улице Лев Треда остановился перед ничем не примечательным зданием.

Дом плотно смыкался с соседними боковыми стенами из тесаного камня, некогда светло-желтого, а теперь покрывшегося слоем многолетней копоти. Четырехэтажный, построенный без определенного плана и вдобавок разросшийся из-за многочисленных дополнительных пристроек. К фасаду, украшенному облупившимися вазонами, жалось несколько крутых лестниц, дававших постояльцам возможность поскорее спуститься и подняться. Половину первого этажа и весь подвал дома занимала большая процветающая лавка готовой одежды. На другую половину вела новенькая внушительная дверь в медных заклепках, скрывавшаяся в глубокой нише. Над нишей покачивалось на цепях позолоченное изображение лунного диска.

— Нам сюда, — кирие Лев несколько раз гулко стукнул дверным кольцом. — Вижу, вам не терпится спросить, что это за место. Что ж, нет смысла плодить лишние секреты. Это «Золотая луна», дом свиданий.

Дверь беззвучно распахнулась внутрь. На Гая повеяло густым ароматом мускатных благовоний и теплым воздухом. Вверх уходила крутая лестница, но путь дальше преграждала мрачная гора в человеческом облике, многозначительно покачивавшая дубинкой. Треда произнес краткую фразу на греческом. Привратник убрал дубинку за спину и нехотя отодвинулся в сторону, дозволяя гостям пройти.

По плохо освещенной лестнице они поднялись на два этажа вверх, к следующей крепко сколоченной двери. Стук, явление стража, на сей раз с более приятной глазу физиономией, обмен отрывистыми фразами. За дверью начинался широкий коридор, на удивление чистый и оп-

рятный, освещенный масляными лампами в медных шандалах. В коридор выходило с десятков одинаковых створок, выкрашенных в бледно-алый цвет и различающихся только прибитыми медными фигурками.

Треда прошел в самый конец коридора, к двери с изображением скачущей лани, не то газели. Негромко, самыми кончиками пальцев, постучался. Изнутри донесся приглушенный женский голос. Судя по интонации, спрашивали: «Кто там?» Лев отозвался. Лязгнула вытаскиваемая задвижка. Гай окончательно перестал понимать, что происходит, и просто шел, куда указывали. Вслед за кирие Львом он оказался в небольшой комнате с коврами на стенах и цветочной росписью по потолку. Открывшая дверь молоденькая служанка низко поклонилась Треде, удивленно покосившись на его спутника. Не дожидаясь приказаний, девица выскользнула в другую дверь, занавешенную нитями с нанизанными хрустальными бусинами.

Спустя еще десяток ударов сердца, показавшихся Гисборну невероятно долгими и тягучими, занавес разлетелся в стороны, явив посетителям высокую, тонкую особу в ярко-синем одеянии. Левую руку вошедшая почему-то держала за спиной. Темно-рыжие волосы, некогда прямые, превратились в облако подхваченных синей лентой тугих кудряшек. Искусно подведенные лиловой тушью глаза остались прежними — голубовато-зелеными, цвета морской воды на солнце.

— Какой выгодный клиент нынче пожаловал, — произнес женский голос с резким, царапающим слух отзвуком звенящей бронзы. Глаза девицы на миг вспыхнули ярче драгоценных камней. — С такого можно взять и подороже, не правда ли, кирие Лев? Знакомы ли вам расценки дома госпожи Костаны, незнакомец? Увлекательная беседа — две сотни фоллов за получас, вечер с танцами и пением — кератий, прогулка в опочивальню и ночь без изысков — номизма, с изысками на арабский или античный манер — по уговору...

Она засмеялась, глядя на ошарашенную и вытянувшуюся физиономию Гая.

— Вот он, истинный образец христианской добродетели! Одна крохотная рискованная шутка — и он уже заливается краской, аки невинная девица...

— Зоэ, милая. Нельзя же так, — укоризненно протянул кирие Лев. — Молодой человек преодолел столько трудностей и приложил столько усилий, чтобы разыскать тебя. Он рассчитывал на достойный прием, а его дама с порога начинает изображать распутную куртизанку. Вынужден заметить, делая это не слишком искусно. Больше искренности, дорогая, меньше делового расчета. Улыбнись. Кирие Гай вовсе не намерен убивать тебя или похищать ради заслуженного возмездия.

— Что только я в ней нашел? — философски спросил у разноцветного потолка сэр Гисборн. — Ничуть не изменилась. Все такая же злоязыкая, нахальная и с кинжалом за спиной. Мистрисс Изабель, это ведь у вас там кинжал припрятан, верно?

— Разумеется! — бодро подтвердила рыжекудрая обитательница «Золотой луны», предъявив мессире Гисборну короткий и чрезвычайно острый клинок. Двумя мягкими прыжками она пересекла комнату, и Гай наконец заполучил в объятия свое пропавшее и вновь обретенное сокровище. Выроненный кинжал с глухим стуком шлепнулся на ковер. Приглушенно скрипнула затворившаяся за Львом Тредой дверь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Еще один шанс

10—23 декабря

Спустя добрых две с половиной седмицы после встречи франкского и ромейского заговорщиков в хра-

ме Чудотворца Николая, в многолюдном, исполненном всяческой суеты Константинополе произошло маленькое неприметное событие. Одно из тысяч, вплетенных в ткань бытия огромной имперской столицы.

Выкрашенная в синий цвет плоскодонка-хеландион, шлепая днищем о невысокие волны и поднимая снопы брызг, на закате шла вдоль обрывистых берегов Палатийского мыса. Совершив несколько маневров, лодчонка проскользнула мимо выходивших к морю участков крепостной стены и причалов, где показывались пестро разукрашенные прогулочные галеры. Над квадратными зубцами стен трепетало пламя факелов и порой смутно поблескивали шлемы дозорных.

Столетиями могучие стены и башни честно защищали Палатий от нападений врагов с моря. Однако постепенно укрепления, как и многое в Империи, обветшали, а денег из казны на починки и ремонты отпускали все меньше и меньше. Где-то стены едва-едва поддерживали в пристойном состоянии, где-то высадили на былом крепостном сооружении деревья, превратив бастионы в сады над морем.

Хеландион лихо развернулся носом к берегу, надутый парус хлопнул, опадая. Разогнавшаяся посудина приблизилась к участку побережья, считавшемуся неприступным, — мелководному, усеянному как естественными скалами, так и хаотически разбросанными гранитными глыбами.

Приплывший на суденышке человек свернул парус, убрал невысокую мачту и извлек из-под скамьи пару весел. Расталкивая шипящую воду носом с парой нарисованных глаз, легкий хеландион углубился в лабиринт проходов между скалами. Кое-где лодка скребла боками по соседним камням. Угрюмо ругаясь себе под нос, человек отпихивался веслами от очередной острой глыбы, неожиданно вынырнувшей из пенящейся воды. Несколько раз гребец осторожно поднимался в шатающейся лодчонке на ноги и озирался, выискивая указанные ориентиры.

Протиснувшись между очередными валунами, хеландион достиг узкого извилистого пролива с более глубокой и спокойной водой. Над головой гребца уступами поднимался обрывистый берег, поросший сорной травой и схожий в ночи с темной грозовой тучей. Еще десяток взмахов веслами — и плоскодонка, которая должна была с размаху уткнуться в неприветливые скалы, словно погрузилась в них, исчезнув из вида.

На самом деле она, конечно, никуда не исчезала, а нырнула в поднимающуюся от поверхности воды длинную и узкую вертикальную расселину, шириной как раз для маленькой лодки. Среди знающих людей это место было известно под названием Трещина. Повозившись и чертыхаясь, человек зажег припасенный фонарь, установив его на носу лодки. В прыгающих оранжевых лучах открылись сходящиеся над головой стены созданной природой пещерки, сочащиеся водой. Белесые каменные выступы напоминали клыки замурованных глубоко под землей сказочных чудовищ.

Осторожно скользя по нерукотворному проходу, лодка приблизилась к явственному творению рук человеческих. К берегу жался маленький деревянный причал с вбитыми в бревна позеленевшими медными кольцами. К двум были привязаны лодки, родные сестры новоприбывшей плоскодонки. За пристанью виднелся прорубленный в диком камне темный проем.

Незванный гость подвел хеландион вплотную к причалу, привязав веревку к одному из пустующих колец. Выбрался на пристань, осмотрелся и одобрительно присвистнул — константинопольские «ночные рыбаки» неплохо обустроили свое логово. Под самым, можно сказать, носом у базилевса и его сыскарей.

Человек пару раз подпрыгнул на месте, охлопал висевшую через плечо кожаную ленту с метательными ножами и иные колючие сюрпризы, запихнутые за голенща сапог. Ничто не звенело, не брякало и не угрожа-

ло вывалиться в самый неподходящий момент. Прихватив с собой фонарь, визитер Палатия зашагал по каменному коридору, не забывая порой наклонять голову — под потолком кое-где были установлены балки-распорки. Как ему и говорили, шагов через двадцать ход начал понижаться. Пришлось сперва сторбиться, а потом и вовсе встать на четвереньки.

Неуклюжее передвижение ползком завершилось у бронзовой решетки, тяжелой и круглой. Позеленевшая и обросшая наростами решетка плотно примыкала к камню и была заперта аж на целых три устрашающего вида фигурных замка, расположенных по окружности. Отставив в сторону фонарь, человек приспособился, уперся плечом и, кряхтя, откатил преграду в сторону — та оказалась фальшивой, ни один из грозных замков не был заперт.

За решеткой тянулся новый коридор: сводчатый, облицованный изъеденными временем известняковыми плитами. Внизу, у самых ног, с тихим чавканьем густо струилась вода, образуя небольшие водовороты и волоча с собой неприглядные комки, тряпки и иные отходы жизнедеятельности многолюдного Палатия. Над водой нависала узенькая, в пару ладоней шириной, каменная дорожка, скользкая от выросших на ней водорослей. Человек осторожно зашагал вперед, освещая дорогу фонарем, грозившим скоро погаснуть, и стараясь дышать пореже — здешний воздух наполняли скопившиеся за столетия миазмы.

Идти пришлось недалеко — в стене справа возник обрамленный двумя полуобрушившимися колоннами проем, за проемом скрывался коридор, завершавшийся тупиком. Вернее, не тупиком, но уходившим вверх идеально круглым проходом. Из стены торчали погнувшиеся бронзовые скобы. Затушив лампу, пришлец начал бодро карабкаться вверх, пока не уткнулся макушкой в деревянную крышку на кожаных петлях. Откинул ее, осторожно высунул голову, убедившись в отсутствии не-

званных свидетелей или нетерпеливых покупателей. Легко перемахнул через ограждение колодца, высохшего и теперь используемого обитателями Палатия для совершенно иных надобностей. Здесь заключались и совершались сделки, которым бдительная стража предпочитала не препятствовать — ибо имела с них свою долю.

Колодец прятался под глухой стеной какого-то здания. Опустив крышку на место и стараясь не стукнуть ею, Дугал огляделся. Чуть пригнувшись, потрусил вдоль стены навстречу россыпи призывных огоньков, отмечавших расположение построек дворца. К сожалению, сухой колодец не был отмечен на предоставленной д'Ибеленом карте Палатия. Требовалось отыскать более надежный ориентир.

Бежал Дугал странно — вроде бы неторопливо и в то же время умудряясь стремительно переливаться с места на место, из одного озерца теней в другое. В подобные моменты скотт невольно воображал себя оборотнем, причудливым созданием, средним между зверем и человеком. Не столь кровожадным, как один из обитателей лангедокского замка Ренн, но таким же проворным и неуловимым.

«Нелепо надеяться, что удастся все проверить в первый же день, — размышлял он про себя, беззвучной тенью взлетая по подвернувшейся лестнице и застывая подле колонны, чтобы пропустить мимо марширующих дозорных. — Однако я сумел отыскать способ проникнуть сюда незамеченным. Пошарим, осмотримся, прикинем, что к чему. Вон та хоромина отлично подойдет для начала».

Конфидент д'Ибелена ухватился за выступ на подвернувшемся настенном барельефе, подтянулся, начиная подъем. Стена из песчаника оказалась изрядно траченной временем и ветрами. Гипсовые завитушки жалобно похрустывали под внезапно опустившейся на них тяжестью, но, к счастью, ни одна не вздумала расколоться

и с грохотом осыпаться вниз. Вскарабкавшись, Дугал уселся на черепичной крыше, не без самодовольства взирая сверху вниз на дремлющий Палатий, черно-серебристую полосу моря и сонмище переливающихся вдали огней — Константинополь.

Первая часть его плана осуществилась весьма и весьма успешно. А д'Ибелен еще сомневался. Твердил, мол, только полный безумец может рассчитывать таким нахальным образом пробраться в обитель базилевсов. Спрашивается, кто же оказался прав? Вот он, Дугал, преспокойно сидит себе на дворцовой крыше, прикидывая, куда направиться дальше. Где-то по другую сторону бухты Амори д'Ибелен, небось, все ногти сгрыз от напряжения. А сам устроил безответному соратнику выволочку. Совершенно незаслуженную, между прочим!

Вспомнив о недавней стычке, кельт поневоле заухмылялся.

Д'Ибелен внезапно вызвал подчиненного на одно из условленных мест для встречи — многолюдную таверну подле площади Тавра, где двое франков не привлекли бы ничьего излишнего внимания. Когда Дугал явился, пребывавшее в сугубом раздражении доверенное лицо Конрада Монферратского встретило его поистине змеиным шипением:

— Чтоб тебя черти взяли, Данни! Чем ты занимаешься? Маешься дурью? Сколько времени прошло, а ты только тратишь деньги впустую! Клянусь, было бы намного проще обратиться к кому-нибудь из местных умельцев!

— Весьма обидные ваши слова, господин хороший, — из вредности конфидент ответил на простонародном греческом. Полюбовавшись возникшим на лице д'Ибелена замешательством, перешел на более привычный язык: — Местные умельцы с вами бы сговорились и тут же продали в эпархову управу. Должны бы и сами понимать: пробраться в императорский дворец — это вам не зелен-

ную лавку обокрасть. Вовсе я не дурью маюсь, как вы изволили выразиться, а подходы ищу.

— Извини, — сделав над собой нешуточное усилие, буркнул Амори. — Погорячился. Но хотя бы расскажи, что ты делал все это время? Куда извел почти полсотни номизм?

— На устройство великой попойки. С певичками и плясуньями, — честно признался Дугал. Д'Ибелен скроил зверскую физиономию, однако промолчал. — Базилевсы, оказывается, не слишком доверяют собственным подданным. В охрану дворца частенько набирают иноземцев. Вот их я и поил. Представьте, сколько местной слабенькой кислятины нужно, чтобы напоить в лежку два десятка здоровенных норвегов! Вот-вот, жуть берет. Я рассчитывал отыскать кого-нибудь пожаднее или с хвастливым языком. Уговорю его одолжить на пару дней пропускную бляху или провести меня во дворец.

— И что? — выказал нешуточный интерес д'Ибелен.

— Полный провал, — развел руками Дугал. — Пить — пили, сплетничать — сплетничали. Как доходит до дела — молчок. Я уж и так, и эдак заходил — ничего. Должно быть, у базилевсов платят не в пример больше... Еще я пытался сговориться с прислугой, поставляющей в Палатий всяческое добро. Там дело пошло легче. Мне удалось подкупить одного бедолагу и заменить его. Без толку: повозки из города допускаются только во внешние дворы. Там грузы уносятся внутрь другими слугами, дворцовыми. И все это — под бдительным надзором стражи. Чтoб не стянули чего или, наоборот, не подсунули товар с гнильцой.

Он прервался, отхлебнул из поставленной перед ним кружки и скривился:

— Что за гадость? Лошадиная моча?.. Так вот, после всех этих неудач сел я крепко поразмыслить. И решил, что поступаю неправильно. Надо зайти с иной стороны.

— Это с какой? — не понял Амори.

— С морской! — подняв палец, наставительно сообщил кельт. — Фасадом и воротами дворец выходит в город, на площадь Августеон, это так. Но расположен то Палатий на здоровенном мысу! И я решил заделаться рыбаком. Наведался в гавань и купил неплохую плоскодонку. Даже честно уплатил налог на владение ею.

— Так ты теперь судовладелец? — хмыкнул д'Ибелен.

— ...В гаванях я свел уйму полезных знакомств. Заодно вступил в почтенное сообщество «ночных рыба-рей» — которым тоже пришлось выставить угощение. Закон совершенно ошибочно полагает их мелкими жуликами, ворами и преступниками. Милейшие ребята.

Шотландец предпочел умолчать о том, что его знакомство с гильдией контрабандистов Константинополя сопровождалось весьма оживленной потасовкой.

— Мои новые знакомцы почти каждую ночь таскают-ся под стены Палатия. Знаете, зачем? — Заинтригован-ный д'Ибелен отрицательно покачал головой. — Достав-ляют тамошним обитателям разные полезные вещицы. Украшения, арабские зелья, книги, драгоценности, пись-ма. Порой тайком увозят кого-нибудь, порой привозят. Дворцовая стража прекрасно знает об этом промысле, но помалкивает — им ведь тоже доля причитается. Иногда, для порядка, кого-нибудь ловят и вздергивают.

— Чуден мир Господень, — признал тирский барон. — Ты надеешься вместе со своими друзьями навестить Па-латий?

— Уже навестил, — с гордостью похвастался Дугал. — В компании. Завтра прогуляюсь один, чтобы никто под ногами не крутился. Жаль, ваши дворцовые знакомцы так скудно поделились сведениями, ну да не в первый раз. Мне бы только пробраться внутрь. На месте все обычно становится понятнее.

Назначенная д'Ибелену встреча у Портика дворца Юстиции состоялась на несколько часов позже услов-ленного срока, когда Амори обреченно счел, что ничего и

никого не дождется. Д'Ибелен не меньше сотни раз пересекал широкую площадку перед входом во дворец, сучающе разглядывая римские статуи и местную публику — стряпчих-нотариев всех мастей, их помощников, клиентов и просто зевак. Отметил местную диковину: к розоватым мраморным колоннам на высоте двух-трех человеческих ростов были весьма варварски приколочены развесистые олени рога. Много, не меньше трех десятков. Слухи гласили, будто сие — издевка базилевса над мужьями, чьи супруги вольно или невольно удостоились благосклонности правителя Империи.

Внизу широкой лестницы вспыхнула быстрая потасовка — воришку схватили, что ли. Слоняющееся по площадке общество устремилось посмотреть... и в суматохе кто-то на удивление ловко сунул в руку д'Ибелена маленький деревянный тубус, в каких обычно хранят важные документы.

В тубусе лежал намотанный на полированную кедровую палочку кусок светло-желтого шелка размерами две ладони на две, с нанесенными на нем очертаниями Палатийского мыса, далеко врезавшегося в воды бухты. Там и сям были разбросаны многочисленные строения, изображенные в виде прямоугольников. Ближе к окончанию мыса здания стояли особенно плотно. Прямо в их скопление вонзалась тонкая красная стрелка. Выполненная скорописью подпись на греческом туманно общала: «Зверинец, одноглавый храм, золотые кони. Внутренний двор с фонтаном в виде прыгающих рыб».

— Немного, — признал Дугал. По мнению д'Ибелена, «немного» было совсем не подходящим словом. Конфидент отпралялся в полнейшую неизвестность. Уже одно это вынуждало барона Амори признать, что его спутник, несмотря на многочисленные недостатки, зловещее свое ремесло лазутчика изучил в совершенстве.

...Отсюда, с покатой крыши неизвестного здания, Палатий представал скоплением малых и больших пост-

роек, старых и новых, обросших за столетия вспомогательными помещениями и связанных воедино многочисленными галереями и переходами. Свет факелов смутно вычерчивал их контуры, кое-где приглушенно светились полукруглые окна — многолюдный людской муравейник к ночи затихал, но полностью в сон не погружался никогда. Где-то в этом лабиринте скрывался его господин и повелитель... Знать бы только, где именно.

«Вон там — городские врата, Халкидия. Вон там и там — море, — определившись со сторонами света и направлениями, Дугал выбрался на гребень крыши и пошел, осторожно переставляя ноги и стараясь не зацепиться за острые выступающие края черепицы. — Надо двигаться вглубь двorca, вон туда».

Крыша закончилась, началась другая, тянувшаяся чуть ниже. За ней началась следующая, и еще одна, и еще. В конце концов скотт забрел довольно далеко — огневое зарево над Константинополем сместилось вправо и потускнело, отгороженное качающейся завесой древесных крон и дворцовыми стенами. Зато возник первый из обозначенных на шелковом свитке ориентиров: в темноте приглушенно рыкнула огромная кошка, ей ответил тоскливый волчий вой. Вот и зверинец. По соседству с ним еле различимо переливается золотыми искорками под луной одинокий храмовый купол. Дугал не отыскал только внутренний двор с фонтаном и золотых коней, но уже не сомневался — он поблизости от нужного места. Поймать бы кого осведомленного, оттащить в уголок потемнее... А если заорет? Прикончить?

Безопасное странствие под ночными небесами завершилось — следовало присмотреть место для спуска.

Вскоре на глаза попало именно то, что нужно — выступающая горбом крыша балкона или крытой террасы, поддерживаемая пузатенькими колоннами. С балкона лился тусклый свечной отсвет — должно быть, через приоткрытую дверь.

Соскользнуть по колонне, словно нарочно для этого приспособленной, было плевым делом. Перемахнув низкое ограждение, Дугал оказался на крошечном балконе, куда выводила не дверь даже, а просто арка, обрамленная чередованием белых и красных полос, и занавешенная нитями разноцветного бисера. Незванный гость постоял, запоминая приметное место — высившуюся в ночи по левую руку башню с мерцающим огоньком на вершине.

Держась ближе к стене, кельт шагнул в низкий дверной проем со скругленным верхом и тут же налетел на кого-то, вышедшего из незаметного бокового прохода.

Обитатель дворца успел только слабо пискнуть «ой», прежде чем ему зажали рот ладонью и втолкнули в первое попавшееся на глаза укрытие — свисавший тяжелыми складками огромный гобелен.

За гобеленом было пыльно и пахло мышами.

* * *

Пленник оказался женщиной. Невысокий рост, хрупкое сложение и тонкие запястья, которые Дугал без труда удерживал одной ладонью. Длинная коса незнакомки оказалась плотно зажата между незванным гостем и его жертвой.

Четыре из десяти представительниц слабого пола, оказавшись на ее месте, принялись бы рыдать, взывая к Господу и умоляя о милосердии. Три непременно упали бы в обморок. Две принялись бы визжать, кусаться и рваться на свободу. Эта стояла спокойно, даже не пытаясь вырваться. Ночная тишина мирно струилась мимо, не нарушаемая ни звоном доспехов приближающейся стражи, ни воплями о помощи.

Шотландец терпеливо выждал не менее полусотни ударов сердца. Ничего не происходило, только пленница чуть слышно чихнула от набившейся в нос пыли.

— Начнешь орать — сверну шею, — как можно грознее прошипел в невидимое ушко Дугал. — Поняла?

Находившаяся где-то у него под подбородком голова жертвы чуть заметно наклонилась вперед — поняла. Дугал осторожно отвел ладонь от зажатого рта женщины — криков не последовало. Зато донесся еле слышный шелестящий шепот:

— Простите, сударь... вам непременно нужно меня убивать?

— Вообще-то нет, — признал Дугал.

По всему выходило, он изловил не служанку, а благородную даму — шелковые одежды, от волос пахнет чем-то сладким и приятным. Фрейлина, наверное. Или как они здесь, в Византии, называются. Шла подышать ночным воздухом, не то поджидала кого-нибудь на балкончике. Заставить добычу отвести его в укромное место и там расспросить? От женщин обычно мало проку. Она его не видела, описать не сможет. Аккуратно придушить и спрятать за gobelеном? Очнется через час, поднимет шум...

Пленница, чья судьба решалась, осторожно пошевелилась. Вновь прозвучал вежливый шепот:

— Еще раз простите великодушно... Тогда что вы намерены со мной сделать?

— Я еще не придумал, — огрызнулся шотландец.

— А-а. Извините. — Женщина смолкла. Дугал невольно фыркнул: столь диковинных особ ему еще не попадалось. Ее держит в плену подозрительный тип, явно проникший во дворец незаконным путем, а она преспокойно интересуется, что он собирается с ней сделать! Изнасиловать и прирезать, что ж еще! Или похитить и продать в гарем султану Саладину!

Но не торчать же за пыльным ковром до скончания веков! Вдобавок Дугалу самому ужасно захотелось чихнуть.

Конец размышлениям положило извиняющееся замечание пленницы:

— Тут скоро стража пройдет, с ночным обходом... Я уже сколько раз просила не гроыхать под дверью посреди ночи, но меня никто не слушает...

— Стража — это плохо, — согласился шотландец. — Ты кто будешь, милая? Случаем, не императорская фрейлина?

— Можно сказать и так, — после еле заметной паузы откликнулась женщина.

— Зовут-то тебя как? — Решив не запугивать добычу более необходимого, Дугал уточнил: — Знаешь, пожалуй, не стану я тебя душить. Мне бы просто узнать, куда меня занесло в вашем муравейнике. После чего мы мирно расстанемся.

— Я Анна, — представилась невидимая в загобеленной темноте незнакомка и простодушно осведомилась: — Вы, сударь, кто — грабитель, убийца или соглядатай? Хотя соглядатаем вы быть не можете. Тот бы точно знал, где находится и куда идет.

Скотт все-таки не удержался от произвольного смешка. Несуразная дама, носившая самое распространенное в Империи имя, поневоле вызывала симпатию. К тому же казалась сообразительной.

— И что, тебя не пугает компания вора или убийцы? — подпустил в шепот угрозы шотландец.

— Пугает, но не очень, — подумав, ответила госпожа Анна. — С убийцами я уже сталкивалась. С грабителями пока нет. — Шепоток стал чуточку смешливым: — К тому же вы столь благородно разрешили мне говорить... и я могу позвать на помощь.

— Убью, — посулил Дугал. Прозвучало неубедительно.

— Только вам совсем не хочется этого делать, — догадалась женщина, практично добавив: — К тому же придется прятать мои останки. А дворца вы не знаете. Вас заметят стражники, поймают и посадят в тюрьму.

Дугал встретил ее предположение презрительным хмыканьем. В пыльный закуток долетел пока еще еле

различимый, но постепенно приближающийся размеренный топот дворцовой стражи. Кто их знает, вдруг среди дозорных попадется особо бдительный олух? Сунется проверить, что там за подозрительное шевеление... Но довериться женщине, обитательнице Палатия? Дернет украдкой за потайной шнурок, и к ней на выручку сбежится половина дворца. Не зря же византийское коварство вошло во все поговорки Востока и Запада.

— Вы, конечно, вольны мне не верить, — боязливо подала голос Анна. — Только я вовсе не заманиваю вас в ловушку. Видите ли, ежели нас обнаружат, мне придется несладко. Никто не поверит, что я — всего лишь невинная жертва проникшего во дворец злоумышленника.

— Ладно. Показывай, куда идти, — Дугал выпустил запястья женщины. Доводы звучали разумно. В здешней змеиной яме никто никому не доверяет. Затолкают в камеры по соседству, как соучастников.

Проем, из которого столь невовремя появилась фрейлина, выводил в темный узкий коридор, скудно освещенный висящими на стенах светильниками в бронзовых чашах. Шагов через пять женщина свернула налево, на ходу посоветовав через плечо: «Пригнитесь».

Жилище палатийской дамы выглядело не слишком богатым. Небольшая комната со сводчатым потолком, расписанным пышными соцветиями, и полукруглыми зарешеченными окнами. Накрытые коврами сундуки и широкие лавки вдоль стен, низкие шкафчики. Круглый стол под бархатной скатертью, вычурный шандал с парой прогоревших свечей. Раскрытая посредине толстенная книга, придвинутые к столу тяжелые табуреты резного дерева. Большая стоячая рама с отрезом атласа и неоконченной вышивкой — какая-то библейская сцена. В дальнем углу трепетно мерцают лампы перед иконами в тяжелых золотых окладах и, переключаясь с ними, потаенно светятся угли в жаровне. Дверь, прикрытая отрезом полупрозрачной ткани, ведет в соседнее помещение или помещения.

— Господин не из здешних краев? — с легким удивлением отметила женщина, доставая толстую свечу и зажигая ее от догорающей. — Для иноземца вы говорите на удивление правильно («Льстит ведь, — грустно отметил Дугал. — Сам знаю, два слова выговариваю верно, на третьем ошибаюсь»).

Свечной фитиль затрещал, разгораясь и наполняя комнату желтыми бликами. Госпожа Анна обернулась, безбоязненно разглядывая человека, нарушившего привычный уклад ее жизни.

Навскидку Дугал оценил возраст незнакомки лет в двадцать или немногим меньше. Вынести суждение относительно ее фигуры не позволяло просторное одеяние бледно-голубых и синих тонов, обильно расшитое у ворота и по подолу золотой нитью. Крошечные золотые искорки поблескивали и в перекинутой через плечо толстой темно-каштановой косе. Византийка могла считаться весьма привлекательной особой — правильные черты миловидного личика, острый носик и яркие глаза с поволокой. Как заинтересованно отметил скотт, природа наградила госпожу Анну глазами светло-серого, пепельного оттенка.

Общее впечатление от увиденного получалось двойственным. Вроде бы дама, приятная во всех отношениях — однако на всем ее облике, как паутина на статуе, лежит отпечаток тщательно скрываемой, безысходно-тоскливой печали. Люди в подобном состоянии духа плывут по течению жизни, не пытаясь ее изменить, принимая и доброе, и злое со стоическим равнодушием.

Что-то произошло с юной и хорошенькой женщиной, обратив ее в прихваченное морозом, равнодушное к собственной участи создание. Причина могла быть какой угодно. Пережитая война, гибель родных, похищение из дома и далее до бесконечности.

Гостеприимным жестом предложив полуночному гостю садиться, госпожа Анна пристроилась на краешке

одного из табуретов. Подняла очи в длинных ресницах, густо начерченных по здешнему обычаю, и благовоспитанно осведомилась:

— Так что вы намеревались похитить? Если хотите проникнуть в дворцовую сокровищницу, предупреждаю сразу — это невозможно. Где хранится диадема базилевсов, я тоже не знаю. Правда, у меня имеются украшения.

— Оставь себе, — великодушно разрешил Дугал. — Скажи лучше вот что...

«Где ночует ваш император?»

Вместо заранее подготовленного разумного вопроса с языка сорвалось совершенно неуместное:

— Другая на твоём месте не была бы столь доверчивой. Вдруг меня подослали враги вашего правителя? Или кто-нибудь, желающий навредить тебе?

Женщина повела рукой — взлетел и опустился широкий рукав:

-- Если вы шпионите для кого-то — я не знаю никаких тайн. Если вам велено испытать мою верность трону — я не сказала ничего противоправного. Единственный мой проступок кроется в том, что, обнаружив ваше появление, я не кликнула стражу. Но я испугалась. Вы же грозились меня убить. — Она слегка потупилась и добавила: — Только я не думаю, что вы подосланы. Тогда бы вы вели себя совершенно по-другому. Ко мне уже присылали таких... проверять. Скорее всего, вы именно тот, за кого себя выдаёте — то есть грабитель.

Дозор — числом не менее пяти человек — бодро прогрохотал по коридору, задержался у выхода на балкон и шумно потопал дальше.

— Иногда они суются и в жилые покои. Якобы удостовериться, все ли в порядке, — озабоченно сказала госпожа Анна. — Я их прогоню, но подозрения все равно возникнут... Вам нужно что-нибудь маленькое и ценное? К этому зданию примыкает галерея, ведущая в Старый

римский павильон. Его легко узнать — перед ним расположен большой фонтан, утыканный мраморными рыбами. Там хранится собрание древних монет и разные драгоценные безделушки.

— Гм... А что, наведаюсь, посмотрю. — Грустная фрейлина могла оказаться кладезем полезных знаний, но Дугалу внезапно расхотелось задавать ей вопросы. Уходить, что самое странное, тоже совершенно не тянуло — хотя полуночное сидение в гостях могло скверно закончиться. У госпожи Анны наверняка есть прислуга, которая запросто может сунуться к хозяйке за приказаниями, наткнуться на незнакомого человека и завизжать. Или промолчать, вымогая у госпожи оплату своего безмолвия. — Ты... ты это... не ходи за мной. Я и сам могу найти обратную дорогу. Ты никого не видела и ничего не слышала, поняла?

— Да, — послушно кивнула женщина. Кельт уже перешагнул через порог, когда в спину ему долетело робкое:

— Кирие... Я понимаю, наверняка это очень опасно... Но если вы снова навещаетесь сюда... И если вас не затруднит... Навестите меня. Представить не можете, какая здесь скука!

«Зайду, как не зайти, — бормотал про себя самозванный грабитель, вновь карабкаясь на горбатую крышу, выложенную мелкими черепицами. Лунный серпик передвинулся ближе к морской поверхности, извещая мир и его обитателей о том, что ночь давно перевалила за середину. — Скучно ей, видите ли. Зато мне несказанно весело. Диковинная девица, надо признать. Тихая какая-то, запуганная. Несладко ей тут живется. У здешней императрицы, наверное, характер еще тот — подай, принеси, этого желаю, того не хочу. Будь у меня больше времени... Слово за слово, глядишь, и познакомились бы поближе. Нет. Меня зачем в Палатий посылали — фрейлин обхаживать? Да и как сызнова отыскать ее в эдаком лабиринте?»

Слова были правильными, размышления здравыми и абсолютно верными. Долг превыше всего.

Вот только следующей ночью по крышам дворцов Палатия прошмыгнула стремительная тень. С поразительной ловкостью съехав по одной из колонн вниз, непрошенный гость юркнул в полосатую арку и сгинул.

* * *

Близилось Рождество.

В преддверии светлого дня на рыночных площадях вовсю торговали миртовыми и оливковыми ветвями. Во всех столичных храмах непрерывно служили молебны, вознося хвалы Отцу, Сыну и Святому Духу. Неумолчно трезвонили, заливались громкой медью и бронзой колокола — в кварталах Константинополя, в Хризополе и Халкидоне, городах-соседях за Проливом. На Ипподроме посетителей впускали за половинную цену, чернь и бедняков — бесплатно (правда, только на худшие места наверху и на лестницы в проходах). Базилевс со свитой совершил традиционный торжественный проезд по городу, омраченный злонамеренными выходками неких личностей, выкрикивавших Порфирородному хулы и поношения, а также прицельно швырявшихся в сторону кортежа гнилыми овощами и камнями.

Семейство, сдавшее сарай заезжему франку, готовилось праздновать. На дверях дома прикрепили пальмовые листья и виноградную лозу, глава семьи лично приобрел на торжище здоровенного гусака. Будущий рождественский ужин ковылял по двору, шипя, что твоя арабская кобра. К постояльцу зловредная птица приближаться более не решалась, ибо утром тот отвесил гусаку безжалостного пинка.

Дугал Мак-Лауд сидел на покосившемся крыльце своего обиталища, размышляя о превратностях жизни.

Пару дней назад конфиденнта пожелал узреть д'Ибе-

лен. Сухо осведомившись о состоянии дел и получив в ответ бодрое: «Все готово!», барон Амори пожевал тонкими губами и назначил срок — после здешнего Рождества. Скотт восторженно, пристав к работодателю с настойчивыми расспросами: что ждет Империю с кончиной правителя? От прямого ответа Амори всячески увиливал, косился на подчиненного с подозрением, а под конец и вовсе резко велел не соваться, куда не надо.

Мысли, толкавшиеся в голове бывшего лазутчика Римской курии, были непривычными, никогда прежде не посещавшими его беспокойную голову.

«Вот живу я, человек, одно из многих созданий Божьих. Меняю имена, города, страны, покровителей. Никому ничем не обязан, никаких долгов, никаких обещаний. Встречаюсь с женщинами, бросаю их. Завожу друзей и покидаю, не прощаясь. Беспокоюсь только о сегодняшнем дне. А потом меня заносит на другой край земли... И внезапно начинаешь задумываться: куда бежал все эти годы? К чему стремился? Вроде бы всегда среди людей, но всегда один... Не пора ли остановиться?»

Порой Дугалу казалось, будто за его спиной дребезжаще хихикает покойный дедушка Бран Мак-Лауд. Седая голова почтенного старца одобрительно трясется: мол, внучек, ничего иного я от тебя не ждал. Учинять мятеж — так по всей провинции, воровать — так императорскую корону, влюбляться — так не меньше, чем в королеву. Не посрамил семейных традиций!..

«Да если бы мне кто-нибудь заявил, что я буду без малого две седмицы таскаться к женщине заради того, чтобы говорить с ней ночь напролет... Я б такого болтуна прикончил на месте. Чтобы впредь не трепал мое доброе имя своим паршивым языком. Господи, все куда хуже, чем в какой-нибудь слезливой балладе. Не-ет, с меня довольно. Дождусь Рождества, выполняю договор и мы делаем отсюда ноги. Именно „мы“ — я и Агнесса. Остальные могут отправляться прямиком к дьяволу, выстраиваться

в очередь и целовать его под хвост. Да-да, все без исключения — и Амори д'Ибелен, и мессир Конрад, и кесарь Андроник, и король Ричард вкупе со своей матушкой...»

...Третий или четвертый визит Дугала в обитель византийских правителей совпал с каким-то празднеством. Палатий гудел — повсюду ярко пылали факелы и лампы, по лестницам и галереям металась прислуга, из окон доносилось слаженное струнное бряцание и громкие голоса, декламировавшие нечто торжественное. По садовым аллеям чинно прогуливались пары и компании придворных.

Из-за многолюдья добраться до знакомых мест оказалось намного труднее, чем обычно. Балкончик пустовал, в жилых покоях дым стоял коромыслом. Незваный гость расслышал женскую болтовню, топот босых ног, сердитые окрики и шелест ткани.

Заполошная суeta длилась с четверть часа, потом все стихло: обитательницы здания удалились. Шотландец беспрепятственно достиг покоев своей знакомицы, обнаружив там уйму разбросанных прямо на полу разноцветных нарядов, выстроившиеся на столе открытые шкатулки с украшениями и пару хлопочущих служанок. Пришлось затаиться, ожидая, пока взახлеб трещащие девицы наведут порядок и сгинут.

«Анна вполне может вернуться под утро. Или вовсе не прийти. Оставаясь здесь, я здорово рискую».

Но Дугал все-таки решил подзадержаться. Уж больно много людей околачивалось в садах и около дворцовых построек. Не станут же они буяннить ночь напролет, рано или поздно угомонятся. Они ведь благовоспитанные ромеи, не какие-нибудь европейские варвары.

Скотт побродил по опустевшему жилищу госпожи Анны, перебирая принадлежащие ей драгоценные вещицы и по вѣвшейся в кровь привычке решая, сколько они могут стоить. Некоторые безделушки вполне могли обеспечить безбедное существование небогатому семейству.

Собрание книг на полках тоже наверняка обошлось в кругленькую сумму. Настоящее стеклянное зеркало — вообще истинное сокровище. А вот своей вышивкой фрейлина пренебрегает. За столько дней не добавила ни единого стежка.

В коридоре зашелестело, быстро зацокали по мрамору каблучки и зашлепали плетеные сандалии. Разгневанный женский голос повелел: «Идите прочь, кому сказано! Нет, мне ничего не надо! Елена, оставь меня в покое!..»

Торжества не доставили хозяйке покоев удовольствия. До слуха находившегося в соседней комнате Дугала долетел короткий сдавленный всхлип.

— Это я, — вполголоса предупредил он, боком протискиваясь в слишком узкую и низкую дверь. — Смотри, у вас нынче веселье...

Недоговоренная фраза повисла в воздухе.

Госпожа Анна застыла посреди комнаты, уронив руки и напоминая ожившее изображение византийской святой (хотя, по мнению кельта, святые подвижницы никогда в жизни не таскали на себе такого количества золота и драгоценных камней). Торжественно и мрачно сияли иссиня-фиолетовые шелка, радужным огнем искрилось лежавшее на плечах женщины широченное ожерелье. Над высокой прической лунным полумесяцем горел узкий серпик алмазной диадемы. Миловидное личико исчезло, заменившись белой алебастровой маской с тщательно прорисованными бровями, удлиненными до висков глазами в черных тенях и алым пятном губ.

— Вот оно как, — без всякого выражения протянул Дугал.

— На колени падать будешь? — высоким, звенящим тоном осведомилась молодая женщина. — Каяться в оскорблении величества? Уверять, что впредь никогда и ни за что? Биться головой о стену и просить о милосердии?

— Вот еще вздумала, — опомнился шотландец. — На колени ей падай! Ввела честного вора в заблуждение и возмущается! «Я Анна», — весьма схоже передразнил он. — Здесь которую не спросишь, каждая вторая девица — Анна!

— На себя посмотри, — отпарировала госпожа Анна Комнина. — Данни — не имя! Я узнавала, у франков таких не бывает!

— Зато мне нравится, — положил конец спору кельт. — И вообще, почему ваше императорское величество не украшает своей особой гулянку в честь седьмой пятницы на неделе?

— Не могу больше. — Обведенные алой краской губы беспомощно задрожали. Осторожно присев, Анна попыталась обеими руками извлечь диадему из прически. Украшение удерживалось десятком глубоко воткнутых в локоны шпилек, и женщина тихо ойкнула. — Пусть высокочтимый супруг завтра сколько угодно выражает неудовольствие моим дурным поведением. Надоело. Я есть — и меня словно бы и нет. Пустое место. Еще одна статуя для украшения зала.

Она дернула усеянный камнями серпик и вытащила-таки, пожертвовав несколькими длинными прядями.

— Ну перестань. — Дугал спас прическу от дальнейшего надругательства, одну за другой выудив застрявшие шпильки. — Наверняка все не так скверно, как тебе кажется. Ты ж как-никак императрица византийская.

— Конечно, — в задумчивости покивала госпожа Анна. — Теперь еще напომни, сколько женщин мечтают оказаться на моем месте. Знаешь, я охотно поменялась бы с ними. Пусть они пылко ублажают семидесятилетнего старца, а потом ночь напролет прислушиваются — не крадется ли кто по комнате. Я не просила такой судьбы. Но разве меня спрашивали? Два правителя, франкский и византийский, давным-давно заключили соглашение. Дальше все было, как в сказках: маленькую принцессу посади-

ли на корабль и через моря повезли в далекий Константинополь. Мне тогда было лет шесть или меньше.

— Разве ты не ромейка? — искренне удивился Дугал. Рассказывая конфиденнту о здешней императрице, д'Ибелен упустил из виду это обстоятельство. Видимо, решил, тот и так знает.

— Я родилась в Европе. — Женщина зажмурилась и уточнила, с запинкой выговорив название: — В Аквитании. Там у меня было другое имя. Здесь меня окрестили заново и велели запомнить: отныне я Анна.

— Как же тебя звали раньше? — В собственных фальшивых именах шотландец еще не путался, но за десять лет их набралось довольно много...

— Агнесса, — с растерянной улыбкой призналась базилисса. — Д'Эвре.

— Агнесса д'Эвре, — повторил кельт, решив: — С этого дня перестая называть тебя Анной. Будешь Агнессой.

— Хорошо, — покладисто согласилась византийка. Прислушалась к долетающим снаружи выкрикам и нахмурилась: — Не пойду к ним. Противно. Поможешь с этой обузой? — она встряхнула кистями рук, заставив многочисленные браслеты тоненько зазвенеть, и щелкнула ногтями по тяжелому ожерелью. — Я похожа на ювелирную лавку, верно?

Жизнь в Палатии все-таки научила молодую императрицу полезным уловкам. А может, на душе у нее было так скверно, что общество подозрительного знакомца показалось ей лучше долгой одинокой ночи.

Или просто оба понимали: они не в силах ничего изменить.

Как и во время памятного знакомства за пыльным гобеленом, она не стала вырываться и тем более звать на помощь. Расшитые золотом дорогие шелка скользили вниз и шелестящими кучками падали на пол. Жалобно звякнув, к ним присоединилось ожерелье. Под своими просторными одеяниями Агнесса оказалась не хрупкой

угловатой юницей, но девой весьма приятного сложения, гибкой и фигуристой. Она по-прежнему молчала, только сильнее прижималась к стоявшему рядом мужчине — словно боясь того, что он исчезнет.

Дугал на руках отнес ее в спальню — маленькую, полутемную, с низким потолком, почти целиком занятую широкой кроватью. Целовалась Агнесса с каким-то жадным исступлением, в любви была не слишком искушенной, зато щедрой и покорной. И очень, очень тихой — только в самом конце еле слышно простонала, долго и сладко: «Да-анни...»

Именно тогда шотландец осознал одну простую мысль: он разобьется в лепешку, но изыщет способ забрать Агнессу отсюда. После Рождества, когда все будет кончено. Она не станет безмолвной пешкой в играх Конрада, д'Ибелена и прочих сильных мира сего. Императрица Анна Комнина исчезнет, на свет появится Агнесса д'Эвре. Надо только дожить до здешнего Рождества. До которого осталось чуть больше двух недель.

Собственно, все последующие встречи Дугал потратил на убеждение своей дамы. Скотт проявил чудеса красноречия, дал уйму обещаний (порой совершенно неисполнимых), но добился только робкого «Может быть... Я не знаю».

Анне-Агнесе никогда в жизни не доводилось принимать самостоятельных решений. Императрица великой Византии панически боялась. Всего без исключения: собственных внезапно вспыхнувших чувств, разоблачения, злых собак, огромного мира за пределами дворца. Но больше всего — мыслей о том, что в одну прекрасную ночь загадочный и непонятный человек, разрушивший ее позолоченную клетку, больше не придет.

Назначенный д'Ибеленом срок меж тем неумолимо приближался.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Линия судьбы

25—26 декабря

В невообразимо далеком Лондоне, столице королевства Английского, начались Рождественские празднества. Неслышно сыпался с низких серых небес белый снег, мелодично перезванивались колокола, служились благодарственные молебны, шумели за праздничными столами гости. На дверях любого жилища — от замка до бедняцкой хижины — появились традиционные ветви вечнозеленых остролиста и тиса. Спаситель вновь пришел в грешный мир, и многие смертные уповали на то, что следующий год окажется не в пример лучше предыдущего.

Константинополь, столицу Византийской империи, заливало дождем. Налетевший с Черного моря холодный шквалистый ветер метался по улицам, срывая с деревьев уцелевшие листья и гоняя мусор. Частые струи назойливо барабанили по свинцовой черепице. Рычала сливающаяся в клоаки мутная вода, и до здешнего Рождества оставалось двенадцать дней. Мессир Гай Гисборн весьма удивился, узнав, что греческое летоисчисление так сильно разнится с принятым на его родине. Лев Треда объяснил франку причины, ссылаясь на разногласия между папой Григорием Гильдебрантом, установившим канон отсчета дней и лет для жителей Европы, и императором Юлианом, не пожелавшего следовать римскому порядку. Сэр Гисборн смиренно выслушал, кивая, но мало что понял.

Он задремал под рокот ливня и очнулся под монотонный шуршащий звук капель, стекающих по промасленному отрезку шелка в полукруглом окне. Представшие рассеянному взгляду Гая предметы остались неизменными: шелковый золотистый балдахин в россыпи бирюзовых цветов и четыре поддерживающих его витых столбика. Дальняя стена, потрепанный арабский ковер

в темно-алых и черных тонах. Ближняя стена с окном, сквозь которое проникает немного света и доносится мерный шум ливня.

Четвертый день он безвылазно жил в этой комнате, не испытывая ни малейшего желания покидать ее или раскаиваться в недостойном рыцаря поведении. Четвертый день сумасшедшего, какого-то языческого счастья.

Четыре дня и ночи, проведенные рядом с Изабель. С Зоэ — таким оказалось ее настоящее имя. С Зоэ из рода Склиров — Зоэ Склиреной.

Нынешним сереньким утром Гай наконец-то проснулся самостоятельно, а не от тычка острым локотком в бок. Зоэ спала. Во сне подвижное личико ромейки сделалось очень спокойным и строгим. Почему-то она казалась старше своих законных лет.

Беззвучно ухмыляясь, мессир Гисборн осуществил давно задуманную маленькую месть. Вытащил из кошелька и аккуратно пристроил на узорчатой подушке Зоэ четыре тускло блестящие монеты с изображением восседающей на троне фигуры. Закрыв глаза и прикинулся спящим, на всякий случай приготовившись к поспешному бегству в дальний угол комнаты и обороне от разъяренной девицы.

Рыжая сонно заворочалась, наткнулась ладонью на холодную монетку и мгновенно очнулась. Имелась у ромейки такая полезная способность.

— Это что? — Она поднесла золотой кружок ближе к глазам. Повертела так и сяк, изучая неожиданную находку. — Одна, две... четыре. Гай, не притворяйся. Я знаю, ты не спишь. Что это такое, я тебя спрашиваю?

— Деньги, — невинным тоном откликнулся ноттингамец. — Четыре номизмы. Доброе утро.

— А почему только четыре? — сдвинула брови Склирена.

— Сама говорила, по здешним ценам ночь без изысков стоит одну номизму, — въедливо напомнил мессир

Гисборн. — Мне вдруг пришло в голову, что мы провели тут уже целых четыре ночи, а я до сих пор ничего тебе не заплатил. Вот, теперь мы в расчете. Четыре номизмы потому, что никаких обещанных изысков на античный лад я совершенно не заметил. Потом непременно попечению хозяйке, как та скверно обучает своих девушек.

— Ах, ты! — в голову франка полетела подушка. Зоэ хихикнула, сгребла монеты в горсть и швырнула на пол. — Нахал! Римских изысков ему подавай! А ты подумал, каково пришлось мне? Я ведь до сих пор в себя прийти не могу! Ночами снятся кошмары о том, что меня посадили на необъезженного жеребца и заставили сделать десять кругов галопом по Ипподрому!

— Ну уж и необъезженного. — Гай тщетно попытался скрыть смущение под напускной деловитостью. — Между прочим, все не успеваю спросить. У тебя есть родственники? Отец, мать, дядя, хоть кто-нибудь?

— Зачем тебе понадобилась моя родня? — искренне удивилась бывшая Изабель.

— Чтобы просить твоей руки, разумеется! — фыркнул мессир Гисборн. — Нельзя ведь всю жизнь провести в доме свиданий. Выйдешь за меня замуж, Зоэ?

— Спроси через неделю, я пока поразмыслю, — съехидничала рыжая девица и погрустнела: — Нет, Гай, теперь у меня никого нет. Никого и ничего. Матушка еще лет десять тому назад изнурила себя постами, молитвенными бдениями и бесконечными паломничествами. Отец погиб в захудалой крепостце на восточных границах. Был брат, Алексис... не думаю, что он еще жив, хоть и надеюсь. Была усадьба в Константинополе и земельные участки в феме Пафлагонии — наверняка реквизированные в императорскую казну. У меня остался только Треда, наш бывший управляющий и мой воспитатель. Обратись к нему. Думаю, он с превеликим удовольствием вручит меня тебе. Ты ему понравился. Кирие Лев весьма уважает таких людей, как ты, — упорных в достижении поставленной цели.

Теперь, когда многое встало на свои места, мессир Гисборн сообразил, почему манера речи почтенного Льва Треды казалась ему неуловимо знакомой. В столь же циничном и желчном духе изъяснялась незабвенная Изабель Уэстмор.

— Лев всегда меня защищал — и в детстве, и теперь, — задумчиво продолжала Зоэ. Они сидела посреди развороченной постели, поджав ноги и обхватив колени руками. — Когда я вернулась и обнаружила, что дом заперт, а брат под арестом, он спрятал меня. Он и Костана, хозяйка «Луны». Она его давняя подруга. Они оба здорово рискуют, так что в скором времени мне придется подыскивать новое убежище.

— Тебе надо вообще исчезнуть из Византии, — решил Гай. — Раз я смог найти тебя, значит, сумеют и другие. Едем со мной в Иерусалим! Когда я... э-э... закончу свои дела в Святой Земле, вернемся в Англию.

— Никуда я не поеду, — Зоэ оскалилась, показав мелкие острые зубки. — Еще чего! Никому не позволено выгонять меня из собственного дома! Они еще пожалеют, что так обошлись с нашей семьей! Старый мешок с костями, дражайший кирие Дигенис, пожалеет в первую очередь! Я что, зря надрывалась, волоча треклятые сундуки через всю Европу?

— Архив все еще у тебя? — поразился ноттингамец.

— Конечно, — хмыкнула девица. — Точнее, та его часть, что я вдумчиво отбирала в свободное время. Преспокойно лежит под нашей кроватью. Кипа телячьих шкурок — моя единственная защита. Мой способ отомстить и выжить. Я так тщательно подбирала эту коллекцию жемчужин! Грех отдавать ее в чужие руки!

— Как же я раньше не подумал, — удрученно пробормотал Гай. — В Камарге ты схватила отнюдь не первый попавшийся сундук, верно? У тебя было время перевернуть архив и отложить наиболее ценное... Проклятье!

— Ну конечно, я именно так и поступила. И вовсе не

проклятье. Ты сейчас злишься на свое недомыслие или на мое хитроумие? Брось, пустое. Кстати, Мак-Лауд сильно бесился, обнаружив мой побег? И вообще, что потом случилось с нашим безумным горцем?

— О да, на него в то утро стоило посмотреть. Издалека. Но еще больше я хотел бы видеть его физиономию в другое утро, недель позже, — с затаенным торжеством в голосе сообщил сэр Гисборн. — Видишь ли, Мак-Лауда обокрали дважды. В Марселе я перехватил у него оставшиеся сундуки. Отвез их на Сицилию, королеве Элеоноре. А твой верный паладин Франческо, кстати, обвенчался с юной ведьмочкой из Ренна. Я был свидетелем на церемонии. Надеюсь, у них достанет ума больше не встречать в смертоубийственные истории.

Зоэ рухнула на постель и захохотала, молотя кулачками по подушкам и дрыгая длинными ногами. Она выглядела настолько очаровательной и непристойной, что Гаю хотелось только одного: опрокинуть рыжую на спину, впиться в смеющиеся лживые губы и не отпускать ее, пока не запросит пощады.

Добиться победы ему покуда не удавалось, ромейка всегда одерживала верх. В ответ на сетования мессира Гисборна Зоэ лукаво посмеивалась, разглагольствуя о том, что любовь — такое же искусство, как война или возведение крепостей. Вас, сэр рыцарь, ожидает долгое и вдумчивое постижение тайн сей великой науки... с обещанными изысками.

Отдаленный шум за дверью не сразу пробился к затуманенному сознанию Гая — Зоэ как раз вздумалось обучить его забавной проделке под названием «Татарская наездница скачет на тигре». Даже когда все комнаты были заняты, «Золотая луна» оставалась довольно-таки тихим местом. Здешние обитательницы скользили на цыпочках, говорили воркующим полусшепотом, а посетители заведения госпожи Костаны весьма ценили возможность оставаться неузнанными и незамеченными.

Резкие и громкие мужские голоса, скорее всего, означали неприятности.

— А? — Рыжеволосая задвигалась быстрее, умудряясь одновременно чутко прислушиваться к тому, что творится снаружи. — Что там?.. Буйные клиенты или проверка значных местечек сыскарями эпарха? Ловят кого?..

— Нас, наверное, — буркнул Гай. Мессир Гисборн был до крайности недоволен тем, что его отвлекли прямо перед наступлением самого захватывающего и сладкого мига. Склирена тихо ахнула. Поймав ее за запястья, Гай привлек девицу ближе, увидев в расширенных зеленовато-голубых зрачках свое отражение.

На сей раз, однако, насладиться друг другом им не дали. Дверь приоткрылась на ширину ладони и стремительно захлопнулась. В узкую щель чудом проскочила хозяйка заведения, щедро одаренная природой дама средних лет, низенькая и шустрая, с короной уложенных вокруг головы светло-каштановых кос. Приветливое и добродушное личико с мелкими чертами и подведенными бровями теперь выглядело не на шутку встревоженным. Торопливо задвинув медный засов, кирия Костана всплеснула маленькими аккуратными кистями:

— Собирайтесь! Быстрее! Зоэ, милая, там пришли с розыскным листом на тебя! Донесла какая-то мерзавка, легкие деньги ей весь свет застили! По комнатам начали шарить, пока еще доберутся...

Ругнувшись, мессир Гисборн перекатился по кровати к сложенным на табурете одежде и оружию. Склирена рухнула на пол, шаря под ложем и извлекая на божий свет вместительный кожаный мешок, с каким ходят разносчики. Добыв свое сокровище, она кинулась одеваться, через плечо бросив:

— Лев здесь?

— Да, — хозяйка просеменила через комнату, отворачивая край темно-красного арабского ковра и нетерпеливо хлопая ладонью по белёной стене. Маленький

участок под ее рукой вдруг подался вниз, повернулся со звонким щелчком, открывая низкую дверцу и темный проем за ней. — Проскочил к одной из девушек. Попытается затеять с сыскными ссору, потянуть время... Если все обойдется, я выставлю в окне желтую лампу, как условлено.

— Поцелуй его за меня, — Зоэ нежно чмокнула госпожу «Золотой луны» в щеку и ловким движением забросила мешок за спину. — Не дразните их понапрасну. Если что — вы ничего не знали. Спасибо за все, Костана.

Звучание голосов в коридоре стало раздраженным. В него вклинился робкий женский взвизг, смачное ругательство, произнесенное знакомым Гаю басом, и грохот упавшего предмета. Дальнейшего мессир Гисборн не слышал, ибо рыжая с силой дернула его за рукав, волоча к дверце потайного хода.

Придержав рвущуюся вперед девицу за плечо, англичанин затолкал ее себе за спину и осторожно шагнул вперед, нащупав узкие и крутые ступеньки. Створка закрылась, оставив их в полумраке. Госпожа Костана расправила поддельный арабский ковер, сдавленно всхлипнула и помчалась на выручку своему знакомцу. Благополучие Льва Треды и сохранность заведения тревожили кирию Костану гораздо больше, чем участь девицы из рода Склиров. О той есть кому позаботиться, а кто вступится и защитит бедную владелицу скромного дома свиданий?

* * *

Хитроумно встроенная в промежуток между стенами деревянная лестница обвивалась вокруг невидимого столба, спускаясь все ниже и ниже. Пахло гнилой рыбой, прогорклым маслом и плесенью. Дважды Гай едва не срывался, когда вместо очередной ступени под ногой оказывалась пустота. Шедшая сзади Зоэ придерживалась за осклизлую стену, еле слышно бормоча про себя.

Как предположил Гисборн, ромейка проклинала жестокий мир, вынудивший ее выбраться из уютной постели и снова удирать.

Выставив перед собой левую руку и шаря в воздухе, Гай внезапно ощутил под ладонью шершавые доски. Поводил пальцами вверх и вниз, разыскивая засов, крючок или защелку. Нашел, откинул в сторону и резко пнул створку ногой, держа кинжал наготове. Если за дверью караулит стражник, он наверняка выдаст себя, бросившись вперед.

Никого. Вечереет, дождь закончился, воздух пропитан сыростью и кислой вонью помоев. Маленький внутренний дворик, окруженный со всех сторон высокими стенами с узкими оконными проемами, по колено заваленный отбросами. Слева чернеет низкая арка, выход на улицу святого Епифания, путь к бегству и спасению.

Брезгливо сморщив носик и высоко поддернув подол, Зоэ запрыгала через груды выброшенного хлама и объедков, в которых рылись облезлые собаки. Тяжелый мешок, набитый пергаментами из сундука Лоншана, хлопал ее по спине.

Беглецы юркнули в сумрачную гулкость арки, припустив к видневшейся в дальнем конце проема торговой улице. Они успели добежать до середины длинного каменного туннеля, когда сочившиеся водой стены вытолкнули из себя две внушительного вида фигуры, преградившие дорогу.

Слух о том, что местные блюстители даже мыши не дадут скрыться с места преступления, оказался верным.

— Куда торопимся, добрые люди? — осведомилась фигура пониже и пошире, та, что стояла слева.

Зоэ немедленно затараторила по-гречески, заламывая руки, тыча пальцем позади себя и причитая. Мессир Гисборн понимал ее речи с пятого на десятое. Склирена пыталась выдать себя за девушку из «Золотой луны», а своего спутника — за важного клиента из иноземного

квартиры, к которому никак нельзя быть замешанным ни в каких скандалах. Франк пригрозил расправой, хозяйка, испугавшись, выставила их черным ходом. Они готовы заплатить доблестным стражам, только пусть франку разрешат уйти. А она вернется, она непременно вернется! Она ведь понимает — злоумышленники повсюду, бдительность превыше всего. Она просто скромная подданная базилевса, зарабатывающая по мере своего разума. Кирия хозяйка велела незаметно увести гостя — она и увела...

Второй блюститель, не вступавший в разговоры, извлек из складок одежды притушенный фонарь, отодвинув заслонку и заключив всех четверых в пятно раскачивающегося света.

— Рыжая, — изрек он, точно приговор оглашал. — Пойдешь с нами. Имя как?

— Майя, — испуганно пискнула Зоэ, крохотными шажками пятась к выходу на улицу.

— А его? — Сыскарь пониже ткнул пальцем в Гая.

— И его тоже, — рассудил напарник. Обратившись к англичанину, он на довольно разборчивом норманно-франкском приказал: — Мы — стража эпарха. Иди обратно. Если ни при чем, отпустим.

— Конечно, — миролюбиво согласился мессир Гисборн, с разворота нанося знатоку иноземных наречий сокрушительный удар сложенными кулаками под дых. Блюститель всхрипнул, выронил лампу и рухнул, как подрубленное деревце. Второй оказался проворнее, попытавшись схватить Зоэ за руку. Получив острым каблуком по щиколотке и согнутыми в виде когтей пальцами за ухо, охнул, согнулся и приземлился лицом вперед на выщербленные булыжники. Ноттингамец ринулся вперед, к обретенной свободе, но девица повисла на нем тяжеленным корабельным якорем.

— Не беги, — шипела она. — Привлечем внимание. Вдруг поблизости околачивается еще человек десять?

Налетят и повяжут. Идем чинно, как положено добрым горожанам.

— В иоаннитскую прецепторию? — предложил мессир Гисборн, когда они выбрались на улицу святого Епифания и повернули налево. Девушка мелко семенила чуть позади и справа, скромно потупив глаза и набросив на голову шаль. — Кирие Лев наверняка тебе говорил, я там живу. Прецептория вроде бы считается иноземным владением, ваших гвардейцев туда не впускают...

— Впускают, еще как впускают, — буркнула ромейка. — Только наведаться туда все равно придется. Забрать твоё имущество и деньги, какие есть. А потом — снова прятаться. Я знаю...

Она не договорила. Позади, резанув по ушам, раздался тонкий переливчатый свист. Редкие прохожие, подобно напуганным тараканам, шарахнулись в разные стороны, прижимаясь к стенам. Зато стоявшие шагах в десяти городские стражники, числом пятеро, в темно-зеленой с алым форме, заполошно закрутили головами по сторонам, поудобнее перехватывая длинные копы с необычно зазубренными наконечниками.

Зоэ закатила глаза и беззвучно застонала. Из глубины арки, шатаясь и придерживаясь за разбитую голову, выбрался один из епарховых блюстителей — тот, которого она недостаточно тщательно оглушила. Сыскарь попеременно то дул в длинный свисток, то настойчиво тыкал рукой в сторону удаляющейся парочки. Обретя дар речи, он сипло проорал:

— Взять! Живыми! Франк и девка! Повелением епарха! Да шевелитесь, задницы!..

Награжденные нелестным прозвищем стражники сдвинулись с места, выстраиваясь полукругом и понимая, что добыче некуда деваться. Побегут? Дальше следующего патруля, что сотней шагов дальше, на перекрестке, все равно не удержат. Свернут в переулок? Разве кто-нибудь знает Константинополь лучше городской стражи? Вздуг-

мают сопротивляться? Таких умников уже давно повывели. Нынче даже застигнутый на месте преступления воришка предпочитает смиренно сдаться, получить свою дюжину плетей и уйти живым. Правда, с франка станется наделать глупостей... Вон скалится, ровно зверь дикий, да за мечом тянется. А клинок-то прикручен бечевой к ножнам, как оно по закону полагается. Ибо нечего тут железками размахивать да беспорядки учинять. Скрутим, как миленьких. За поимку злоумышленников еще небось и вознаграждение какое-никакое полагается...

Незамысловатые мысли блюстителей без труда читались на их физиономиях. Гай ожесточенно дергал свой клинок, старательно обмотанный вокруг крестовины тонкой веревкой с металлической нитью внутри. Привязь оказалась крепкой и не поддавалась.

Зоя сжала ладони в кулачки... и вдруг истошно заблажила, в точности обворованная торговка на рыбном базаре:

— Люди добрые! Да что ж это такое делается! Скоро эпарховы шпики уже к вам в постель залезут, вынюхивать будут, каково вы сношаетесь! До чего дошло — честным шлюхам лишний фолл заработать не дадут! Пока вы по углам таитесь да суетитесь, дождетесь, что последний приличный лупанарий закроют! С чем вы тогда останетесь? С грязными девками из гаваней? Скопом найметесь в подпаски к влахам, овец портить?

Гвардейцы, опешив, сбились с шага. Эпархов сыскарь с разбитой головой остановился, забыв очередной раз дунуть в свисток и призвать сотоварищей на помощь. Струхнувшие горожане, которым вроде бы ни до чего не было дела, как замороженные, начали подтягиваться ближе.

Зоя орала, на все корки чества ромеев, не способных защитить бедных девушек от произвола соглядатаев, везде сующих свой нос. Мессир Гисборн так и не сумел разорвать веревку на ножнах и, когда блюстители поравнялись

с ним, встретил первого добрым ударом кулака в челюсть. Стражник устоял, пошатнувшись, — но пример франка оказался заразительным. Когда еще двое гвардейцев потянулись взять Зоэ за плечи, из разрастающейся толпы выдвинулся хмурый кряжистый тип в кожаном фартуке, украшенном бляшкой в виде бычьей головы.

— Шлюх трогать не могли! — наставительно изрек он, без труда отрывая стража порядка от мостовой и швыряя его в направлении ближайшей лавки. Полет был коротким, но внушительным — легкий навес, прилавок и ящики с фруктами опрокинулись. Пострадавший торговец завопил, составив неплохой дуэт с визжащей Склиреной. — Шлюхи — это святое!

— Это преступники! — упрямо пытался исполнить свой долг сыскарь. Зоэ без лишних слов схватила укатившуюся пустую корзину и нахлобучила ему на голову. Брошенная ею искра упала прямиком в ворох сухостоя: недовольно ворчащие горожане медленно, но верно оттесняли стражу назад. Со стороны «Золотой луны» трусцой несло подкрепление в лице пятерых крепких мужчин непримечательной наружности. Вдалеке пронзительно заливались свистки.

Улучив миг, рыжая девица и беловолосый франк юркнули в разрастающуюся толпу. Бросив взгляд через плечо, мессир Гисборн увидел, как мясник сокрушает кого-то из стражников, сыскари, размахивая дубинками, отступают под градом летящих в них камней, и над вскипающей дракой висит многоголосый ор.

— Лихо я их? — задыхающаяся от бега Зоэ ухмылялась до ушей, чрезвычайно довольная своей выходкой. — Они там надолго увязнут!..

— Зато к вечеру по нашему следу спустят всех собак, — рявкнул Гай, раздосадованный тем, что его, английского рыцаря, выставили рьяным защитником чести константинопольских девиц легкого поведения. — Об этом ты подумала?

— Э-э... — Рыжая ромейка остановилась столь резко, что мессир Гисборн по инерции проскочил мимо. — О Господи! Нет, в прецепторию нам теперь соваться не с руки. И прятаться больше не имеет смысла. Мы не позволим превратить себя в добычу, которую гоняют по всем закоулкам. Нам нужно оказаться на виду. Чтобы нас не могли прикончить украдкой, отобрав архив. — Она поддержала съехавший с плеча ремень мешка.

* * *

Первоначальный цвет стен маленького храма, возле которого, попетляв по улицам и переулкам, остановились франк-иноземец и рыжеволосая уроженка Империи, давно исчез под многолетним слоем бурой копоти. Гай привычно поименовал маленькую церковь на латинский манер «капеллой», часовней — и, подняв взгляд, убедился, что она служит привратницей при ином храме. Огромном, приземистом, сложенном из темно-розового, белого и красного кирпича, с тусклым позолоченным куполом, раскинувшимся на целый квартал. Величественное, поражающее воображение гостей столицы сооружение, как уже знал мессир Гисборн, звалось собором Святой Софии-Премудрости. Оно было возведено по приказу одного из создателей Империи, базилевса Юстиниана, и являлось самым почитаемым храмом не только столицы, но и всей Византии. Церковь Софии была для обитателей Империи тем же, что для европейцев — храм Святого Петра в Ватикане. Благо резиденция местного первосвященника, патриарха, располагалась по соседству.

Взбежав по низким и просевшим ступенькам на крыльцо капеллы, Склирена изо всех сил рванула на себя тяжелую дверь. Проскочила внутрь и бесцеремонно прокричала в голос длинную греческую фразу. Эхо ее выкрика гулко заметалось в изгибах низкого потолка.

Молившиеся подле скромного алтаря монахи испуганными теньями брызнули в стороны. На настойчивый призыв явился церковный чин, с коим миледи Зоэ вступила в долгую беседу, со стороны весьма напоминавшую перебранку двух азартных торговцев. Девушка и священнослужитель непрерывно крестились (чертя символ непривычным образом справа налево), тут же сплевывали через плечо, выставляли пальцы рожками и топали на собеседника ногой. Физиономия под черным капюшоном отнюдь не лучилась благостью и стремлением помочь страждущим. Монах гневался — из чего Гай сделал вывод, что рыжая девушка почти добила своего. Уступивший ее напору священник обреченно махнул рукой, в последний раз осенил себя крестом размахом с могильный и удалился, гневно топорща длинную бороду.

— Милосердие и традиции восторжествовали, — изволила пояснить недоумевающему свидетелю бывшая Изабель Уэстмор. — Остаемся здесь. Святым братьям не очень нравится наше присутствие, особенно твое, как иноземца и наверняка еретика, но традиции есть традиции.

— Я не еретик, я честный католик, подпавший под ведьмовские чары одной хитрой ромейки, — невесело отшутился Гай. — И что мы будем делать теперь?

— Ждать, — отрезала Склирена.

В греческих церквях не предусматривались ряды скамей для молящихся. Подобрал изрядно потрепанный и намокший подол платья, Зоэ присела на выступающий цоколь пузатой колонны. Свой драгоценный мешок она бережно пристроила по соседству.

Не в силах оставаться на месте, мессир Гисборн прошел туда-сюда вдоль стены, ощущая на себе неодобрительные взгляды иконописных святых подвижников.

Осенившая рыжую голову Зоэ идея воспользоваться правом церковного Убежища казалась ноттингамцу весьма и весьма скверной. Он уже имел сомнительное

удовольствие видеть, чем заканчиваются упования на неприкосновенность храмовых стен. Если враги спрятавшегося в церкви человека достаточно могущественны и злы, они извлекут его даже из-под церковного алтаря. Архиепископа Беккета храм не спас. И здешнего императора, о коем повествовал Лев Треда, тоже. Сидящий в убежище в точности уподобляется мыши, добровольно залезшей в мышеловку. Вокруг же, возбужденно вереща, носится стая голодных хорьков. Надо было не сворачивать с предложенного им пути, бежать в прецепторию, а оттуда — во франкский квартал.

— Ты прав. — В кои веки Склирена выслушала рыцаря, не перебивая и не споря. Глядя на Гая снизу вверх потемневшими от усталости и тревог глазами, девица продолжала: — Только видишь ли, в чем дело... Нам малость посчастливилось. Везение глупцов, как говорят в милой твоему сердцу Англии. Нашего божественного повелителя, кесаря Андроника, сегодня нет в городе. Он с присными отбыл в Филопатру. Есть на берегу Босфора, лигах в десяти от Константинополя, такое милое местечко. Если бы базилевс пребывал в Палатии, наша дерзкая выходка очень скоро завершилась именно так, как ты описывал. Нас вытащили бы отсюда и казнили прямо на ступеньках. Но Андроник за городом, а в столице распоряжается эпарх, градоправитель.

— Кирие Констант Дигенис, — блеснул осведомленностью Гай. — Твой... э-э... сюзерен? Наставник?

— Учитель, работодатель и проклятие всей моей жизни, — грустно завершила фразу Склирена. — Теперь он знает, где я. Надеюсь, в скором времени мы узрим либо его посланца, либо господина эпарха собственной персоной. Я заставлю его вытащить нас отсюда, живыми и невредимыми. Нас и Алексиса, если он еще пребывает в бренном мире. С помощью этого добра. — Она толкнула кожаную торбу носком мокрого сапога и криво ухмыльнулась. — Кирие Дигенис мне

сильно задолжал. Я хочу получить назад все, что принадлежит мне по праву.

— Допустим, он не придет, — мессир Гисборн пристроился по соседству со Склиреной, обняв девицу за узкие плечи. — Что тогда?

— Тогда я придумаю что-нибудь еще, — тяжело вздохнув, пообещала Зоэ.

Судя по медленно оплывавшим свечам, минуло больше двух часов. Визитеры из города не торопились, но бытие незваных обитателей капеллы немного улучшилось. Беглецам принесли ужин и наделили парочкой траченных молью и мышами овечьих шкур.

При виде огромной деревянной миски, где исходило паром некое варево, Зоэ оживленно потерла ладони и пакостно захихикала:

— От всей души уповаю, что святым братьям не пришел в голову быстрый и надежный способ избавиться от незваных гостей...

Гай, только что выхвативший сложенными в щепоть пальцами горстку разваренного проса с крохотными мясными обрезками, уронил добычу обратно в миску:

— Это что, шутка?

— Нет, это Византия, — безмятежно ответствовала патрикия Склирена, сноровисто набирая полную горсть варева. — Извини, не до приличий. Если нам поднесли отравы, ты узнаешь об этом по моей перекошенной от удовольствия физиономии. — Девица ловко отправила дымящуюся кашу в рот. Мессир Гисборну оставалось только последовать ее примеру, утешая себя тем, что монахам, даже византийским, не подобает быть настолько коварными.

После расправы над содержимым миски сэр Гай совершил вылазку к дверям часовни, осторожно выглянув в холодную ветреную ночь и убедившись, что снаружи все спокойно. Зоэ оттащила шкуры в левый придел, устроив некое подобие постели в уголке за легкой деревян-

ной загородкой. Забралась туда и свернулась калачиком, потребовав растолкать ее через пару часов, если никто не появится, и немедленно — если кто-нибудь пожалует.

Ноттингамец остался бодрствовать. С помощью кинжала и пары крепких саксонских выражений Гай наконец одолел упрямую бечевку, освободив свой клинок из плена ножен. В стены капеллы колотился сильный северо-восточный ветер, заставляя мелко дрожать толстые витражные стекла, алые с синим. Мерцали, покачиваясь на тонких цепочках, разноцветные лампадки перед иконами.

Одинокое бдение в полутемной стылой церкви невольно напомнило Гаю давний ритуал посвящения в рыцарское достоинство. Ему недавно сравнялось пятнадцать, пять последних лет он провел в качестве пажа в маноре соседей, Фитц-Алейнов, и родственники сошлись во мнении — мальчику пора становиться юношей. Долгая ночь в молитвах и размышлениях над своим будущим оружием, выщербленные каменные плиты часовенки, уцелевшей с времен, когда Британией правили саксы. За распахнутыми окнами благоухало лето, цвел боярышник, и подросток из рода Гисборнов, стоя на коленях, смиренно ожидал чуда.

Которого не произошло. Гай огорчился, не ведая, что обретет свое диво спустя семь долгих лет, на другом краю земли, в городе, название которого тогда звучало для него сказкой. Его рыжеволосое чудо спало, завернувшись в овечью шкуру и сжимая в правой руке тонкий стилет. Гисборн до сих пор не мог привыкнуть к звучанию настоящего имени своей знакомицы. К тому, что домыслы Мак-Лауда относительно поддельной Изабель Уэстмор оказались до последнего слова правдой. Но, даже зная истину, Гай никак не мог заставить себя возмутиться двуличностью и коварством рыжей ромейки. Напротив, с каждым прожитым днем Зоя все больше восхищала и удивляла его.

Он так и не разбудил ее. И, как некогда апостол, за-
былся под утро смутным, зыбким сном, из коего был
вырван настойчивым старческим покашливанием. Еще
толком не очнувшись, мессир Гай бросил ладонь к ру-
коюти лежавшего рядом меча. Вежливое покашливание
сменилось ироничным хмыканьем.

* * *

Ноттингамец мог поручиться, что эти двое не входи-
ли в дверь. Даже во сне он различил бы долгий тягучий
скрип плохо открывающихся, перекошенных створок.
Незванные гости появились откуда-то из глубины церк-
ви, наверняка воспользовавшись одним из незаметных
переходов, связующих капеллу и Святую Софию.

Теперь они стояли, смотря на него и мгновенно про-
снувшуюся Зоэ.

Бесформенный черный силуэт то ли в просторной
монашеской рясе, то ли в мешковатом плаще, спрятав
руки в широкие рукава, молчаливой глыбой высился в
отдалении. Второй успел присесть на неведомо откуда
взявшийся табурет. Капюшон суконного плаща отбро-
шен на спину, открывая плешивую макушку и печеное
яблоко сморщенной физиономии, в сумраке часовни
приобретшую мертвенно-пепельный оттенок. Упрятан-
ные под косматыми бровями маленькие глазки горели
неприятным, пугающе-холодным огнем. Гай невольно
поежился. Костлявый патриарх не производил впечат-
ления доброго самаритянина.

— Долго же вас пришлось дожидаться, — сварливо
буркнула Склирена, вскакивая на ноги. Быстрым дви-
жением рук она расправила скомкавшееся платье, отбро-
сила за ухо упавшую на лицо прядь.

Иссохший старик начал отвечать по-гречески. Зоэ
оборвала его короткой и резкой фразой. Познаний мес-
сира Гисборна достало, чтобы переложить слова рыжей

девицы на норманно-фрайкское наречие: «Говори, чтобы мы оба тебя понимали».

Старец равнодушно кивнул, произнеся на вполне пристойном языке дворянства Европы:

— Город огромен, в нем всегда что-то происходит. Как только я узнал о твоей беде, я поспешил сюда. Рад видеть тебя в добром здравии, Зоэ. Я ждал твоего возвращения домой гораздо дольше и, как видишь, не ропщу. Кто это с тобой?

— Друг, — чуть запнувшись, проговорила Склирена, — рыцарь королевства Английского, мессир Гай Гисборн. Гай, это его милость кирие Констант Дигенис. Именем и дозволением базилевса управитель нашего богоспасаемого града.

Под ледяным взглядом константинопольского епарха положенная вежливая бессмыслица примерзла к кончику гаева языка, да так там и осталась.

— Друг, — скучно повторил Констант Дигенис. — Не в обиду вам сказано, мессир, но раньше милая Зоэ была куда осмотрительнее в выборе друзей. Не доверяла им тайн, коих им знать не положено. Не привозила их туда, где им совсем не место.

— Добавьте к перечню моих ошибок еще и то, что, уезжая, я положила на ваше клятвенное обещание заботиться о моей семье и моем имуществе, — огрызнулась девица. — Я пережила тысячи опасностей и бед, уцелела там, где погибли лучшие! Спрашивается, что я застаю, вернувшись? Заколоченный дом под арестом, брата за решеткой и розыскные листы на собственное имя! Может, напрасно я так рвалась домой? Может, мне было лучше приискать теплое местечко среди франков? Да что там, я могла отправиться в Палестину, к тирскому маркграфу! Говорят, он из тех редких правителей, что способны оценить по заслугам преданных людей. Вашими стараниями я теперь разорена и лишена доброго имени! Правда, у меня сохранилось то, что стоит куда

дороже золота. Еще месяц назад я бы вручила сокровище вам бесплатно, как и положено верной подданной. Теперь же я говорю — нет. Вам придется выкупать мой товар, кирие. — Она безрадостно ухмыльнулась. — За мою цену. Вы о ней догадываетесь. Мне нужен живой Алексис, нужно возвращенное имение моего рода и возможность спокойно жить там.

— С ним, — невозмутимо добавил старец, мотнув костлявым подбородком в сторону Гая.

— Даже если и так, вам-то что? — нахмурилась Склирена. — Каким будет ваш ответ, мой премудрый господин? Я жду. Терпение у меня короткое.

Кирие Дигенис молчал, исподлобья созерцая озлобленную рыжую девицу так пристально и внимательно, будто она была похищенной драгоценностью короны, угодившей на прилавок мелочной лавки. Мессир Гисборн мог поручиться, что взгляд колющих бесцветных глазок епарха исполнен глубокой печали — поддельной или искренней.

— Я мог бы сказать тебе «Да, все будет по твоему слову», — наконец скрипуче промолвил он, чуть растягивая гласные. — Пообещать, что завтра же ты получишь обратно все, что потеряла. Но, если помнишь, когда-то мы условились, что в этом лживом мире между нами не будет обмана. Каюсь, за бесконечными хлопотами я упустил из виду твою семью. Алексис, считал я, не способен навлечь на свой дом неприятности. Однако твоему брату взбрело в голову искать скандальной славы. Слагать и выпускать эти грешные сатиры. На него поступил донос в Цензорат. Колеса завертелись. Один идиот, не озаботившись одобрением моей Управы, шлепнул печать на приказе об аресте. Другой чрезмерно рьяный идиот из дознавателей Влахерны перестарался с ведением допроса.

— Стало быть, мой брат мертв. — Губы Зоэ сошлись в одну прямую узкую линию.

Плешивая старческая макушка чуть склонилась вперед, утверждая сказанное. Прежде, чем Склирена успела выплеснуть свой праведный гнев, константинопольский епарх заговорил, нанизывая четкие и ясные слова одно за другим, словно бусины в четках:

— Зоэ, послушай меня. Послушай внимательно. Вижу, ты огорчена и расстроена. Но сейчас, как ты понимаешь, у нас нет времени предаваться скорби. Ты слишком долго пробыла в землях франков. В Империи многое переменялось. Если раньше мне и малому числу моих соратников удавалось сохранять шаткое равновесие между Палатием и Константинополем, то сейчас мы едва удерживаем город на краю падения в бездну. В кровавую резню, как это было семь лет назад, при восшествии Андроника на престол. Да еще, будто нам мало своих бед, это приближающееся франкское воинство. Тебе и тем, кого я отправил в Европу, предстояло сделать все, чтобы отсрочить либо вовсе остановить поход крестоносцев. Как утопающие в бурных водах, мы хватались за соломинки, порой совершая вопиющие глупости, — но...

— Простите, мессир. — Мысль, сверкнувшая в голове Гая, была неожиданной и ослепляющей, как летняя зарница: — Покушения на принца Джона Плантагенета и его сводного брата Годфри в конце нынешнего лета — не ваших ли рук дело?

Епарх удостоил английского рыцаря короткого изучающего взгляда. Пожевал провалившимися губами, дернул костлявым плечом:

— Во многих знаниях многие скорби, юноша... Чего тебе хочется больше — узнать правду или прожить долгую счастливую жизнь?

— Имеющий уши — да услышит, — ответил Гай цитатой на цитату. — Значит, ваш промысел. Чем же вам, интересно, принц Джон помешал?

— Что ж, ты выбрал, — холодно усмехнулся Дигенис. — Касательно того, чем помешал... Прости меня, о

муж пытливый и упорный, но — не твоего ума дело. Скажу только, что лично я был против. Однако царственный настаивал, и я поступил по его слову.

— Как я понимаю, мои посланцы не достигли цели, — продолжал епарх, сверля Гисборна неприязненным взглядом из-под седых бровей. — Это досадно. Зато и платить за пролитую кровь не нужно, что приятно. Моим доверенным лицам вообще не повезло в Европе. Вернулась только она. — Он перевел взгляд на Зоэ Склирену. — Та, на кого я возлагал меньше всего надежд. Затаилась здесь, в Убежище, не подозревая о том, что по городу расползаются слухи о побоище, учиненном тобою и твоим... кхм... знакомцем. В своем неведении вы совершили то, чему я стремился раз и навсегда положить конец. Нельзя допустить ни одной искры неповиновения, которая могла бы обратиться пожаром, губящим столицу и Империю. Андроник все равно долго не протянет, думал я, но пусть власть в Палатии хоть раз сменится мирно. Для разнообразия. А вы вздумали сопротивляться. Поносили базилевса. Подбили простецов на драку с гвардейцами и моими служащими. Теперь сидите и не ведаете, что в окрестных переулках начинает собираться толпа.

— Нечего было императорским псам покушаться на честных шлюх, — съязвила Зоэ. — Кому понравится, когда твое удовольствие прерывает мужлан с обнаженным мечом?

— Ты не шлюха, ты дура, что гораздо хуже, — резко перебил епарх. — Стараниями нашего богодухновенного базилевса столица сейчас похожа на грудку дров, обильно политых маслом. И что ты со своим белоголовым дружкой вытворяешь по скудости ума? Бросаешь в эту кучу уголек. Сидя на самом верху. Не удивляйся, милая, что пятки припекло. Однако бунт пока в самом зародыше, его еще можно усмирить. Теперь слушай меня внимательно, ибо я не намерен ни повторять, ни торго-

ваться: ты отдаешь мне документы, все, без исключения. Я вывожу тебя из Убежища и отправляю в провинцию. Постараюсь, чтобы ты не испытывала там никакой нужды. А поскольку нужно отдать кого-то на растерзание базилевсу и устрасить толпу, твой франкский друг останется здесь.

В кои-то веки Гай узрел небывалое — ошарашенную Зоэ. Рыжая ромейка растерянно приоткрыла рот, часто моргая и не в силах подобрать слов для достойного ответа.

Мессир Гисборн свирепо откашлялся и произнес как мог язвительнее, надеясь, что голос его звучит твердо:

— Как я понимаю, мою судьбу вы решили за меня? И ждете, что я пойду на эшафот покорно, как баран под нож?

С бесконечно утомленным видом кирие Дигенис повернулся к англичанину.

— Совершенно правильно понимаешь, юноша. Просто удивительная сообразительность для варвара. Впрочем, мне совершенно без разницы, пойдешь ты на эшафот сам, потащат тебя волоком или ты предпочтешь славную гибель в неравном бою. Наверное, надо бы добавить, что я сожалею, но это будет ложью. Не сожалею. Линия судьбы у каждого своя, твоя завела в тупик. Сам виноват. Не надо было соваться в дела сильных мира сего.

Гисборн побледнел, неосознанным движением касаясь рукояти меча. Кряжистая фигура за спиной эпарха беспокойно пошевелилась.

— Хороший выбор вы предлагаете нам, эпарх, — прощедила Зоэ Склирена. — Или, что вернее, не предлагаете никакого выбора.

— Отчего же, — хмыкнул жуткий старик. — Выбор есть всегда. Для тебя — долгая безбедная жизнь или долгая мучительная смерть. У твоего приятеля, конечно, выбор поскромнее, но, по крайней мере, он волен выбрать способ. В вашем положении ничего лучшего я предложить не в силах.

— Вы забыли еще об одной возможности, епарх, — медленно произнесла ромейка. — Если я не отдам вам ни бумаг, ни Гая? Не выйду из Убежища? Что тогда? Возьмете храм Божий штурмом?

Констант Дигенис скривил лицо в недовольной гримасе, покрутил головой, вздохнул одновременно и терпеливо, и скучно:

— Дитя мое, мы зря теряем время. Впрочем, раз уж ты спросила... Наводнять храм солдатней я, конечно, не стану. Если мы не придем к соглашению, я просто встану и удалюсь. Право убежища в Империи длится сорок дней. Доселе оно соблюдалось почти нерушимо. Однако из любого правила и закона бывают исключения. Коли базилевс потребует выдачи преступников — он немедленно получит желаемое. Патриарх может своим повелением лишить скрывающихся в храме защиты Церкви, если в Убежище проник уличенный властями злодей или еретик. Монахи не обязаны предоставлять находящемуся в Убежище преступнику воду и пищу. Оставайтесь здесь, если хотите. Завтра или через день базилевс прибудет в город и примется вершить расправу по собственному обыкновению.

— Начав, полагаю, с вас, — злорадно вставил Гай. — Как с пренебрегшего и не уследившего.

— Не спорю, мне тоже придется несладко, — покладисто согласился старец. — Андроник непременно обвинит меня в том, что я дряхл разумом и скверно управляю городом. Но царственный пока еще сознает, насколько я необходим ему — и его гнев быстро иссякнет. Андроник неплохо усвоил, чем обернулись его колебания семь лет назад. Тогда мятежница Мария, как лиса в норе, тоже пряталась в Святой Софии и таякала на стены Палатия. Базилевс промедлил — и ему пришлось искать примирения, заискивать перед этой выскочкой. Но Мария Комнина хотя бы принадлежала к императорской фамилии...

— ...И ее все равно убили, — тяжело выговорила Склирена. — Отравили. Говорят, вы собственными руками изготовили яд и поднесли ей. Я склонна поверить в эту молву. Теперь я точно знаю: ваша правая рука всегда ведает, что творит левая. Вы так верноподданно рассуждаете о защите качающегося престола Империи... И уже столько лет ведете оживленную переписку с шейхом Мухаммедом ибн Хасаном Умидом, исмаилитом и владыкой крепости Шахриз, что в персидских землях. У меня есть ваши расписки с перечнем врученных сумм. С именами неугодных, от коих вы избавились руками подчиненных ибн Хасана. Есть ваше своеручное письмо, в коем черным по белому спрашивалось, в какую цену обойдется визит обитателей Шахриза в Палатий и какими средствами это можно было бы устроить...

Показалось Гаю или нет, что упоминание персидской крепости на миг исказило непроницаемую старческую физиономию гримасой высокопробной, чистейшей ненависти? Какие бы доверительные отношения прежде не связывали Зоэ Склирену и почтеннейшего Константа Дигениса, сейчас девица собственной рукой положила им конец.

— Будет до крайности занимательно вызнать, насколько крепка привязанность базилевса к вашей милости, — заметно приободрившись, заявила рыжая. — Вдруг окажется, что царственный не слишком дорожит вашим обществом? Вдруг он предпочтет сохранить мне жизнь, уповав, что я поведаю ему еще что-нибудь любопытное? Нет, мы и в самом деле отказываемся. Остаемся здесь, в Божьем храме. Подождем, пока базилевс перестреляет всех ланей в рощах под Филопатрой и соизволит вернуться.

— Слово сказано, выбор сделан, — сухо откликнулся константинопольский эпарх, поднимаясь с табурета. — Вот теперь — я сожалею. Ты отвергла мою помощь, оскорбила меня недоверием и плюнула в руку, вскор-

мившую и научившую тебя. И несмотря на это, Зоэ, я не держу на тебя зла. Засим я уйду, как и обещал, но прежде — позволишь ли мне обнять тебя? В последний раз, в память о всем, что мы когда-то пережили вместе? В память об уроках, которые я давал тебе, и знаниях, которыми с тобой делился?

Не дожидаясь ответа, Дигенис шагнул к Зоэ, широко раскрывая объятия. Длинный и костлявый, с лысым черепом, в своем просторном балахоне он в этот момент стал донельзя похож на огромного грифа с распахнутыми крыльями. Гриф — птица зловещая, однако движение старца было столь подкупающе искренним, а на лице появилось вдруг выражение такой торжественности, что в первый миг Зоэ сама невольно качнулась навстречу. Только того эпарху и нужно было. Упали черные крылья, накрывая жертву, — а что там было дальше, Гай не углядел. Потому как молчаливый провожатый Дигениса вдруг сорвался с места, и уж после этого англичанину стало не до подружики.

До сей поры по одним общим очертаниям безликой, безмолвной и неподвижной фигуры в темной рясе Гай мог лишь предположить, что комплекции его противник неслабой. Едва спутник эпарха пришел в движение, стало ясно, что он к тому же быстр, как змея, — десяток шагов, что отделяли его от Гая, «монах» одолел в два прыжка, так что ноттингамец даже не успел вытянуть из ножен меч. И еще выяснилось, что в широком рукаве рясы «монах» скрывает короткий кинжал, нацеленный Гисборну в горло. Отточенная сталь блеснула у самого лица. Хорошая реакция пополам с везением спасли ноттингамца, но устоять на ногах ему не удалось. Сцепившись, они покатались по каменному полу.

Гаю свезло перехватить вооруженную руку противника, и он стиснул чужое запястье изо всей силы, рассчитывая если не переломать врагу кости, то хотя бы заставить выпустить кинжал. Тщетно: сложением и си-

лой тот не уступал англичанину, тусклое лезвие по-прежнему почти касалось щеки Гая. Византиец попытался свободной рукой ударить Гисборна в висок. Гай дернул головой, уклоняясь от удара, крепко получил по скуле, в ответ от души навесил «монаху» по печени. Убийца зарычал и рванулся. Они снова перекатились, теперь сверху оказался византиец, тяжелый, как гранитный блок. Придавив ноттингамца к полу, он повел дру-гую руку к горлу Гисборна — дожать кинжал.

«Еще немного — и он меня прикончит», — панически подумал Гай. Он боролся как мог, но телохранитель Дигениса был сильнее, и позиция у него была выгоднее. Совсем близко Гай увидел переломанный нос, впалые щеки, заросшие сизой щетиной, увидел злые желтые глаза. Ощутил под челюстью холод лезвия. Убийца чуть приподнялся, чтобы обеими руками вогнать клинок. На долю секунды хватка его ослабла, и этот последний шанс ноттингамец использовал сполна: вырвав руку, он с размаху вдавил палец противнику в глаз.

«Монах» испустил невнятный вопль боли, нечто среднее между воем и мычанием, выронил кинжал и прижал ладони к изуродованной глазнице. Ударом в челюсть Гай сбросил его с себя, пнул в бок, откатился, вскочил, пригнулся, выставив руки перед собой и в горячке совершенно позабыв про болтающийся на боку меч. Краем глаза он углядел поодаль Зоэ и Дигениса. Престарелый эпарх и его ученица выглядели так, словно бы некое колдовство обратило их в камень посередине странного танца: тесно прижавшись друг к другу, ладонь к ладони, пальцы переплетены и стиснуты намертво. Гаю показалось, что оба изо всех сил пытаются то ли сжать, то ли, наоборот, разжать кулаки, при этом лицо Зоэ блее мрамора, а на костистой физиономии эпарха застыл нескрываемый ужас.

Телохранитель Дигениса атаковал снова, однако на сей раз Гисборн был готов, к тому же полуослепший ви-

зантиец двигался далеко не так ловко, как прежде. Гай легко увернулся от его захвата и с разгону впечатал «монаха» лбом в ближайшую мраморную колонну. Хруст от удара кости о камень был слышен отчетливо. Убийца мешком сполз у подножия колонны и более не шевелился.

— Вот сволочь... — Зоя сидела на полу, опустив плечи и тяжело, с присвистом дыша. Кирие Дигенис был по меньшей мере в три раза старше девицы, но за свою жизнь сражался с отчаянием загнанной в угол крысы. Эпарх великой столицы лежал ничком, запутавшись в просторном плаще. Мутный взор Гая остановился на иссохшей руке с чудовищно скрюченными пальцами, впившейся в складки черной ткани. Раз два или три пальцы слабо вздрогнули, как лапки раздавленного паука. — «Скорпионом» меня прикончить хотел, мерзавец, сам же и напоролся... Гай! Гай, ты цел?

— Почти, — просипел англичанин, ошеломленно глядя на два мертвых тела. — Кх... какой скорпион?

— Вот этот! На, полюбуйся! — девица осторожно стянула с указательного пальца Константа Дигениса поблескивающий серебром перстень с россыпью темных, почти черных рубинов и подошла поближе, желая показать Гаю трофей. Покрутив кольцо так и эдак, она кончиком ногтя надавила на один из камешков — безделушка послушно выбросила наружу изогнутый маслянистый шип, подобие скорпионьего жала.

В иное время, возможно, Гай искренне восхитился бы смертоносным творением византийского ювелира, но теперь ему явно было не до того.

— Зоя... Зоя, мы должны избавиться от трупов!..

Ромейка вздохнула, нежно проведя холодными пальцами по лицу Гая. Прикосновение слегка привело его в чувство.

— Как ты предлагаешь от них избавиться, дорогой? — мягко спросила Склирена. — Разрубить на кусочки и запихать останки под алтарь?

— Э-э... — Гисборн с силой потер лоб и тревожно уставился на рыжую девицу. — Что же мы с тобой натворили? Совершили убийство в церкви! («Причем именно в той, которая до сей поры была единственным местом Константинополя, не оскверненным чьей-либо смертью», — глумливо подсказала память.) Да, мы защищались, но кто станет слушать наши оправдания? Мы ведь прикончили не кого-нибудь, вашего градоправителя, правую руку базилевса!

— Знаешь, я заметила, — пробормотала Зоэ. Девица напряженно размышляла, резким взмахом руки велел Гаю придержать язык. В рыжекудрой голове рождался очередной сногшибательный замысел. Уходили мгновения. Сквозь витражи робко пробились первые тусклые лучи утреннего солнца, за стенами капеллы просыпался огромный город.

— В греческом языке есть такое понятие — Фатум, — внезапно нарушила сосредоточенное молчание госпожа Склирена. — Оно очень древнее, оставшееся еще с языческих времен. На норманно-франкский оно переводится как «рок» или «судьба». Иногда — как «неодолимость». Некоторые говорят — «случай». Когда вмешивается Фатум, умолкают даже боги. Остается только человек, его решения и его судьба. Мы стоим на развилке. Если сделаем еще шаг, обратной дороги не будет. Знаешь... — Она сплела пальцы в замок, чтобы не дрожали. — Знаешь, еще вчера я твердо решила ответить тебе — «да». Да, гори оно все ясным пламенем. Обвенчаемся и уедем вместе. В Палестину, в Англию, все равно куда. Но сейчас я говорю другое: оставь меня, пока еще не поздно. Я слышу колокола Фатума. В моей жизни ничто не будет таким, как прежде. Может, я погибну. Может, уцелею. Ты уже понял, что такое моя родина. Гнездо аспидов. Уходи, Гай. Не встревай в наши игры. От них разит скверной и ложью.

— А от твоих слов разит глупостью, — не выдержал мессир Гисборн, чувствуя, как растерянность и недо-

умение в болящей голове уступают место разгорающейся злости. — Изабель... Зоэ, ну что ты несешь? Ты всерьез полагаешь, что я преспокойно встану и побегу прятаться, бросив тебя на растерзание? После того, как я полгорода перевернул, разыскивая тебя? Фатум или не фатум, а я тебя не оставлю. Если нам суждено умереть, значит, так тому и быть. Я больше не позволю тебе одной лезть в неприятности. Прекратим этот бесполезный спор. Ты все решила. Я тоже решил. Будет куда проще, если ты просто расскажешь мне, что ты еще задумала.

— Сейчас увидишь, — прошептала Зоэ. — Ох, Господь Триединый, спаси и помоги... самой страшно.

Она поглядела на недоумевающего Гая, погладила его по щеке, улыбнувшись вроде бы через силу, и отошла к алтарю. Там постояла немного, склонив голову, потом вздохнула глубоко и вдруг завопила так, что англичанин подскочил от неожиданности:

— Эй, кто-нибудь!!!

Из заалтарной темноты немедленно вынырнул монах и испуганно зашикал на нарушительницу спокойствия. Зоэ жестом подозвала его поближе.

— Нам нужно увидеть его святейшество, — железным голосом сказала девица. — Немедленно. Не завтра, не через неделю, но сейчас.

Почтенный священнослужитель оторопел.

— Слушай меня внимательно, святой брат, — продолжала Зоэ, наставив в монаха изящный указательный палец. — Отправьте в резиденцию посланца с известием, что в Убежище находится дочь патрикии Ипатии Склирены. Если его святейшество скажет, что занят и не может уделить мне времени, передайте ему... — Она на миг нахмурилась, решаясь: — Передайте ему два слова. Золото Венеции. Запомнил? Золото Венеции, просто и незамысловато. Да, и еще. У вас в церкви валяются два трупа. Вот там, можешь посмотреть. Один из них принад-

лежит епарху Дигенису. Думаю, это тоже покажется его святейшеству достойной темой для беседы.

Монах икнул. Покосился на мертвецов. Затравлено посмотрел на Склирену. На Гая. Икнул еще раз и попятился, не решаясь повернуться к ним спиной.

— Зря ты его напугала, — укорил рыжую мессир Гисборн, когда черноризец опрометью юркнул в малую дверьцу подле алтаря.

— Ничего, резвее побежит, — бессердечно откликнулась Склирена. — А патриарх примчится еще быстрее, несмотря на высокий сан. Он, видишь ли, изрядный трус. И, между прочим, мой дальний родственник. Из одного семейства с покойной матушкой, такой верной христианкой и примерной прихожанкой, аж тошно порой становилось.

* * *

Патриарх Фокий из династии Каммонов был человеком еще не старым, но, как верно заметила Зоэ Склирена, трусоватым. Высокий пост он получил по совершенной случайности.

Семь лет назад Андроник Комнин, только ставший базилевсом, и Феодосий, предыдущий глава Церкви, считались вернейшими союзниками. Красноречивые проповеди и авторитет патриарха в немалой степени способствовали тому, что новый претендент на власть сумел добиться своего, войдя в Палатий.

Однако уже спустя полгода предстоятели светской и духовной власти начали сильно расходиться во мнениях. Когда же базилевс одним махом избавился от семьи Мануила, своего предшественника и двоюродного брата, а затем потребовал благословения на брак с тринадцатилетней Анной, патриарх имел дерзость отказать царственному. Да еще публично, с амвона Святой Софии, выказал сугубое неодобрение деяниям Комнина.

Неудивительно, шептались в Палатии и Константинополе, что очень и очень скоро Феодосий отправился в почетную ссылку — куда-то в Армению, с глаз подальше. Года через три до столицы дошла весточка о его кончине.

С изгнанием Феодосия патриарший престол овдовел. Андроник повелел поскорее сыскать замену. Кого-нибудь не слишком проворного разумом, не лезущего не в свои дела и ведающего о чувстве благодарности. Посовещавшись и вволю поинтриговав, церковная верхушка выдвинула на освободившееся место архиепископа Фокия из Дорилей — ничем не примечательного, ни с кем не враждовавшего и не замешанного ни в какие заговоры.

Традиции позволяли Фокию Каммону отказаться от лестного предложения. Но все жители Империи, и кirie Фокий в том числе, понимали — в подобных случаях «нет» не говорят. Архиепископ дорилейский согласился.

Его жизнь в качестве патриарха Византийского текла согласно древним канонам и могла считаться вполне сносной. Фокий исполнял свои обязанности, правил суд, проводил торжественные службы по праздникам, разбирал тяжбы между епархиями и городами. Хвала Господу, ни базилевс Андроник, ни его противники не пытались втянуть патриарха в свои свары. Злые языки горожан вскоре присвоили ему заглазное прозвище «Отшельник софийских пещер», намекая на то, что стремление избегать любых споров с Палатием превратило главу Восточной Церкви в добровольного затворника.

К сообщению о том, что в городе имели место потасовки горожан с ликторами, а затем в Убежище Святой Софии ворвались двое, знатная девица и некий франк, патриарх отнесся рассеянно — бывало и прежде. На то и Убежище, чтобы в нем скрывались гонимые и убогие. Час поздний, спешить незачем. Скорее всего, с утреча придется под благовидным предлогом выставить парочку за порог. Базилевсу вряд ли придется по нраву, если

София вновь послужит прибежищем для тех, кого должна постигнуть милость его гнева.

Спустя несколько часов его святейшеству доложили о визите в Убежище грозного управителя столицы. Навестить патриарха и что-либо объяснять кирие Дигенис не пожелал, сразу направился к сидельцам, где и пребывает до сих пор. Фокий обеспокоился. Тайный ночной срочный визит епарха явственно указывал на нешуточную серьезность дела.

Третью весть принес запыхавшийся и перепуганный служка Убежища, под утро с топотом ворвавшийся в тихую обитель патриарха. Служка запинаясь, заикался и настырно требовал дозволения предстать пред очи его святейшества, уверяя, что у него срочные новости касательно двоих малефиков, обманом и хитростью проникших в часовню. Доверить свое известие кому-либо, кроме патриарха, монах наотрез отказался.

К тому времени мучимый бессонницей и неизвестностью Фокий разве что по стенам не бегал, ожидая очередной гадости от судьбы.

— Беда, ох, чую, беда грядет, — бормотал он, покуда вестника вели в приемную.

Спустя малое время, недостаточное даже для того, чтобы сварить пару яиц, усердно трудившиеся писцы и секретари патриарха с крайним удивлением узрели, как их чинный господин вылетел из покоев, поспешая вниз по лестницам. Выражение его лица, одновременно и перепуганное, и зверское, никак не приличествовало высшему церковному иерарху. Окованный железом кончик посоха с треском вонзался в драгоценный паркет, оставляя после себя глубокие вмятины.

— ...Изыдите, ехиднины отродья и дьяволы выкор-мыши! — с этим подобием боевого клича патриарх Фокий Каммон ворвался в Убежище. Пожалуй, впервые в жизни он являл собой столь грозное и устрашающее зрелище. — Святотатцы! Осквернители! Нет вам более места под...

— Доброе утро, ваше святейшество, — перебил звонкий девичий голосок. — Вижу, святой брат исполнил мое поручение в точности? Громы и молнии повремените метать, подумайте о вечном. О золоте Венеции, к примеру.

Спутник девицы, беловолосый франк, невысокий и широкоплечий, отнесся к шумному явлению главы византийской Церкви с откровенным любопытством. Подошел и встал за спиной рыжей нахалки, изучая вновь прибывшего чуть прищуренными серыми глазами.

— Зоэ Склирена, — простонал Фокий, хватаясь за голову. — Дочь Ипатии Склирены... как же я сразу не подумал...

Первоначальный запал ярости схлынул. Кирие Каммон запоздало представил, каким глупцом себя выставил, несясь по коридорам и громяхая посохом аки гневный ветхозаветный пророк. Меж колоннами мелькнули удивленные физиономии свитских служителей, ринувшихся вдогонку патриарху и теперь недоумевавших, в чем крылась причина спешки? Фокий раздраженно махнул на них рукой, требуя, чтоб убрались подальше.

— Вижу, вспомнили меня, кирие Каммон? — насмешливо осведомилась ромейка.

— Еще бы не вспомнить! Ты с детства была мором, чумой, голодом и разорением в одном лице! — голос патриарха сделался почти жалобным. — Зоэ, во имя Святой Троицы, что ты натворила? Убийство... осквернение храма... подстрекательство к бунту... Нет, не верю, ты не могла!.. Наверняка все это — дело рук твоего дружка, вот этого белоголового франка. У него вид заправского рубаки, уж конечно, это все он...

— Должна вас огорчить, ваше святейшество. Гай тоже держался молодцом, но смерть Дигениса — на мне. Что оставалось делать бедной девушке? Дряхлый старец пытался меня убить, я успела первой, — пожала узкими плечами Зоэ. — Впрочем, вам ли грустить о его кончине! Те-

перь никому не нужно платить отступного за молчание о... кстати, под какой процент вы ссужали венецианским купцам золотишко из церковной казны? Восемь, как у ломбардцев?

— Пятнадцать... Боже милостивый! — по случаю бессонной ночи и сильного душевного волнения язык патриарха нынче явно опережал его разум. — Откуда тебе ведомо?!

На оговорку Фокия Склирена серебристо засмеялась, изобразив притом на лице изумленную гримаску.

— Пятнадцать процентов! И после этого кто-то еще осмеливается называть евреев скрягами, а ломбардцев — вымогателями! — Она обернулась к Гаю, воздев руки в жесте деланого возмущения. — Воистину, из всех ростовщиков церковь — самая алчная, самая...

— Тише, оглашенная! — змеей зашипел Фокий, весь перекосившись. — Все так делали! И покойный Феодосий был не без греха, и святоша Студит, и даже якобы безупречный Кирулярий!

Патриарх панически озирался, высматривая — не слышал ли кто из свитских? Из святых братьев? Улыбка тем временем исчезла с лица рыжей ромейки.

— Какую достойную компанию вы себе подобрали, — согласилась она. — Да, в этом вы правы. Все воруют. Некоторые, увы, попадают. Предупреждая вопрос о доказательствах — они есть. Много. Вы были, хм... неосмотрительны. Предъявить? Или поверите на слово?

— Верю, — угрюмо выдавил патриарх. — Да не голоси так, ради всего святого! Чего ты хочешь?

— Вот это уже другое дело. Гай, громы и молнии отменяются, — жестко усмехнулась Зоэ. Гисборн, несколько утративший нить разговора («Какое золото?! Какие проценты?!»), тем не менее сделал значительное лицо. — Итак, ваше святейшество, для начала у меня риторический вопрос: можно ли считать спокойной и благоустроенной жизнь в стране, владетель коей безжалостно истребляет своих подданных?

— Не он первый, не он последний, — буркнул Фокий, отводя взгляд. — Таково неотъемлемое право базилевсов.

Шестое чувство Фокия, дарованное Господом уроженцам Империи, заходило в рыданиях, уверяя: грядет начало конца. Этой слишком много знающей и до кончиков ногтей уверенной в себе девице что-то надо. Она расправилась с Дигенисом, полвека умело избегавшим любых покушений на его жизнь, а теперь намерена сжить со света его, Фокия. Господи Всемогуший, что ей может быть известно? Откуда? Он всегда так заботился о скрытности, иногда даже чрезмерно! Тщательно выверял каждый свой поступок, не доверял иноземцам, пусть и вел с ними дела, лично проверял бумаги и списки! Неужели все рухнуло?

— А у Церкви есть Божественное право низвергать тиранов и тех, кто недостойн звания государя, — не замедлила с ответом Склирена. — Разве не так?

— Покончим с риторикой, дитя мое. Спрашиваю еще раз: чего ты хочешь? — Фокий решил обойти молчанием щекотливый вопрос о правах базилевса и патриарха. — Чтобы я закрыл глаза на ваше преступление и позволил вам беспрепятственно убраться отсюда? Ну нет! Сами натворили, сами и расхлебывайте. Заступиться за вас перед базилевсом? Могу попытаться. Если признаешься, от кого прослышала про... про золото Венеции.

— По-моему, ваше святейшество в недостаточной степени осознает серьезность моих намерений, — очень спокойно произнесла Зоэ. — Мы не собираемся тишком улизнуть отсюда, дабы потом всю жизнь скрываться, таиться и дрожать в ожидании возмездия. Напротив, мы выйдем так, чтобы любой и всякий житель Константинополя мог нас увидеть. Вы пойдете с нами. Дабы во всеуслышание оповестить паству о справедливой каре, постигшей премерзкого скорпиона, травившего мирных горожан и якшавшегося с ассасинами.

— Ты о ком? — туповато уточнил патриарх. — Об Андронике?

— Ого, ваше святейшество, как же вы чтите своего базилевса! — фыркнула рыжая девица. — Увы, нет. О Дигенисе, вон он лежит, слева от алтаря. Андроника кара еще не постигла... пока не постигла. Но ведь мы не станем больше терпеть тирана, верно? Выйдем же к народу Константинополя, взывая...

— С места не двинусь. Женщина, ты одержима бесом. Ты не понимаешь, о чем говоришь, — опасливо косясь на англичанина, заявил досточтимый Фокий. — Вам обоим место не в Убежище, а за решетками Влахерны. Я... — он запнулся, откашливаясь и собираясь с духом, — я отказываю вам в праве на защиту Святой Церкви...

— Передумайте, ваше святейшество, пока никто не слышал, — благожелательным тоном присоветовала Зоэ. — «Золота Венеции» вам мало? А как насчет виллы Дельфия?

— Что... как?.. — благообразная физиономия патриарха приобрела мучнисто-серый оттенок и пошла багровыми пятнами.

— Вилла Дельфия, — повторила девица. — Нет, слух вас не обманывает. Я — ваше истинное проклятие, кirie Каммон. Потому что знаю о ваших проделках все. Денежные шалости с иноземцами вам еще могут простить, но стоит хоть кому-то в Синоде прослышать о вилле Дельфия... Вас лишат духовного звания и съедят живьем. Возможно, меня к тому времени тоже не будет в живых. Но я утащу вас за собой — за то, что блеете, как напуганный баран! — рыжая повысила голос. — Даже не мечтайте отсидеться за надежными стенами Софии! Ступайте к вашим духовным детям. Откройте рот и заставьте их орать «Смерть Андронику!». Иначе это сделаю я, — Склирена нехорошо улыбнулась, — но в этом случае вам точно не удастся остаться в стороне. Вас закидают камнями как пособника тирана. Учтите, не пой-

дете за мной — обращусь к первому попавшемуся на глаза священнику. Надеюсь, он окажется смелее или жаднее вас.

В душе Гисборн посочувствовал ромею: на того было жалко смотреть. Рыцарь ужаснулся, увидев воочию, с какой легкостью можно управлять людьми, выведав их секреты. Какие тайны скрывал на вилле Дельфия достопочтенный патриарх, если ради их сбережения он готов обеими ногами вляпаться в несуразный заговор? Можно только надеяться, что королева Элеонора, ставшая собственницей зловещего архива, выкажет себя разумным политиком и не начнет сводить былые счета.

Фокий сторбился, остекленевшим взглядом уставившись между носков своих сапог — мягких, темно-коричневой замши, с серебряными оковками в виде изящных крестиков. На лице патриарха застыл ужас. Ему хотелось повернуть время вспять, чтобы рыжая девица никогда не появлялась в его жизни. Ему хотелось исчезнуть отсюда. Хотелось, чтобы кто-то более знающий и опытный подсказал ему достойный выход. Но Всеведущий Господь предпочитал хранить молчание, а напротив стояла нетерпеливая Склирена, притопывая ногой в ожидании ответа.

— Хорошо, — с невероятным усилием выдавил из себя патриарх. — Я сделаю то, о чем ты просишь...

— Вняв гласу народа и божественной справедливости, — услужливо подсказала Зоз. — К чему так убиваться, ваше святейшество? Не вы первый, не вы последний! Знаете, как порой говорят о нашей богоспасаемой Империи? Византия, мол, сущая блудница — отдается любому, кто посильнее. Я, если признаться честно, тоже не образец добродетели. Так неужто две шлюхи не найдут общего языка?

— Не сквернословь в храме, — уныло потребовал окончательно лишенный душевного равновесия Фокий. — Побойся Господа.

И уже от сугубого отчаяния едко добавил:

— Но можешь не надеяться, что я обвенчаю тебя с твоим франком, схизматиком и выкормышем вероотступников! Поняла? Или такой, как ты, благословения Церкви не требуется? Живешь во грехе и не думаешь раскаяться?

Если б не высокий сан и древние традиции, его святейшество Фокий Каммон с удовольствием плюнул бы на пол.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Потрясение основ

26 декабря

Минувшим днем, убедившись путем несложных расчетов, что в далеком Дингуолле шумно отмечают Рождество, Дугал наведалься в таверну на соседней улице, прикупив три кувшина местного вина и унылого вида копченых рыбок на закуску. Так он и отметил светлый праздник: сидя в сарае на задворках безвестного константинопольского переулка и неспешно выпивая за здоровье своих друзей и врагов, каких сумел припомнить.

После первого кувшина ужасно захотелось повидать Агнессу, что было ну никак невозможно. Скрепя сердце шотландец решил пока воздержаться от ночных посещений покоев базилисы. Незачем лишний раз искушать судьбу. Заодно и Агнесса получит возможность толком поразмыслить, что ей нужно от жизни. Он же как раз успеет подготовить все к тому, чтобы привести свою женщину в достойный ее дом. К примеру, подметет в сарае пол. Купит хорошую кровать взамен старого топчана, починит расшатанную дверь и приладит отвалившийся засов. Агнесса, конечно, будет до глубины души изумлена своим новым жилищем. Ей придется потерпеть. Не-

долго. Пока не уляжется суматоха, вызванная скоропостижной кончиной базилевса.

Что станется с Византийской империей, Дугала не беспокоило. Он хотел получить свою заслуженную награду и навсегда распрощаться с прежней жизнью. Пусть греки выбирают себе нового правителя. Пускай Конрад Монферратский лезет на освободившийся трон. Да пусть хоть д'Ибелена коронуют! Барон Амори уже побыл иерусалимским королем, так что и с Византией наверняка управится.

Представив сумрачного и деловитого д'Ибелена в качестве византийского базилевса, кельт захрюкал от восторга.

К выполнению сложного задания работодателя Дугал в кои веки подготовился весьма тщательно, отбросив свою обычную манеру полагаться на везение и удачное стечение обстоятельств. Замысел, простой и не лишенный определенного изящества, шотландец обдумал до мелочей. Нападения на дворец и покушения на жизнь базилевсов происходили с моря, с суши, из дворцовых зданий. Царственных отравляли на пирах и топили в купальнях, убивали в соборах и душили во время вечерней прогулки в садах. Он, иноземец, внесет нечто новое в хлопотное и опасное бытие правителей Империи. Убийца вообще не оставит следов своего появления. Кончина Андроника Комнина будет совершенно естественной. Господь прибрал коронованного старца, а с Господа какой спрос?

Несколько ночей подряд скотт преодолевал намеченный путь, оставаясь никем не замеченным и изучая все препятствия, могущие помешать ему выполнить намеченное. Палатийской страже в жизни не пришло бы в голову, что опасность грядет сверху. Перебираясь с крыши на крышу, Дугал беспрепятственно добрался до здания, которое для простоты именовал «Домом с золотыми конями». Набросил на крутую шею позолоченного

изваяния тонкую черную веревку. Спустился, встав на узкий карниз, и беззвучно прошел по нему, тенью заглядывая в зарешеченные окна. Отыскав нужное, застыл, слившись с резным обрамлением проема.

Вызолоченная решетка, изображавшая ветви и цветы, как Дугал уже убедился, была скорее украшением, нежели серьезной защитой от проникновения внутрь. С помощью нехитрых инструментов будет просто отогнуть пару вычурных лепестков, соорудив узкий лаз — как раз такой, чтобы впору протиснуться.

В богатом покое, не подозревая о присутствии незримого соглядатая, занималась своими делами будущая жертва. Беседовала с подобострастным типом, выраженным, что твой фазан по весне, что-то черкала на пергаментном свитке, листала книгу. Затем прошествовала в соседнюю комнату, опочивальню, куда спустя малое время слуги провели девицу под покрывалом — не Агнессу, другую.

Ничего безумного в облике и манерах здешнего императора Дугал не приметил. Да, старик, но вполне крепкий для своих преклонных лет. Наверняка способен в случае чего постоять за себя. Малость гневлив не по делу и излишне суетлив, но какими мы будем в его немалые годы? Ворчит, пыжится, решает судьбу Империи и подданных, не ведая, что ему отпущено всего две жалких недели жизни. Какие-то самоуверенные франки вынесли приговор — ибо зажившийся на свете базилевс мешает их планам.

Пару дней спустя после этого тайного визита Дугал вновь встретился со своим патроном — все в тех же термах на улице святой Харисины, поскольку беседа началась обстоятельная и неторопливая. Барон д'Ибелен, выслушав соображения подчиненного относительно предстоящего действия, одобрительно кивнул и лично вручил Дугалу малую запечатанную склянку с плескавшейся внутри бесцветной жидкостью, пояснив притом:

— Будь крайне осторожен с этой склянкой. Внутри, как ты понимаешь, яд. Очень дорогой и, что более важно, исключительно редкий. Для твоего замысла — изящного, должен признать, и оригинального — подходит как нельзя лучше. Вынув пробку, просто поднеси флакон под нос жертве и сосчитай до двадцати. Все, дело сделано. Склянку после этого запечатай накрепко и потом выкинь подальше, лучше всего в море. Да сам постарайся не вдохнуть. Все понял?

— Чего ж непонятного, — буркнул Мак-Лауд. — Открыл, подержал, закрыл, выкинул. Средство-то проверенное? Не в порту куплено? А то, может, продали вам добрые византийцы колодезной водички за полста номизм...

Д'Ибелен уставился на глумливца немигающим взглядом.

— Не номизм, а безантов, — мрачно сказал он. — И не в порту, а... в общем, где я его раздобыл, тебе знать не нужно. Хороший яд, надежный. Только проверить в самом деле невредно. Хочешь понюхать?

Мак-Лауд отшатнулся от сунутой ему под нос склянки, как от живой гадюки. Д'Ибелен ослабил.

— Ладно, уговорили, — проворчал шотландец, со всей осторожностью укладывая драгоценную посудину в пояс. — Эх, ваша милость... Сделали из меня какого-то ассасина... На что только не пойдешь ради святого дела!

— Рассказывай, — фыркнул барон, явственно повеселев. В кои веки ему удалось уесть ехидного кельта, и он решил развить успех. — А то я не знаю, ради какого святого дела ты работаешь на Конрада. Розыскной лист на тебя, поди, еще в силе со времен бунта в Дингуолле? А сколько прелатов в Риме мечтают узреть тебя на виселице? Ты у Монферрата вот где сидишь, — и показал крепко сжатый кулак.

«Успех», однако, развился несколько иначе, чем того ожидал д'Ибелен. Мак-Лауд на мгновение замер и окаменел лицом, но тут же мотнул головой, усмехнувшись:

— Ну, раз уж все вам про меня известно, мессир барон... Это точно, у Конрада Монферратского хватка железная. Вот только... впрочем, неважно. Пойду я, пожалуй. Позволите?

— Позволю, — кивнул слегка озадаченный д'Ибелен, и Мак-Лауд, покинув купальни, скорым шагом направился в сторону гаваней, а именно — к бухте Святой Агафьи, где дожидался своего часа его личный, заново просмоленный и выкрашенный хеландион.

«...Вот только, видать, давно вам не доводилось рыбачить, мессир Амори д'Ибелен, — с изрядным злорадством думал кельт спустя час, сидя на останках старого мола и наблюдая, как жирные морские чайки дерутся над добычей. — Иначе вы бы припомнили, легко ли живого угря удержать в кулаке, как сильно его ни сжимай...»

Вообще-то Дугал был даже признателен барону за его довольно грубую шпильку. Станным образом слова д'Ибелена что-то стронули в сознании кельта — словно внезапно слетела пелена с глаз, и Мак-Лауд, последние десять лет живший в постоянном ожидании возмездия за давние грехи, увидел свою теперешнюю жизнь в ином свете.

«Какого черта я здесь делаю? Почему до сих пор дрожу перед палаческой петлей — и это после того, как дрался со слуга под Туром, с живыми мертвецами на болотах Камарга и с оборотнем в Ренн-ле-Шато, после того, как умер и воскрес? Чего ради выпрашиваю у зануды д'Ибелена пригоршню номизм на попойку с местным отребьем, в то время как под стеной моего сарайчика зарыто на полторы тысячи фунтов лоншановских драгоценностей? За каким бесом нанимаюсь в убийцы византийского базилевса, будучи — ну скажи, себе-то самому скажи! — будучи по уши влюблен в его жену? Еще полгода назад Конрад мог из меня веревки вить одним упоминанием о Риме или Дингуолле — но что мне теперь его угрозы,

если с лоншановым наследством я могу в любой момент сбросить старую кожу и зажить, как свободный человек? Городок Биелла в верховьях реки Черво, конечно, соблазнительная приманка, но видит Бог, с меня хватило бы и крохотной деревушки где-нибудь на берегу Оркнейского залива... Искать меня, может, и станут, но черта с два отыщут... Зачем же тогда?»

В разрывах серых туч просвечивала яркая синева, с моря дул ровный, холодный бриз, неся запахи соли и водорослей. Мерно шелестели волны, набегая на усеянный ракушками песок. Отрешенно уставившись в морской простор и время от времени рассеянно швыряя в прибой мелкую гальку, Мак-Лауд сидел на своем бревне и пытался найти хоть какой-то ответ на свой вопрос. И верный ответ, похоже, был совсем простым.

«Привычка. Я привык так жить — всегда один и всегда на лезвии ножа. Жить одним днем — сегодня жив, завтра видно будет. Жить, никогда не забывая поглядывать за спину: не пришли ли по твою душу? Не те, так эти. За десять лет я успел обзавестись таким количеством врагов, что теперь со счета сбиваюсь. Но появился шанс все изменить. Появилась та, ради которой стоит менять. Так не пойти ли вам к дьяволу, мессир Конрад, а заодно с вами и мессир барону с его поручениями?..»

Дугал полез в пояс и достал оттуда прозрачный флакончик с притертой пробкой. Взвесил на ладони пол-унции верной смерти. Широко размахнулся.

...И — осторожно опустил склянку обратно в потайной кармашек.

«Нет. Нужно все обдумать. Именно сейчас, когда цена ошибки будет высока как никогда прежде, нужно все продумывать как можно тщательней. Сделать кое-какие приготовления. А главное, вызнать исподволь, какая судьба ждет мою Агнессу после кончины ее ценосного супруга. Возможно — и даже наверняка, — эта смерть сыграет на руку не столько Конраду Монферрат-

скому, сколько нам двоим. Впрочем, не будем забывать и про интересы Крестового похода. Святое дело есть святое дело... что бы там вы ни утверждали, мессир д'Ибелен. Немного времени на обдумывание — вот, что мне сейчас нужно. И это время у меня как раз есть».

Насчет последнего, однако, Мак-Лауд ошибся.

* * *

...Нынешним утром в столице что-то происходило. Дугал уловил изменения нюхом, как натасканный терьер улавливает тонкий крысиный писк в забитом припасами погребе. Собственно, начало заварушке было положено еще вчера: в таверне всю обсуждали побоище в богатом квартале, через слово поминая семейство Склиров. Скотт прислушался, но толком ничего не понял. Увлеченно размахивающий руками рассказчик сам передавал услышанное в лавке, привирая на всяком слове. По его словам выходило, якобы эпарховы шпики пытались арестовать пребывающего в бегах Склира, последнего из опального семейства. Тот оказал сопротивление, призывая горожан к оружию и возмущая их против вседозволенности, с которой распоряжается в городе эпарх Дигенис. Завязалась драка, зачинщика так и не повязали — в суматохе тот улизнул.

«Местные забавы», — пожав плечами, рассудил шотландец.

Константинополь лихорадило. Издалека доносился приглушенный гул, навроде морского прибоя. — так, если Дугалу не изменял опыт, звучит многолюдное человеческое сборище, разгневанное и алчущее крови. В паре мест над крышами медленно росли пушистые столбы серого дыма.

Сон мгновенно сгинул. Требовалось поскорее выяснить, что творится.

В захламленном внутреннем дворе толпилась пестрая стайка ахающих, восклицających и причитающих на разные лады женщин. При виде явившегося из покосившегося сарая иноземца они с визгом бросились врассыпную. Захлопали двери, залязгали засовы.

— Госпожа Фиса! — воззвал кельт, углядев юркнувшую в дом матрону. — Госпожа Фиса, не пугайтесь, это же я!

Узнав постояльца, хозяйка замешкалась и осторожно высунулась из-за дощатых створок — непрочных, грозивших развалиться при первом же серьезном ударе. Позади дородной дамы возились, верещали и азартно толкались ее многочисленные отпрыски.

— Госпожа Фиса, что стряслось? Сарацины берут Константинополь? Базилевс отменил налоги на три года вперед?

— Ты что, все проспал, ничего не знаешь? — охнула почтенная домохозяйка. Ее разбежавшиеся собеседницы, осмелев, начали стягиваться обратно. — Бунт! Храни нас Пресвятая Богородица, бунт начался! Мой-то олух царя небесного, — она выразительно закатила глаза, — с рассвета убежал на площадь Софии, поглазеть, чем закончится! И соседа с собой прихватил! К тебе тож колотились, а ты не откликнулся. Они плюнули, выломали из забора по жердине и припустили, только пятки засверкали!

— И мой туда же... и мой сказал, побегу смотреть, — послышались с разных сторон жалобные голоса. Лишившись защитников, окрестные дамы дружно сочли диковатого постояльца кирии Фисы своей единственной надеждой и опорой. — Ой, кирие, не бросайте нас! Мы боимся!

— А кто хоть бунтует? — попытался выяснить Дугал.

— Так Склир же! — обретя благодарного слушателя, женщины загомонили нестройным и визгливым хором,

перебивая друг друга. — Вчера ликторы его отловили подле «Золотой луны», дома свиданий! А он, злая сила, нет чтобы миром сдаться, как даст кому-то из гвардейцев в ухо!..

— ...Тут прохожие набежали, давай камнями швыряться и кричать епарху поношения!

— ...Солдат поубивали — страсть! Склир под шумок улизнул — да шасть в Убежище! Ночь там просидел, под утро к нему сам кирие епарх пришел. Увещевать, чтобы город не возмущал и покался...

— ...Точно говорю, его резать собирались, прямо в церкви! А он выхватил меч и прикончил кирие Дигениса!

— Врешь!..

— Как же я вру, голова твоя пустая, ежели сегодня на рассвете они вышли из Убежища и вошли в Софию! А патриарх-то их благословил! Доколе, говорит, мы будем терпеть поношения от ничтожества в тиаре и его прихвостней? Это кирие Фокий про базилевса так сказал — венценосное ничтожество! Своей властью, данной от Бога, мол, низлагаю тебя, Андроник! И проклиная на веки вечные!..

— Не выдумывай, клуша, не было такого!

— Ой, наверное, сейчас поорут вволю и ко дворцам пойдут... В прошлый раз, когда мятеж был, с того же началось. Поначалу у Софии стояли, долго кричали, потом пошли на Августеон и требовали, чтобы им открыли ворота. Камнями кидались, стрелы метали. Стража на Халкидии с перепугу поразбежалась. Мне дед рассказывал, он там был — ворвались во дворцы и всех перебили. Самого императора, семейство его, челядь всякую... Добра по домам натащили столько — расскажи, не поверят! У нас до сих пор...

Говорившая не успела обсказать, какой именно трофей из разоренного чернью императорского дворца перекочевал в ее жилище. К дымным столбам прибавился третий, густо-черный, украшенный понизу оранжевы-

ми отблесками. Женщины в панике заверещали, приседавая и закрывая головы руками. Фиса проворно шмыгнула за дверь, откуда брызнуло испуганными воплями и истошным детским плачем.

«Бунт, надо же, — заслышав краткое и емкое слово, беспокойная душа уроженца Хайленда немедля взыграла. — Д'Ибелен, небось, бесится со злости — очень уж не ко времени эти волнения. Пробежаться, что ли, к Софии?»

Пугающий смысл женской болтовни дошел до разума Дугала несколькими мгновениями позже. При прошлом бунте мятежники завладели Палатием, истребив не только правящую фамилию, но и тех, кому не повезло оказаться на пути толпы. Ему ли не знать, как разгорается, пожирая все вокруг, пожар из единственной искры... А если история повторится? Если что-нибудь случится с Агнессой?!

Сорвавшись с места, кельт бросился обратно к сараю. Провозился там считанные мгновения, вновь выскочил из оставшейся нараспашку двери и стрелой понесся по грязному после ночного дождя переулку вниз, к морскому побережью и пристаням. Вещь, ради которой он задержался — длинный сверток промасленной холстины, — он тащил в левой руке.

Мысль о том, чтобы наведаться к д'Ибелену, шотландца не посетила. Он забыл о существовании такого человека. Его волновало только одно: как быстро он сумеет вывести хеландион в море и добраться до Палатийского мыса? Обычно переход от бухты Святой Агафьи к скалистому берегу и Трещине занимал три-четыре часа. За столь краткое время бунтовщики при всем желании не сумеют взять Халкидию и ворваться во владения базилевсов. Он опередит толпу. Доберется до Палатия первым. Он не опоздает.

Дугал бежал, отчетливо слыша, как бьется в ушах отчаянно взывающий из сухой и горячей тьмы женский голос: «Данни! Данни, где ты?»

По сравнению с тем, что творилось на улицах и площадях Константинополя, давешний августовский мятеж в Лондоне представлял образцом тщательно выверенных планов и безукоризненных стратегических замыслов, подкрепленных уймой юридических документов. У Джона Плантагенета имелся рескрипт его старшего брата Ричарда с приказом о лишении проворовавшегося Уильяма Лоншана всех титулов и помещении оного под стражу. Принц заручился поддержкой клириков Вестминстера, его начинания опирались на баронскую молодежь, не допущенную к участию в Крестовом походе. Младшие отпрыски знатных нормандских фамилий привели к Дувру, в осаждаемый наемниками Риченды Лоншан монастырь Святого Мартина свои дружины, а затем стремительно и умело взяли бразды правления в свои руки. Для лондонских обывателей политические игрища и перестановки в высшем свете наутро стали свершившимся фактом. Горожане вздохнули с облегчением и приветствовали младшего Плантагенета как героя, истребившего жадного карлика, душившего поборами свободную торговлю и тащившего из кошельков последний честно заработанный пенни.

Здесь же творилось черт знает что. Буйство вырвавшихся на свободу стихий, яростный шторм, налетевший ураган — ни одно из этих сравнений не годилось для описания происходящего.

Варево в кипящем котле помешивала похожая на хитрую лисичку девица, впервые встреченная сэром Гаем на постоялом дворе города Тура. Причем мессир Гисборн охотно оказывал ей всяческую помощь и не мог отделаться от чувства, будто грезит наяву. С ним, добропорядочным и благочестивым ратником Воинства Христова, просто не могло произойти ничего подобно-

го! Столь головокружительные приключения свойственны Дугалу из клана Лаудов, но никак не приличествуют английскому дворянину!

Но коли собственной рукой направил корабль своей жизни в бушующее море, крепко держи штурвал и уповай на Господа.

Когда сломленный и удрученный патриарх скрылся в темном переходе между капеллой и помещениями Святой Софии, не на шутку взбудораженная Зоэ принялась распоряжаться, словно у себя в имении. Рыжая девица потребовала доставить ей лошадь. Нет, двух! Оседланных и пристойного вида! Немедленно!

Монахи, наверняка втихомолку призывая на голову Склирены все кары Небесные, отправились на конюшню. Ожидая, девица впервые на памяти сэра Гисборна уделила время общению с Господом. Подошла к алтарю, грациозно опустилась на колени и зашептала на греческом, чинно сложив перед собою узкие ладони.

Зная полнейшее безразличие ромейки к церковным обрядам, Гай усомнился в ее внезапной ~~ка~~божности. Зоэ не была ни еретичкой, ни, упаси Господи, неверующей — просто она исполняла необходимые ритуалы тогда, когда считала нужным или полезным. Молясь, госпожа Склирена вполне могла оттачивать задуманную речь или обдумывать детали будущего замысла.

После молитвы облик рыжей девицы претерпел заметные изменения. В зеленовато-голубых глазах вспыхнул сухой яростный блеск, движения стали резкими и порывистыми. Госпожа Склирена резко потребовала, чтобы вход в часовню открыли настежь. Возник приглушенный спор со служителями капеллы, в коем она уверенно одержала верх. Из вделанных в камень стен вытащили железные крюки, двустворчатые двери со скрипом разошлись в стороны, открыв вид на подернутую сереньким туманом обширную площадь. Вчера, как помнилось Гаю, ее в изобилии загромождали прилавки торговцев,

но сегодня стража никому не позволила установить свою тележку или переносной лоток.

Цепь гвардейцев в уже знакомой темно-зеленой с алым форме тянулась шагах в тридцати от капеллы, по широкой дуге огибая площадь. За гвардейцами темнело скопище людей, перемещающееся с места на место. Сколько горожан славного Константинополя там собралось, сэр Гисборн затруднялся определить из-за тумана и дальности расстояния. Сумрачной горой с золотой вершиной вздымалась к зимним небесам Святая София. Позади храма неустанно гнало к берегу серые взлохмаченные волны Мраморное море.

— И аминь, — еле слышно пробормотала Зоэ, взбираясь в седло подведенного высокого жеребца пегой масти. Чем-то легкая всадница ему не приглянулась: конь недовольно фыркнул, переступая на месте и пятясь. Без долгих увещеваний Склирена треснула несговорчивое животное поводьями по шее и наподдала каблуками в брюхо. Никакая тварь — наделенная даром речи или бессловесная, четвероногая или двуногая — не имела права мешать ей в осуществлении задуманного.

Кованные копыта лошадей непривычно звонко зацокали по неровным, мокрым булыжникам. Зоэ направлялась напрямик к цепи стражей, начавших тревожно перекликаться и угрожающе выставивших навстречу всадникам длинные копыя. Толпа заволновалась, в ней образовались завихрения и раздались неразборчивые выкрики. Гай отчего-то задался вопросом: провели эти люди здесь всю ночь или собрались с рассветом? Кто они — жители окрестных кварталов, прослышавшие о событиях в капелле подле главного городского храма, свидетели баталии подле «Золотой луны» или просто любопытные зеваки, притащившиеся спозаранку посмотреть, чем все закончится?

Шагах в пяти от оцепления Склирена остановила коня. Глубоко вздохнула, поднялась на стременах и за-

говорила, вернее, закричала — звонко, отчетливо произнося каждое слово. Швыряя фразы в толпу, как тяжелые камни в подернутый ряской омут. По застоявшейся воде медленно расходились в стороны тяжелые круги.

Говорила она на греческом, но на каком-то непривычном уху мессира Гисборна. Наречие Византии тоже делилось на высокое и низкое, подобно торжественной латыни Рима и простонародному итальянскому говору. Гай еле успевал разобрать и перевести на понятный язык краткие обрывки: «Овцы вы или люди?.. неужто женщина должна указывать вам, как поступать?.. истребят ваше колено до последнего... в Палатии никогда не услышат вашего воя... получаете то, чего заслуживаете!.. лижете бьющую вас руку!..»

Горожане изумленно притихли. Спустя пару фраз Склирены — оглушительно загомонили. Девица с надрывом выкрикнула нечто короткое, хлесткое, заставившее толпу обморочно качнуться. Ближайший стражник оцепления замахнулся на разглагольствующую нахапку древком копья. Прodelал он это столь нерешительно и медленно, что Гай без труда отвел удар в сторону и одним взмахом меча рубил наконецник.

С еле различимым в общем гаме лязгом железное навершие упало на мостовую. Его падение словно послужило неким знаменiem свыше. Может быть, символом вмешательства загадочного Фатума; о котором толковала Зоэ.

Толпа заревела — единым зверем с сотней голов, разъяренным и почуявшим запах крови. Качнулась вперед, мгновенно смяв цепочку гвардейцев, и захлестнула свободное пространство перед собором. Сила, остававшаяся невостребованной — оружие, визжащие, выкрикивающие что-то яростно-разборчивое граждане славного города Константинополя, — вырвалась на свободу, ища, на ком бы выместить накопившуюся в последние годы злобу.

Двоих всадников разнесло в стороны, точно бревна во время весеннего разлива реки. Склирена оказалась шагах в десяти от Гая, ноттингамец видел, как девица яростно жестикулирует, указывая в сторону Святой Софии.

Темно-серая, с редкими вкраплениями цветных пятен масса бурлила. Вопли переросли в слаженный, ритмичный гул, похожий на отдаленный рокот сотен барабанов. Пиная жалобно заржавшего коня, мессир Гисборн прокладывал дорогу к средоточию толпы, к рыжей взбалмошной девице, вздумавшей повелевать гневом городских простецов.

Он сомневался, что кому-либо, тем более — женщине, удастся подобное. Но был вынужден поверить собственным глазам и ушам: Зоэ заставила многолюдное сборище сомкнуться в нечто целое, в едином порыве следующее за ней. Надолго ли хватит этого устремления, сказать невозможно — а потому следовало поторапливаться.

Неудержимой приливной волной толпа разбилась о стены великого собора Софии-Премудрости. Спрыгнув с лошади, Гай приготовился щедро отвешивать во все стороны тычки и удары, но, толкаясь и пихаясь, люди нехотя расступались перед разъяренным иноземцем. Отдавив не меньше сотни не успевших убраться с пути ног, ноттингамец достиг начала лестницы в десяток широченных ступеней. Госпожа Склирена стояла там — помятая, растрепанная, бледная, но живая, окруженная стайкой порожденных толпой сторонников. Как мимоходом отметил Гай, простых горожан среди них затесалось немного. Несколько несомненных торговцев, тип, смахивающий на военного, молодые люди с восторженно горящими взорами, похоже, птенцы того гнезда, что и сама Склирена — выходцы из Старых Семей, еще кто-то, в суматохе не разобрать и не запомнить...

— За мной! — чуть осипшим голосом выкрикнула Зоэ и помчалась вверх по темно-алым ступеням, к огромным бронзовым дверям, снизу доверху покрытых барельефами на библейские сюжеты. Сзади с ревом валили горожане.

Двери стояли чуть приоткрытыми, за ними виднелось некое мельтешение и лихорадочная суэта. Когда Склирена, маленький кораблик на гребне кипящей волны, достигла створок, те, словно по мановению волшебного жезла, с неожиданной легкостью распахнулись во всю немалую ширь. С воем, улюлюканьем и разудалыми криками грешный светский мир ордой завосвателей ворвался в тихую церковную обитель.

* * *

Внутри крики и вопли невольно стихли.

Пораженный открывшимся зрелищем, Гай сгоряча решил, что Святая София способна с легкостью вместить не только весь беснующийся на площади народ, но и по меньшей мере половину константинопольских обывателей. Храм подавлял своими размерами, он был огромен и необозрим, его боковые приделы уходили куда-то вдаль, скрытые лесом ровных колонн бледно-алого гранита. Высоко над головой парил темно-синий, цвета ночного неба, купол, украшенный россыпями блистающих золотых звезд. Матово сияло начищенное серебро, используемое здесь в изобилии, — вычурные оклады огромных икон, настенные украшения, статуи неведомых святых, малые и большие алтари... Оранжевые пятна тысяч горящих светильников, разноцветные искры развешанных повсюду лампадок, режущие глаз взблески граней драгоценных камней... Изобилие, роскошь, торжествующее великолепие Божьего дома, отголосок Райского царства на брэнной земле, вынуждающее людей

невольно склонить головы и осознать свое несовершенство.

Полноправный владыка храма и защитник грешных душ, его святейшество Фокий торжественно выступил навстречу незванным гостям. За патриархом, словно послушные овцы за вожаком, тянулась его многочисленная свита. Сэр Гай хмыкнул, представив, сколько душевных усилий пришлось приложить досточтимому Каммону, дабы сохранить хорошую мину при плохой игре.

Может, патриарх и был трусом, но в искусстве лицемерия он ничуть не уступал Склирене.

Перед лицом горожан и монахов рыжая девица и предстоятель Восточной Церкви уверенно разыгрывали лицедейское представление, не сбиваясь и не мямля в поисках подходящих слов. Точно у каждого из них в руках был невидимый свиток с заранее начертанными репликами. Фокий громогласно требовал, чтобы силой ворвавшиеся в Храм горожане удалились. Склирена с показным смирением разводила руками, мол, горчайшая нужда заставила их стать такими дерзкими, тревожа покой Святой Софии и уповая на защиту той силы, что превышает светских властей. Его святейшество менял гнев на милость, участливо осведомляясь, какие злые беды одолели добрых обывателей славного Константинополя.

Чуток освоившиеся среди софийской роскоши простецы немедля начали перечислять свои беды вслух, причем каждый стремился переорать соседа и донести свое горе до ушей патриарха. Не выдержав, достопочтенный Фокий поморщился. Понятливая Зоэ заорала на своих сторонников, веля покуда придержать языки и чтить дом Господен.

Дальнейшее несколько ускользнуло от слуха Гая — ибо он сам, как единственный сопровождающий кирии Склирены, стал предметом усердных расспросов. Первоначальный порыв энтузиазма схлынул, сменившись трезвым расчетом и поиском выгоды. Англичанина те-

ребили со всех сторон, придушенным шепотом выясняя: кто он таков, не супруг ли девице, как ее зовут и какого она рода. Сыщутся ли у нее сторонники в иноземных кварталах, поддержит ли ее патриарх, правда ли, что эпарх Дигенис мертв, так как, говорите, ваше имя?..

Мессир Гисборн отвечал, пытаясь не слишком уклоняться от истины. Патриарх Фокий возмущался царящим в столице произволом — будто раньше не подозревал об этом — и благодарил Господа за ниспосланное просветление. Заодно досталось покойному кирие Константу, обвиненному во всех смертных грехах и наверняка сейчас пребывающему в геенне огненной. Зоэ ломала руки, рыдала и поддакивала. Зрители крестились, ахая и охая в особо драматических местах. В распахнутые ворота храма безостановочно вливался поток горожан. Слова, коими обменивались его святейшество и Склирена, немедля передавались соседу, тот пересказывал их стоящим рядом — и так далее, покуда сказанное не достигало толпы на площади перед храмом. Там уже отыскался с десятков крикунов, громко повторяющих речи Фокия и Зоэ собравшимся.

Место действия переменилось: патриарх с достоинством прошествовал к высокой раззолоченной кафедре и вскарабкался на нее. Откашлялся, воздел пастырскую длань, требуя тишины. После чего внятно и громко заявил нескольким сотням почтительно внимающих горожан — нерадение и пренебрежение базилевса своим долгом истощило чашу терпения его подданных. Его, патриарха Византийского, долг и обязанность — помешать Империи совершить роковой шаг к пропасти. Данной ему от Господа нашей властью он, — патриарх запнулся, мрачно зыркнув на маячившую у него за плечом Склирену, которая вопреки всем законам тоже взобралась на амвон, — он отрешает базилевса Андроника Комнина от светской власти, вручая тиару и страну более достойному... вернее, более достойной.

Древние стены собора вздрогнули от оглушительных воплей. Жалобно затрепетало пламя в настенных светильниках. Виновица переполоха молитвенно сложила руки и устремила очи горе, став похожей на изваяние невинной христианской мученицы времен римского владычества. Зоэ Склирена смиренно внимала крикам в ее честь, но Гай очень хотел бы знать, о чем она думала в этот волнующий миг.

— Я истинная базилисса с перекрестка, — язвила она спустя четверть часа, неподвижно стоя посреди одного из малых приделов Святой Софии. Срочно призванные на помощь монашки столичного храма суетливо обряжали Зоэ в надлежащее при церемонии одеяние. Расшитые золотом и камнями парадные платья, извлеченные из бездонных запасов собора, оказались ей велики и мешковато свисали с тонких плеч. Вид у Склирены был удрученный. Она ничуть не раскаивалась в том, что творила, но поневоле устрашилась вида той лавины, которую сама же и вызвала. — Мосты сожжены, обратного пути нет. Не жалеешь, что ввязался?

— Поздно жалеть. — Хмыкнув, Гай собственноручно застегнул на груди Зоэ тяжелую золотую брошь в виде грифона, соединявшую углы жесткого от вышивки широкого пурпурного плаща. — Против Фатума не попрешь. Иди коронуйся. Тебе плащ подержать или сама справишься?

— Уже десяток желающих передрался между собой. — И, надменно вскинув узкий подбородок, рыжая смутьянка отбыла совершать роковое деяние своей жизни.

«Мы лишь песок в Господних жерновах», — невольное подумалось шагавшему за девицей Гаю. На франка косились — изумленно, настороженно или презрительно, — однако никто не пытался оспорить его право идти следом за самозванной императрицей.

* * *

Торжественная церемония длилась часа два. При до-тошном соблюдении всех предписанных ритуалов она заняла бы целый день, от рассвета до заката.

Мессира Гисборна весьма поразила очередная местная традиция. Оказывается, легендарных и прославленных тиар византийских базилевсов было две. Вернее, одна, единая в двух лицах. Алмазная, находившаяся в руках низложенного Андроника, — так сказать, повседневная. Ее родная сестра хранилась в ризнице Святой Софии, под присмотром патриарха, являясь на свет при церемонии очередного возведения на трон. Гай наивно представлял себе нечто монументальное, осыпанное десятками сияющих камней, а золотая диадема оказалась маленькой, украшенной несколькими крупными сапфирами. Когда патриарх опустил венец на рыжие локоны Склирены, тот вдруг изрядно утратил величественности и сделался похожим на кокетливое украшение.

Новоиспеченная правительница вкупе с его святейшеством вышла на крыльцо к бурлящей в ожидании новостей толпе. Как показалось англичанину, количество народа на площади перед храмом и примыкающих улицах возросло в десятки раз.

Сборище горожан больше не казалось инертной массой с тысячью неразличимых лиц. В его перемещениях и завихрениях появилась некая осмысленность. Люди сбивались в отряды, предводительствуемые невесть откуда взявшимися вожаками. Позже Гай узнал — в Империи даже мятежи и бунты имели давние, освященные временем обычаи. Жители одного квартала, члены одной торговой гильдии стремились держаться вместе. Во главе их становился кто-нибудь, пользовавшийся известностью и уважением среди сограждан, или признанный забияка. На свет извлекалось припасенное оружие — иногда взятое с боем во время предыдущего бун-

та, — и мирная чернь обращалась подобием армии. Не всегда слушающейся приказов, своенравной и склонной к грабежам, но все же армией. Силой, с которой базилевсам волей-неволей приходилось считаться.

Склирене подвели коня. Она взобралась в седло, расправила плащ и решительно поскакала через площадь, сопровождаемая торжествующим ревом: «Карвона, Карво-она-а-а!..» Познаний мессира Гисборна в греческом наречии достало, чтобы перевести выкрикиваемое слово: «огненная» или «червонная».

У германцев есть император Фридрих Барбаросса «Рыжебородый», подумалось мессире Гаю, а византийцы только что заполучили себе на радость или на горе рыжую Зоэ Склирену Карвону.

Славные традиции константинопольских мятежей изрядно облегчали участь претендентам на престол, определяя порядок действий. После церемонии в храме Святой Софии толпа, как покорная нить за сверкающей острой иглой, потекла следом за Зоэ к Константинову Форуму и Дворцу Юстиции. Позади двух этих величественных зданий таилась неприметная постройка с весьма крепкими воротами.

По дубовым, утыканным плоскими шляпками железных гвоздей створкам немедля застучал частый град булыжников. Почти сразу же над верхней кромкой врат вынырнул длинный шест с примотанной белой тряпкой. Разраставшемуся кругу добровольных помощников новой императрицы (в числе прочих и мессире Гисборну) стоило изрядных трудов сдерживать горожан, рвавшихся ломать и крушить. Ворота открылись изнутри, явив пару дюжин оробелых стражников в потрепанной синей форме и подталкиваемого ими приземистого человечка с обширной плешью и объемистым чревом. Исходя жалобными воплями, плешивец тащил на вытянутых руках тяжеленное серебряное блюдо с ворохом ключей.

Связки ключей немедленно расхватали десятки рук. Крикун проворно скрылся, содравшие знаки отличия гвардейцы затерялись в толпе. Похоже, византийцы весьма своеобразно трактовали верность присягам и воинскому долгу.

— Извольте видеть, Влахерна, одно из престрашных городских узилищ. — Госпожа Склирена с явственным удовольствием созерцала, как горожане рассыпались по тюремным дворам, отпирая или взламывая все двери подряд. Кто-то пронзительно заголосил, обнаружив в камере родственника. — Под завязку набитое невинными жертвами Андроника. Надо бы для наглядности вздернуть коменданта, но эта крыса опытная — вовремя улизнул... Да, кто-то из постояльцев наверняка оказался здесь вполне заслуженно, но сейчас это не имеет значения. Потом отправлю кого-нибудь разгромить Нумэру — там тоже будет вой и ад кромешный...

Заметив, что на обширном дворе тюрьмы начали появляться первые выпущенные на свободу узники — изможденные, еле держащиеся на ногах, бессмысленно таращащиеся вокруг ослепленными глазами, — Зоэ подобралась и тихонько откашлялась. Гай искренне удивлялся, как девица умудряется столько говорить, причем громко, да еще так, чтобы заставить себя слушать.

Англичанин не ошибся в предположениях. Последовала новая речь императрицы, короткая и емкая, посвященная как произволу и насилию, чинимому династией Комниных вообще, так и противозаконным деяниям кесаря Андроника в частности. В завершение своей тирады Зоэ обличительно ткнула указательным пальцем на белые стены Дворца Юстиции.

Толпа ликующе заулюлюкала. В воздухе вновь замелькали камни и палки, полетевшие в окна дворца. С неразличимым в общем гаме звоном посыпались разбитые стекла.

— Факел мне! — громко потребовала Зоэ. С разных

сторон ей протянули по меньшей мере десяток. Схватив первый попавшийся и наскоро прицелившись, она швырнула в ближайшее окно. Факел не долетел, оставив на известняковой стене размазанный черный след. Склирена повторила попытку, на сей раз успешно. Кувыркнувшись, огненный комок исчез в черном оконном проеме. — Жгите! Пусть оно сгинет навсегда — вся скверна, вся клевета, все доносы!.. Гори огнем!..

— Истинный рассадник зла, хранилище податных списков, — вполголоса и только для Гая добавила Склирена, когда горожане с небывалым азартом принялись закидывать дворец факелами. Кто-то уже ломился в запертые бронзовые двери, соорудив из бревен незамысловатый таран. — Всякий раз при бунтах их палят и какое-то время благоденствуют. Потом начинается сущая мука с заведением новых. Ну, как там мои добрые подданные? Дворец жаль, изгадят ведь от подвала до чердака, твари неразумные... Утащат все, что не прибито гвоздями. Лишь бы стены уцелели... Потом изловим особо рьяных разрушителей и приговорим к работам на строительстве.

Честя сквозь зубы увлекшихся сторонников, Зоэ Карвона умудрялась сохранять на лице вдохновенное и торжествующее выражение человека, восстанавливающего поправленную справедливость. Она была само благородство, порыв и убедительность — и ноттингамец все чаще ловил себя на том, что вновь поддается очарованию новой личины ромейки. Начинает искренне верить, что Зоэ именно такова, какой желает казаться.

Подожженный со всех сторон Дворец Юстиции запылал, превратившись в каменную коробку, наполненную алым и желтым пламенем. Истошно орали бунтовщики. Склирена озабоченно косилась на небо — оно уже начинало сереть, день перевалил за половину. Ей очень хотелось знать, вернулся базилевс Андроник в город или нет. Как было бы замечательно, если бы он

прибыл! Тогда отпадала тяжкая необходимость ловить его по всей стране, пресекая выступления низложенного правителя против новой власти. Палатий — это ловушка. Остается надеяться, что разъяренный дерзостью подданных базилевс в нее вляпается.

Дав соратникам вволю накричаться, праздную победу, базилисса пнула коня, въехав на небольшое каменное возвышение посреди площади. Неяркое зимнее солнце искрами поблескивало в старинных сапфирах диадемы.

На сей раз Зоэ не стала произносить никаких речей. Она спрашивала колыхавшееся вокруг людское море, повышая голос в конце каждой фразы до пронзительного, режущего душу вскрика, — и толпа отвечала ей криками, хохотом, устрашающим ревом, от которого закладывало уши. В какой-то миг мессире Гисборну помстилось, что Зоэ перегибает палку. Сейчас самоуверенная девица не справится, константинопольские горожане вырвутся из сплетенных ею незримых оков — но ромейка точно знала, что делает. Если сравнить настроение толпы с лежащим на наковальне железом, теперь под ударами молота оно приобретало ослепительно белый цвет: Прочный металл тек и плавился, превращаясь в будущее смертоносное лезвие.

— Вперед! За мной! К Палатию! — воззвала девица из рода Склиров. Народ Константинополя покорно тек следом, как разлившаяся река в половодье, походя сметающая любые преграды.

* * *

Несколько седмиц назад Гай Гисборн из королевства Английского уже стоял здесь — изумленный гость Империи, с трепетом взирающий на чудеса и диковины незнакомой страны. Главные врата палатийских дворцов, их преданный страж и защитница, Халкидия казалась

совершенно неприступной. Еще бы: тройной пояс могучих, оставшихся с римских времен укреплений, бронзовые решетки, таящиеся в стенах ловушки, стоки для кипящей смолы и бдительная, неподкупная стража.

По меньшей мере две сотни рвавшихся в бой горожан добрались до площади Августеон, намного опередив императрицу — и наткнулись на сопротивление. Истошно вопя и поутратив решимости, толпа отхлынула, оставив перед воротами с десятков густо утыканных стрелами тел. Мятежники предпочли удалиться на безопасное расстояние, ожесточенно переругиваясь с защитниками врат. В обе стороны летели камни, стрелы и копья — не причинявшие, впрочем, особого вреда.

Прибывшая к месту сражения Зоэ Карвона нахмурилась и жестом подозвала к себе Гая, возведя ноттингамца в должность военного советника.

— Мы сможем устроить штурм? — она кивнула в сторону золотисто-коричневой, угловатой громады Халкидии. Кое-где на стенах развевались яркие флаги Империи. — С той оравой крикунов, что у нас имеется? Или сперва попробовать убедить их сдаться добровольно?

— Вот прилетит тебе случайным камнем по голове — и закончится твое правление.

Гай оценивающе поглядел на дворцовые врата. Пожалуй, если прикатить телегу, раздобыть бревен и соорудить таран... Обойти окрестные дома, содрать с петель с две-три дюжины дверей, превратив их в щиты-мантелеты, защиту против стрел и камней...

— Оно войдет в историю как самое короткое и самое безобидное, — отпарировала Склирена. — Одарите же бедных мятежников светом европейской премудрости, сэр рыцарь!

— Первый совет лично тебе: сиди в обозе, не лезь под стрелы, — вполне серьезно начал мессир Гисборн. Зоэ оскорбленно дернула углом узких губ. Девице хотелось скакать в первых рядах, размахивая клинком и рубя

врагам головы. — Затем я хотел бы уточнить, какими силами мы располагаем. Восхищенная твоим красноречием толпа — это замечательно. Только сотне овец при всем желании не забодать одного-единственного льва.

На высотах Халкидии что-то произошло. Меж широкими зубцами неосмотрительно высунулся высокий бородач в золоченом доспехе, но без шлема и что-то прокричал, грозя кулаком. Голос у него был низкий, схожий с ревом боевой трубы. Гомонившая внизу толпа оскорбительно заулюлюкала, число летящих в сторону врат камней и прочих метательных снарядов заметно увеличилось.

— Ага, — хищно прищурилась Зоэ. — Господь за нас! Тиран и узурпатор извоили прибыть! Теперь только бы не улизнул! Есть у него потрясающее умение, выходить живым из любой передраги.

— Это что, сам император? — Гай вспомнил визит в Палатий, сияющую обитель торжества установившихся за века ритуалов, выверенных до мелочей движений и жестко регламентированных фраз. Движущаяся статуя в золотом облачении ничем не напоминала мечущегося на стене человека. Рыжая девица закивала, и мессир Гисборн решил положиться на ее слова. Коренная уроженка Византии наверняка больше знает о правителе своей страны, чем заезжий чужеземец.

Проиграв словесную схватку — многотысячный ор с легкостью заглушил голос одного человека, пусть даже и императора, — Андроник Комнин решил перейти к более понятным военным действиям. Ему подали короткий, сильно изогнутый лук, он натянул тетиву и несколько раз лично выстрелил в мятежную чернь, подступившую к стенам его жилища. Судя по взрывам хохота и презрительному свисту, меткость стрел базилевса оставляла желать лучшего.

Андроник отшвырнул лук, с искаженным лицом выкрикнул что-то гневное и скрылся из виду. На стенах

он больше не показывался и не пытался договориться с толпой, и дворцовая гвардия почти перестала отстреливаться — особенно после того, как подтащили сляпанный на скорую руку таран и для пробы ухнули им по первой из решеток. Старая бронза застонала, дрогнула, но выдержала. На головы атакующим посыпалось каменное крошево. Пристроенный на паре связанных вместе телег таран откатили назад, нацелив для второго удара... и тут картина, увиденная Гаем у стен Влахерны, повторилась с точностью до мелочей.

Защитники выбросили белый флаг, прокричав, что признают нового правителя и готовы перейти на его сторону.

В знак чего сейчас откроют решетки Халкидии.

«У них что, вообще не существует верности сюзерену? — в который раз безмолвно поразился мессир Гисборн, когда бронзовые преграды медленно поползли вверх, открывая бунтовщикам путь в запретные доселе сады и дворцы Палатия. — Только расчет и выгода? Эти люди рьяно поддерживают Зоэ, кричат ей славу и умирают за нее... но если завтра объявится новый претендент на престол? Посулит горожанам вольности и снижение налогов на десять лет вперед, и они столь же охотно переметнутся на его сторону? Им даже не придет в голову, что они предают того, за кем шли вчера. Предательство и измена для них не грех, не преступление, но освященный веками образ жизни. Такова Византия и царящие в ней нравы. Вряд ли кому-нибудь по силам изменить их».

— Ищите узурпатора! — горячо напутствовала влияющих в распахнутые ворота сторонников Склирена. — Обыщите все, не позволяйте ему нигде укрыться! Обнаружившие Комнина и его семейство первыми будут щедро вознаграждены, даю в том свое слово! Помните, они нужны живыми, для справедливого суда и возмездия!

Поперхнувшись собственными словами, девица грустно протянула:

— Признаться, я буду весьма и весьма удивлена, узнав, что хоть один из семейства Комниных дожил до нынешнего вечера... Добрые подданные Империи склонны вырывать дурную траву с корнем, и это правильно. Уцелевшие остатки поверженной династии — что змеи среди камней.

— У Андроника, как я слышал, есть совсем юная жена, взрослый сын с невесткой и внуки, — осторожно проговорил Гай. Первая волна бунтовщиков сгинула в распаханном зеве Халкидии, и госпожа Зоэ, сочтя проход безопасным, совершала свой первый въезд в Палатий. Торжественностью и церемониями сегодня здесь и не пахло — ее конь ступал, стиснутый со всех сторон рвущимися вперед горожанами. — Сам император и его наследник — да, не спорю, они представляют опасность. Но ты ведь не собираешься воевать с маленькими детьми?

— Необходимость вынуждает, — пожала узкими плечами базилисса Карвона. — Допустим, родственники Андроника скопом выразят свою покорность. Я их помилую и сошлю куда-нибудь с глаз долой. Они уедут в провинцию, затаятся там. Даже если у них достанет ума понять, что прошлое миновало, к ним рано или поздно начнут сползаться сторонники свергнутого правителя. Кому-то Андроник пожаловал чин, кому-то выгодную должность, кому-то — право сбора налогов с богатой фемы или приморского города... Лишившись прежних благ, они начнут подталкивать бывшее правящее семейство к мысли о том, как было бы славно учинить небольшой комплот против выскочки Зоэ. Поднести на празднике вина с отравой. Пристроить в ее окружение человека, который метнет ей кинжал в спину. Мануил, Комнин-младший — человек достаточно предприимчивый и сообразительный.

— Все равно мне это не по душе, — стоял на своем англичанин.

— Не будь таким твердолобым упрямцем, Гай! — Тонкие брови сдвинулись, Зоэ начинала сердиться. — Неужто франкские правители поступают иначе? Разве династию Старых королей, Меровингов, не истребили до последнего человека?

— Не следуй дурным примерам, — достойно, как ему показалось, отвечивал Гай. — Иначе ты будешь отличаться от Андроника только тем, что он носит штаны, а ты — юбку. И тебя назовут Зоэ Кровожадной, убийцей младенцев.

— Новой Иродиадой! — невесело хохотнула девица. — Хорошо, мессир рыцарь, будь по-твоему. Проявлю непредусмотрительность и милосердие. Если младшие Комнины уцелеют и отыщутся, детишек я не трону. Отдам на воспитание в монастырь побогаче, пусть живут.

— И женщин тоже, — поторопился закрепить достигнутый успех Гай. Склирена небрежно отмахнулась узкой кистью в перчатке: «Поживем — увидим».

Судьба младших Комнинов ее больше не интересовала. Зоэ приняла решение, и ее вниманием всецело завладела новая личность. Вернее, личности. По меньшей мере дюжина гвардейцев в ярко-алых плащах, доспехах, похожих на римские, и позолоченных шлемах. Сомкнутой тесной группкой они вышли из недр сдавшейся Халкидии.

Алые Плащи направлялись напрямиком к Зоэ и ее спутнику, прокладывая себе дорогу с легкостью ножа, режущего брусок свежего масла. Замешкавшиеся и оказавшиеся на пути горожане отлетали в стороны, успевая только вскрикивать и отругиваться. Англичанин вопросительно скосился на рыжую: та выпрямилась в седле, смотря поверх людских голов с такой надменностью, словно по меньшей мере десятков поколений ее предков по праву занимали трон Империи.

Самому мессиру Гисборну приближающиеся ликторы казались весьма, весьма опасными. Дюжины человек

вполне хватит, чтобы положить конец толком не начавшемуся царствованию Зоэ Карвоны. Разъяренная толпа разорвет солдат на клочки — но это будет уже потом.

Остановившись шагах в пяти от нервно топтавшегося на месте жеребца Склирены, гвардейцы с поразительной слаженностью рывкнули приветствие. Сэр Гай безошибочно определил старшего над былыми защитниками врат — внушительного сложения вояку с клочковатой пегой бородой, вызывающе торчащей из-под позолоченного шлема с конским хвостом на макушке. Сорванный множеством отданных команд голос стражника пронзительно скрипел несмазанным колесом, разительно контрастируя с устрашающим внешним обликом. Быструю речь византийца Гай не понял, уловив лишь несколько отдельных слов. Зато Склирена, дослушав, подрастеряла часть ледяной надменности и торжествующе хмыкнула.

— Говорит, Комнин покинул Халкидию не далее получаса тому, — вполголоса переводила она для англичанина. Алые Плащи образовали вокруг новой императрицы живое движущееся кольцо, оттеснив и горожан, и начавший было образовываться кортеж. — Проклял жителей Константинополя до десятого колена и сбежал. Наш новый друг, кентарх Делин, уверен, что знает, куда именно помчался старый лис. К дворцовым гаваням. Мы наступаем ему на пятки. Кирие Делин согласен оказать нам помощь — при условии, что ему будет сохранен прежний чин.

«Даже здешняя стража ничем не отличается от простецов, — без удивления, но с обреченностью подумал сэр Гай. — Стоило императорскому трону зашататься, и они без малейших угрызений совести переметнулись на сторону сильнейшего. Могу поспорить, уже подсчитывают будущие награды и владения», — и Гисборн с крайним неодобрением покосился на спину трусившего впереди гвардейца-кентарха.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Долгий вечер в Византии

26 декабря

Подобно многим обитателям Палатия, редко покидавшим его пределы, базилисса Анна Комнина понятия не имела, чем живет и дышит раскинувшийся за стенами дворца огромный Константинополь. Ее мысли целиком и полностью занимало одно: поиск выхода из запутанной ситуации, в которую она угодила. Впервые в жизни императрицы здравый смысл и нерассуждающие чувства сцепились в яростной схватке.

«Я должна, должна положить конец этому безумию! Что я натворила? Изменила постылому, но законному супругу с вором, с простецом! А теперь Данни пропал. Вдруг его схватили и казнили? Что, если он лгал мне? На самом деле я вовсе ему не нужна... Нет, Данни не такой! Он не обманщик. Он непременно придет за мной. Лучше побег, чем вечное прозябание. Зачем мне тиара и титул базилиссы, если я — всего лишь вещь, собственность Андроника? Но, убежав из Палатия, я лишусь всего... А если Данни скоро надоест постоянная обуза? Что с нами сделают, если поймают? Не могу, не хочу больше так — одна, без поддержки, без помощи...»

Гнетущие раздумья прервались самым неблагоприятным образом. Сонную полуденную тишину нарушили громкие голоса и частый перестук копыт. Удивленная Анна выглянула в окно, узрев несвойственную чопорному Палатию картину. Подле императорских покоев топтался с десятков запаленных, взмыленных лошадей. На широком крыльце встревоженно переговаривались воины в доспехах и при оружии. В одном из них молодая базилисса с величайшим удивлением опознала собственного венценосного супруга.

«Андроник вернулся из Филопатры? Так скоро? Он намеревался пробыть там до начала Рождественских календ... Почему с ним солдаты?»

Врожденное, так и не истребленное до конца любопытство подзуживало Анну выбежать, расспросить, узнать — но женщина осталась на месте. Никто ей ничего не скажет. Отошлют обратно, велев заниматься своими делами.

Примчавшаяся на звон колокольчика служанка на расспросы госпожи ничего толком сказать не сумела. Анна отправила испуганную девицу за севастой, старшей придворной дамой, а затем — вниз, в помещения охранявших покой стражников. Уж те наверняка знают, не происходит ли в Палатии чего-то из ряда вон выходящего.

Почтенная севаста, Елена Далассина, на расспросы молодой госпожи только недоуменно вздернула брови. Севаста полагала, что базилисса неосмотрительно навлекает на себя беду, пытаясь встревать в дела, ее никак не касающиеся. Царственный вернулся в Палатий ранее им же самим назначенного срока? Его право, его решение. Госпоже не стоит удручать себя размышлениями на эту тему. Солдаты во дворах? Надо полагать, разоблачен какой-нибудь заговорщик и готовится его арестование...

— У нас тут заговорщиков больше, чем крыс в подвале, — не сдержавшись, бросила Анна. Кирия Елена нахмурилась, готовясь обрушить на госпожу очередной ливень вежливых нравоучений и учтивых рассуждений о поведении, достойном хозяйки Палатия.

Ей помешала запыхавшаяся прислужница. Сбиваясь и опасливо косясь на известную строгим нравом севасту, девица полущепотом изложила переданные ей слухи о неурядицах в Константинополе и сборище горожан подле стен Святой Софии. Относительно причин внезапно разразившейся смуты дворцовые стражи добавить ничего не могли.

— Это нас не касается, — припечатала Далассина. — Возомнившую о себе чернь примерно накажут и быстро приведут к покорности. Госпоже не стоит тревожиться. Распорядиться позвать чтицу? Или музыкантшу?

На самом деле Анна куда охотнее приказала бы подать паланкин и отправилась к младшим Комниным — в их обществе она чувствовала себя в безопасности. Но, глянув на севасту, базилисса только вздохнула. Далассина недовольно подожмет губы и станет настойчиво убеждать ее не покидать покоев. Может, госпожа Елена недалеко от истины. Возмущенные горожане пошумят и утихomiраются. Это всего лишь мирные обыватели. Им не по силам ворваться в Палатий.

Но, рассеяннo внимая мерному голосу явившейся чтицы и библейскому сказанию, Анна невольно вспоминала прошлое, убеждая себя не поддаваться вязкому страху. Ей ничего не угрожает. Кошмар восьмилетней давности давно сгинул. Она все позабыла. Заставила себя забыть.

* * *

— Умом рехнулся? — столь жизнерадостным воплем приветствовала промчавшегося мимо франка дружеская компания, расположившаяся под стеной таверны «Дырявые сети».

Позабыв о своем фальшивом имени и не отзываясь, Дугал сломя голову слетел вниз, на причал. Оскальзываясь, устремился к хеландиону. Длинная рыбацья пристань — дощатый настил поверх пустых бочек — с надсадным скрипом покачивалась на мелкой волне. Кельт как раз торопливо отматывал намокший канат, когда его чувствительно похлопали по спине.

— Бьярни, окстись, — миролюбиво прогудел подошедший знакомец, Хрис, по прозвищу Старший Братец.

Как и большинство собратьев по ремеслу, Хрис то мирно тянул сети, законным образом продавая улов, то промышлял вместе с «ночными рыбаками». — Куда тебя несет, варварская душа? Глаза разуй, на море глянь. Ветер с австра, да с ночи все крепчает. Мигом уволочет в Босфор, поминай как звали. Даже обломков не сыщут.

Дугал уже примеривался как бы половчее двинуть тяжеловесному Братцу в челюсть, сбросив неожиданную помеху в грязную воду под причалом, — но тут кельта осенила простая в своей гениальности мысль. Мореход из него в самом деле не ахти, но если заручиться помощью опытного лодочника...

— Братец, ты б лучше помог, чем под ногами мешаться, — Дугал отпустил канат и выпрямился. — Грядет уловный денек. Слыхал, что в городе творится? Нет? Так вот, у вас сегодня мятеж. Возмущенный народ собирается громить Палатий. Куда поскачет испуганное стадо, что пасется на зеленых базилевсовых лужайках? Верно, спастись. К морю. Прогулочных лоханок, что крутятся подле тамошних пристаней, на всех не хватит. Смекаешь, о чем я?

— Э-э... — Грек подозрительно нахмурился. — Не врешь?

— Оглянись, сам посмотри. — На счастье Дугала, именно в этот миг в городе что-то жарко запылало. Старший Братец поскреб в клочковатой бороде, поочередно меряя взглядом то франка, то далекие городские кварталы, то беспокойное море. — Видишь, уже подпалили что-то. Да я тебе точно говорю, дело верное. Представляешь, сколько номизм отвалит доброму рыбаку трясущийся от ужаса патрикийй заради спасения своей драгоценной задницы?

— Стой тут. Даже не моги двинуться, — Хрис затопал по подскакивающему на волнах причалу к берегу. Дугал смотрел ему вслед, молясь неведомо кому о том, чтобы жадность константинопольских рыбаков пересилила доводы разума и осмотрительности. Подле входа в

таверну Старший Братец, размахивая руками, что-то азартно втолковывал своим собутыльникам, тыча кри-вым пальцем в сторону Палатийского мыса. Искерпав доступные аргументы, он повернулся и затрусил к пристани. За ним следовал где-то с десяток человек. Прочие колебались.

— На твоей лоханке пойду, — заявил Хрис, чрезвычайно ловко для своей медвежьей комплекции сгая с настила в качающийся хеландион. -- Ежели наврал — самолично камень на шею навяжу и утоплю. Да не в море, а в выгребной яме поназади «Сетей». Чего встал, варварская рожа? Руль крепи, парус ставь! Лодка сама не побежит!..

Путешествие к Палатийскому мысу запомнилось Дугалу надолго. Может статься, на всю оставшуюся жизнь. Волны, с берега выглядевшие такими небольшими и нестрашными, вблизи оказались чудовищами с пенными гривами, едва ли не в половину человеческого роста величиной. Высоко задрав правый борт и гулко хлопая днищем, хеландион резво скакал вдоль обрывистых берегов. Позади оставались скопления домиков простонародья, особняки знати в черном обрамлении облетевших деревьев, желтые известняковые скалы и бесконечные ряды готовившихся к зимовке кораблей. Надрывно завывал ветер, дергая холстину небольшого треугольного паруса. В низком изжелта-пепельном небе летели рванные клочья облаков. Хрис с трудом ворочал тяжелый навесной руль, гаркая на Дугала, чтобы шевелился резвее и не путался в снастях. Кельта подташнивало. Ужасно хотелось выругаться на чем свет стоит, но Дугал хорошо усвоил местную рыбацкую традицию — не сметь сквернословить в море. Оба успели вымокнуть с ног до головы, и тряслись от холода.

Скалистый мыс неспешно приближался, вырастая над взбаламученной серой водой.

— Уносит! — истошно завopil Старший Братец. — Чтоб тебя!.. К Босфору тащит!..

Скорчившийся на днище лодки шотландец поднял голову, выглядывая через борт. Далеко позади грязно-серыми лоскутами среди волн мелькали паруса лодок, вышедших вслед за ними. Палатий — скопище разноцветных крыш, золотых куполов, голубых, белых и розовых стен — маячил по левую руку. Близкий и недостижимый одновременно. Чуть дальше за ним округлые холмы разделяло широкое темное пространство волнующейся воды. Там, разграничивая Европу и Азию, стремился к северу великий Пролив. В извечном непрестанном движении он увлекал за собой все, что окажется в пределах досягаемости.

Зверски оскалившись, Хрис вцепился в дубовый отвес руля, обоими руками отпихивая его от себя. Кельт бросился помогать. Особо проворная волна треснула суденышко под левую скулу, выплеснув свою кипящую пенную шапку прямо в лодку. Дугал невовремя подумал о том, что ни разу в жизни не составлял завещания, и еще о нескольких кожаных мешочках, закопанных под приметным камнем поблизости от его временного жилища. Если хеландион сейчас перевернется, никто в мире не узнает о том, куда подевались остатки состояния мэтра Лоншана.

Медленно и мучительно нос прыгавшего с волны на волну хеландиона отворачивался от гибельного входа в Пролив. Спустя вечность, наполненную плеском воды, жалобным скрипом суденышка и сдавленным кряхтением рулевого и его помощника, плоскодонка вползла под защиту скал Палатийского мыса. Зыбь здесь была частой, но не такой яростной, лодка начала слушаться руля и больше не рыскала из стороны в сторону. Мысли о жуткой смерти через утопление в заливе Золотого Рога, грозowymi тучами помаячив на горизонте, неторопливо и с достоинством рассеивались.

— К Трещине не пойду, даже не заикайся, — заявил Старший Братец, переводя дух. — Чем туда соваться,

проще сразу в петлю головой. Размолотит в щепки. Покрутимся около пристаней, глянем, что да как. Давай, следи за стенами — а то еще нашпигуют стрелами, как голубей на состязаниях.

Однако величественные бастионы Палатия с огромными квадратными башнями сегодня точно вымерли. Никто не заорал в медный раструб, многократно усиливающий звук голоса, требуя от нахальной рыбацкой лодочки немедленно убираться прочь и угрожая немедленной смертью. Выкрашенная в темно-синий цвет плоскодонка беспрепятственно миновала россыпь бухточек и поравнялась с большой каменной пристанью.

— Ого, — с удивлением изрек Хрис.

— А я тебе что говорил, — сипло пробормотал Дугал. Его шевелюра намочла и стала похожа на волглую овечью шерсть. От соленой воды щипало глаза и все время хотелось кашлять.

* * *

Даже не будучи искушенным знатоком морского дела, кельт понимал, что нарядные галеры с причалов Палатия способны выйти в плавание только в погожие летние дни. В опытных руках вычурные, почти игрушечные кораблики, может, и смогли бы пересечь Золотой Рог — но сегодня поблизости не случилось ни одного опытного морехода.

Малость отойдя от причала, две галеры намертво сцепились веслами. Ветер и волны относили их все дальше в залив. Вдоль бортов металась охваченная паникой человеческие фигурки. Третья галера, удалившись от пристани на пару лучных перестрелов, нелепо и вразнобой взмахивая веслами, кружила на месте. С нее спрыгивали люди, в тщетной попытке доплыть до берега. Четвертой повезло больше всего, там сумели поставить парус. Длинное, разукрашенное в золотые, белые и темно-алые

цвета судно боязливо ползло по бурной воде на запад, к сулившим спасение константинопольским причалам.

Еще пара галер пока оставались пришвартованными к берегу. На них и на пристани царило суетливое мельтешение. Даже здесь, в находящейся на изрядном удалении от берега лодке, был отчетливо слышен многоголосый вой и пронзительные женские вопли.

— Если сунемся к причалу, они тут же попрыгают вниз и утопят нас за милую душу, — пессимистично, однако здраво высказался Старший Братец. Покрутил головой, глянул на мокрого и ежащегося от холода спутника. — Похоже, там дело идет всерьез. Ты это хорошо придумал, сюда заявиться. Спускать парус. Помашешь веслами, заодно и согреешься.

— Угу, — постукивая зубами, согласился Дугал, одно за другим выволакивая лежавшие на дне хеландиона длинные сосновые весла.

— Счас мы им устроим переправу, — азартно бормотал Хрис, выводя плоскодонку к низкому берегу, поросшему густыми кустами шиповника и тамариска. Заросли давно облетели, превратившись в спутанный ворох черных колючих ветвей. — В лучшем виде устроим. Человек десять взять точно сможем. Авось, и дюжину потянем, если будут сидеть смирно. Пойдем под берегом — так оно длиннее выйдет, зато вода спокойнее. Доползем до Белого мыса, там вытряхнем, сбегает еще разок... Ага, вот и запоздавшая братия на подходе. Как думаешь, тех монет, что отхватим за сегодня, достанет снарядить вторую лодку?

— Еще на добрую выпивку останется, — в несколько приемов выдохнул кельт, сражаясь с веслами, коварно норовившими зарыться в воду или вырваться из ладоней. — Далеко еще?

— Гребь, гребь, не отвлекайся, — Хрис взглядом смерил расстояние, отделявшее темно-синий хеландион от прочих лодок, втягивавшихся в залив. Владельцы не-

•
скольких из них закружили вокруг сцепившихся вместе галер, явно ведя торг с неудачливыми мореплавателями о том, во сколько те ценят свое спасение. Сделка была заключена почти сразу, и по сброшенным за борт веревочным лестницам начали неуклюже спускаться беглецы из Палатия.

Спустя то ли две, то ли три дюжины взмахов весел Старший Братец махнул рукой, скомандовав: «Весла топи! Разогнался, едва берег не...»

Договорить он не успел. Сквозь густую массу колючих зарослей, оставляя за собой малую просеку и обрывки шелкового одеяния, загнанным кабаном проломился некий, наверняка весьма благородный муж. Его остекленевший взор впился в плоскодонку. Отважно рухнув в холодную воду и подгребая руками, патрикий побрел по мелководью напрямик к суденышку. Тихонько подвывая, он попытался обеими руками вцепиться в борт.

Извлеченное из уключины весло настойчиво ткнулось беглецу в обширное чрево, оттолкнув его назад. В мутных от страха глазах патрикия вспыхнул проблеск разума. Он запоздало понял, что хеландион не явился напрямик в ответ на его молитвы, и что в лодке находятся люди.

— Ув...увезите меня от... отсюда, — шлепая губами, невнятно проблеял он. — Я зап... заплачу. Щед... щедро. Только ув... увезите.

Трясущимися руками он принялся стягивать с себя золотое ожерелье из широких плоских звеньев, перемежаемых крупными камнями. Патрикий дергал слишком резко, и украшение лопнуло. Часть золотой цепочки дробно просыпалась на дно лодки, часть с нежным плюханьем исчезла в мутной воде. Азартно крикнувший Хрис ловко выковырнул застрявший между досками настила остро сверкнувший голубой самоцвет. Подбросил и сунул за пазуху, бодро крикнув Дугалу:

— Ключуло! Вытягивай рыбку!

— Нет, — весло в руках кельта качнулось взад и вперед, упорно отпихивая патрикия от вождественного спасения. — Ступай на берег. Прячься. Скоро подойдут другие лодки. Ты сможешь уплыть с ними. Эта лодка — не для тебя. — Он, не глядя, сгреб с днища подвернувшиеся под руку золотые кругляшки и сунул их беглецу. — Держи, расплатишься. Пшел вон, не то убью.

Угроза и ледяной тон, коим она была произнесена, оказались прямо-таки чудодейственными. Патрикий, скуля и всхлипывая, повернулся и побрел обратно, к берегу. Хрис, собиравшийся то ли выругаться, то ли огреть спятившего попутчика вторым веслом по башке, мешком плюхнулся обратно на скамью и зачем-то вцепился в руль. Что-то ему подсказывало — сейчас лучше придержать язык за зубами. Человек, с которым он сидел в одной лодке, был вовсе не тем добродушным и, что греха таить, слегка чокнутым франком Бьярни. Этот незнакомец мог, не моргнув глазом, перерезать бедному рыбаку горло и выкинуть за борт.

— Эй, — осторожно подал голос Хрис. Кельт ушел на нос и теперь рылся в шкафчике под носовой скамьей, вытаскивая оттуда нечто длинное, замотанное в холст и кожу. — Эй, Бьярни. Слушай, ты это... Тебе ведь еще лодку обратно вести...

«Ой ли? — растерявшийся Старший Братец слишком поздно смекнул, что тут к чему. — А ежели он не собирався возвращаться? Ох, ну я и сглупил. Помчался, разинув пасть, за наживкой. Теперь как бы самому уцелеть...»

— Братец, послушай-ка меня внимательно, — сухо и равнодушно произнес Бьярни. — Сейчас я уйду. Ты сядешь на весла и отведешь лодку в море. Недалеко, чтобы видеть, что творится на берегу. Когда я вернусь, в этой лодке должен быть ты и никого более. Всякого иного я вышвырну в море, даже если он расплатился с тобой базилевсовой тиарой. Обратно в город поплывем только ты, я и тот, кого я приведу с тобой. Все понял?

— Понял, чего ж не понять, — уразумев, что убивать его прямо сейчас вроде не собираются, Хрис малость приободрился. — Но и ты послушай, чего скажу...

Франк зыркнул на него таким взглядом, что Старшего Братца невольно передернуло.

— Я тебе нужен, — упрямо стоял на своем константинопольский рыбарь, — в одиночку ты не справишься. Тебя за милую душу уволочет в Пролив. Но я догадался. Ты заранее сговорился с кем-то из Палатия. Тебя наняли, чтобы ты вывез своего дружка, когда начнется мятеж, верно? Тебе, наверное, хорошо заплатили, а, Бьярни? Давай честно поделимся, — Хрис на миг ошалел от собственной дерзости, — ты отдашь мне половину того, что твой высокородный приятель посулил тебе. И еще надбавишь золотой безант. Клянусь, взамен я отлуплю веслом по голове любого, кто попробует сунуться в лодку. Буду до сумерек ждать тебя вот на этом месте. Потом — не обессудь. Мне тоже жить охота. Ночью тащиться через Золотой Рог, да еще с противным ветром? Так что скажешь, Бьярни?..

— Сбежишь — отыщу и прикончу, — сквозь зубы посулил полоумный франк и перемахнул через борт, подняв небольшую волну и веер брызг. — Сиди, жди. Будет тебе твой безант.

Не взятый на борт патрикий, старательно исполняя приказ страшного иноземца, тщетно пытался спрятаться в колючих кустах. Хрис увидел, как выбравшийся на берег франк подошел к ползавшему на карачках перед зарослями придворному, заговорив с ним. Тот замотал головой, замахал руками, объясняя что-то, и вновь принялся за безнадежные попытки забиться в дебри шиповника.

Бьярни сплюнул и исчез в кустах. Кажется, он не потревожил и не сломал ни одной ветки.

«Все франки сумасшедшие», — Хрис Старший Братец подозревал это и раньше, а теперь непреложно убедился на собственном опыте. На миг у него возникло искушение

пренебречь угрозами Бьярни. Подойти вместе с прочими лодочниками к дворцовой пристани, забрать дюжину перетрусивших обитателей Палатия и переправить их через залив. Потом он представил себя, вздрагивающего от любого шороха и ночного скрипа. Представил тень, которая однажды в сумерках вырастет на его пути, когда он будет возвращаться из «Дырявых сетей».

Тяжко вздохнув, Хрис наклонился вперед, подцепив ногтем и вытащив из плескавшейся на дне лодки грязной воды обрывок золотой цепочки. Интересно, много ли она стоит? Вдруг за одну эту побрякушку и синий камешек в ювелирной лавке отсчитают больше, чем стоит все земное имущество Хриса Довдула и его семейства?

* * *

Жители Константинополя совершенно справедливо именовали владение базилевсов «городом в городе». Только кружащие над гаванью чайки могли обозреть Палатий целиком. Лишенные крыльев люди, миновав Халкидию, затерялись среди десятков больших и малых дворцов, подсобных помещений, павильонов и беседок, храмов и открытых дворов. Гомонящая многотысячная толпа рассеялась по вымощенным разноцветными плитами дорожкам, обшаривая всякое встреченное на пути здание. Где-то завязались стычки, нехотя плыл к тусклому небу дым разгорающегося пожара.

Те из горожан, что могли похвалиться толикой здравого смысла, торопились обратно к воротам Халкидии, волоча прихваченное добро. Мародеры тащили все подряд, от содранных со стен шпалер до золотых статуэток, парадных одеяний патрикиев и чудотворных икон в богатых окладах. Эдак и сам Палатий недолго разобрать по камешку да вынести в подоле.

— Необходимая плата сторонникам, — хмуро буркнула Зоэ, когда англичанин молча указал на кучку оза-

боченных простецов, разжившихся для сбора трофеев тачкой. В тачке косо покачивался огромный расписной сундук и две серебряные крестильные чаши размером с добрую лохань. Приглядевшись и пошарив в памяти, сэр Гай без особого удивления признал в грабителях своих знакомцев, добровольных проводников из бухты Золотого Рога. — Ничего-ничего, закончим с Комнинскими, и я с них за все спрошу. Они мне ответят за каждую разбитую тарелку, за каждую прикарманенную свечку и сломанную скамейку...

Мессир Гисборн ничуть не сомневался, что Склирена проучит константинопольских горожан за учиненный в Палатии разгром. Рыцаря куда больше огорчало, что Зоэ куда более озабочена кражами и порчей дворцового имущества, нежели заботой о том, как не допустить напрасного кровопролития. Ведь столь варварское — иного слова и не подобрать — взятие Палатия наверняка не обойдется без невинных жертв.

Впрочем, когда рыцари христианнейшей Европы впервые овладели Иерусалимом, тамошним горожанам — в особенности арабам и евреям — тоже пришлось очень и очень несладко...

Маршировавший впереди кентарх обернулся, через плечо сказав что-то на греческом и небрежно ткнув большим пальцем в сторону изящного строения розового мрамора, с колоннами у входа и бледно-голубой черепицей на крыше. Из зарешеченных окон второго этажа густо валил сизый дым. Распахнулась дверь, из дома с визгом выбежала стайка молоденьких девиц в белых одеяниях, отороченных широкой синей каймой. За ними по ступенькам с достоинством спустилась сухопарая темноволосая женщина средних лет в алом наряде. Девицам (судя по однообразному платью, дворцовым служанкам) не повезло — они врезались прямоком в большую группу горожан, еще не обремененных трофеями. Спасавшиеся от пожара прислужницы и пис-

кнуть не успели, как их расхватили и растащили по укромным уголкам. Скривившись, Гай отвернулся. Даже если бы он попытался вмешаться, это ничего бы не изменило.

— Делин говорит, тут гинекей, личные покои императрицы, — Склирена придержала коня, с живым интересом наблюдая за дамой в красном. Та с невозмутимым видом зашагала по дорожке прочь, словно происходящее вокруг ее ничуть не касалось. Кто-то из мятежников наконец заметил одинокую женщину. Ринулся к ней, намереваясь содрать с шеи золотое ожерелье. Однако госпожа столь грозно рявкнула на наглеца, что тот оторопел и попятился. В следующий миг в самоуверенную придворную вцепилось уже с десятков рук, срывая украшения и пытаясь сбить с ног. Женщина молча сопротивлялась, пинаясь, царапаясь и не пытаясь воззвать к милосердию грабителей.

— Освободите ее, — внезапно распорядилась Зоэ. — Я хочу с ней поговорить.

Подчиненные кентарха покосились на своего начальника — тот кивнул — и отправились выполнять приказание. Действовали они на удивление слаженно и четко, в два счета расшвыряв кучку горожан по сторонам, однако никого не убив.

Доставленная пред очи самозванной императрицы растрепанная и разгневанная дама снизу вверх глянула на Зоэ. Увидела золотой с синими искрами венец, озадаченно подняла тонкую бровь. Подумав еще мгновение, опустилась на колени.

— Можешь встать, — фыркнув и озорно покосившись на Гая, разрешила Карвона. — Кто ты?

— Если госпоже угодно знать, она обращается к Елене из рода Далассин, — на удивление спокойным и ровным голосом отвечала спасенная. — Имевшей честь быть севастой базилиссы Анны Комниной.

— А где она? Где базилисса? — оживилась Зоэ. —

Прячется в гинекее? Делин, пусть твои гвардейцы немедленно осмотрят дом!

— По скромному разумению вашей служанки, это излишне, — негромко, однако весьма отчетливо произнесла госпожа Далассина. — Когда... э-э... ваши сторонники вошли во дворец, госпожа Анна, несмотря на все мои увещевания, отказалась искать спасения. Она заперлась в своих покоях. Мы пытались взломать дверь, но не смогли. Потом в здании вспыхнул огонь. Прислуга разбежалась. Полагаю, тело базилисы — то, что от него осталось — пребывает сейчас в ее комнатах, а ее душа — в мире, что превыше нашего.

Пламя, разгуливавшее по гинекею, нашло выход на чердак и теперь жадно облизывало свинцовые черепицы. Мессиру Гисборну показалось, на лице новой императрицы мелькнула тень сожаления и сочувствия. Он вспомнил рассказанную как-то Львом Тредой невеселую историю короткой жизни Анны Комниной и перекрестился. Молодая женщина не заслуживала такой участи.

— Я Склирена, — обращаясь к Далассине, молча пытавшейся придать своему изодранному наряду маломальский пристойный вид, вдруг назвалась рыжая. — Зоэ Карвона. Мой двор пока невелик, но в будущем мне понадобится достойная севаста. Думаю, ее будут звать Еленой Далассиной. Кентарх, я хочу, чтобы эту женщину отвели в безопасное место.

— Будет исполнено! — рявкнул кривоногий Делин.

— Госпожа слишком великодушна, — без малейших признаков заискивания добавила Елена Далассина.

— Ты обрастаешь верными подданными, — хмыкнув, заметил мессир Гай, когда горящий гинекей остался позади. — Что означает слово «севаста»?

— Старшая придворная дама, — перевела греческое слово Зоэ, добавив для ясности:

— Гофмейстера.

— Мрачная она, эта госпожа Елена, — высказал свое

мнение Гай. — Суровая леди, по всему заметно. Такая быстро наставит тебя на путь истинный. Запретит выходить из Палатия в одиночку. Будет следить за каждым твоим шагом — днем и, имей в виду, ночью. Кстати, раз по твоей вине Константинополь лишился епарха, то я придумал, кем его заменить. Кирие Львом. Он ведь управляющий. Что имение, что город — разница невелика.

— Спасибо за подсказку, — серьезно кивнула рыжая девица. — Может, так и поступлю. А вот Анну жаль. Правда, жаль. Глупая и нелепая гибель.

Гвардейцы из бывшей охраны Халкидии, столь разумно переметнувшиеся на сторону Карвоны, вели императрицу и ее спутника все дальше и дальше. Через проулки, образованные задними фасадами смыкающихся зданий, через облетевшие сады и неприметные дворцы в стенах, разграничивающих участки Палатия.

Мессир Гисборн был вынужден признать, что без помощи Алых Плащей они с Зоэ вряд ли сумели так быстро отыскать короткую дорогу к морскому побережью и гаваням. Отряд намного опередил увлекшихся грабежом бунтовщиков, чьи крики и вопли теперь звучали более приглушенно. Часть дворца, через которую они шли, была охвачена суетой и повальным бегством. Обитатели Палатия, от сановников до челяди, с воплями и проклятиями метались туда-сюда, ища способ покинуть дворец и не столкнуться с мятежниками. Появление гвардейцев не добавило спокойствия — увидев маленький отряд, бывшие насельники Палатия врассыпную бросились наутек.

Кентарх Делин — сэр Гай пока не понял, было то фамильное прозвище или личное имя — бодро трусил впереди, указывая путь. Грек, должно быть, руководствовался девизом «Всякий умирает в одиночку», ибо совершенно не удостоивал вниманием творившееся вокруг безобразие. Словно натасканный охотничий пес, Делин шел по следу единственной достойной добычи — Андроника Комнина.

* * *

Дугал подозревал, что при дневном свете дворцовые постройки будут выглядеть иначе, чем в неверном лунном сиянии. Однако в первый миг кельт оторопел, поняв, насколько разительно отличаются Палатий ночной и дневной. Привычные ориентиры стинули. Начав свой путь от побережья, Дугал совершенно не представлял, в какую часть дворца угодил и где искать жилище Агнессы. Он даже затруднялся описать, как оно выглядит, это самое жилище. Ведь он всегда заявлялся к Агнесе с уединенного балкончика, выходявшего в сады.

«Если не знаешь чего-либо — спроси!»

Безвестный патрикий на берегу, с коим скотт попытался найти общий язык, отвечать отказался. Кажется, бедолага с перепугу утратил остатки разума. Вообразив себя малой лисицей, патрикий упорно пытался укрыться в кустах, сквозь колкую путаницу которых и кабан бы проломился с трудом. В ответ на любые вопросы он только неразборчиво мычал да махал руками.

Не теряя надежды, Дугал решил повторить попытку. Благо по дорожкам Палатия, в точности уподобясь курицам с отрубленными головами, носилось немало число придворных и прислуги. Судя по царившему во дворцах переполоху, мятежники успели добраться до Августеона и были настроены весьма решительно.

Кельт изловил почтенного вида матрону. Та, плохо соображая от страха, принялась совать ему свои украшения. Жалобно причитая, женщина упрашивала вывести ее из дворцов. Похоже, она приняла Дугала за одного из солдат иноземной гвардии.

Кольца и пару браслетов скотт взял, строго велел патрикии спрятаться и ждать его возвращения. Дама мелко закивала и юркнула в садовую беседку. На дорожках пару раз мелькнули оборванные личности с бегающими

глазками, коим здесь было совсем не место — видимо, Халкидия уже пала. Или сдалась сама.

Следующая добыча, юнец из прислуги, оказалась на-много толковее. Пользуясь всеобщей суматохой, предприимчивый челядинец деловито выковыривал из большой мозаики на стене драгоценные камешки. Будучи захваченным врасплох, он для начала перепугался -- или прикинулся перепуганным. Услыхав, что страшный чужеземец ищет покои базилисы Анны, юнец уверенно заявил, что там давно все разграблено и поживиться нечем. А саму базилису, наверное, уже оприходовали все мятежники, кому не лень.

Дугал зарычал. Не в меру болтливый ромей поперхнулся и принялся торопливо обсказывать, как добратся до дворца императрицы. Выходило, что кельту придется пересечь наискосок едва ли не весь Палатийский мыс.

Прикинув, не взять ли юнца в провожатые, Дугал с сожалением отказался от этой мысли. У него нет времени приглядывать за вороватым мальчишкой. Сам выкрутится. Отсидится в подвале, прижимая к себе мешок с трофеями, потом украдкой выскользнет в город. Глядишь, еще разбогатеет.

Ангел-хранитель, порой присматривавший с небес за участью Дугала Мак-Лауда, свел баланс, в задумчивости погрыз перо и решил, что на сегодня подопечному выпало достаточно испытаний.

По дороге к покоям госпожи Анны Комниной со скотом не случилось ничего, заслуживающего внимания. Его не пыталась задержать дворцовая гвардия, перед ним не встало неодолимых преград, а с пути он сбился всего дважды. Навстречу в одиночку и группками ошалело бежали обитатели Палатия, все как один перепуганные и заполошно оглядывающиеся через плечо назад.

Кельт даже удивился тому, как быстро перед ним выросла задняя стена особняка из розового мрамора. Вот и

донельзя знакомый балкончик с пузатыми колоннами, вот темная полукруглая арка и недлинный коридор. Над полом медленно распылялись еле заметные серые завитки дыма — поблизости что-то горело. Под дверями Анны kloкотало маленькое столпотворение. Девчонка в белой хламиде прислужницы колотила ладонями по толстым створкам, слезливо завывая: «Откройте, госпожа, откройте!» Еще две, не то три служанки, обнявшись, рыдали хором.

Единственным человеком, не потерявшим присутствия духа, была чернявая дама в ярко-алом наряде, сумрачно взиравшая на безобразие. Не выдержав, женщина в алом закатила хнычущим служанкам по оплеухе, подошла к створкам и раздраженно потребовала: «Госпожа, прекратите ребячиться. Немедленно откройте дверь. Мы должны покинуть это место».

Из-за расписанных киноварью створок не донеслось ни звука.

— Госпожа! — дама нетерпеливо постучала по дверям кулачком. — Особняк горит. Наша преданность вашей высочайшей особе имеет границы. Мы уходим.

«Вот-вот, — одобрил нетерпеливо топтавшийся на месте Дугал. — Проваливайте да поскорее. Бегите, пока можете».

Стлавшийся в коридоре дымок сгустился. Запахло паленой тканью и тлеющим деревом. Прислужницы, то-ненько повизгивая, начали отступать в дальний конец коридора, где виднелась уходящая вниз лестница. Придворная дама вновь постучалась в двери императрицы, сухо известив Анну о том, что ее верные слуги отправляются искать спасения. После чего повернулась и ушла, всей прямой спиной выражая сдержанное неодобрение.

Едва чернявая скрылась на лестнице, Дугал выскочил из своего убежища. Насколько он помнил, изнутри дверь в комнаты Агнессы запиралась на медный засов. Десяток хороших, размашистых ударов каблуком, таких, что от-

летали щепки и жалобно вздрагивали дубовые створки. Внутри что-то хрустнуло, ломаясь. Двойные створки с визгом распахнулись настежь, грохнувшись о стены.

Съежившаяся в комок Агнесса сидела напротив дверей, прямо на полу, с головой закутавшись в полосатое сарацинское покрывало. Когда кельт шумно ввалился в ее покои, она с трудом подняла бледное лицо, глянув на него потемневшими и расширенными глазами.

— Данни, — недоверчиво пробормотала она.

— А ты кого ждала? Андроника? — огрызнулся скотт, испытав неимоверное облегчение. Агнесса жива и невредима. Напугана до смерти, но цела. Самое время вспомнить о собственных планах, тех, что были придуманы как раз на такой случай.

Дугал вихрем пронесся по комнатам, вытряхивая в подвернувшийся под руку ковровый мешочек содержимое шкатулок базилисы. Пинком опрокинул бронзовую жаровню, рассыпав содержимое. Вытащил из сундука ворох пестрых одеяний, скомкал, швырнул на багровые угли. Огляделся, ища, чтобы еще поджечь.

— Мы убегаем? — Агнесса умудрилась самостоятельно подняться на ноги.

— Само собой! — шелковые платья никак не желали загораться. Обшарив полки и найдя лаковую коробочку с кресалом, шотландец запалил несколько свечей. Одну бросил в грудку тряпья, другие поднес к занавесям на окнах и гобелену на стене. Старый ковер занялся охотнее всего, снизу вверх побежали оранжевые язычки пламени. — Или ты решила остаться и стать великомученицей? Твоему супругу наверняка не дожить до завтрашнего утра. По всему Палатию носят мятежники, вопя: «Куда скрылся подлый Комнин?»

— Я знала, рано или поздно это случится, — базилисса подошла к полкам с книгами, торопливо выдернула небольшой томик и спросила: — Можно, я возьму это с собой?

Дугал закатил глаза. Из всего богатства, которым она обладала, его любимая предпочла захватить с собой не что-нибудь, а книгу!

* * *

Головокружительное бегство по облетевшим садовым аллеям, как ни странно, вывело Анну Комнину из полуобморочного состояния. Вязкий, тягостный сон, в коем она пребывала уже десять лет, начал развеиваться. Она бежала, не спрашивая, куда они направляются, не обращая внимания на мельтешивших повсюду перепуганных царедворцев и на густой столб черного дыма, поднимавшийся над разноцветными крышами. Бежала, думая о том, как бы не упасть и не отстать. Ее ожидание было не напрасным. Данни все-таки пришел за ней. Скоро они выберутся отсюда, и десять палатийских лет навсегда канут в прошлое.

Агнесса не обратила внимания на сдавленные ругательства спутника. Только когда кельт остановился, оттащил ее с дорожки под сень колоннады и заозирался по сторонам, базилисса сообразила: что-то идет не так.

— Что случилось? — осторожно спросила она.

— Мы заблудились, — честно признался скотт. — Где-то свернули не туда. В вашем треклятом Палатии сам черт ногу сломит. Нам нужно поскорее добраться до пристаней. Но где они?

— Туда, — уверенно заявила девица, показав для наглядности пальцем в нужную сторону. Дугал с подозрением уставился на нее:

— Откуда ты знаешь?

— Я ведь все-таки живу... жила здесь, — с достоинством ответила Анна. — Базилевс несколько раз брал меня с собой на морские катания. Нам нужно спуститься по этой лестнице и вон за той часовней повернуть направо.

— Что бы я без тебя делал, — проворчал Дугал, слегка уязвленный тем, что девушка лучше него разбирается в лабиринте построек Палатийского мыса. — Хорошо, бежим. Показывай дорогу.

Убежать им удалось недалеко. Исключительно по вине Агнессы.

Скатившись по длинной мраморной лестнице с вазонами на площадках и обогнув маленькую капеллу, беглецы помчались через облетевший и вытоптанный сотнями пробежавших ног виноградник. Слева, за низкой балюстрадой, тянулось протяженное одноэтажное здание, всё в зеленых изразцах и изумрудной росписи. На обширной площадке перед входом в здание и на полукруглых ступенях террасы шла ожесточенная потасовка.

Мельком глянув туда, Агнесса замерла как вкопанная. Дугал дернул ее сперва за край накидки, потом, не особо церемонясь, потянул за запястье, побуждая бежать дальше. Девушка не обратила на скотта никакого внимания. Как замороженная, она шагнула к балюстраде, обхватив ладонями покатый край мраморных перил.

— Агнесса, ты чего это вздумала?.. — рыкнул Дугал, раздраженный внезапной задержкой. Судя по побелевшим костяшкам пальцев, оторвать бывшую базилиссу от ее опоры можно было только силой. Причем немало. Она таращилась вниз, на террасу перед особняком. Шотландцу поневоле пришлось глянуть туда же.

Представшая его взору картина была привычна при всяком и любом народном возмущении несправедностью властей. Десятка два-три оборванцев (среди коих затесались люди вполне пристойного вида), подбадривая себя воплями, теснили к дверям особняка кучку обитателей Палатия. Среди обороняющихся были стражники в алых доспехах, некто в одеждах сановника немалого ранга и дворцовые слуги в белых хламидах с синей лентой через плечо. Возглавляли сопротивление черни двое: предста-

вительного вида муж лет тридцати, с окладистой черной бородой, в темно-синих одеждах, и гвардеец в алом плаще. Увесистая булава на длинном черене в руках бородача описывала круги, удерживая разгулявшихся горожан на почтительном расстоянии. Гвардеец орудовал копьем с причудливым зацепом на наконечнике.

По всему двору валялись мертвые тела — смерть забрала причитающуюся ей дань с обеих сторон.

— Сейчас их стопчут, — уверенно предсказал кельт. — Надо же, хоть кто-то решил не быть бараном на заклание... Ну, пусть их развлекаются. Нам мешкать некогда.

Сановнику не повезло. Лихо, но неумело размахивая кривой арабской саблей, он упустил из виду подкрадывающегося простеца, вооруженного самыми обычными двузубыми вилами.

Взмах, острые кончики вил глубоко вонзаются в человеческую плоть. Вскрикнув, умирающий вельможа рухнул прямо на спину гвардейцу, вытолкнув того под дубинки, топоры и копья, наверняка позаимствованные из обширных арсеналов Палатия. Чернобородый попытался было прийти на помощь гибнущему сотоварищу, но капризная Фортуна отвернулась от него.

Неловко провернувшееся в руках некоего мелкого лавочника копье ткнуло высокородного патрикия прямо по макушке. Вскрапнув, тот повалился на бок. Лишившись предводителя, слуги мигом сделали свой выбор, побросав оружие и кинувшись наутек.

Агнесса низко, глухо застонала, раскачиваясь из стороны в сторону. Победители с улюлюканьем ворвались в обиталище побежденных. Оттуда донесся грохот падающих предметов и женский визг. Чрезвычайно гордый своим подвигом лавочник выхватил у кого-то тяжеленный мясницкий топор и теперь всю размахивал им, угрожая поразить соседей. Упавшего чернобородого то пинали ногами, то принимались вязать ему руки за спиной. Торговец с топором подпрыгивал и

визжал пронзительным фальцетом, требуя, чтобы никто не зарился на его трофей. Его верные соратники орали, доказывая, что подлую тварь нужно немедленно обезглавить, принести голову новому правителю, а щедрое вознаграждение честно поделить на всех. Оглушенный мужчина медленно приходил в себя, с трудом ворочая головой.

Из разоренного дома вывалились новые действующие лица трагедии. Несколько человек волокли обессиленно поникшую и даже не переставлявшую ноги женщину, кудрявую блондинку в зеленом и золотом. Следом под азартные вопли вытащили двоих маленьких детей, не поймешь, мальчиков или девочек. Одного, истошно ревущего, мешком перекинули через плечо. Второго, постарше годами, тянули за шиворот. Ребенок не кричал, но, изворачиваясь как кошка, пытался ткнуть пленителей маленьким кинжалом. Его безнадежные усилия вызывали общий хохот.

— Помоги им... Помоги, — опомнившаяся Агнесса вцепилась в рукав Дугала, задергала, умоляюще и вместе с тем ожесточенно глядя снизу вверх прозрачно-пепельными глазами. — Пожалуйста. Они же просто дети. Они ни в чем не виноваты. Я была такой же. Меня не убили, потому что я приглянулась Андронику. А Лею свернули шею, как цыпленку. Они единственные друзья, которые были у меня здесь. Пожалуйста.

Спор между мятежным лавочником и его сообщниками завершился победой более громкоголосого и единого большинства. Мужчину в синем швырнули поперек ступенек. Кто-то схватил блондинку за растрепанные пряди, задрав ей опущенную голову и вынуждая смотреть на казнь. Орущее дитя получило затрещину, его плач перешел в икающие всхлипывания. У второго ребенка отобрали клинок и удерживали на месте, не давая приблизиться к женщине. Один из бунтовщиков все-таки закрыл малышу глаза ладонью.

Тесак взлетел и опустился под обморочный вздох начавшей оседать на землю Агнессы. Белые ступени террасы превратились в мокрые и черные. Самозванный палач совершенно не владел зловещим ремеслом, искалечив, но не прикончив жертву с первого удара.

Вид брызнувшей на мрамор крови возбудил в толпе звериное, нерассуждающее стремление убивать. Полумертвый патрикий исчез за частоколом ног обступивших его горожан. Неравномерно взлетали и опускались руки с зажатым в них железом.

— Голову, голову берегите! — надсаживался давящий торговец. — Голова пропадет — ничего не получим! Сказано ж было — кто принесет голову ублюдка, того и наградят!..

Сидевшая на корточках и побледневшая до синевы Агнесса зажимала себе рот ладонями, борясь с подступающей рвотой.

Воспоминания редко тревожили совесть Дугала Мак-Лауда по прозвищу Данни, но сейчас они явились, сверкающие и яростные, как удар молнии. Дингуолл, маленькая безвестная крепость на другом конце земли. Десять лет тому, зарево пожаров, азартные вопли победителей, крики умирающих. Матильда Джейль тоже, помнится, была белокурой. Ей было все равно, что станет с нею, до последнего мига она умоляла пощадить ее детей. Пятых ее детей, виновных лишь в том, что им не повезло.

Дугал ожесточенно помотал головой, изгоняя из памяти картины прошлого. Жизнь, спасенная за жизнь отнятую, — испокон веку в обычаях Хайленда был именно такой счет. Но, будь он даже истинным воплощением героев древности, ему не по силам разогнать, одолеть спятившее от вседозволенности сборище простецов. Тех, что сейчас жизнерадостно орали, хлопали друг друга по плечам, швыряли из стороны в сторону двух ребятишек и отвешивали пощечины потерявшей сознание женщине в зеленом наряде.

Ликование несколько поутихло при виде внезапно перемахнувшей через балюстраду фигуры — долговязого лохматого типа варварского обличья. За плечом у новоявившегося торчала здоровенная крестообразная рукоять меча. Тип встревоженно орал по-гречески и махал руками.

— Чего пялитесь? — Когда неизвестный взлетел на террасу, его речь стала отчетливее и понятнее. — Жить хотите, так делайте ноги! Базилевсова гвардия в кои веки вытащила мечи из задниц и вылезла из казарм. У Халкидии уже всех перебили!.. Скоро здесь будут, а там их с полтыщи рыл валит, никак не меньше!.. Говорят, Андроник с ними!..

В наступившей гробовой тишине звякнул о камень выпавший из чьей-то руки меч. Никогда прежде Дугал не видел такого поразительного единодушия: мятежники, только что готовые разорвать на клочки любого врага, молча бросились врассыпную. Замешкался только лавочник, все-таки успевший подхватить с земли добычу — окровавленный ком, оскаливший зубы в застывшей гримасе ненависти.

Золотоволосая ромейка, нелепо изогнувшись, лежала у подножия колонны. Дугал на всякий случай проверил, может, жива. Нет, удирая, кто-то из бунтовщиков так толкнул блондинку, что та с размаху ударилась головой о камень и сломала себе шею. На обезглавленные останки растерзанного мужчины скотт, даже обладая крепким желудком и немалым жизненным опытом, старался лишний раз не глядеть. Озверевшая толпа за считанные мгновения превратила человеческое тело в нечто, чему не имелось подходящего наименования.

Дети уцелели. Младший сидел посреди опустевшей террасы, размазывая слезы по миловидной замурзанной рожице. Старший дотянулся до брошенного кем-то из убийц узкого шамшира и замахнулся на приближающегося шотландца.

— Син! Сини!.. — подбежавшая Агнесса на удивление ловко выхватила оружие из слабых детских рук и крепко прижала ребенка к себе. — Сини, это я, Анна. Дорогой, посмотри на меня. Это я, твоя тетушка Анна, помнишь меня? Пойдем со мной. Пойдем скорее. Я уведу вас отсюда. Все будет хорошо, верь мне.

Робкую, боязливую Агнессу словно подменили. Она не замечала ни валяющихся повсюду мертвецов, ни того, что ступает по лужам крови. Двое ребятишек — теперь скотт убедился, что это мальчики, лет шести и восьми, черноглазые, с отпущенными по ромейскому обычаю длинными выющимися локонами — стали для Агнессы важнее всего. Она вытерла младшему зареванное личико краем своего покрывала и, приговаривая что-то утешительное, взяла на руки. Второй, не по-детски мрачно покосившись на Дугала, неуверенно ухватился за длинный пояс ее платья.

— Данни, это Давид, — бывшая базилисса кивком подбородка указала на макушку сидевшего у нее на руках ребенка, — а это Алексей. В семье мы называли их Виви и Сини. Они — младшие Комнины. Внуки Андроника. Бета умерла, да?

— А... э... — кельту понадобилось несколько мгновений, чтобы уразуметь смысл услышанного. Бетой, видно, звали усопшую блондинку. Выходит, принявший мучительную смерть чернобородый — родной сын базилевса, наследник Империи, как там бишь его? Мануил. Которого мессир Конрад и хитроумный д'Ибелен мечтали возвести на престол после кончины престарелого Андроника. Оставшиеся в живых ребятишки одним махом превратились в законных византийских принцев. В живую угрозу тому, кто сейчас пытается свергнуть базилевса Комнина с насильственного места. — Да, Агнесс. Ее убили. Ты справишься со своими... — Дугал слегка запутался в родственных отношениях императорской фамилии, соображая, кем приходится Агнесе двое мальчишек, — ...племянниками?

— Да, — лицо Агнессы стало закаменевшим и бесстрастным, как гипсовая маска на стене. — Мы справимся. У мужчины должны быть свободные руки, чтобы держать оружие. Идем, до пристани еще далеко. Сини, не отставай. И не смотри по сторонам, милый.

Уводя свой неожиданно выросший вдвое отряд к морю, шотландец с потаенным удовольствием размышлял о том, что при внешней кротости и пугливости душа у Агнессы д'Эвре — бывшей Анны Комниной и будущей леди Мак-Лауд — крепче дамасской стали. И решительности ей на самом деле не занимать. Девица даже не потрудилась узнать, согласен ли он повесить себе на шею обузу в лице двух маленьких детей.

* * *

Очередной двор, окруженный с трех сторон низкими зданиями красного и желтого кирпича, ничем не отличался от десятка уже виденных сэром Гаем и оставшихся позади. Пригнанные друг к другу белые известняковые плиты, бездействующий фонтан с позеленевшим от времени бронзовым дельфином, длинные галереи, ряды полукруглых арок.

Один из темных проемов внезапно исторг две бегущие фигуры. Задержавшись на миг и сочтя, что всадники и солдаты еще далеко, беглецы — мужчина и женщина — припустили наискосок через площадь, стремясь достигнуть узкого проулка в дальнем конце. Женщина в развевающейся полосатой накидке несла за спиной маленького ребенка — совсем как крестьянка, подумалось Гаю. Второй ребенок, постарше, трусил рядом, держась за пояс одеяния беглянки. Сопровождавший их долговязый мужчина что-то гортанно крикнул своей спутнице, видимо, поторапливая.

Друзья и родственники были правы, именуя сэра Гая

из Локсли тугодумом. Склирена вновь оказалась шустрее разумом. Прищурившись, она вгляделась в беглецов и азартно взвизгнула: «Держите их! Не дайте им уйти!»

Мужчина тянул женщину за локоть, буквально волоча следом за собой и пытаясь заставить шустрее переставлять ноги. У девицы разжались руки, живая ноша соскользнула с ее спины. Второй ребенок вцепился в одежду упавшего, поднимая на ноги. Заминка окончательно похоронила возможность бегства. Подчиненные Делина без труда догнали парочку и окружили.

Мессиру Гисборну стоило бы безмерно удивиться. Или помянуть непредсказуемые пути Господни. Или выругаться от души, прокляв тот день, когда судьба свела его в Дуврском порту с неким уроженцем гористой Каледонии. Однако на Гая вдруг снизошла спокойная уверенность в том, что ему не стоило ожидать от судьбы иного поворота. Языческий Фатум оказался действеннее христианских молитв и богословских трактатов. Предсказание Лоррейна исполнилось. Он, Гай Гисборн, прошел назначенную ему долгую дорогу, начало коей затерялось в лесах Нормандии и на берегах острова Альбион. Этому пути суждено завершиться здесь, во владении византийских базилевсов, посреди обширного двора, вымощенного белым известняком.

— На Рождество прибыть в Константинополь, — пробормотал мессир Гисборн. — Ведь мы так уславливались? Обещания надо выполнять.

О чем размышляли Дугал Мак-Лауд, предпочитавший, чтобы его звали «Данни», и Зоз из династии Склиров, нынешним утром получившая прозвище «Карвона», осталось неизвестным.

Клеймора шотландца, только что покоившаяся в заплетенных ножнах, неуловимо быстро перекочевала в руку владельца. Хорошенькая и очень юная девушка, прятавшаяся за спиной Мак-Лауда, еле слышно всхлипнула, крепче прижав к себе обоих малышей. Она закрыла

их своей накидкой, словно это могло помочь сохранить детям жизнь.

Кентарх Делин, приглядевшись к беглянке и ее питомцам, изумленно фыркнул и сообщил, обратившись почему-то к мессиру Гисборну:

— Это ж Анна. Госпожа Анна. Мы думали, она сгорела, а она живая. А это дети Мануила. Внуки базилевса. Ну, бывшего базилевса.

— Угу, — кивнул англичанин, с искренним удивлением смотря на бывшего попутчика и компаньона, подлого, двуличного и коварного мерзавца. Судя по очень спокойному, оценивающему выражению лица Мак-Лауда и нехорошо сузившимся глазам, впервые на памяти Гая ставшим пронзительно-зеленого цвета, для скотта не имело значения, сколько перед ним противников. Он перебьет всех гвардейцев, пытаясь защитить беззвучно плачущую девушку (разум Гая упорно отказывался соглашаться с тем, что это и есть Анна Комнина, византийская императрица. Это была просто ромейская девушка, молоденькая и насмерть перепуганная). Самому Мак-Лауду гибель от мечей не грозит — ведь его по-прежнему хранит неожиданная благодать Чаши Господней. Но если в свалке пострадают Анна или мальчишки?

Похоже, в многоумную голову Зоэ Склирены пришли схожие соображения.

— Хлебнешь ты с ней горя, — криво ухмыльнувшись, вдруг проговорил кельт. Слегка повел кончиком меча, указав на хмурую Зоэ. — Что, приворожила? А я ведь тебя предупреждал — мистрисс Изабель как тот тихий омут, где полно нечисти. Это она мутит воду и лезет на византийский трон? Держись крепче за ее подол, глядишь, станешь императором. Ночным. Как ее на самом-то деле кличут, хоть выпросил?

— Зоэ Склирена. — Странное дело, язвительные подначки Дугала ничуть не задели ноттингамца. Возможно, оттого, что скотт говорил чистую правду. Самому

сэру Гаю, несмотря на затруднительность момента, хотелось выяснить иное: — Как это тебя угораздило познакомиться с базилиссой?

— Уметь надо, — фыркнул Мак-Лауд, делая крохотный шагжок назад и незаметно подталкивая локтем своих подопечных. — Что, спляшем напоследок пляску смерти или разойдемся миром? Кстати, как там тебя... кирия Зоэ. Благодаря твоим усердным сторонничкам у этих детишек больше нет ни крыши над головой, ни отца, ни матери. Довольна?

— Более чем, — проронила Карвона. Привычным Гаю жестом она накручивала на палец выбившуюся рыжую прядь, жесткую и неподатливую. Солнце укрылось в серых вечерних облаках, и камни диадемы больше не сияли переменчивым синим блеском. Базилисса размышляла, участники драмы во дворе Палатия ждали ее решения. Мессир Гисборн как наяву увидел те призрачные весы, на чашах которых Склирена раскладывала милосердие и необходимость, соображения государственной пользы и собственную выгоду. Польза и выгода перевешивали.

— Делин, убейте их, — Зоэ отвернулась, избегая встречаться взглядом с английским рыцарем. — Всех. Быстро. Без мучений. Берегитесь мужчины — он слишком хорош в бою. Гай, будет лучше, если поможешь им.

— Все зло мира — от самоуверенных женщин, — невозмутимо изрек кельт и через плечо на греческом велел девушке: — Агнесс, не трись. Как только начнется, со всех ног беги прочь. Парни, вы за ней, — и, перейдя на норманно-франкский, добавил: — Гай, ты меня знаешь. Положу их всех, а рядом — твою ненаглядную рыжую стерву. Признаюсь честно, с тобой мне драться неохота. Но, коли другого выхода не будет, я и тебя прикончу.

— Не сомневаюсь, — кивнул мессир Гисборн, не делая попыток слезть с коня или вытащить меч. — Зоэ, ты

помнишь, о чем мы с тобой говорили у Халкидии? Ты дала обещание. Сохранить жизнь младшим Комниным и базилиссе Анне.

— Я передумала, — огрызнулась ромейка, и, перейдя в наступление, едко осведомилась: — Неужели рыцарь короля Ричарда боится выйти против какого-то каледонского дикаря?

— Дело не в том, боюсь я или нет, — краем глаза мессир Гисборн отметил, что Алые Плащи покуда не двинулись с места, ожидая, чем завершится спор между их новой госпожой и ее верным паладином. — Кажется, ты еще не поняла. Я не позволю тебе начать правление с отказа от собственных слов. Знаю, это старая и добрая византийская традиция. Тебе придется ее нарушить. Или впредь быть осмотрительнее. Либо, если ты желаешь хранить верность былым порядкам, — Гай надеялся, что его голос звучит достаточно твердо и решительно, и Зое поверит в искренность его слов, — тебе предстоит справляться с делами Империи в одиночку. Без меня. Надеюсь, нам никогда больше не придется возвращаться к этому тяжкому разговору. Ты — моя госпожа. Но я буду служить тебе, покуда ты будешь достойна этого. Кентарх, эти люди вольны идти на все четыре стороны.

Мак-Лауд расхохотался, коротко и хрипло, как ворон закаркал:

— Так ее, так! Гай, попробуй как-нибудь отходить свою милочку вожжами — говорят, очень способствует. Злючки после этого становятся на удивление кроткими и смиренными. Ну, ежели никто не против, мы пошли?

— Если до меня дойдет хотя бы один слух о том, что выжившие Комнины ищут сторонников и плетут против меня козни, — проглотив обиду, яростно прошипела Зоя, — хоть отзвук слуха, хоть единственная сплетня — клянусь, все страны переверну, но разыщу! И тогда пеняй на себя. Убирайся. Чтобы сегодня же духу вашего не было ни в Константинополе, ни в Византии.

— Хорошо, ты хоть не ведьма, — кельт не рискнул повернуться к Карвоне и ее отряду спиной, пятясь через двор мелкими быстрыми шажками, и по-прежнему держа клеймору наготове. — А то, право слово, я бы струхнул. Решил, что ты непременно наведешь на меня порчу в отместку. Не переживай, дорогая, и не скрипи зубами. Ты на коне, ты победила. У тебя теперь есть целая империя. Да еще мессир Гисборн впридачу. Он будет гласом той совести, которой тебе недостает. Гай, желаю удачи! Вряд ли мы когда свидимся. Не держи на меня зла, ага?

Мужчина, женщина и двое ребятишек исчезли в темноте прохода между стеной особняка и решетчатой оградой. Зоэ разжала стиснутые на поводьях жеребца кулачки и с присвистом выдохнула. Мессир Гисборн не знал, как разгневанная Карвона отнеслась к полученному уроку и его решению, а потому мудро предпочел пока помалкивать.

— Клянусь Богом, я сожалею, — вдруг жалобно протянула Зоэ. — Гай, ты простишь меня? Я разозлилась. Это порождение Хайленда обладает сущим талантом выводить меня из себя. Еще немного — и я сотворила бы такое, что потом сама себе была бы противна. Спасибо тебе.

Она поправила выбившуюся прядь и вполголоса задумчиво добавила:

— Душу бы продала, лишь бы узнать: как он умудрился окрутить скромницу Анну?

* * *

Время ожидания тянулось страшно медленно, и Хрис Старший Братец не на шутку извелся. Зыбь и ветер то и дело отгоняли хеландион с условленного места встречи, утягивая в море. Обезумевшие обитатели Палатия, не умея плавать, лезли на глубину и цеплялись за борт лодки, едва не переворачивая ее. Братец не был уверен,

но, кажется, грузный придворный, которого он изрядно приложил веслом по макушке, навсегда сгинул в темных водах Золотого Рога.

Хрис уже собирался поднимать парус и несолоно хлебавши отправляться к родной пристани Западной бухты, когда на фоне темных зарослей появилась долговязая фигура. Франк заорал, замахал руками, подзывая лодку.

— Слава и хвала тебе, Богородице, во веки вечные, — проворчал рыбарь, разворачивая хеландион к берегу. — Притащился, зараза.

Увидев, кого привел с собой Бьярни, Хрис пораженно крикнул. Франк усадил в плоскодонку закутанную в длинный шелковый платок девицу и двух испуганно притихших мальчишек. Ухватился за корму, отпихнул лодку от берега и влез сам.

— Парус ставить? — как ни в чем не бывало осведомился Бьярни, заботливо устроив спасенную женщину и ребятишек в гнезде из свернутых сетей и пустых мешков. — Эй, Братец, рот закрой, а то чайки нагадят. Побежали к дому. Как доберемся, сразу рассчитаемся. Я тебе безант должен, не забыл?

Отрывок из «Константинопольского хронографа» за 1189 год.

Автор сочинения неизвестен

«...За свою долгую жизнь базилевс Андроник Комнин не раз удачно избегал преследований и совершил не один дерзкий побег из узилищ. Однако намерение Андроника затеряться среди охваченных паникой обитателей Палатия не увенчалось успехом. Его выдали собственные приближенные, решившие столь высокой ценой откупиться от гнева возмущенных горожан. Базилевса схватили на пристанях, когда он в числе прочих беглецов перебирался через борт рыбацкой плоскодон-

ки, одной из многих, переправлявших испуганных патриков и их семейства в спасительный город.

Будучи пленен, Андроник повел себя не самым достойным образом. Он сулил мятежникам в обмен на сохранение жизни и изгнание все богатства Палатия, перечислял свои прежние заслуги перед Империей и ее народом — кои были несомненны, покуда базилевсом не овладело стремление повсюду видеть тайных врагов и истреблять их. Наконец, он принялся взывать к милосердию победителей, говоря, что недостойно травить и преследовать дряхлого старца. Когда ему напомнили, что он истребил без счета как дряхлых старцев, так и малых детей, Комнин возрыдал и осыпал голову пеплом, каясь в совершенных грехах.

Представ перед новой правительницей Империи, Зоэ Карвоной, Андроник пал на колени, величая ее то Заступницей Небесной, то своей женой Анной, и разыгрывая внезапно помутившегося рассудком. Однако ни одно сердце не смягчилось сим душераздирающим зрелищем и ни один голос не поднялся в защиту Комнина — ибо многим было ведомо, насколько преуспел базилевс в искусстве лицемерия и фальши. «Он лжет», — промолвили сотни и сотни тех, кто был в тот час в Палатийских дворцах, вынеся тем суровый, но справедливый приговор.

Поняв, что хитрость не удалась, Комнин перестал корчить из себя безумца. Он начал громогласно призывать проклятия на головы свергнувших его, оскорбляя базилису и ее сторонников, угрожая им жестокой расправой и местью.

В милосердии своем кирия Зоэ повелела не длить мучения Андроника Комнина более необходимого. Случившийся в толпе старшина мясницкой гильдии отрубил поверженному базилевсу голову там же, возле пристани Палатия. Тело Андроника сбросили в лодку, которую оттащили в залив и подожгли, лишив его тем

самым светлой участи воскреснуть среди прочих грешников в день Последнего Суда.

Базилисса Карвона велела не причинять вреда семейству базилевса, но ее приказание не было выполнено. Супруга базилевса, Анна Комнина, сгинула бесследно. Нигде не было обнаружено ни ее останков, ни свидетелей ее кончины. Мануил Комнин, сын Андроника, и жена Мануила Елизавета пали жертвами безмерной ненависти константинопольских горожан к тирану Андронику. Их тела с надлежащими почестями погребли в дворцовой усыпальнице. Отпрысков Мануила, Алексия и Давида, десяти и семи лет от роду, разыскать не удалось. Очевидцы из дворцовой челяди уверяли госпожу Карвону и назначенных ею дознавателей, что дети погибли в пожаре, охватившем покои наследников Комнина.

В дни Рождественских календ базилисса Зоэ Карвона Склирена торжественно вступила в Золотой зал, заняв в присутствии высших сановников Синклита престол владык Империи. В числе первых ее новелл было повеление облечь высокими титулами протосеваста и кесаря одного из ее верных сторонников, франкского вельможу Гая, принявшего фамилию Склиров, и назначение на должность епарха Константинополя кирие Льва из рода Треда.

Решение императрицы было с большим восторгом принято проживающими в Константинополе высокорожденными иноземцами, а также посланцами франкского правителя Барбароссы, чьи армии в тот год продвигались к Иерусалиму...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КИПР: ОСТРОВ ВОЙНЫ И ЛЮБВИ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Потерпевшие кораблекрушение

23 октября 1189 года
Лимассол, Кипр

Бюрократия — страшная сила. Что в двадцатом веке, что в двенадцатом. Пожалуй, в двенадцатом она будет даже страшнее, ибо любые списки и перечни долго и тяготясь заполняются вручную. Перышком на пергаментном свитке. А потом всегда обнаруживается, что кого-то пропустили или протокол составлен неверно.

Именно о могуществе бумажной волокиты размышлял барон де Шательро, он же Серж де Казакофф, краем глаза наблюдая за тем, как мадам Катрина и пришедший ей на помощь Ангерран де Фуа пытаются одолеть в словесном поединке явившихся на борт кипрских таможенников. Делу немало мешало то обстоятельство, что мадам (про себя Серж прозвал ее «фрау Кэт») изъяснялась только на норманно-франкском, немецком и латыни. Де Фуа успешно строил из себя полиглота, однако местные стражи порядка говорили на какой-то собственной разновидности греческого, отчего между старым рыцарем и таможенниками постоянно возникали недоразумения.

Наверное, в Средневековье портовые чинуши носили другое наименование, а многоумный фон Райхерт мог точно сказать, как именуется это ведомство, управа или департамент. Сергей для простоты и ясности именовал их таможенниками.

Почтенной мадам Катрине де Куртенэ — впрочем, как и всем на борту «Жемчужины» — было скверно. Физио-

номия старшей фрейлины, внушительного вида дамы лет сорока от роду, приобрела нежный оттенок увядающей листвы, а речь звучала слегка смазанно. Де Фуа бодрился, но Казаков мог побиться об заклад: патрон мечтает о твердом берегу, обильном горячем обеде и возможности без помех соснуть минуточек шестьсот. Или семьсот.

Серж вполне разделял эти невинные желания, уныло проклиная про себя чертовых рекламщиков. Борзописцев, воспевавших в глянцевых проспектах тишь, гладь и благодать прекрасного Средиземного моря. Собрать бы авторов хвалебных опусов на одну большую баржу, мечталось Казакову, и вывести на трассу Мессина — Кипр. Да чтобы не солнышко сияло, а задувал приличный, баллов эдак семи-восьми, осенний ветерок из Африки. Бросить на произвол судьбы, предварительно вдребезги расколотив у баржи пульт спутниковой связи и заклинив руль. Пусть повоюют, помучаются, покачаются на волнах да вволю покормят средиземноморских рыбок...

При мысли о рыбках Казаков рывком перевесился через борт шебеки и надрывно закашлял. Единственной потребленной им пищей за последние двое суток был выданный на камбузе шебеки ржаной сухарь. Черствый. Правда, размером и толщиной ничуть не уступающий гамбургеру в незабвенной забегаловке имени Рональда Макдональда. Сухарь давно разложился на составляющие ферменты, однако измученный качкой желудок тщетно пытался вытолкнуть его несуществующие останки в зыбкие хляби лимассольского залива.

Удивительное дело, во время морского перехода тошнило меньше, чем сейчас, когда суденышко болталось на якоре в виду кипрских берегов. Еще удивительнее было то упрямство, с которым корпус шебеки силился противостоять обрушившимся на него стихиям. К сожалению, возможностей кораблика оказалось недостаточно. Вчера днем «Жемчужина» под аккомпанемент завываний ветра, воплей и жуткого треска лишилась передней мач-

ты, а просочившаяся в трюм вонючая вода бултыхалась выше колена, исподволь утягивая шебеку на дно.

«Славно прокатились, — Казаков вытер рот рукавом и плюхнулся на свернутый бухтой канат. — Не-ет, друзья и братья, никакая воздушная болтанка даже рядом не стояла со старой доброй морской трепкой. Особенно пережитой на средневековой галоше малой тоннажности. Надо было проситься к Ричарду на его броненосец. Там, небось, даже не качнуло ни разу. Зато пассажиров упаковывали штабелями вперемешку с лошадьми. Бр-р. Ага, вот и замученная Берри явила светлый лик. Хреново же она выглядит».

Королева Английская, не подозревавшая о варварском сокращении ее имени и данной ей неприглядной характеристике, неверными шагами вышла из своей каютки. В нарушение всех морских традиций она неуклюже присела прямо на ступеньку крутого трапа, ведущего с палубы на высоко задранную корму шебеки. Симпатичное личико Беренгарии осунулось и пожелтело, носик заострился, под глазами залегли черные тени. Копна темных волос, обычно уложенная в безукоризненную прическу, была скручена нелепым, съехавшим набок узлом. Похоже, ее величество нынче утром справлялась с туалетом без помощи валявшихся пластом придворных дам.

Подперев подбородок ладошками, Беренгария невидящим взором уставилась на окружающую декорацию.

Та не отличалась изысками. Высокий обрывистый берег. Длинная узкая гавань с десятком судов — у причалов или бросивших якоря на взморье. Маленький городок, прилепившаяся на вершине скалы приземистая крепостца темно-алого камня. Бастионы изгибаются в согласии с особенностями рельефа, по верху стен тянутся мелкие зубчики. Чуть дальше видна темная зелень каких-то рощиц. Вот и весь Лимассол, будущий оплот международного туризма и модный курорт. Может, вон из того зарешеченного окошка за потрепанным корабликом

на рейде пристально наблюдает в подзорную трубу обогланный и оклеветанный Исаак Комнин. Тот еще фрукт и проходимец, если верить специалисту по историческим казусам, господину барону фон Мелвиху-Райхерту. А с массовым изготовлением подзорных труб дело у местных умельцев пока не заладилось... Интересно, грядет ли поголовная проверка документов, паспортов с визами и свидетельств о благонадежности?..

Если б не распроклятый шторм, Казаков счел бы свой адаптационный период в XII веке успешно завершенным. Среди окружения Беренгарии он вполне сошел за своего. Немного чудаковатого своего, с поправкой на легенду о «польском рыцаре, искателе приключений». Не всегда умеющего изящно и гладко изложить свои мысли, не особо чтящего древние традиции и обычаи — однако своего. Незримая табличка «Подозрительный чужак» сменилась на другую, «Свой парень, пусть и со странностями». За время путешествия он ничем себя не выдал, не допустил ни единого словесного ляпа, честно сунулся в начале шторма помогать экипажу шебеки справляться с парусами и пару раз даже заслужил одобрителный кивок де Фуа.

Тягомотная беседа мадам Куртенэ и мессира Ангеррана с таможенниками наконец завершилась. Троица чиновников, на чьих рожах красовалось сознание честно выполненного долга, полезла в доставившую их на борт шебеки большую плоскодонку. Пяток крутившихся неподалеку лодчонок словно дожидался этого счастливого момента. Замелькали весла, лодки акульей стайкой окружили увечную «Жемчужину». Сидевшие в них живописные типы наперебой заголосили нестареющие слоганы: «Дешевые апельсины, прямо с грядки! А вот кому натуральной пресной водички! Лучший в мире шашлык из кипрских свиней! Падхади, дарагой, дэньги давай — товар получай!»

Пассаж о шашлыке объяснялся тем, что один из предприимчивых торговцев налево и направо демонстрировал вероятным покупателям истощно визжащего поро-

сенка. Казаков осторожно представил парнокопытное лежащим на тарелке, с печеным яблоком в пасти. Желудок отозвался страдальческим бурчанием, однако позыва вновь пообщаться с рыбками не высказал. И на том спасибо.

Морская братва, только что с крайне озабоченным видом обсуждавшая обломок мачты, ринулась к борту. Мелкооптовая и розничная торговля пошла полным ходом: вниз уплывали корзины на веревках и деньги, наверх поднимались бутылки с водой и провиант. Барон де Шательро сглотнул, решая труднейший ребус: не зазорно ли почти крестоносцу отовариться на кипрском рынке?

Оказалось, ничуть не зазорно. Из сумрака провонявшего отбросами и рвотой трюма один за другим полезли собраты по мучениям, эскорт ее величества. Малость оклемавшись, они, как подтягиваемые невидимой веревочкой, тоже устремились к импровизированному прилавку. Заинтересовалась даже впавшая в уныние Беренгария — окликнула мадам Катрину и пальчиком указала на столпотворение. Чопорная фрейлина поморщилась, но долг есть долг. Госпожа королева желают есть.

«Жемчужину» снова мягко качнуло с боку на бок. По соседству с Казаковым приземлился его высокородие де Фуа — один из немногих, на ком отбушевавший шторм не оставил заметных следов.

— Однажды шли мы с полным трюмом трофеев из Александрии, — мечтательно изрек бойкий старец, — и недурно ж нас тогда потрепало... А здесь что? Дождь поморосил, ветер повыл, всего одну мачту сломало и даже никого за борт не унесло. Мирная морская прогулка. Хотите? — Он отломил и протянул подчиненному добрый ломоть черного хлеба, начиненного то ли измельченными тушками осьминогов, то ли некой неведомой морской живностью. Сергей решил, что сейчас не до гурманства, немедленно цапнув пожертвование и жадно зачавкав. — Ну до чего умирительно. Мы теперь еще и хлеб преломили.

— Вычтете стоимость из моего жалованья, — с набитым ртом предложил Казаков.

— Чувство юмора еще при вас, — одобрил Ангерран и тоже откусил от диговинного кипрского пирожка. — Это радует. Видели крючкотворов Комнина? Мадам де Куртенэ только что сообщила им потрясающее известие: в их городке пришвартовался корабль Беренгарии Наваррской, ныне Беренгарии Английской. У почтенных господ аж челюсти стукнули о палубы. Думаю, в скором времени нас ожидают высочайшие визиты и настоячивые приглашения в гости.

— Ага, — Серж с одинаковым трудом пережевывал оказавшийся довольно твердым хлеб и полученную информацию. — Угу. То есть погодите. Наша фрау Кэт сказала местным, что тут Беренгария, а вы ее не остановили?

— Зачем? — Не ведая о славных традициях города Одессы, де Фуа порой вел себя, как истинный уроженец этого прекрасного града. — Правда, как известно, крепче щита. За торговое судно мы никак не сойдем, да и товаров у нас на борту не сыщется. Будь мы потрепанной бурей купеческой лоханкой, нас бы быстренько и незамысловато ограбили. Титул же сопровождающих самой королевы Английской что-нибудь да значит. Как и имечко супруга милой Беренгарии. Надеюсь, он вскоре тут объявится.

— Интересно, — Казаков покосился на бастионы возвышающейся над гаванью крепостцы, — здешний правитель, как его... Исаак Комнин, верно? Он уже прознал о том, что стряслось в Мессине?

— Биться об заклад я бы не стал, но дурные новости путешествуют быстро, — безмятежно ответил Ангерран. — Было вы весьма интересно узнать, что кирие Исаак намерен предпринять в этой сложной ситуации. Выходов у него два: сопротивляться или доказывать свою непричастность к скверному инциденту. И в том, и в другом Кипр и его обитателей не ждет ничего хорошего.

Серж одолел последний кусок пирога и вопросительно глянул на сидевшего рядом покровителя. Ярко-голубые глаза проказливого юнца, совершенно не вязавшиеся с почтенным обликом де Фуа, были совершенно искренними, не омраченными даже малой тенью лжи. Казаков догадывался, по чьему наущению начался пожар в мессинской гавани, — и знал, что досточтимый Ангерран тоже об этом знает.

«Сообщнички, — грустно подумал Сергей. — Интриганы-саботажники. По здравому разумению, надо бы поднимать паруса и побыстрее драпать из Лимассола. Черт, на чем мы будем поднимать паруса, коли мачта сломана? Пора паниковать или можно повременить?»

Хрюкающего поросенка затолкали в корзину и втащили на борт. К неудовольствию Казакова, подле мающейся от последствий морской болезни Беренгарики нарисовался изящный силуэт в черном. Элегантный красавчик — как он умудряется оставаться неотразимым после пережитой болтанки? — учтиво обхаживал страдающую даму, подкармливая с руки какой-то снедью. Ее величество забот верного подданного не отвергала, предложенным угощением не брезговала и вообще являла собой образец демократично настроенной королевы.

Хайме. Конкурент, мать его. Дельфинов не распутивает, и шторм ему нипочем, и темной ночью в каюту к Беренгарики хоть разок, да сумел просквозить. Самого Сержа, когда он рискнул предпринять аналогичную вылазку, вежливо попросили удалиться. Наверное, Хайме навел на бдительную Куртенэ сонные чары. А что, он может. Он такой. Транкавель из Ренна, колдун недоделанный. Фаворит. Серж вдруг пожалел, что начисто лишен поэтического дара. А то бы непременно сложил глумливую балладу. С рефреном «Растут у Ричарда рога, лосиные rogal!».

* * *

Если предметом размышлений Сержа Казакова была бюрократия, то Исаак Комнин, полновластный правитель, сиречь деспот, маленького средиземноморского островка размышлял о коварстве судьбы и истинности народных итальянских поговорок. В частности, той, что уверяла: «Лучше быть Цезарем в провинции, чем одним из многих в Риме». И другой, гласившей: удача покровительствует смелым и предприимчивым.

В течение многих лет он опирался на эти нехитрые утверждения. Они никогда его не подводили.

Сегодня, видимо, настал черед другой поговорки: «За все приходится расплачиваться».

А ведь его дела шли так замечательно!

Девять лет тому назад он безошибочно уловил миг, когда пришла пора распрощаться с блестящим Константинополем. О разлуке с великим городом кирие Исаак ничуть не сожалел. Он никогда не был в столице желанным гостем.

Позже до него дошла весточка, лишний раз подтвердившая верность его решения. Задержись он в Константинополе еще на пару дней, и следующее десятилетие он в лучшем случае провел бы за решетками Нумэры. Или слепым побирушкой бродил по городам и весям Империи. Или стал одним из тех, кого в праздничный денек заталкивают в медное брюхо вечно голодного быка-людоеда на площади Тавра. Пришедший к власти Андроник Комнин стремительно расправлялся со всеми, кто имел несчастье носить ту же фамилию, что и новый базилевс, и представлял опасность в качестве претендента на трон Империи.

Исаак мог считаться Комниным с большой натяжкой. Громкая фамилия ему досталась от бабушки-покойницы, вторым браком выскочившей замуж за сводного двоюродного братца тогдашнего императора, уже и не упомнишь, как его звали. Патрикий Исаак здраво пред-

положил, что в бурный год переворотов и расправ с негодными ссылки на запутанную родословную вряд ли помогут, и предпочел тихо удалиться. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Постылую бездетную супругу он оставил в Константинополе. Может, Андроник до нее доберется, милостиво избавив дальнего сородича от хлопот с разводом.

Бурлящую столицу Исаак Комнин покинул не в одиночестве, но запасливо прихватив родовую казну, парочку кораблей арабской постройки и две сотни неплохо вышколенных вояк, уже достойно показавших себя на синих дорогах Средиземноморья. Почти год беглый патрикий и его дружина мыкались по водной глади от Палестины до Иберии, нанимаясь в услужение то к франкам, то к сицилийцам, то к арабам. Порой удавалось хорошо пожить, порой приходилось уносить ноги. В конце концов озабоченный поисками надежного пристанища взор Исаака упал на гористый и плодоносный Кипр. Между прочим, исконное византийское владение, пребывающее под рукой нахальных ахейцев, Виллардуэнов.

Выкинуть из Лимассола франкского управляющего вместе с малым гарнизоном оказалось до смешного просто. Местные жители радушно приветствовали кирие Комнина как освободителя, и жизнь бодро покатилась своим чередом дальше.

Через год кирие Исаак решил, что было бы недурно объявить Кипрскую провинцию отделившейся от Империи, а себя — императором острова. Дабы лишний раз позлить сидящего в Константинополе Андроника, избавиться от своры чиновных дармоедов и прекратить всякий месяц исчислять налоги в пользу столицы.

Отправив в Константинополь напыщенное послание, самозванный император Кипра на всякий случай приготовился к поспешному бегству. Вдруг мудрые головы в Синклите сочтут полезным проучить зарвавшегося выскочку?

Однако далекая столица ограничилась грозным

письменным внушением, занявшим десяток расписанных золотом и киноварью пергаментных листов, и настрого запрещающим Исааку Комнину присваивать себе титул базилевса. Парусов боевых галер на горизонте так и не появилось. Удача, как портовая девка, благосклонна к нахалам. Кипр слишком отдален, посылать туда вразумляющую эскадру дорого и опасно. Деспот острова и его присные облегченно перевели дух, а пергамент из Константинополя прибили к стене тронного зала — для красоты. Все десять листов.

Базилевс Исаак Комнин благоденствовал, а удача оказалась особой ветреной и непостоянной.

— Кто, ну какая сволочь это сделала? — удрученно зывал кипрский правитель, в очередной раз вороша незримый список своих недругов.

Список выходил пространным, ибо за годы своего правления Исаак умудрился насолить очень и очень многим. Сам-то он полагал, что порочащие слухи о нем распространяют злопыхатели и клеветники. Его деяния ничем не отличаются от деяний прочих властителей, что христианских, что мусульманских. Разве что порой он слишком вольно трактовал Родосский морской закон. В особенности ту его часть, что касается раздела трофейного имущества судна, затонувшего в ваших водах. Исаак и его подчиненные не всегда имели терпение дожидаться, когда корабль затонет самостоятельно, частенько помогая ему отправиться на дно. Иногда вместе с командой и пассажирами, которых вообще-то полагалось спасти за установленное законом вознаграждение. Или вовсе без оного — если судно было паломническим. Но достойное содержание императорского двора требует изрядных расходов, а казна острова не бездонна. Нужно же как-то ее пополнять? Пусть первым в кипрского правителя бросит камень тот, кто безгрешен и ни разу не грабил ближнего своего! Где же толпа желающих карать и обличать? По-разбежались? Сколь удивительно.

Видно, у кого-то из обобранных лихими киприотскими воителями лопнуло терпение. Он задумал отомстить. У Исаака Комнина достало чувства юмора, чтобы по заслугам оценить подложенную ему свинью. Сам такое не раз проделывал. У простецов сия гнусная выходка именуется «валить с больной головы на здоровую». Какому-то трусу не хватило решимости лично бросить вызов, и он не придумал ничего лучше, как наравить на маленький беззащитный Кипр армаду разъяренных крестоносцев. Во главе с Ричардом Львиное Сердце, храни нас Богородица от гнева христианнейшего чудовища!

— Неужто Виллардуэны? — вопрошал сам у себя Исаак, в очередной раз наискосок пересекая маленький зал с выходом на открытую террасу. Некогда Комнин пожелал обставить зал в истинно византийском духе, для чего в Константинополь был отправлен специальный лазутчик. С наказом побывать в Палатии и доподлинно выяснить, как там и что. Лимассольская крепость, конечно, не древний базилевсов дворец, но повелитель Кипра будет жить не хуже, чем дряхлый Андроник!

— Нет, чванным чистюлям ума на такое не достанет. Они бы просто приперлись сюда и начали выкликать меня на честный поединок. Гискар Сицилиец? С жадного волчонка станется. Крестоносцы в Мессине надоели ему до смерти, вот он и сделал нам подарочек. Чем я ему досадил, спрашивается? Барцелло, чем мы могли досадить Гискару? А может, это Венеция на нас взъелась или Генуэзская лига? Любимый старший братец Андроник решил выжить меня отсюда? Ну что разеваешь рот, точно рыба пеламида в котле? Вызнал, чьих рук эта пакостная проделка?

— Нет, мессир... то есть, нет, ваше величество.

Императорский двор Исаака Комнина вполне заслуживал названия «разношерстного». Окружение кипрского деспота составляли весьма разнообразные и диковин-

ные личности. Кирие Исаак придерживался здоровой идеи о том, что происхождение и верование человека не имеют особенного значения. Главное, чтобы пользу приносил и служил верно. Оттого императорским казначеем на Кипре был араб-сириец, кесарем, старшим над базилевсовой дружиной — Хокон, норвег из Дании, а новелиссимом, сиречь ближайшим доверенным советником — гражданин свободного города Милана, Барцелло Берксадрус. Грузный сановник уже довольно давно переминался с ноги на ногу подле низких бронзовых дверей, уныло вздыхая.

По мнению мэтра Барцелло, на сей раз корабль кипрского государства крепко сел на мель. Неведомые злодеи на редкость точно подгадали миг коварного удара и выбрали смертоносное оружие, от которого нет защиты. Допреж многочисленные, но разрозненные враги Исаака Комнина никак не могли договориться между собой. Примерное наказание засевших на кипрских скалах лиходеев откладывалось и откладывалось, а подчиненные Комнина тем временем благополучно настигали и грабили очередное торговое судно.

— А почему ты не знаешь? — ядовито спросил кипрский деспот. Посчитал по пальцам, кивнул: — Миновало больше двух недель с того дня, как пришла весточка из Сицилии. Господу хватило седмицы, чтобы сотворить мир. Ты, умник, не в силах ответить на простенький вопрос: кто из заклятых друзей ткнул мне отравленным ножом в спину. За что ты получаешь жалованье, хотел бы я знать?

«За то, что сижу здесь и изошряюсь перед соседями, оправдывая безобразия ваших сорвиголов, — мысленно отозвался мессир Берксадрус. — А вашим заклятым друзьям, господин Комнин, я уже и счет потерял. Ох, выкинут нас с милого островка. Или всех перевешают на зубцах крепости. Согласно франкским традициям».

— Ладно, пес с ними, ненаглядными друзьями. — Невысокий, энергичный Комнин, как заправский пос-

ледователь философской школы перипатетиков, «мыслящих на ходу», описал несколько кругов вдоль стен залы, огибая предметы обстановки. — Выживем — сыщем гадину и примерно накажем... Дары подготовлены?

— Да, ваше величество, — тоскливо отвечивал новеллиссим. Упоминание о разорительном выкупе звучало для него как ножом по сердцу. — Вот общий перечень вещей и денежных средств, предназначенных для франков...

Созванный неделю назад синклит доверенных лиц кирие Исаака, скрежеща зубами и исходя желчью, рассудил, что сопротивление маленькой кипрской дружины армии крестоносцев обречено на поражение. Хокон, разумеется, возражал, но к мнению буйного дана на сей раз не прислушались. Было принято решение уговаривать Плантагенета и Филиппа-Августа Французского сменить гнев на милость, клянясь в своей невинности и преданности делу освобождения Гроба Господня. «На кой он нам сдался, этот гроб повапленный?» — заметил тогда прозаичный Комнин.

Лучшим подкреплением клятвам дружно сочли обильное денежное вспомоществование вечно нуждающемуся Ричарду и его рыцарскому сброду. Почтенный ибн-Фархид с помощниками выпотрошили немалую императорскую сокровищницу. Мэтр Барцелло составлял послания к банковским домам Италии, настоятельно прося снабдить английского короля-крестоносца кругленькими суммами в золоте и серебре. Император Кипра, бормоча «Чтоб они подавились», подписывал заемные листы. После ухода крестоносцев — если Господь окажет милость и франки уберутся хотя бы через полгода — правитель острова будет обобран до нитки. А заодно унижен на все Средиземноморье необходимостью заискивать перед неотесанными франкскими королями и доказывать свою непричастность к мессинскому поджогу.

Мельком просмотрев свиток, Исаак обреченно закатил глаза:

— Всё, всё, что нажито непосильным трудом!.. Всё наше законное добро уходит этим проходимцам! Барцелло, нас спасет только чудо. Может, потолковать с епископом? Пусть его святейшество прикажет монахам непрерывно молиться от избавлении Кипра от франкского нашествия, а? Как думаешь, поможет?

Мессир Берксадрус составил в уме короткую витиеватую речь, смысл коей сводился к тому, что его величеству Комнину лучше воздержаться от упований на Всевышнего. Особенно принимая во внимание захваченное несколько недель назад судно Ордена Тампля, везшее паломников и храмовое золото в Дамиетту.

Новелиссим уже произнес первые слова, когда бронзовая дверь слегка приоткрылась. Внутрь сунулся крайне взволнованный Заккария, комендант лимассольской гавани. В нарушение всех правил приличия он настойчивыми помаваниями дрожащих рук призывал мэтра Барцелло покинуть зал и выйти в коридор. Должно было стрястись нечто воистину чрезвычайное, чтобы управляющий порта лично примчался в крепость, осмелившись нарушить мирное течение аудиенции.

— Э-э... — нерешительно заикнулся мессир Берксадрус, взглядом указывая на дверь и мятущегося за ней Заккарию. Исаак молча кивнул.

Переговоры через порог велись придушенным шепотом и длились недолго. Единожды прозвучала довольно громкая реплика новелиссима «Болваны!». Комендант, судя по униженности телодвижений и шепоту, ставшему почти беззвучным, оправдывался. Из рук в руки перешел некий свиток, и слегка оживившийся духом Берксадрус вернулся обратно в зал.

— Ваше величество, хорошие новости! — оповестил он Исаака Комнина, высматривающего в безбрежных морских просторах нечто, ведомое только ему одному.

— Да неужто? — хмуро откликнулся деспот Кипра. — Флот Ричарда потерпел крушение прямо у стен Алек-

сандрии? Полоумных крестоносцев захватили в плен верные подданные султана Саладина и распродают по номизме за голову?

— Гораздо лучше, — итальянец торжествующе потряс врученным свитком, — в гавани стоит сильно потрепанная недавним штормом шебека под названием «Жемчужина». Ее капитан просит разрешения подойти к берегу для закупки припасов и ремонта. На борту находятся около тридцати франков благородного рода и... — мессир Берксадрус выдержал надлежащую паузу, — и молодая госпожа по имени Беренгария.

— Кто такая, чем знаменита? — фыркнул Исаак. — Эта дама несказанно богата? Как ее занесло в наши отдаленные края? Паломница?

— Беренгарией, ваше величество, зовут супругу Ричарда Английского, — укоризненно напомнил мессир Барцелло. — Она и ее спутники сидят на медленно тонущем судне прямо в виду замка. Прибыли сегодня утром. Уже весь город об этом судачит.

— И только я узнаю обо всем последним, — сердито рыкнул Комнин. На миг византийский патрикий исчез, заместившись вожаком пиратского судна, расчетливым и предусмотрительным.

Новеллисим, вздрогнув, повинно развел руками:

— Задержки и проволоочки неизбежны, ваше величество. Пока на судне побывали чины из таможенной управы, пока переписали всех присутствующих и осмотрели груз, пока доложили коменданту, пока Заккария соображал и собирался с духом... Но не извольте беспокоиться, никуда они из гавани не денутся. Их корабль после бури течет, как решето, и мачта на нем сломана. Подготовить барку и личный эскорт вашего величества?

Самозванный базилевс не отвечал, в задумчивости пощипывая недлинную седеющую бородку и пристально разглядывая висящий на стене большой узорчатый ковер в бирюзовых и коралловых тонах. Ковер был выт-

кан в самом Багдаде и взят три года назад в качестве трофея. Барцелло терпеливо ждал, не сомневаясь в том, что услышит. Господь и вправду порой бывает милосерд к тем, кто не заслуживает его доброты. Промысел Его и осенний шторм даровали Кипру призрачный, но все-таки шанс на спасение. Грех и непредусмотрительность им не воспользоваться.

— Барку — да. Эскорт — тоже да, — резко повелел кирие Исаак. — Радуйся, у тебя появилась возможность прокатиться на расписной лоханке. Съезди за франкской королевой и доставь ее сюда. Вежливо, — Комнин наставительно поднял палец, — очень вежливо. Как принято говорить у господ рыцарей, куртуазно. Не хочу, чтобы кирия Беренгария нажаловалась потом своему благоверному, сколько дурно ее приняли на Кипре. Понял, Барцелло? Если их шебека в самом деле тонет, пусть снимут оттуда экипаж и свиту госпожи. Также вежливо. Никаких поединков, никаких скандалов, никаких разбитых голов и вывихнутых рук. Предупреди Хокона, пусть подготовит франкам достойную встречу. Разместим их в Римской башне, там на всех места хватит. А сам отправляйся в гавань. Позаботься, чтобы все прошло тихо и благопристойно. Базилевс Кипра любезно приглашает в гости случайно оказавшуюся в его владениях прекрасную франкскую госпожу. Кстати, не знаешь, какова она с лица, эта Беренгария?

— Говорят, хорошенькая. Она родом из Наварры, что в Иберии, — насплетничал мэтр Берксадрус. Ему совершенно не нравилась грядущая поездка по еще волнующему сильной послештормовой зыбью заливу. Но с базилевсом не поспоришь, а морской переход займет от силы полчаса. Можно и потерпеть, заради спасения прекрасного острова, ставшего для мессира Барцелло второй родиной.

К полудню настроение на борту «Жемчужины» стало упадническим — во всех смыслах. Потрепанная волнами и разошедшаяся по швам шебека медленно, но неуклонно оседала все глубже, причем нос погружался быстрее, чем корма. Из трюма бочками и ведрами неустанно таскали воду. По мнению Казакова, с равным успехом можно было вычерпывать ложкой Средиземное море. Привычных по историческим фильмам и книгам ручных помп на борту не имелось. То ли еще не изобрели, то ли боцман шебеки не озаботился прикупить их в хозяйство. В недрах утопающего кораблика то и дело что-то гулко булькало и трещало, ломаясь. Из познавательного интереса Серж сунулся в квадратное отверстие люка, откуда на него шибануло затхлостью и гнилью. Внизу, довольно далеко, плескалась черная, неприятная на вид вода.

Кажется, близилась пора спасаться. Но приказ об срочной эвакуации пока отдан не был. Человек, способный его отдать — ее величество Беренгария, — утратил всякий интерес к происходящему вокруг, озабоченный ухудшающимся состоянием своего здоровья. Наваррке было дурно, она заперлась в своей каюте и страдала. Действительно страдала, не притворялась — потому что даже не пожелала ворковать с Хайме. Хрупкий организм уроженки гористой Испании начисто не переваривал тягот долгих морских странствий.

Поразмыслив, Казаков отправился за консультацией к де Фуа. Он на борту самый старший, с немалым жизненным и военным опытом, да вдобавок личный приятель мадам Элеоноры. По всему выходит, в отсутствие Беренгарии распоряжаться должен именно он.

— Повременим, — заявил мессир Ангерран в ответ на предложение высадить хлипкую дверь в каюту наваррки, кликнуть болтающиеся поблизости лодки и дружно переправиться на берег. — Положение у нас и так весьма дву-

смысленное. Не будем усложнять его сверх необходимого. Успокойтесь, я более чем уверен: нам не позволят просто утонуть на виду всего Лимассола.

— Ну, вам виднее, — пробормотал Серж и ретировался. Ранее многоумный старикан почти не ошибался в своих прогнозах. Будем надеяться, он и сейчас недалек от истины. А шебека-то тонет, чтоб ее...

Кто первым заметил приближающуюся маленькую флотилию, осталось невыясненным. Возможно, ее засекли сразу несколько человек. Благородные господа из эскорта королевы маялись на покосившейся палубе, предаваясь унылому созерцанию хмурого моря и близкого лимассольского берега.

Возглавляла процессию здоровенная, вызывающе роскошная лодка. Низкие борта раскрашены в веселенькие оранжевые, красные и голубые цвета. Три пары длинных весел размеренно поднимались и опускались, толкая суденышко вперед. Посредине лодки красовалась маленькая беседка, позолоченная, со шпилем на макушке, с трех сторон увешенная коврами. Над кормой барки торчал блестящий флагшток с развеваемым свежим ветерком знаменем Кипра, шагающим влево золотым львом в короне на ярко-голубом фоне.

В обильно разукрашенной флажками лодке, как отметил Серж, помимо гребцов разместилось около десятка человек и оставалось место еще для полудюжины. Грузно переваливающееся с волны на волну нарядное суденышко ностальгично напомнило Казакову прогулочный речной катер, где для пущей экзотики подвешенной мотор заменили мускульной человеческой силой.

За баркой — кто-то глазастый и шибко образованный прочел выведенное на ее борту греческое слово «Аргира», «Драгоценность» — тащились три или четыре развалистых плоскодонки. Точно такие же Сергей во множестве видел в гавани Мессины, где они шныряли от берега к берегу или торчали на взморье, деловито волоча за собой сети.

«Вот и посольство валит в гости. Интересно, кто там, в беседке? Вдруг самолично Комнин припожаловал?» — чуть оживившись, предположил Казаков. Огляделся: на шебеке началось поспешное шевеление.

Долг оказался превыше страданий. Благородные сэры и доны торопливо приводили себя в относительный порядок. Засуетилась и команда, но как-то без огонька, больше для видимости. Деловито протрусил на корму его милость де Фуа. Заскребся под дверями Беренгари, ведя переговоры с мадам Катриной и убеждая королеву Английскую блюсти дипломатический протокол и не учинять международных скандалов.

Взмахнув веслами, пестро размалеванная «Аргира» ловко развернулась, встав борт о борт с уныло погружающейся «Жемчужиной». Порванные штормом британские леопарды рыкнули на кипрского льва, длинный алый вымпел шебеки на миг наискось хлестнул по ультрамариновому шелку. С барки на шебеку перекинули хитроумно устроенные мостки с веревочными ограждениями и бронзовыми крючьями-зацепами, накрепко впившимися в дерево.

Через шаткую переправу бодро проплюхали шестеро вояк внушительной комплекции, с ног до головы упакованных в положенное звякающее снаряжение. Бесцеремонно распихали в стороны сунувшихся под ноги матросов шебеки и свитских наваррки, выстроились рядком, хором гаркнули нечто слаженное и совершенно непонятное.

«Бодигарды, — невесело хмыкнул Серж. — С хорошей подготовочкой. Как по трапу-то скакали, словно по твердой земле. Опытные. Морской десант Средневековья. Их там хоть и не больше десятка, но нашу заблеванную компанию, боюсь, в три счета разделают на пельмени. А кричат на каком, на латыни? Хотя стоп, Кипр же греческая территория. То бишь византийская. Еще не завоеванная турками. Хай живе великий базилевс во веки веков, аминь. Как положено, за стражей ковыляет босс».

По качающимся мосткам, судорожно цепляясь за тросы ограждения, на шебеку перебрался упитанного вида мужчина лет сорока. Темноволосый, слегка облысевший, богато разряженный на европейский, а не на византийский манер. Бархатный наряд в коричневых и зеленых тонах обильно дополнялся разнообразными золотыми побрякушками. На изжелта-темной то ли от загара, то ли от природы физиономии плавало мученическое выражение. Впрочем, стоило ему ступить на косую палубу «Жемчужины», кислая мина как по волшебству сменилась приязненной и лучащейся оптимизмом.

Почти одновременно с кипрским посланцем на корму вышла Беренгария. Приодетая, причесанная, подкрашенная и высоко держащая голову. По всему ясно, принцесс средних веков с детства готовили к работе в трудных условиях. В качестве моральной поддержки выступали до неприличия серьезный де Фуа и чопорная фрау Куртенэ. Не хватало только фанфар, литавр и барабанов.

Прибывший пузан не дал Беренгарии и рта толком раскрыть. Поклонился и затарахтел — если верить слуху, с легкостью перескакивая с латыни на норманно-франкский и обратно, — помогая себе рьяной жестикуляцией. Новоиспеченная королева английская смотрела на посланца настороженно. Несколько раз она чуть оборачивалась к де Фуа, и тот начинал шептать наваррке на ухо. Видно, излагал скороговорку ромея в более приемлемом темпе.

«Не, на высокое начальство никак не тянет, — приглядевшись к посланцу и припомнив собственные впечатления от сильных мира сего, вынес решение Казаков. — Суетлив больно. Не поехал Комнин нас приветствовать. Прислал бойкого референта по связям с общественностью».

— Верно ли я поняла, мессир: вы предлагаете мне и моим спутникам покинуть это судно, вверившись гостеприимству вашего сеньора? — достаточно громко и от-

четливо, чтобы все слышали, произнесла Беренгария. — Невзирая на преследующую его худую славу лихоимца, грабителя и обманщика? И позабыв о том обвинении, что нынче выдвинуто против Исаака Комнина королем и супругом моим Ричардом?

Про себя Серж решил, что Беренгария — сама или с чужой подсказки — разыгрывает сценку весьма и весьма толково. Она эффектно стоит на возвышении, ее хорошо видно и слышно, а приземистый киприот мнется на перекошенной палубе, у девицы под ногами. Простенькая, но действенная психологическая уловка.

— Мадам, мадам, — подвижная округлая физиономия «референта» преисполнилась самой натуральной скорби, — наш несовершенный мир кишит завистниками и злопыхателями. Госпоже, подобной вам, сколь умной, столь же и прекрасной, прямо-таки невместно прислушиваться к рыночным сплетням. У любого правителя хватает врагов и клеветников. Наш досточтимый деспот не исключение. Так же как и ваш благородный супруг, уж простите на честном слове. Нелепая история, произошедшая в гавани Сицилии, позорит честь и достоинство нашего острова. Его величество вынужден оправдываться и нести ответственность за преступление, которого он не совершал!

Голос оратора приобрел патетически-скорбное звучание:

— Счастливая случайность первой привела к нам, на Кипр, не короля Ричарда, а вас, мадам. Кому, как не женщине, пристало милосердие и дарованная самим Господом тяга к справедливости? Мы просим вас о помощи, кирия Беренгария. Выслушайте моего господина и помогите ему! Убедитесь, что у вашего супруга нет и не было сторонника вернее и преданнее!.. К тому же, — посланец выразительным жестом обвел накренившуюся шебеку, — ваш корабль просто-напросто тонет. Через полчаса, от силы через час он пойдет ко дну. А мой сю-

зерен с величайшим удовольствием предоставит в ваше распоряжение всю роскошь Византии и все сокровища Востока!

«Досточтимый деспот, — удивился оригинальному словосочетанию Казаков. — Глубокоуважаемый тиран и милостивый сатрап. А мужичок-то представительское дело знает туго. Вот Берри уже и засомневалась, и губки кривит. На берег ей хочется не меньше нашего. И хваленую византийскую роскошь посмотреть тоже охота. Ну не съест же ее этот Комнин, и не продаст втридорога в багдадский гарем!»

— Обождите, — величественно бросила наваррка. Оглядела свой приунывший в морских передрягах эскорт, окликнула: — Мессир де Транкавель, мессир де Шательро. Поднимитесь сюда.

«Ой, это ж меня, — Казаков запоздало вспомнил свое новое имечко, дарованное по доброте душевной королевой Элеонорой. — Заседание начинается! Милейшей Берри позарез нужен совет».

* * *

— Выбор у нас невелик, — с ходу пессимистично заявил Ангерран де Фуа, также призванный в королевские советчики. Маленькая группка — сама Беренгария, де Фуа, мадам Катрина и двое молодых людей — отошла к фальшборту, ограждающему корму. Внизу, на расстоянии чуть меньше метра, неспешно прокатывались серосизые волны с грязными пенными гребешками. Набравшая полное брюхо воды шебека качалась с боку на бок, рядом кокетливо приплясывала нарядная барка киприота. — Как верно заметил этот господин, мы вот-вот пойдем на корм рыбам. Упрямство до добра не доведет. Мадам Беренгария, я почтительнейше высказываюсь за визит к Комнину. Ибо опасаясь, что если мы не пойдём добровольно, нас к этому вынудят насильно.

Наваррка перевела вопрошающий взгляд на Хайме. Тот еле заметно пожал плечами:

— Посланец не лжет. Он в точности излагает то, что велел его господин. Может, сам Комнин и лелеет в отношении нас какие-то коварные замыслы, но посол честен.

Старшая фрейлина от участия в дискуссии дипломатично уклонилась, заметив только, что лично ей не по душе развязные манеры посланца. Серж понял, что остался единственным не высказавшимся. Раздраженно зыркнул на де Фуа, не давшего подручному на сей счет никаких указаний. Мысленно перекрестился и бухнул то, что думал:

— Мессир Комнин, похоже, наложил с перепугу в штаны и позарез желает помириться с Ричардом. Чтоб крестоносцы не покушались на его ненаглядный Кипр. Не знаю, какой он человек, этот Комнин. Может, негодяй и мерзавец, как все вокруг говорят. Но вдруг его оклеветали? И теперь он добивается, чтобы мадам Беренгария хлопотала за него перед его величеством Ричардом.

— Знаете, я прочитала изложение допроса мессинских злоумышленников, — задумчиво изрекла Беренгария. — Мессир Серж, ведь это вы их задержали, а потом вели дознание? Ричарду очень понравилось, как быстро вы добились от них полного признания. Мессир де Фуа отзывался о ваших способностях наилучшим образом.

— Спасибо мессиру де Фуа, — кисло вымолвил Казаков. — Было такое, мадам. Хайме там тоже присутствовал. Мы этих поджигателей вместе ловили. Они сами во всем признались. Верите, нет, мадам Беренгария, мы их даже не били... почти.

Беренгария бросила на него странный мимолетный взгляд — Казаков готов был поклясться, досадливый. Словно бы ожидала от собеседника чего-то большего, а тот взял и сморозил глупость.

— Все равно, это очень странно, — убежденно сказала наваррка, заслужив мысленное одобрение Сержа. —

И мадам Элеонора со мной согласилась. Портовые нищebroды, нанятые неизвестным человеком, расплатившимися кипрскими монетами, поджигают корабли. Неужели у Комнина и его приближенных не достало ума смекнуть: если поджигателей схватят, они немедля выдадут своего нанимателя?.. Мне доводилось несколько раз посещать суд королевской семьи, который правил мой отец. Он наверняка сказал бы: представленные доказательства недостаточны и малоубедительны.

Де Фуа хмыкнул и пробормотал что-то на латыни. Должно быть, цитировал надлежащую юридическую формулировку. Беренгария обрадованно кивнула:

— Да-да, именно так! Я много размышляла над случившимся в Мессине. Может, я ошибаюсь и плохо знаю людей... Только мне кажется, это было подстроено нарочно. Кто-то очень хотел добиться того, чтобы армия крестоносцев, пылая жаждой мести, пришла на Кипр.

«Пять баллов, — признал Казаков. — Единственный человек допер, что сицилийский инцидент шит белыми нитками».

В корму шебеки ударила особо сильная волна. Обе дамы, ахнув и пошатнувшись, ухватились за широкие перила и за оказавшихся поблизости мужчин.

— Я отправляюсь на берег, — решительно заявила наваррка. — Мы все едем. Не знаю, достанет ли у меня проницательности и умения отличить ложь от правды, но я побеседую с кипрским деспотом. И, если окажется, что он и в самом деле невиновен, я... — она чуть смутилась. — Я попробую растолковать это Ричарду. Зачем крестоносцам война с тем, кто готов стать их союзником? К тому же на Кипре живут не сарацины, а христиане. Я ведь не ошибаюсь?

— Христиане греческого вероисповедания, — уточнил мессир Ангерран. — В остальном госпожа королева совершенно права.

— Почему она постоянно называет Комнина деспо-

том? — шепотом спросил Серж у Хайме. — Он, что, вконец замучил и замордовал своих подданных?

— Это просто титул, сохранившийся с римских времен, — с еле заметной усмешкой и тоже шепотом объяснил младший Транкавель. — Князь, господин. Вообще-то Комнин величает себя базилевсом. Но я слышал, якобы его не короновали положенным образом. Он самовольно присвоил себе императорское достоинство.

«Наш человек, — фыркнул Казаков, краем уха внимая тому, как Беренгария высокопарно объявляет посланцу Комнина о своем согласии принять приглашение его сюзерена. Торжественность момента портила вода, перекатывавшаяся по палубе и с утробным бульканьем сливавшаяся в шпигаты. — Желаю быть главным, и все тут. Наплевать, что в Константинополе уже есть один экземпляр. Зато я буду базилевсом на Кипре».

Перемещение в спасительные шлюпки происходило суматошно. Как при всяком кораблекрушении, даже маленьком, не обошлось без катастроф.

С борта «Жемчужины» сбросили вниз несколько веревочных трапов — вертлявых и неустойчивых. Сопровождающие Беренгарию выволакивали из трюмов уцелевшие пожитки в трогательных узелках и кожаных торбах. Неуклюже спускаясь по веревочной лестнице, кто-то из благородных господ оступился и с коротким воплем рухнул в море. Пострадавшего вытащили, хотя соленой водички он нахлебаться успел. Беренгария, поддерживаемая Хайме и де Фуа, самостоятельно одолела качающиеся мостки и, придерживая длинный подол, прыгнула на барку. За ней, повизгивая и вскрикивая от страха, перебрались ее дамы. Казаков заметался, не зная, следовать за наварркой или занять свободное место в одной из плоскодонок.

На мешкающего вассала призывно рявкнул де Фуа, повелев не валять дурака и убираться с тонущей шебеки. Серж примерился, выждал миг, когда колебание волн заставит корабли поравняться, и не без бравады скак-

нул с одного борта на другой. Эффектного жеста не получилось. На «Аргире» ему под ногу подвернулся чей-то мешок, и Казаков клюнул носом, едва не вывалившись за противоположный борт. Падающего крестоносца ухватил за шиворот бодигард комнинского посланца и молча усадил на дно лодки.

На «Жемчужине» оставалось еще не меньше дюжины человек, когда шебека зловещим образом закачалась взад-вперед, с носа на корму. Рулевой барки отдал команду, гребцы торопливо замахали веслами, отводя роскошное суденышко подальше. Словно скользя по невидимым стапелям, шебека носом вперед зарылась в волны и исчезла из виду. На поверхности моря закачались доски, бочки, обрывки парусины и оружие головы тех, кто поспешно сиганул за борт. Верная «Жемчужина», свадебный подарок наваррке от Танкреда Гискара, с трагическим бульканьем канула на дно лимассольской гавани.

«Концы в воду, — напутствовал шебеку Казаков, ерзая и усаживаясь поудобнее. Слева от него лежали сваленные грудой мешки с имуществом спасенных, справа торчал охранник посла. Судя по мрачной нордической физиономии, никакой не грек, а самый что ни на есть коренной уроженец севера Европы. Или сицилиец из подданных Гискара. — Теперь нам действительно больше некуда возвращаться».

Под беседкой-балдахином скрывалось стоящее на маленьком возвышении широкое то ли кресло, то ли диванчик на толстых разлапистых ножках, обтянутое малиновым бархатом с золотыми кисточками. Там со всем пиететом и комфортом устроили Беренгарию. Мэтр посол приткнулся рядом, на ступеньке, продолжая сладкоречиво вещать о том, сколь торжественный прием ожидает кирию королеву на берегу. Наваррке, похоже, опять сделалось скверно. Она рассеянно кивала, но ее остекленевший взгляд был устремлен куда-то внутрь себя.

«Аргира» и следующие за ней перегруженные суде-

нышки развернулись к острову. Барка шла неторопливо и валко, шлепая веслами и переползая с волны на волну. Крепость, обрывистое побережье и городок казались едва выступающими над размытой линией горизонта, и приближались еле-еле, словно подтягиваемые на длинной, упругой резиновой ленте.

Где-то на полпути, когда уже стали различимы отдельные строения на берегу, случилось досадное происшествие, омрачившее витавший над баркой дух всеобщего примирения и согласия.

С левого борта, там, где выпало сидеть Казакову, к «Аргире» приблизилась маленькая лодка. Двигалась она причудливыми зигзагами и рывками, то быстрее, то медленнее. Два человека гребли, третий, выбравшись на нос и пытаясь удержать равновесие, отчаянно крутил над головой грязную тряпку. Прикинув возможный курс сближения, Сергей озадачился. Пассажиры лодчонки явно вознамерились протаранить «Аргире», ибо шли наперерез цветастой барке.

Внезапно на загадочной лодке бросили весла и истошно заорали. Ветер относил слова в сторону, однако можно было разобрать, что, во-первых, кричат на норманно-франкском, во-вторых, вопли адресованы Беренгарию. Крикуны несколько раз называли английскую королеву по имени, и были услышаны. Преодолевшая апатию Беренгария подалась вперед, выглянув из коврового шатра и обозрев море. Болтливый посланец разом умолк и тоже торопливо зашарил глазами по сторонам.

— Кто эти люди? Что им нужно? — наваррка прищурилась, вглядываясь в плясавшую на волнах плоскодонку. — Смотрите, вон тот человек машет флагом. Может, они в беде?

Знаменосец на лодке учел ошибку, расправив свой стяг. Стало видно, что в руках у него полотнище некогда белой ткани, перечеркнутый прямым черным крестом.

— Миледи Беренгария! — надсаживаясь, орала странная троица. — Миледи, не верьте им! Не верьте ромеям! Они везут вас на погибель! У них нет ни чести, ни совести, они грабят паломников к Святой Земле и продают в рабство неверным! Они... — окончание фразы затерялось в плеске волн.

— О Мадонна, — сокрушенно вздохнул посланец. Не было печали. Он ведь предупреждал, что от угодивших в полон рыцарей Тампля не будет ничего, кроме сплошных неприятностей. Предлагал поскорее отпустить их за хороший выкуп, а не держать на острове. Вот, пожалуйста, напророчил. Гавань слухами полнится, и троица болванов решила проявить героизм, упредив франкскую гостью о коварстве киприотов. — Кирия Беренгария, не обращайтесь внимания. Сейчас ими займутся. Иво! — он раздраженно повысил голос, обращаясь к кому-то из телохранителей. — Не сиди, как пень! Убери этих горлодеров с глаз моих!..

Молчаливый сосед Сержа наклонился, извлекая из-под своей скамьи необычно короткий лук с двумя сильно изогнутыми рогами, и ярко-красный кожаный колчан — не круглый, плоский. Набросил на положенное место петлю тетивы, натянул и, почти не целясь, выстрелил. Под звонкое «треньк!» тип с черно-белым флагом перевалился через борт и канул в морские глубины. Его сотоварищи схватились за весла. Это отсрочило их гибель на считанные доли секунды. Еще два выстрела, и никем не управляемая шлюпка бессмысленно закружилась вокруг своей оси. Стрелок равнодушно кивнул начальству, мол, работа выполнена, убрал лук и вернулся к созерцанию моря.

Казаков нервно сглотнул, невольно пытаясь отодвинуться подальше. Простые нравы Средневековья во всей красе. Был человек, шлеп — и нет человека.

— И как это понимать? — заломила бровь Беренгария. — Может, я ошибаюсь, только флаг, коим пытались привлечь наше внимание, весьма походил на обрывок

знамени Ордена Храма. Вы прикончили этих людей, даже не попытавшись узнать, чего они хотят!

— Кирия королева, — примирительно заговорил ромей, — понимаю, милосердное женское сердце отзывчиво к чужим несчастьям. Но поверьте, эти проходимцы не заслуживали вашего сострадания. Это просто бродяги, наверняка похитившие лодку у честного рыбака и разжившиеся где-то белой тряпкой. Все, чего они добились — настроить вас против нашего повелителя да выклянчить подавание пощеднее.

— И вы приказали их убить, — королева Английская неохотно опустила на мягкое седалище.

— Разумеется! — искренне удивился посланник Комнина. — Они кричали поношения моему господину и сами навлекли на себя кару. Разве ваш супруг поступил бы иначе?

Беренгария насупилась и смолчала. Да, с Ричарда бы, пожалуй, стало поступить именно так, а уж про Филиппа-Августа и говорить нечего. И все же, все же...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

День Всех Святых

31 октября, в течение дня

...Благородный барон Серж де Шательро проснулся ранним утром от молодецкого храпа соседа по нарам, шевалье Теодора Чиворта, да еще оттого, что заели блохи. Барон сел и продрал глаза. Секунд пять он пытался спросонья сообразить, что же такого было вчера и за какие грехи его заперли в КПЗ. Потом вспомнил всё и вслух произнес нехорошее русское слово.

Вокруг шевелились на своих топчанах полусонные люди. Кто-то, сидя на краю лежанки, натягивал сапоги, кто-то, обливаясь, жадно пил прямо из глиняного кув-

шина, в дальнем углу вяло переругивались из-за вчерашнего проигрыша в кости. В узких окнах-бойницах уныло брезжил серенький рассвет, по полу тянуло холодом. Входная дверь была открыта настежь, и ее заслоняла спина Ангеррана де Фуа, широкая и прямая, как у начальника строевой части полковника Коленько. Стоя в проеме, де Фуа что-то втолковывал хмурому караульному. В отличие от прочих благородных донов, он в этот ранний час был уже полностью одет. «Мощный все-таки у меня шеф, — подумал Казаков не без законной гордости. — Та еще сволочь, конечно, но старикан мощный».

Тедди опять всхрипнул зимним медведем, оправдывая данное ему прозвище. Казаков протянул руку и двумя пальцами зажал Чиворту нос.

— Петухи уже пропели, — строго сказал он вскочившему с руганью шевалье. — Вставайте, мон шер, войну проспите.

Рыцари одевались не торопясь, благо торопиться им было особенно некуда. Казаков же, напротив, поспешил, имея тайный умысел сбежать до начала утренней молитвы. Не то чтобы барон де Шательро имел что-нибудь против религиозных отправок, но после молитвы практически сразу следовал завтрак, а после завтрака большая часть «почетных гостей императора Комнина» вылезет в тюремный дворик подышать воздухом. Отрабатывать разминочные упражнения-ката на глазах двух дюжин недоумевающих рыцарей в принципе, конечно, можно, но как-то неловко. Кроме того, Сергей хотел посмотреть на корабли.

...С момента их пленения прошло уже около недели. Тянулись дни, как две капли воды похожие один на другой.

Первоначальные ярость и обида, неизбежно возникшие, покуда лимассольские стражники со всем прилежанием избавляли «гостей» от вооружения и сопровождали под конвоем в узилище — то есть, пардон, в госте-

вую залу, — давно схлынули. Им на смену пришло тоскливое ожидание.

Благородные господа по большей части околачивались на стенах, пристально озирая морские дали в ожидании явления эскадры Ричарда. Флот не спешил на выручку, и приунывшие молодые люди спускались обратно. Почти каждый день навевывался говорливый посланник, выяснять, не терпят ли гости Кипра нужды в чем-нибудь. Как выяснилось, был он родом итальянец, носил звучное имя Барцелло Берксадрус, и при здешнем императорском дворе титуловался новеллисимом. Серж рассудил, что должность мэтра Берксадруса вполне может быть приравнена к чину министра иностранных дел, заодно отвечающего за международные связи, торговлю и надлежащее материальное обеспечение двора базилевса.хлопотное ремесло, как ни посмотри. И все — на одном человеке!

Во двор Римской башни, как назвалась отведенная франкам часть крепости, вскоре потянулись торговцы. Предлагали гостям местные вина, христианские реликвии из самого Иерусалима, всяческие диковины и экзотические вещицы аж из Ифрикии, Багдада и Константинополя. Доны и сэры сперва презрительно воротили носы, куда кто-то первым не выдержал искушения, развязав кошелек и призадумавшись.

И наконец вечером 29 октября, незадолго до заката, один из юных свитских Беренгариин, прогуливавшийся по крепостной стене, с топотом ворвался в башню, крича, якобы заметил на горизонте паруса. Много парусов. Он готов поставить свою часть наследства на то, что флот Ричарда идет к Кипру!

* * *

Разминаться по утрам на крепостной стене в последнее время вошло у Сергея в привычку. Во-первых, что-

бы не утратить навык — было у лейтенанта Казакова странное подсознательное ощущение, что навыки сии ему пригодятся и весьма скоро. Во-вторых, в качестве профилактики и для разогрева — жилищные условия «в гостях у Комнина» однозначно располагали, как минимум, к насморку, а наипаче к ревматизму. Большую квадратную залу в одной из крепостных башен, где разместили мужскую часть свиты Беренгари, Казаков с порога окрестил «обезьянником»: низкий потолок, узкие окна, выстеленный тростником пол, длинный грубо сколоченный стол с лавками и в качестве «спальных мест» — самые натуральные деревянные нары, разве что без верхнего яруса. Упомянутые нары, очевидно в знак особого уважения к дворянскому статусу «гостей», были снабжены тощими, набитыми сеном матрасиками, да еще слуга приволок груды грубых войлочных одеял. Камин имелся, но дров давали мало. Оттого, учитывая зимнее время и голые каменные стены, днем в «обезьяннике» было довольно прохладно, а по ночам прямо-таки забирал колотун. В одеялах к тому же водились блохи, и было их много. Хорошо хоть кормили на совесть — из общего котла, просто, но сытно, сдабривая каждую трапезу большим количеством неплохого красного вина.

От скуки, блох и холодов Казаков осатанел и на вторые сутки устроил шумный скандал. Однако искреннее возмущение барона де Шательро было встречено столь же искренним недоумением. Причем как со стороны «хозяев», так и со стороны его собственных спутников. Анггерран де Фуа в ответ на особенно гневную филиппику своего подопечного только пожал плечами:

— О чем вы, Серж? Условия как условия. Тростник свежий, еда сытная, вина вволю, свобода... в пределах крепостных стен. Ну да, не перины и не меха, но ведь и мы с вами воины, а не придворные дамы. Надеюсь, вы не обольщаетесь статусом «почетного гостя»? Мы сейчас — высокородные пленники, военная добыча, пред-

мет торга, не больше и не меньше. Следовательно, содержание нам положено ровно такое, чтоб не передохли и не роптали, никаких излишеств. Холодно — так на то и зима. Дрова на Кипре — удовольствие дорогое. Блохи — да что вы, блох не видали?! Или в польских замках зимой жарко и по ночам не кусают блохи?..

Барон де Шательро посмотрел на своего работодателя мутным взглядом, вспомнил свой двухкомнатный блочный замок на улице Народной (где зимой и летом было плюс двадцать два, совмещенный санузел, электричество, газ, телефон, Интернет и отродясь не встречали ни одной блохи, кроме как на кошке Машке) и еще минут пять громко произносил странно звучащие слова, из коих де Фуа не понял ни одного, а переводить Серж наотрез отказался.

— ...Мессир Ангерран, а не пригласить ли нам священника для настоящей воскресной мессы? — спросил Оливье де Монсар. — Островом много лет владели франки-католики. На Кипре должно оставаться множество католических храмов, наверняка несколько церквей отыщется и в Лимассоле. Полагаю, император не откажет нам в подобной малости? Хоть византийцы и проводят службу по иному обряду, но все же они наши братья во Христе...

— Уже сделано, Оливье. Я говорил со старшим стражником и передал нашу просьбу. Отец Александр из пре-монстрантского ордена, которым принадлежит аббатство в Епископи, приедет к нам завтра. Теперь помолимся же Господу нашему, — на правах старшего из присутствующих воззвал де Фуа и первым преклонил колена. Рыцари один за другим следовали его примеру. — Возблагодарим Господа за еще один день, дарованный нам... Серж, вы разве не желаете возблагодарить Создателя?

— Я благодарю его ежедневно и ежечасно, мессир Ангерран, — лицемерно отвечал барон де Шательро, выскальзывая за тяжелую дверь. И по-русски пробурчал себе под нос:

— Вернул бы он меня домой, так моя бы благодарность была даже безгранична...

На лестнице маялись бездельем двое стражников — сидели на ступеньках, положив поперек колен тяжелые медные булавы. Один, вислоусый и бритоголовый, демонстрируя служебное рвение, приподнялся навстречу:

— Куда?

— Туда, — нахально сказал Серж, показывая пальцем.

Стражники тупо воззрились на него. «Здоровенные лбы, — машинально оценил Казаков потенциального противника, — каждый вдвое меня здоровее. Но медлительные — жуть, тренировки никакой, пресс до колен свисает. Пока он размахивается, я его вчетверо сложу. Главное, чтоб не придавил, когда будет падать».

— Зачем? — спросил дотошный усач, но уже вдогонку и явно для проформы. Напарник хлопнул его по плечу — пускай, мол. Базилевс дозволил.

Казаков выскочил на крепостную стену, и сырой холодный ветер хлестнул его по лицу. Погода выдалась самая что ни на есть дрянная. С низкого неба сеял мелкий дождь, стекая по выступам бурых стен и потрескавшимся стволам древних олив вниз, у подножия башни. Меж зубцов крепостной стены открывался отличный вид на лимассольскую гавань. Видно было, как в серой пелене тумана около двух десятков кораблей медленно совершают непонятные маневры, то подступая к острову, то отдаляясь и пропадая из виду. Нефы точно принадлежали к объединенной эскадре Ричарда и Филиппа, будущих освободителей Гроба Господня — многие разглядели нашитые на парусах красные и зеленые кресты.

Узники Лимассола терялись в предположениях: отчего корабли крестоносцев держатся в виду острова, но не входят в гавань. Де Фуа высказал циничную догадку, что прибывшие к Кипру суда попросту лишены водительства и дожидаются появления английского венценосца. Как только он пожалуется, начнется штурм Лимас-

сола. Его точку зрения поддержала более зрелая и опытная часть свиты. Романтически настроенная молодежь — а таких было большинство — приняли сторону Оливье де Монсара, который предположил, что, пока супругу Ричарда Львиное Сердце держит в плену старый пират Исаак Комнин, у английского короля связаны руки.

— Не Божье провидение, но дьявольский промысел направил «Жемчужину» к берегам Кипра в тот момент, когда это было менее всего необходимо. Старому лису Комнину невероятно повезло. Наверняка сейчас идут переговоры, — развивал идею де Монсар. — Может быть, Ричарду ради любви придется отказаться от завоевания Кипра. Или дело обойдется огромным выкупом. Во всяком случае, думаю, что сейчас только пылкое чувство короля Ричарда к прекрасной Беренгари не позволяет ему скомандовать штурм.

Молодежь поддержала красавчика Монсара одобрительными возгласами. Казаков, прекрасно знающий, как именно обстоят дела у короля Ричарда с пылкостью чувств, ехидно ухмыльнулся в ожидании, что вот сейчас выступят с возражениями либо язвительный де Фуа, либо красноречивый Хайме де Транкавель. Однако, к его удивлению, оба промолчали. Де Фуа только усмехнулся при словах о «дьявольском промысле», а на лице Хайме появилось странное выражение, словно бы его внезапно поразила очень скверная мысль. Дискуссия увяла сама собой, каждая из сторон осталась при своем мнении.

— Интересно все же, какого-такого вы там, ребята, болтаетесь, как цветок в проруби, — бормотал сквозь зубы Казаков, стягивая через голову нижнюю рубаху и ежась от прикосновения ледяной влаги. — Или прав Оливье насчет заложников, или таки шеф касательно Ричарда. А только хоть так, хоть эдак выйдет не к добру... Ну, раз-два!.. *Pater noster, qui es in caelis, sanctificatur nomen tuum, adveniat regnum tuum...*

Будучи «условно православным» (крещен, но скен-

тик), Казаков в *том* мире помнил «Отче наш» довольно смутно. А *здесь* — удивительное дело, точеные латинские фонемы прочно легли в память и легко слетали с языка, молитвой оказалось удобно и задать ритм телу, и очистить мозг для раздумий. Да и норманно-франкский давался все легче и легче. Временами бывший техник КБ Камова с некоторым ужасом ловил себя на том, что, бывает, и думать начинает на *здешнем*... Под навесом у караулки показались две грузные фигуры. Привалюсь к притолоке, кипрские стражники с ленивым интересом наблюдали, как чокнутый франкский барон крутится полуголым на крепостной стене, бормоча притом невнятную латынь.

— Эй, Георгос, — сказал усач своему напарнику. — Помнишь, чего нам сотник говорил о *дервишах*? Такие фанатики у арабов. Когда молятся своему богу, дергаются, вроде как в падучей?

— Ну.

— Вот тебе и ну. Смотри: у франков такие тоже есть.

...После молитвы, как обычно, последовала трапеза, а за трапезой настало пустое, бездельное время. По случаю скверной погоды на воздух никто не спешил, ни торговцев, ни визитеров не появилось, и две дюжины изнывающих от безделья здоровых мужчин разгоняли тоску кто во что горазд. Большинство вновь залезло под пледы и плащи. За столом сосредоточенно подъедал остатки завтрака шевалье Теодор Чиворт, флегматичный и добродушный малый, с легкой руки Казакова переименованный в Тедди-Медведя. На другом конце стола человек семь, сгрудившись плотной кучкой, сосредоточенно метали кости. На горке вытертых шкур и пледов устроился Нерио Гонзальконе — третий сын родовитого итальянского вельможи, уникальное существо вроде американского ленивца, способное то сутками обходиться без сна, то беспробудно храпящее с ночи до утра и с утра до вечера, но так или иначе избегающее любой физической ра-

боты. Сейчас существо бодрствовало, подбирая на заунывно бренчащей виоле тоскливый мотивчик. Инструмент с опасностью для жизни спасли с «Жемчужины».

Привалившись плечом к холодной стене, подле окна в одиночестве стоял мрачный Хайме, безучастно созерцающая далекий горизонт. Его милость Ангерран валялся на лежаке, уложив ноги в потертых сапогах на низкую спинку, и, казалось, спал.

— Тедди! — окликнул Казаков. — Кончил бы ты жрать.

— Се есть гармонии рецепт простой: в счастливые часы, свободные от битвы, я укрепляю тело сытной едой — иль дух креплю горячею молитвой, — продекламировал шевалье, назидательно уставив в потолок обглоданную кость.

— Талант! — восхитился барон де Шательро. — Сам сочинил?!

Тедди помотал головой и показал костью на Нерио. Итальянец в ответ привстал и вежливо поклонился, взяв притом сложный аккорд на струнах виолы.

— Тогда неинтересно, — буркнул Серж, слез со своего лежака и пошел к Хайме.

— Все по-прежнему. Крутятся на месте, ближе не суются, — сказал он, имея в виду корабли. — Ждем-ждем у моря погоды.

Хайме отворотил наконец свой гордый профиль от заоконных далей и обратил внимание на собеседника. Нехороший был взгляд у Транкавеля, прицельный, оценивающий. Казаков моментально пожалел, что полез с беседой. «Вот сейчас скажет: есть, мол, одно дельце, но только между нами, — подумал он. — И проистекут из этого междусобойчика неприятности многие...»

— Серж, — негромко и с оглядкой сказал Хайме. — Нам надо поговорить. Но так, чтоб никто не слышал. Только ты и я, понятно?

Казаков состроил горестную гримасу.

— Так и знал, — вздохнул он. — Прогуляемся на стену? Для вящего уединения?

— Не обязательно. Здесь полно чужих ушей, но большинство слышит лишь самое себя. Просто говори потише.

— Ладно. И что там у тебя... Хотя постой, сам угадаю. Тебе наскучило в здешних гостях. Собираешься уйти не прощаясь?

Хайме задрал бровь и поинтересовался на полном серьезе:

— Умеешь читать чужие мысли?

— Боже упаси, — хмыкнул Серж. — Колдовство, мой юный друг, это твоя привилегия. Мы люди простые, таким тонкостям не обучены... Наша сила в логике. Ну сам подумай: о чем еще могут секретничать двое заключенных?

— И верно, — на губах Транкавеля появилось слабое и мимолетное подобие улыбки. — Но мне нужна твоя помощь. Видишь ли, было бы крайне невежливо уйти одному. Хочу прихватить с собой Беренгарию, но одному мне не справиться. Поможешь?

К чести барона де Шательро, он не только не заорал в голос сакраментальное «Что-о?!», но даже не слишком изменился в лице.

— Ты будешь смеяться, но чего-то в этом роде я и ожидал, — пробормотал он. — Смотрю вот на нашу компанию, цвет, так сказать, крестоносного рыцарства, и все думаю: интересно, хоть кто-нибудь вспомнит, что мы к Беренгариин приставлены не красоты ради, а вроде как королевская охрана? Ведь никто даже не предложил...

— Не в том дело, Серж, — быстро перебил младший Транкавель. — Они не предлагают, потому что не видят беды. Да, думают они, королева Беренгария попала в лапы Комнина, но ведь не по нашей вине, а по прихоти судьбы, благодаря слепому буйству стихии. Что мы могли сделать в виду лимассольской цитадели, на тонущем корабле? Предпочесть, вместе с Беренгарией, героичес-

кую гибель позорному плену? Вздор. Даже такой тупица, как Ричард Львиное Сердце, должен это понимать и не станет сильно гневаться на свитских. Деспот Исаак Комнин — темная лошадка, однако не иноверец, не безумец, с ним можно договориться. Значит, никакой серьезной опасности ни нам, ни Беренгарию не грозит. Посидит немного под замком, пока венценосные договариваются об условиях перемирия, и вернется к муженьку с почетом, в целости и сохранности... То есть это они так думают. Но они, боюсь, ошибаются.

— Вообще-то пока все, что я слышу, звучит вполне логично, — вставил Казаков. — Сомневаюсь я, чтобы здешний правитель причинил Беренгарию хоть какой-то вред. А на гнев или милость короля Ричарда лично мне, в сущности, плевать.

— Не советуя слишком часто хвалиться последним обстоятельством, — бледно улыбнулся Хайме. — Да, с виду все разумно. Я и сам так думал... до вчерашнего дня. Пока не выступил Оливье со своими речами о «пылком чувстве» и «дьявольском промысле». И вот тогда я заметил... — он невольно покосился на безмятежно дрыхнущего Ангеррана де Фуа. — Ты разве не видел этого? Ты ведь стоял рядом?

— Чего именно? Ухмылку де Фуа? И что в ней особенного? Оливье молот возвышенную чепуху. Старик с ним спорить не стал, но физиономия у него сделалась, верно, ехиднейшая. Так и моя, небось, выглядела ничуть не лучше...

— Не так громко, и обойдемся без имен. Серж, ты, как и все они, только смотришь. А я *вижу*. Поверь мне, тут дело нечисто. Не знаю, какую игру затеял твой патрон и что ему известно, но он не просто спокоен за нынешнее положение дел — он им *доволен*. А если этот человек чем-то доволен, добра не жди. Поджог в Мессине помнишь? Помнишь, как ты поджигателей допрашивал? Вот так же он и тогда ухмылялся...

Казаков откровенно почесал в затылке. Надо признать, пущенная Транкавелем «пуля» легла в цель отменно точно — Сергею немедленно припомнился и достопамятный допрос, и последующая беседа «по душам», с интриганом-работодателем, и предостережение Гунтера. Но все же, все же...

— Куда-то не туда тебя занесло, по-моему, — сказал он чуть менее уверенно, чем хотелось бы. — При чем тут мой патрон? Он точно так же сидит в обезьян... под замком, как и все мы. Случись что с Беренгарией, будет отвечать наравне со всеми, а то и похлеще. Ну, может, он даже и доволен — например, что мы не потонули в шторме, а находимся в относительной безопасности, почему нет? Или, по-твоему, шторм — тоже его работа? А?

Хайме отвернулся к бойнице, с преувеличенным вниманием разглядывая низкие тучи и пенные барашки на гребнях волн, и долго не отвечал.

— Шторм — вряд ли, — наконец отозвался Транкавель-младший. Непонятно было, шутит он или совершенно серьезен. — На шторм у него силенок не хватит. Зато подкупить шкипера, чтобы привел корабль, куда надо, — это запросто. Хороший моряк сможет даже в бурю. Ричард еще в Мессине похвалялся, будто шкипер на «Жемчужине» лучший из лучших. Клепки в трюме распустишь, чтоб течь была — вообще плевое дело. Я и сам такое умею.

Казаков в сердцах засопел и неслышно матернулся себе под нос. «М-маги, ети их... колдунцы недоделанные...» Как-то вдруг он ощутил, насколько тихо в зале — помимо их голосов, тишину нарушали лишь возгласы игроков в кости да негромкое бречание виолы Гонзальконе. Ему сразу расхотелось шептаться дальше в присутствии такого количества чужих ушей, хотя бы они, по уверениям Хайме, и слышали исключительно самое себя. Он тронул Транкавеля за плечо.

— Что-то душно тут, не находишь? Пойдем-ка, подышим морским воздухом...

...На крепостной стене морского воздуха было хоть отбавляй, а еще был дождь, шум волн и тревожные крики чаек. Несмотря на холод и сырость, после затхлого «обезьянника» выйти наружу было сущим удовольствием. Кипрские караульные, впрочем, явно были сыты таким удовольствием по горло и согревались по такой погоде горячим вином где-нибудь под крышей. Во всяком случае, поблизости от заговорщиков не видно было ни одной живой души.

— Складно объясняешь, — продолжил Серж прерванный разговор. Здесь, на безлюдье, можно было говорить в полный голос. — Ну допустим, что у Ангеррана есть какой-то там план, и согласно этому плану мы все сейчас сидим в *зиндане*...

— Где сидим?! — не понял Транкавель. Стоя между зубцов, он с наслаждением вдыхал полной грудью приятно пахнувший ветер.

— ...в камере, в заключении, я хочу сказать. Ну а дальше-то что? Кому и чем выгодно, чтобы с Беренгарией случилась беда? Если никому и она в безопасности, то чего тебе неймется?

Хайме недоверчиво усмехнулся, покрутил головой.

— Станный ты человек, Серж, — сказал он. — Который раз уже замечаю. Порой мне кажется, что ты знаешь и умеешь нечто, человеческому разуму недоступное...

— «Чудо находится в противоречии не с природой, а с нашими знаниями о ней», — блеснул Казаков заемной эрудицией.

— ...вот это я и имел в виду. Бывает, ты как скажешь что-нибудь — ни дать ни взять ученый книжник, каких мало. (Казаков, обязанный своими учеными перлами в основном тщательному изучению сборника «Крылатые фразы», скромно потупился.) Но иногда ты ведешь себя и рассуждаешь в точности как несмышленный виллан, отродясь не выезжавший дальше соседней деревни. Например, в тонком искусстве интриги... ну, в этом ты даже не

виллан, ты его пятилетний сынишка. Послушай, не перебивай. Известно ли тебе, кто такой Андроник Комнин?

Казаков пожал плечами. Имя было смутно знакомо... ах да, ведь хозяин здешней богадельни — тоже Комнин, только Исаак. Родственник? Брат? Отец? Черт их поймет, местных олигархов.

— Византийский базилевс, — нетерпеливо пояснил Хайме. — Базилевс — это...

— Что такое «базилевс», я знаю, — перебил Казаков. — Ну и?..

— Андроник заключил соглашение с крестоносным воинством, тем, которое ведет на Восток Фридрих Барбаросса, — о том, что беспрепятственно пропустит крестоносцев через свои земли и даже даст им корабли для переправы через Босфор и проводников по Малой Азии. Хоть об этом ты, надеюсь, слышал?

— Теперь слышал, — хмыкнул Сергей. — Нам-то что с того?

— Исаак Комнин, император Кипра, приходится Андронику отдаленным родственником. Они в скверных отношениях, это так, и все же родная кровь. Андроник с удовольствием казнил бы Исаака, попадись тот ему в руки, но — сам. Если же в семейные отношения Комниных полезет кто-либо еще, такое вмешательство будет расценено как повод к войне...

— Это мы понимаем, — вставил внимательно слушавший Казаков. — Свою жену учу как хочу, а соседи не встревай, так?

— Да, похоже. И вот представь себе следующее... Представь, что Ричард Львиное Сердце, придя во всей своей мощи под стены Лимассола, узнаёт, что его возлюбленная супруга Беренгария — находившаяся в заложниках у Исаака Комнина — к примеру, злодейски удушена в своих покоях. Как по-твоему, что сделает Ричард?

— Взбесится, — почти без раздумья ответил Казаков. — Беренгария как таковая этому извращенцу без-

различна, но ее смерть, вкупе с пожаром в гавани Мессины, станет оглушительной оплеухой его самолюбия. А поскольку в глазах всего прочего крестоносного рыцарства подобная история выглядит донельзя романтично, то немедля последуют какие-нибудь громогласные обеты в страшной мести вероломным убийцам. То есть Исааку Комнину. Лимассол разнесут по кирпичику, а Комнин... словом, не хотел бы я быть на его месте.

— Вот! — Хайме одобрительно кивнул. — Все-таки, Серж, ты еще не совсем безнадежен. Итак, Кипр захвачен, Лимассол разграблен и сожжен, Исаак Комнин принимает жуткую смерть от рук — или по приказу, что, в сущности, одно и то же — одного из вожаков Крестового похода. Теперь подумай, как на это ответит его коронованный родич, византийский базилевс. Который, между нами говоря, без того отнюдь не отличается кротостью характера.

Барон де Шательро честно представил последствия и ощущения свои выразил короткой, емкой русской фразой:

— *Ох, ни ... себе!*

— Слов я не понял, но интонацию уловил, — усмехнулся Хайме. — Теперь понимаешь? Это не говоря уже о том, что сделает со злосчастной свитой королевы разъяренный Ричард после штурма. Или перепуганный Исаак до штурма, неважно.

— Твою-то мать, — пробормотал Казаков, до которого наконец дошло в полный рост. — Сплавал, называется, в романтическое путешествие. Да уж, парень, умеешь ты обнадежить... Послушай, но ведь ничего еще не случилось, да может быть, и не случится! Беренгария жива-здорова, этот... как его... Барцелло только вчера говорил...

— *Пока* не случилось, — сквозь зубы произнес Транкавель-младший. — *Может быть*, и не случится. Хочешь дожждаться, посмотреть? Может, еще об заклад побьемся?

— Ч-черт, — от избытка чувств Серж засадил кулаком в стену, зашипел от боли, затряс рукой. — Ты прав, тут

игра такая — *или пан, или пропал...* Не понимаешь? Ну и ладно... Но, погоди-ка! Самое главное забыли! Ангеррану все это зачем? Он ведь точно так же заинтересован в успехе Крестового похода, как и все прочие, разве нет?

Тонкие черты лица Хайме де Транкавеля сложились в мучительную гримасу. Такая бывает у человека, когда у него болят зубы или же когда ему приходится объяснять нечто крайне сложное, весьма интимное, да к тому же еще ужасно неприятное.

— Серж, — задумчиво произнес он. — Прости меня, но... Скажи, что ты знаешь о своем... покровителе? Ты знаешь, кто он? Откуда он? Что он может и чего он хочет? Или, к примеру, откуда у него шрам на шее?

Казаков добросовестно попытался вспомнить... и с совершенным изумлением вдруг понял, что и в самом деле знает о своем непосредственном начальнике ровно столько же, сколько знает салага-рядовой о начальнике штаба округа — сиречь имя, фамилию и приблизительное количество звездочек на погонах. Они с де Фуа разговаривали часто и подолгу, но всякий раз хитрый старикан выворачивал беседу каким-то столь удивительным образом, чтобы не выдать ни малейшей сколько-нибудь ценной информации о собственной персоне. Не помогли даже некоторые довольно специфические разговорные навыки, коим старшего лейтенанта Казакова учили в бытность одного «техником КБ Камова».

— Ну допустим, ничего я не знаю, — признался он. — Или — знаю, но совсем мало. Так что с того? Вот про тебя, например, я тоже почти ничего не знаю. А Ангерран, по крайней мере, человек хваткий и опытный, вхож ко двору, королева его выделяет. Он мне обещал, что с ним я добьюсь веса в обществе, и вроде бы слово держит. Вот, скажем, устроил мне участие в том дознании, дабы я лишний раз показал себя перед Ричардом...

Он осекся, увидев, как пуще прежнего скривился собеседник.

— Ох, Серж... Опять ты как дитя малое. Ты что, думаешь, твой патрон хотел устроить тебе карьеру таким манером? Для дворянина палаческое ремесло считается позорным. Неужели в Польше, или где ты там родился, этого не знают? Не знаю, чего именно добивался де Фуа, но уж точно не твоего продвижения.

— Так какого ж... ты раньше молчал?! — взвился Сергей. — Сидел там с умным видом, еще советы подавал... Как тебе верить после этого?!

— Я думал, ты взрослый мужчина и знаешь, что делаешь. Это я теперь понял, что ты, хоть и взрослый, а какой-то странный, не от мира сего... И вообще, с чего бы мне лезть в твои отношения с патроном? — пожал плечами Транкавель. — Тогда я смолчал. Но теперь не стану. Ибо весь флот Ричарда не стоит одной улыбки Беренгарии.

Казаков только зубами заскрипел и в полном расстройстве взлохматил пятерней волосы. В очередной раз ему приходилось попасть под раздачу из-за элементарного незнания истории. Средневековая интрига, мать ее ети...

«Ну да, Беренгария... вот где собака зарыта, — подумал он, глядя на точеный профиль молодого Транкавеля. — То-то она с того дня тебя привлекает по-прежнему, а на меня смотрит, как на лужу. Да, подложил ты мне свинью, конкурент, причем без малейших усилий даже — *просто промолчал...* Но шеф, шеф-то каков! Ах, Ангерран, старый ты козел...»

— Ладно, *проехали*, — наконец буркнул Серж. — Кто старое помянет... Слушай, но ведь де Фуа заперт вместе с нами. Как он может что-нибудь сделать Беренгарии?..

— «Как» — это вообще не вопрос, — отмахнулся Хайме. — Пара *особых* слов стражнику, или хоть тому же мэтру Барцелло, например — и можно спать спокойно, *нужные люди* обо всем позаботятся. А — зачем... Откуда мне знать? Мне кажется, подлинных мотивов Ангеррана де Фуа не разумеет никто, кроме самого де Фуа, да

еще, пожалуй, того, кому служит он сам. Скажу одно: твой патрон — очень... скверный человек. Он тоже владеет Силой, но не такой, как, скажем, моя. Скорее он похож на моего старшего брата, Безумного Рамона. Темное, порочное Искусство...

— «Темной стороны силы остерегайся, падаван», — исключительно от врожденного цинизма проворчал Казаков — и тут же о своем цинизме пожалел. Произнесенная фраза, как гипнотический ключ, заставила вспомнить кое-что, о чем он предпочел бы забыть. Например, чудесным образом залеченное воспаление, которое не брали лучшие антибиотики двадцать первого века, — аж зачесался отлично заживший шрам на плече. А потом Сергей вспомнил еще кое-что, вернее, кое-кого — и похолодел.

Некую колоритную личность, угощавшую его на Сицилии папиросами «Беломор» фабрики Урицкого и играючи осуществлявшую «холодные» ядерные реакции. Менявшую внешность одним движением пальца и весьма аргументированно ведущую со старшим лейтенантом Казаковым богословские беседы. Мессира де Гонтара, милейшего, умнейшего и душевнейшего собеседника, уверявшего, что он «действительно злой». Казаков тогда тоже так и не понял, чего же все-таки хотел сей мессир, однако легкомысленно пригласил его «заходить еще». Это было, кажется, совсем недавно и в то же время — ужасно давно, это было столь мимолетно, что почти забылось...

А вот теперь почему-то вспомнилось.

Старший лейтенант Сергей Казаков, в миру — барон Серж де Шательро, откинул со лба изрядно отросшие волосы и, прищурившись, долго смотрел на зимнее море, где совершали свои странные маневры корабли крестосной эскадры.

— Добро, — наконец сказал он по-русски, не обращая внимания на вопросительно заломленную бровь Хайме Транкавелия. — *Убедил, черт языкатый. Двум смертям не бывать, одной не миновать.*

И, спохватившись, перевел на норманно-франкский. Получилось, конечно, совсем другими словами. Все-таки Казаков еще не слишком хорошо выучил этот язык.

31 октября, ночь

Если прийти к принципиальному согласию заговорщикам было непросто, то разработать сколько-нибудь приемлемый (сиречь не выглядящий полной фантастикой) план побега оказалось и вовсе почти невозможно. Причем главной проблемой была даже не дворцовая стража, не замки-запоры, не высокие стены и не бурное море — в конце концов, это не столь уж серьезные препятствия для троих крепких и умелых мужчин. Третий, в силу некоторых обстоятельств, был необходим. Сошлись в итоге на кандидатуре Тедди-Медведя, коего вскорости также пригласили «подышать морским воздухом» и вкратце изложили суть. Шевалье Чиворт, между прочим, не имел ни малейших возражений — полное впечатление, флегматичный здоровяк только и ждал, пока к нему подойдут и пригласят спасти королеву английскую. А вот вопросов задавал много, сугубо конкретных и весьма по делу. Казаков нарадоваться не мог на толкового напарника, вот только...

Уравнение моментально переставало решаться, едва в него вводили неизвестную величину под названием «Беренгария». Как поведет себя благородная девица девятнадцати лет от роду, предсказать не мог никто. Более того, покамест неизвестно было даже, где ее, собственно, искать (хоть Хайме и клялся горячо, что отыщет пленницу в два счета). Затея выглядела до такой степени авантюрной, что под конец Казаков даже сплюнул с досады:

— Тьфу ты, Господи, *блудняк*-то какой... Жаль, Конана-варвара с нами нет. Вот он бы в два счета управился — половину гарнизона покрошил в куски, девицу на плечо и прямо с крыши в седло вороного скакуна...

— Могучий воин, — уважительно кивнул шевалье Чиворт. — Воистину, Серж, жаль, что ваш друг Конан не с нами. Э... а что смешного я сказал?!

— Ничего, Тедди, все хорошо, — с трудом выдавил Казаков, загибаясь от смеха — впрочем, несколько нервного. — Понимаешь, просто мы с Конаном не то чтоб друзья. Так, служили вместе...

«Крыша моя, крыша, где ты будешь завтра... — думал он. — Итак, старший лейтенант Казаков Сергей Владимирович, сотрудник службы безопасности КБ Камова, зачитываем послужной список за последние три месяца. Сбит фашистами над Ла-Маншем, ранен арбалетным болтом на стенах Мессины, чудесно излечился наложением рук, начистил жало Ричарду Львиное Сердце, переспал с его женой, за каковые подвиги дважды посвящен в рыцари и один раз произведен в бароны. Интересно, кстати, барон — это какому воинскому званию соответствует?.. Теперь вот в лучших традициях фэнтези иду в компании с чернокнижником вызволять прекрасную принцессу из лап пирата. Что-то нас ждет через недельку? Поединок с драконом? Чаепитие у Мерлина? Ох, дурдом... Слушайте, а может, и впрямь дурдом, а? Может, мне это просто глючится? А на самом деле лежу я себе в больничке на Литейном, шаманских грибов объевшись, и дожидаюсь доброго доктора с капельницей...»

...Хорошо все-таки, когда противник а) дикарь и б) благородный дикарь. Цивилизованному человеку, не стесненному притом узкими рамками рыцарского кодекса чести и прочих юношеских комплексов цивилизации, два этих обстоятельства дают совершенно неоценимые преимущества.

Лимассольские стражники, проводившие в гавани личный досмотр доставленных с «Жемчужины» «почетных гостей», как всякие уважающие себя дикари, явно полагали оружием только железный дрын длиной не менее полуметра — мечи и кинжалы отобрали у всех, невзирая

на протесты любой степени громкости. Мешки же с личным имуществом (у кого они были) практически не досматривались. Будучи, как уже сказано, детьми своего времени, кипрские охранители просто не могли себе представить, что в кошёлке размером с арбуз можно прятать нечто, представляющее угрозу человеческой жизни.

Один особенно ревностный служака все же распустил завязки на вещмешке Казакова (уж больно явственно лязгал внутри металл), засунул туда лапищу толщиной с хороший окорок и наугад выудил вороненый ТТ. С минуту стражник вертел пистолет так и этак, напоминая центральный персонаж крыловской башни «Мартышка и очки». Он заглянул в ствол, потом подул в него, подергал спуск, сунул палец в полость рукояти (снаряженный магазин Казаков предусмотрительно вынул), попытался зачем-то согнуть пистолет об колено и наконец грозно рывкнул на тихо угорающего рядом хозяина:

— Это что?!

— Сие есть амулет для сохранения мужеской силы, — прозрачным голосом отвечал благородный барон Серж де Шательро, прилагая чудовищные усилия, чтоб только не заржать в голос. — Отец мой, провожая меня на войну...

— Сам вижу, что амулет, — перебил стражник, сурово сдвигая брови. — А отчего на шее не носишь? Полагается на шее носить, ежели для мужеской силы!

С этими словами он полез к себе за пазуху, какое-то время там копошился и наконец предъявил Казакову засушенный уд на толстой нити, по размеру судя — собачий или волчий. Окружающие при виде этого действия даже и не подумали смеяться, а шевалье Теодор Чиворт даже со всей серьезностью кивнул.

Казаков на это отвечал несколько шепеляво, но с исключительно скорбным лицом:

— Тяжел больно, — после чего стражник швырнул ТТ в мешок, а мешок в Казакова и велел убираться с глаз долой.

Шепелявость и скорбность объяснялись просто: чувствуя, что еще секунда — и его скрутит жесточайший приступ неуместного хохота, барон де Шательро прибегнул к крайнему средству и со всей дури прикусил себе язык. Помогло мгновенно, но принимать пищу было больно до сих пор.

И, конечно же, исключительно благородством кипрских тюремщиков можно объяснить тот факт, что «почетным гостям» вообще позволили сохранить при себе вещи. Цивилизованные, но практичные до мозга костей питерские милиционеры, несомненно, лишили бы старшего лейтенанта Казакова не только вещмешка, но даже шнурков, поясного ремня и такого безусловно опасного в умелых руках предмета, как бумажник с содержимым. А так — Серж де Шательро честно отдал свой меч (не очень-то ему и нужный, если честно), зато остался при модернизированном ТТ (не Тульский-Токарев, конечно, снятый с производства в 1952 г., а девятимиллиметровый Тоцкий-Тихомиров образца 2001 г.) с четырьмя запасными магазинами к нему и шокере «Мальвина», за пару месяцев успевшем несколько разрядиться, но все еще способном сильно удивить любого врага на расстоянии вытянутой руки. Это не считая всяких полезных мелочей вроде зипповской зажигалки, фонарика «Лед Лензер», швейцарского складного ножа и карманного CD-плеера «Панасоник». Последний предмет был исправен, но со сдохшими батарейками. Пользы от него не было никакой. Серж таскал этот последний осколок высокотехнологической цивилизации исключительно как дань болезненному чувству ностальгии.

На всякий случай Казаков завел верные «Сейко-Норд» на два часа ночи, но «биологические часы» оказались вернее — Серж продрал глаза ровно за минуту до того, как зажужжал под ухом негромкий зуммер. Благородные рыцари дрыхли, что называется, без задних ног, включая и Теодора Чиворта («У этого парня либо сталь-

ные нервы, либо вовсе нет нервов», — пробормотал Казаков не без зависти, тут же устроив шевалье безжалостную побудку), а вот Хайме, похоже, так и не сомкнул глаз. Его длинная темная фигура уже маячила у входной двери. Сборы не заняли и минуты. Пистолет удобно разместился за поясом сзади, обоймы Казаков рассовал по голенищам сапог, в который раз уже мысленно посетовав на отсутствие в средневековой моде столь необходимого предмета, как карманы. Плейер, по-хорошему, следовало выкинуть. Упрямый Казаков запихал его за пазуху против сердца. Встряхнулся легонько — ничего не звенит, не выпадает — и хлопнул Тедди по плечу: — Пора. Ну, с Богом...

...Стражнику Георгосу в этот час тоже не спалось. Причиной тому были, правда, отнюдь не благородные помыслы, но всего лишь молодое и весьма коварное вино, коего он явно перебрал нынешним вечером. Чувствуя, что еще минута — и его мочевой пузырь точно лопнет, Георгос выбранился по-гречески, осторожно пробрался меж храпящих стражей и вылез из душной караулки на вольный воздух.

Снаружи царила сущая благодать. К ночи ветер стих и дождь перестал, успокоилось штормовое море. Тучи разошлись, явив неровный серп растущей луны и россыпь ярких звезд. В их бледном свете далекие паруса чужих кораблей казались безобидными призраками. Кряхтя от нетерпения, стражник вылез в проем между осыпавшимися зубцами, распустил завязки на гульфике, и с высоты двадцати футов на камни зажурчал ручей.

Спустя три секунды с той же высоты полетело, кувыркаясь, тело и грянулось оземь. В шорохе прибоя звук удара был совершенно неразличим, темные кроны олив тут же скрыли труп. Стражник исчез, не успев ни вскрикнуть, ни даже понять, отчего умер, а там, где он только что стоял, выросли два темных силуэта — повыше и пониже. Хайме презрительно вытер ладони о штаны. Казаков

одобрительно кивнул и взмахом руки подозвал поближе Тедди Чиворта.

— Нам туда. — Транкавель-младший указал, куда именно. Крутая и узкая лестница без перил вела мимо караульного помещения к выходу — толстой створке, прятавшейся в глубине низкой арки. — Снаружи малый дозор. Это человек пять или шесть. Столько же в караулке, там смена. Эти сейчас, верней всего, спят, но оставлять их просто так негоже...

— Нас трое, их всего пятеро, — буркнул практичный Чиворт. — В караулке их оружие. Перебьем сонными.

— Медведь, а ты, однако, зве-ерь, — удивленно покачал головой Серж. — Зачем такие крайности? Просто подпрем дверь чем-нибудь. Им оттуда самим нипочем не выбраться и не докричаться. А вот что дальше... Те, снаружи, они-то не спят.

Вскоре выяснилось еще более печальное обстоятельство. Тяжелая воротина даже и не думала подаваться, как ни налегал на нее могучий шевалье. С внутренней стороны ворота были снабжены железными скобами с деревянным брусом засова (каковым, кстати, и подперли дверь в помещение стражи). Резонно было предположить, что на такой же засов ворота заложены и снаружи.

— Так, — решительно сказал Казаков, вытягивая из-за пояса ТТ. — Придется шуметь. Значит, я стучу, откуда спрашивают, мы наводим панику — мол, помирает кирие Ангерран, рыбку на ужин съел несвежую... Только б засов скинули, а там, господа, быстро-быстро работаем руками, ногами и прочими ударно-дробящими...

Он уже поднял руку, примериваясь от души бабахнуть по дубовым доскам, когда Транкавель яростно прошипел:

— Ни звука! Молчи и жди!

— А? — озадачился Казаков, застыв в нелепой позе с занесенным кулаком.

Лангедокский Иной уперся обеими раскрытыми ла-

донями в дерево, часто утыканное расплюснутыми шляпками огромных железных гвоздей. Постоял так минуты две или три. За дверью что-то невнятно проскрежетало, пару раз лязгнуло, слышались негромкие голоса. Потом заскрипело железо, и толстенная створка медленно открылась внутрь. Держа пистолет наготове, Серж шустро скользнул в проем.

За дверью обнаружился стражник. Один. Он неподвижным истуканом стоял посреди прохода, сжимая в одной руке факел, а в другой тяжелую булаву, заляпанную чем-то темным. Стражник пялился перед собой рыбьими глазами, и по подбородку у него стекала слюна. На второго стражника, лежавшего тут же с разбитой головой, Казаков сослепу наступил. Третье тело обошел. «Ну ни хрена себе парень поколдовал... Хотел бы я знать, что он еще может?!»

Впрочем, в данный конкретный момент Хайме, похоже, ничего не мог. Он обессиленно привалился к стене, хватая воздух ртом и утирая испарину со лба. Английский шевалье, едва ступив за порог, выпучил глаза, размашисто перекрестился и забормотал «Pater».

— Спокойно, Тедди, спокойно, — предостерегающе пробормотал Казаков. — Ничего дьявольского, просто перепились ребята, повздорили да передрались, очень для нас кстати... Столбом не стой, помоги Хайме, он едва на ногах держится...

Тедди, к его чести, преодолел свое потрясение почти моментально — едва дочитав «Pater», — но к тому времени оклемался и Хайме.

— Тяжело, — шепотом признался он Казакову. — Еще пару трюков показать смогу, потом — все.

— Ничего, прорвемся, — отвечал барон де Шательро. — Жили ж мы как-то без колдовства. Тедди! Ты с Хайме пока в арьергарде, я — впереди, на лихом коне...

Они припустили по длинному и узкому коридору. Слева через равные промежутки темнели узкие окна.

Мелькнула приоткрытая дверь, из щели выбивался желтоватый свет. Коридор раздвоился, беглецы свернули направо. Серж споткнулся о ступеньку лестницы, рядом беззвучно чертыхнулся Хайме — все-таки в темноте он видит так же, как обычные люди, с непонятным удовлетворением отметил Казаков.

Взлетев по лестнице и отбежав подальше, остановились в узком каменном закутке.

— Смылись, надо же, — с удивлением признал Серж. — Только непонятно, куда нас занесло. И что дальше?

— Теперь, вообще-то, нужно найти, где держат Беренгарию, — ехидно напомнил Хайме.

— *Вообще-то* я рассчитывал захватить одного из дозорных да выпросить у него, — огрызнулся Казаков. — Но ты затеял свою ворожбу, а меня предупредить забыл. Вот теперь и соображай, как побыстрее сыскать нашу даму.

— Мессир Серж, — голос стоявшего рядом, но плохо различимого в темноте Хайме внезапно посерьезнел, — прежде не выпадало случая спросить... Вас совсем не пугает то... те вещи, которые я порой совершаю? В Ренне мы называли наши способности Даром, талантом свыше, а священники говорят — это бесовское волхование и языческое чародейство...

— Меня пугает, — мрачно вставил шевалье Чиворт. — Но поелику сии кудеси совершаются вами не во зло, а во благо и служат исполнению благородного замысла, то постановлю пока считать их не дьявольским промыслом, но даром Божьим. Пока. А там посмотрим, мессир Хайме.

— Кхм... — Казаков покрутил головой от несвоевременности вопроса, но ответил честно: — Скорее, здорово удивляет. Я про такое только в книжках читал. Но мало ли каких редкостных умений дано людям от природы. Или от Бога, Тедди прав. Слушай, тебе не кажется, что сейчас неподходящее время для диспутов о происхождении чудес?

— Кажется, — с явным облегчением согласился Транкавель. Завозился, ища что-то в складках одежды и бормоча себе под нос. Удрученно признал: — Мессир Серж, я истинный глупец. Забыл прихватить огниво, а мне крайне необходимо кое-что сжечь.

— Ох ты Господи. Вот так прокалываются лучшие шпионы, — пробормотал по-русски Казаков, по привычке охлопывая несуществующие карманы. Вспомнил, что у здешних костюмов сия деталь представлена болтающимся у пояса объемистым кошельком. Нашарил завязки, запустил пальцы внутрь, на ощупь ловя среди прочего мелкого имущества зажигалку. Вытащил, крутанул колесико. С тихим щелчком загорелся маленький язычок желтого пламени с синей сердцевинкой, осветивший снизу напряженное, точено-красивое лицо Хайме.

— Ой, — вырвалось у шевалье Чиворта. — Какое странное огниво! Ни разу не видел ничего похожего. Это сделали в Польше?

— В Китае. Давай, что там у тебя, — поторопил Казаков, и Хайме достал серебряный овальный медальончик, двумя пальцами извлек длинный, свивающийся колечками локон темно-каштанового цвета. Сергей не удержался и гнусно хихикнул. Решил, что, если побег закончится удачно, выклянчит у Беренгарии такой же памятный сувенирчик. Почему у Хайме есть, а у него, Сержа де Шательро, нету? Несправедливо!

Гордо проигнорировав смешок напарника, Хайме отделил от локона малую прядку и поднес к огоньку зажигалки. Волосы наварки сторели в мгновенной крохотной вспышке. Казаков с детским интересом ждал результата очередной волшбы, творившейся прямо на его глазах.

— Она неподалеку, — Хайме немного постоял, жмурясь, и принялся заталкивать оставшийся локон обратно в его хранилище. — Оказывается, у Комнина, словно у мавританского султана, есть несколько... э-э... подруг.

— Гарем, — уточнил практичный барон де Шательро.

— Ну да, — согласился Хайме. — Этим женщинам в цитадели отведено несколько помещений. В одном из них поселили гостью. Нам нужно подняться этажом выше. Тогда я смогу отыскать дорогу.

— Все это ты узнал, просто спалив подарочек Беренгари? — недоверчиво спросил Серж. Транкавель отрывисто кивнул.

Казаков в задумчивости поскреб указательным пальцем висок. Практическая магия, как многократно уверяли склонные к мистике личности, страшная штука. Если уметь ей пользоваться.

* * *

По средневековым меркам, дамы кипрского правителя жили весьма и весьма комфортно. Им принадлежало отдельное крыло старой крепости, расположенное в наиболее защищенном от зимних ветров и летней жары месте. Подле входа в маленький Эдем индивидуального пользования бдели два мрачных ифрита. Вернее, бдел только один, а второй дремал стоя.

Осторожно выглянув из-за угла, злоумышленники оценили обстановку.

— Незаметно не подобраться. Может, поворожишь? — проникшийся сюрреализмом нынешней ночи Казаков окончательно уверовал в могущество колдовства и с нетерпением предвкушал новый сеанс чародейства. Тедди Медведь шумно сопел над ухом. — Глаза отводить умеешь?

— Не умею, — разочаровал сообщника Хайме. — И вообще, Дар — не дубина, чтоб махать им направо и налево.

— У-у, — огорчился Серж. — А так здорово получалось! Ладно, ждите теперь вы. Да учитесь, пока я жив...

И, прежде чем Транкавель успел что-либо сказать,

славяно-польско-французский барон преспокойно вышел в коридор, зашагав к отлитым из бронзы дверям, украшенным весьма фривольными барельефами. Сущее мальчишество, но Сергею ужасно хотелось отыгаться за тот памятный день в Мессине, когда его, пришельца из будущего, с легкостью отправил в нокаут местный воображала. Попранное самолюбие требовало убедительно и наглядно доказать: победа Хайме была чистой воды случайностью. Серж де Шательро вполне способен голыми руками справиться если не с драконом, то с вот этой парочкой привратников. И пусть Транкавель тихо помалкивает в тряпочку.

Завидев в конце коридора нечто непонятное, бодрствующий ифрит пихнул локтем ифрита спящего, тот немедленно проснулся, и оба с равным недоумением уставились на странного визитера. Ночной гость был мелок, тощ и безоружен, но смотрел нахально, поигрывая притом маленьким черным жезлом. Когда он подошел на расстояние вытянутой руки, стало очевидно, что ростом он аккурат по грудь тому из стражей, что был немного пониже. Такое субтильное существо, конечно же, не могло вызвать у могучих охранителей гарема ничего, кроме искреннего презрения.

— Доброй ночи, о доблестные воины, — пропел, приблизившись вплотную, пришелец на скверной латыни, но сладчайшим голосом вроде того, как пожилая няня разговаривает с малыми детьми. — А не скучно ли вам? Не одиноко? А что у меня е-есть!

Он выставил зажатый в кулаке жезл под нос самому большому из ифритов. Жезл зажужжал и заиграл красивым синим огоньком.

— Ух ты! — хором сказали стражники, вытягивая шеи.

Больше они ничего не говорили. В кадык тому, что повыше, Казаков всадил включенный шокер, а в горло второму сжатые «орлиным клювом» пальцы и едва успел увернуться от двух рухнувших тел. Опасность была нешу-

точная — придави его один из сторожевых бегемотов, тут бы барону де Шательро и конец, все равно что от пули.

— Ловко, — одобрил, в свою очередь, Хайме де Транкавель, появляясь рядом.

Полутемный коридор оставался тихим и безлюдным. Чиворт, ни единым словом не оценивший доблести сотоварища, преспокойно перешагнул через обеспамятвшего караульного и дернул дверное кольцо, негромко известив:

— Заперто.

— А ты думал, двери в гарем день и ночь стоят нараспашку? — разозлился Казаков. — Конечно, заперто. Может, у этих сторожевых гиппотавров имелись ключи?

— Вряд ли гвардейцам дозволяется входить к женщинам деспота, — покачал головой де Транкавель. Присел около лежащего навзничь дозорного и принялся шарить в поясной суме. Заодно подобрал откатившуюся булаву. Прикинул в руке, отложил — тяжеловата. Отцепил ножны с диковинным кинжалом-переростком, широченным в основании и полукруглой гардой, привесил к собственному поясу. Серж нетерпеливо топтался на месте, одновременно разыскивая укрытую меж мифологических персонажей замочную скважину и косясь, не идет ли кто. Скважина оказалась замаскированной под раззявленную пасть грифона.

— Ключей нет, — Хайме закончил обыск и, вооружившись позаимствованным кинжалом, сунул его в клюв львиноголовому орлу. Повернул вправо, влево, прислушиваясь к тихому скрежету. Казаков удрученно закатил глаза: ходячий позор, а не герои-освободители! Ничего толком сделать не могут!

Внезапно ему на ум пришло одно соображение, заставившее нервно пихнуть Хайме под руку. Изображавший взломщика де Транкавель раздраженно шикнул. Дрогнувшее в его руке широкое лезвие неудачно повернулось, в замке что-то щелкнуло. Хайме одним пальцем

толкнул створку, та, качнувшись на хорошо смазанных петлях, беззвучно отошла в сторону. Изнутри потянуло нагретым, приторно-сладким воздухом.

— Мы олухи, — яростным шепотом высказался Сергей. — Напрочь забыли о том, что Беренгария не одна! С ней мадам Кэт и девицы-фрейлины, как их!..

Хайме раздул ноздри и с шумом втянул воздух. Точеная физиономия превратилась в маску скорби, уголки рта поехали вниз.

— Она ни за что не согласится бросить их, — трагично пробормотал он.

— Четыре дамы, — Казакову захотелось стукнуться лбом о стену, да посильнее. Авось мысли встряхнутся и забегают быстрее. — Это ж сущий курятник!

— Курятник, — упавшим голосом подтвердил де Транкавель. — А нам еще предстоит спуститься со стены. И пройти через Лимассол к гавани.

— Давай обратно, а? — жалобно протянул Серж. Хайме недовольно поджал узкие губы. — Знаю, негоже бросать начатое благородное дело на полпути, но посуди сам, в каком обществе нам придется удирать! Три юных девицы и почтенная мадам! Если хоть одна взвизгнет, нам конец! Как они станут карабкаться вниз по лестнице, в своих дурацких платьях? Наверняка все обойдется! Ричард и Комнин договорятся, Беренгарию отпустят, никто не пострадает!

— Нет, — на Транкавеля снизошло фамильное упрямство. — Я не могу. Если с ней что-нибудь случится, я до конца жизни буду винить в этом только себя. Ты... — ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы говорить спокойно, — ты возвращайся, если желаешь. Ты разумно судишь, и я убедился, что ты не трус. Обещаю, что не стану порицать тебя или осуждать твое решение. Но я не могу повернуть назад.

— Побег с четырьмя девицами на руках, — злорадно напомнил Казаков, уязвленный замечанием реннского

зазнайки. Тоже мне, просветленный паладин выискался. Или на него речь де Фуа так скверно повлияла? Правда глаза колет, а мессир Ангерран верно заметил: они ровным счетом ничего не сделали для Беренгариин. Позволили затолкать себя в крепость и смиренно сидели, ожидая спасения. Ни с того ни с сего Сержу вдруг представилась жутковатая картинка: зубец крепостной стены, обмотанная вокруг него лохматая веревка и болтающаяся на фоне красных камней фигурка со свернутой набок головой. Темно-каштановые волосы развеваются по ветру, покойница мерно качается туда-сюда. Он передернулся: — Ага, как же. Не дури. Пропадать — так с музыкой. К тому же я еще ни разу в жизни не навещал чужого гарема!

— Я тоже, — с беззвучным смешком произнес де Транкавель. Распахнул створки пошире, слегка поклонился: — Только после вас.

— Да пошел ты, — буркнул Сергей по-русски, ныряя в душистую полутьму, озаренную пробивающимися сквозь легкие узорчатые двери оранжевыми и розовыми отсветами.

* * *

...Наверное, если б не мадам де Куртенэ, грандиозный замысел побега лопнул бы, как мыльный пузырь. Но самообладание и выдержка почтенной фрау Кэт ковались в горниле многообразных превратностей Средневековья, и получившемуся результату можно было только искренне позавидовать. Она единственная ничуть не удивилась незваным полуночным гостям. Строго шикнула на проснувшихся и загалдевших подопечных — в том числе и на опешившую Беренгарию — и велела немедленно собираться. Девицы во главе с английской королевой взвыли античным хором. Как предсказывал мудрый де Фуа, им надарили уйму одежд, украшений и безделушек, которые они возжелали непременно

но прихватить с собой. Шепот мадам Куртенэ стал угрожающим, слышался звук оплеухи и чей-то жалобный хлюп носом.

После этого никаких затруднений не возникало. Четыре затаивших дыхание женщины и двое молодых людей прокрались по коридору, выскользнув за дверь, где нетерпеливо переминался с ноги на ногу медвежеватый шевалье. Шедший последним Казаков бдительно оглянулся, прежде чем закрыть створку. На миг ему показалось, что одна из дверей внутренних покоев приоткрылась, и в узкую щель просунулась чья-то голова. Может, невовремя проснувшаяся служанка, может, комнинская наложница. Заметила? Нет? В любом случае, следовало поторопиться.

Пробежка по запутанным переходам и галереям спящей крепости стоила Казакову немалых нервов. Одним глазом следи за тем, чтобы никто не потерялся, другим — за тем, чтобы не налететь на караульных, на припозднившегося слугу или вышедшего по нужде придворного. Маршрут отступления прокладывал Хайме — уверенно, ни разу не запнувшись перед выбором нужного поворота или лестницы. Словно у него в голове хранилась объемная карта Лимассольского замка, с пометками «Здесь стоят дозорные» и «За большой статуей свернуть в галерею, пройти двадцать шагов, спуститься вниз». Казаков несколько раз порывался спросить, куда, собственно, он их ведет, но побоялся нарушить сосредоточенность Транкавеля, похожую на транс. Вдруг собьется, и тогда им до утра хорониться по здешним закоулкам.

Один за другим беглецы проскочили в низкую арку, оказавшись на площадке под открытым ночным небом. Казаков украдкой покосился на мерцающий зеленым циферблат верных «Сейко». Пять с четвертью. Часа через два начнет светать, а пока — только лунный отблеск, но на то, чтоб не сбиться с курса на пяти кабельтовых, хватит и его. На море вроде бы развиднелось, волнение

небольшое, трое здоровых мужиков на веслах — шансы есть, господа, шансы есть....

Загнав благородных дам и прекрасных девиц в малый закуток меж бастионами, отважные спасители учинили военный совет.

— Мы где? — задал животрепещущий вопрос Казаков.

— На внешней стене над гаванью, — говоря, Хайме заметно запинаясь. Он обхватил себя руками за плечи и зябко вздрагивал — то ли от утреннего морозца, то ли собственное колдовство далось ему на сей раз дорогой ценой.

— Святая Дева, получилось... — выдохнул Тедди.

— Еще не получилось. Молитесь, шевадье, и вы, барон, впереди самое сложное. Внизу у причалов рыбацьи лодки. Причалы охраняются. Вот там, слева, находится помещение для стражи. Видишь, в окне горит свет? Рядом — арсенал и склад. На складе наверняка хранятся веревочные лестницы. Нужно сходить и отыскать хоть одну. Потом зацепимся вон за те кольца и спустимся. Главное — не шуметь.

— Тогда кончай клаять зубами и успокой женщин, -- от души посоветовал Серж. — Тедди, за мной.

Склад запирался на наружный засов, и вытащить его из медных скоб было делом одной минуты. Юркнув внутрь, Казаков слегка растерялся. Помещение просторное, но чудовищно загромождено разной всячиной. Темно, пахнет смазанной кожей, деревом, железом, чем-то кислым и острым. Серж достал «Лензер», нажал кнопку, и тьму прорезал ослепительный световой сноп, от которого шевадье Чиворт шарахнулся с невягтым воплем.

— Тихо ты! — вполголоса прикрикнул Казаков. Шевадье, белый как мел в призрачном свете диодного фонарика, пучил глаза и размашисто крестился. — Никакого бесовства, сплошная техника, понятно?

— Нет, — честно признался шевадье.

— Да и хрен с тобой. Ищи лестницу, Тедди. Найдешь — свисти.

Шевалье шагнул в узкий проход меж каких-то грубо сколоченных ящиков и пропал. Вокруг метались причудливые, изломанные тени. Спотыкаясь и озираясь по сторонам, Серж сделал несколько шагов. Пузатые бочки, плетеные корзины, поставленные друг на друга ящики, штабель корявых досок, бухты толстых канатов, развешанные на стропилах кожаные ремни с заклепками — наверное, лошадиная сбруя. Связки чеснока, луковых головок и здоровенных копченых рыбин. Невесть для какой надобности затащенный сюда ошкуренный древесный ствол. Корабельная мачта, что ли? Ага, вот и искомый артефакт. Многократно сложенный, перехваченный для надежности ремешками, с вставленными между прядей пенькового каната перекладинами-ступеньками. Казаков примерился вскинуть добычу на спину и крикнул — свернутая лестница оказалась тяжеловатой для одного человека.

«Своя ноша не тянет», — пригибаясь под грузом трофея, барон де Шательро кликнул напарника и потрусил к выходу.

На стене по-прежнему было пустынно. Транкавель с дамами хоронился в густой тени башни. Принесенную лестницу уложили меж крепостных зубцов. Перерезали ремни, на ощупь отыскивали два бронзовых крюка и тщательно прикрепили их к вделанным в камень тяжелым кольцам. Хайме толкнул лестницу и посмотрел, как она, разворачиваясь, улетает вниз, к подножию стены. Из-за темноты было не различить, насколько нижний конец не достигает земли. Подняв глаза, Казаков увидел смутные очертания городских крыш и тусклые факельные огоньки.

— Тедди, пошел первым, — решил Транкавель. Шевалье в очередной раз осенил себя крестом, перешагнул через гребень и сноровисто полез вниз. Секунд тридцать

спустя, показавшихся вечностью оставшимся заговорщикам, лестница дернулась дважды и встала ровно.

— До самой земли, значит. Спустился шевалье, придерживает лестницу для дам, — с невероятным облегчением произнес Казаков и от полноты чувств перекрестился сам. — Дамы, прошу!

Среди девиц возникло легкое замешательство, пресеченное тихим возгласом грозной мадам де Куртенэ. Одна из фрейлин — рыженькая и пухленькая, именем, если Казакову не изменяла память, Алиса — испуганно ойкнула, но шагнула вперед, и Хайме галантно подсадил ее на первую ступеньку.

Серж представил, как девушка в долгополом наряде с трудом лезет по мотающейся лестнице, прикинул ее шансы сорваться и содрогнулся. Ох уж эти приключенческие романы, где девицы в облегающих охотничьих костюмах лазают по канату не хуже заправского матроса и лихо управляют с любым видом транспорта, от скакового коня до боевого вертолета! Сердце стучало через раз: стоит хоть одной из них упасть.... Или, еще хуже, завопить от испуга...

Ждать на сей раз пришлось гораздо дольше, но наконец лестница судорожно дернулась. Транкавель перевесился через стену, всматриваясь в сумрак. Прислушался.

— Добралась, — произнес он. — Кто следующий? Вы, мадам?..

...Мадам де Куртенэ, поджав губы, шагнула на лестницу последней. Едва она скрылась за гребнем, случилось то, от чего допреж Господь уберегал: распахнулась тяжелая дверь в башню, послышались грубые голоса и блеснул факельный свет. Стража!

На открытой всем ветрам площадке было некуда спрятаться, но вышедшие из освещенного помещения стражники не сразу разглядели, что творится в окружающей темноте. Парочка замешкавшихся на стене беглецов разом присела, вжимаясь к холодный камень. Казаков нашарил спрятанную под одеждой кобуру и выта-

шил пистолет — он не знал толком, в кого собирается стрелять и собирается ли вообще, но ощущение рубчатой рукоятки в ладони придавало изрядно уверенности. Может, им повезет? Может, дозорные сослепу не заметят свисающей лестницы и съездившихся людей? Погальдят и разойдутся на свои посты?

Однако уже в следующий миг стало ясно, что отпущенный на сегодня лимит удачи компания беглецов исчерпала до дна.

— Эй, кто к девкам в город бегал, а лестницу втянуть за собой позабыл? — гаркнул командный голос. — Со всем распустились, сыны свиньи. Убрать неме... эй, это еще кто? Тревога!

Сидевший рядом с Сержем Хайме издал низкий, горловой звук, похожий на урчание большой кошки, и длинным прыжком бросил себя вперед, в темный людской ком. Тонко и противно лязгнуло железо о железо, кто-то истошно завизжал.

Казаков застыл в классической «шерифской» стойке, водил стволом, не решаясь спустить курок. Сбившиеся в бесформенную многоногую и многорукую кучу тени были неразличимы — а ну как подстрелишь Хайме? Проклятье, сколько их там — пятеро, шестеро?..

Плотный человеческий ком распался на несколько фигур, разлетевшихся в стороны. Одна, шатаясь и хрипя, сложилась пополам и упала. Вторая, высокая и широкоплечая, наотмашь полосуюя воздух мутно блестящим лезвием, с устрашающим рыком надвинулась на проворно ускользающий в сторону узкий силуэт. Крутясь на месте, Хайме ловко отмахивался позаимствованным коротким мечом. Двое других приплясывали вокруг, но нападать не отваживались, зато орали как резанные, призывая подмогу. Еще один, вывалившись из общей схватки, опрометью бросился мимо застывшего Казакова к лестнице, ведущей в недра башни, и барон де Шательро совершенно машинально выстрелил.

Выстрел шарахнул громко, раскатисто — молотком по листу фанеры. Стражник, словно получив промеж лопаток ломом, покатился по камням. Казаков развернулся на каблуках и спустил курок еще трижды, как на соревнованиях по скоростной стрельбе. Следующий миг растянулся в восприятии Казакова замедленной съемкой, картинкой «slow-move», будто в компьютерной игре-стрелялке, до которых лейтенант был весьма охоч. Только сейчас все было по-настоящему.

Дважды он попал. Один раз — промахнулся. И кое-чего не учел, а именно — того, что Хайме де Транкавель, при всем своем хладнокровии, тоже никогда прежде не слышал пистолетной стрельбы.

Двоих крикунов швырнуло навзничь, третья пуля ушла «в молоко», а Хайме машинально дернулся на грохот и вспышки выстрелов. Лицо у него было азартно-недоуменное. Таким же оно осталось и тогда, когда длинный клинок лимассольского стражника, продолжая замах, косо чиркнул Хайме де Транкавеля по горлу. Без звука Хайме опрокинулся назад и полетел вниз со стены, на щербатый булыжник внутреннего двора.

Казаков завопил не своим голосом и тремя пулями вбил в стену последнего стражника. Огляделся — в замковых бойницах там и сям мелькали огоньки факелов. Заткнув пистолет за пояс, Сергей перемахнул через стену, мухой слетел по лестнице, не чуя боли в ободранных ладонях. Четыре женщины стояли под стеной, схватившись за руки, рядом бесполезно топтался английский шевалье. Ближайший причал и ближайшая лодка были совсем рядом — но от пристани грохотала сапожищами дюжина лимассольских гвардейцев.

Пять пар перепуганных глаз тарасились на Сержа де Шательро, а тот давился собственным языком, не зная, что им сказать, и чувствуя мерзкую, непреходящую дрожь. Никогда прежде, даже в лишившемся управления и падающем вертолете, даже во время штурма кре-

постной башни Мессины, ему не было так страшно и противно.

Несгибаемая мадам де Куртенэ вдруг метнулась к Сержу и закатила ему звонкую оплеуху, мигом приведшую отважного освободителя в разумение. Казаков глянул осмысленно и бешено — на причал с лодками, на набегающих стражников, на столь близкую и желанную свободу, маячившую всего в паре кабельтовых парусами с крестом.

— Ничего, прорвемся, — процедил он сквозь стиснутые зубы, вскидывая пистолет.

Патронов у него еще оставалось много. Стражников было меньше.

* * *

За сотни миль от благодатного Кипра, на землях провинции Лангедок, неподалеку от розовых крепостных стен Тулузы, раскинулся огромный, не ведающий сна и покоя шумный военный лагерь.

В одной из сотен палаток, украшенной висящим над входом светлым знаменем с изображением двух переплетенных треугольников, черного и белого, бушевали нешуточные споры и строились великие планы на будущее. Но участники затянувшегося далеко за полночь совета недавно разошлись, а законный владелец шатра все не мог успокоиться. Рассматривал лежащие на походном столе карты, перелистывал какие-то записи, ходил из угла в угол, крутя в руках подвернувшийся кинжал.

Беренгария Наваррская когда-то самоуверенно сочла Тьерри де Транкавеля унылым и неинтересным. Конечно, по сравнению с более яркими и привлекательными братьями он смотрелся довольно тускло. Малоподвижная скуластая физиономия, рассеянный взор и полнейшее нежелание соответствовать образу благород-

ного шевалье из знатного рода. Эдакий разочарованный книжный червь, всецело погруженный в собственные мысли. Все это, бывшее частью созданной Тьерри маски скучающего недотепы, постепенно уходило в небытие. Он расставался со своим прошлым, становясь иным человеком и спокойно глядя в лицо судьбе. Он сумел сделать то, что не удалось его предкам — объединил и поднял Юг. Еще несколько дней, и собранная им армия двинется на север, в Иль-де-Франс, возвращать утраченное шесть веков назад законное наследие.

Все шло, как было задумано. Однако сегодня Тьерри из Ренн-ле-Шато, будущий король, весь день не находил себе места.

Нить, тонкая бирюзовая нить, убегавшая за горизонт и связывавшая воедино единокровных братьев Транкавель. Нить дрожала чрезмерно натянутой тетивой, вынуждая мысли путаться, делая Тьерри косноязычным и рассеянным. Соратники косились на него с удивлением, а он боролся с подступающей к сердцу тревогой и дурнотой. Только бы дотянуть до рассвета. Если ничего не случится, значит, опасность миновала. Он ведь сколько раз предупреждал Хайме. Настойчиво втолковывал взбалмошному юнцу о необходимости к определенному дню вернуться в Ренн. Здесь он сумел бы защитить младшего брата.

В глухой предрассветный час нить с тихим, печальным звоном лопнула. Зажмурившийся Тьерри попятился, ощупью нашарив походную лежанку, и тяжело опустился на нее. Довольно долгое время он сидел, не открывая глаз и медленно раскачиваясь взад-вперед. Сомкнутые кулаки спокойно лежали на коленях, на безымянном пальце левой руки тускло искрился в кольце желтый топаз.

«Тридцать первое октября, — в который раз повторял он про себя. Тяжесть на сердце, горечь на языке. Тупая, удушающая боль непоправимого. — Наши пред-

ки-язычники верили, сегодня распахиваются незримые двери и божества сходят на землю. Они вышли из тьмы веков и взяли то, что им причиталось. Весы раскачиваются, расплата неизбежна. Я убил Тень, сочтя, будто ее смерть принесет мне выгоду. Обитатели Серого замка забрали живой прообраз, Хайме. Будь он проклят, Дар Транкавелей. Будь проклят я — за то, что в тот день не задумался о последствиях. Всего месяц назад нас было четверо — четверо наследников фамилии Транкавель. Теперь остался только я. Бланка выбрала свою дорогу и ушла. Рамон, ужас нашего рода, сгинул в Камарге. Хайме, наша надежда, погиб. Я даже не знаю, где его настигла смерть. Я один. Один перед небом и землей».

За холщовой стеной шатра голосисто и звонко пропела труба, отмечая наступление нового дня.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Скачки с препятствиями

Ноябрь — середина декабря.
Лимассол, Епископи, Пафос

Гунтер фон Райхерт, несостоявшийся историк, бывший пилот бомбардировщика эскадрильи ВВС Третьего рейха, с каждым днем все больше разочаровывался в своей высокой миссии.

Собственно, и миссии-то никакой не предвиделось. Он, человек будущих времен, оказался тут, в любимом им когда-то Средневековье, совершенно не при делах. Силы Света и Тьмы который месяц ничем не напоминали о себе, бросив обер-лейтенанта фон Райхерта на произвол судьбы. Друзья и соратники отдалились, занятые насущными делами и проблемами. Верный Люфтваффе, «Юнкерс-87 В2», тихо ржавел в неприметном овраге на склоне подернутой осенним золотом Этны.

Перед отплытием с Сицилии мессир Райхерт выкроил пару дней, совершив в одиночестве вылазку в захолустную деревушку Джарре. Самолет, неоспоримое и наглядное доказательство того, что жизнь в двадцатом веке не пригрезилась Гунтеру во сне, стоял на прежнем месте, накрытый маскировочной сетью и пожухлыми ветками. Бомбардировщик существовал, бесполезный и бескрылый, с пустыми и высохшими топливными баками. Но, даже если бы имелся запас бензина, только ненормальный попытался бы взлететь, разбегааясь по кочковатому и каменистому склону. Через два десятка метров крылатая машина клюнула бы носом, зарылась перекошенным крылом в землю и с грохотом развалилась на груду деталей.

Мессир фон Райхерт вскарабкался в кабину. От прошедших дождей плексигласовый колпак стал мутным и грязным. Былой авиатор посидел перед приборной доской, рассеянно глядя на тусклые циферблаты, застывшие стрелки и неподвижные рычаги, пальцами выбивая на подлокотнике кресла мелодию марша «Стальные крылья». Выбрался наружу, тщательно поправив маскировку и зачем-то проведя рукой по символу эскадры StG1 на обшивке — задорному черному петушку на желтом с красными уголками щите. Теперь это прошлое. Ушедшее навсегда. Откуда-то пришла уверенность, что ему никогда больше не доведется поднимать «Юнкерс» с бортовым номером из двух счастливых семерок в небо. Самолет останется тут, на Сицилии. До того несчастливого дня, когда на него наткнутся местные крестьяне и спалят жуткое железное чудовище от греха подальше.

Вздыхнув, обер-лейтенант подошел к привязанной неподалеку лошади, запрыгнул в седло и уехал, запретив себе оглядываться. Бесполезно сожалеть, бессмысленно надеяться, что все вернется на круги своя. Отныне он — барон Мелвих, владелец не приносящего дохода манора на севере Шотландии, небогатый дворянин без сюзерена

и формальный крестоносец. Именно теперь, спустя несколько месяцев после начала лихой эскапады, Гунтеру пришло в голову, что никто из распавшейся компании не прошел официального обряда посвящения в пилигримы, с публичным вручением креста, посоха и сумы. Впрочем, в армии Ричарда хватало «крестоносцев без креста», не принимавших обета и примкнувших к походу либо в надежде на богатую добычу, либо искренне желающих освободить Иерусалим из рук неверных.

Трудный морской переход Мессина — Кипр дался Гунтеру несколько легче, чем его приятелям. Тяжеловесный и тихоходный неф «Святая Клеменция», где собрались уроженцы Великой Римской империи, еще в самом начале плавания оказался в арьергарде эскадры. Появившийся на пути Крит предусмотрительный капитан «Клеменции» обогнул не с юга, как поступило большинство спешивших вслед Ричарду кораблей, а с севера. Гористый остров прикрыл неф от налетевшего из Африки свирепого шторма, разметавшего армаду крестоносцев от Родоса до Анталийского залива.

К берегам Кипра мессир фон Райхерт и его соратники по плаванию прибыли почти с трехдневным опозданием. Зато судно пребывало в целости и сохранности, пассажиры не маялись жестокими приступами морской болезни, и ни одна из размещенных в трюме лошадей не пала от жестокой качки.

Правда, все любопытное на Кипре произошло без них. Гунтер застал самый финал драмы: воссоединившихся после разлуки венценосных супругов, ударившего в бега кипрского деспота и высадившихся в Лимасоле крестоносцев. Цитадель сопротивлялась недолго, после бегства Исаака Комнина открыв ворота франкам.

Это историческое событие произошло утром, за несколько часов до того, как «Клеменция» бросила якорь в тесной гавани рядом с другими кораблями крестоносной флотилии. Бурлящий, встревоженный, наполнен-

ный сходящими на берег чужаками городок передавал из уст в уста слухи о проявленной Ричардом Львиное Сердце доблести и отваге, и о том, как была вырвана из рук врагов прекрасная Беренгария Наваррская.

«Ну конечно, чего еще ожидать от Ричарда, — брюзжал про себя фон Райхерт. — Он, как всегда, готовый персонаж рыцарского романа. Весь в белом, безупречен, бесстрашен и безденежен. Но что такое приключилось с Беренгарией? Исторически, если мне не изменяет память, она, дрожа от страха, просидела неделю на своем корабле посреди гавани, а Комнин ежедневно слал к ней послов с дарами, уговаривая сойти на берег».

Лимассол оказался слишком мал, чтобы вместить почти двадцатитысячную армию освободителей Гроба Господня. Крестоносцы разбили лагерь на окрестных холмах, расцветив их пестрыми флагами с множеством гербов, палатками и круглыми шатрами. Само собой, не обошлось без грабежей, насильственного отчуждения собственности и срочной реквизиции найденных сокровищ на пользу великого богоугодного деяния.

Денежных средств обер-лейтенанта вполне хватило бы на то, чтобы снять пристойное жилье в городе и нанять парочку слуг — ухаживать за лошадью, готовить еду и обслуживать господина барона. Тем самым он избавлялся от необходимости толкаться вместе со всеми в переполненном лагере. Но душевная апатия, завладевшая мессиром фон Райхертом, сделала его равнодушным к бытовым неурядицам. Даже жизнь в казенном шатре, рассчитанном на пятерых благородных шевалье и их прислугу, казалась вполне сносной.

Средневековое бытие в своем обыденном облике ничуть не отличалось от жизни любой армии, размещенной на открытом воздухе. Круглосуточно дымящие костры, вонь жарящегося мяса, ржание лошадей и окружающее этих полезных животных благоухание. Сотни раз пересказанные анекдоты и сплетни, споры из-за за-

держанного жалованья и невыплаченных долгов. Неизменная толпа рядом с шатром ростовщиков-ломбардцев, где закладываются и перезакладываются взятые в Поход фамильные реликвии, трофейные драгоценности и парадные доспехи с золотой насечкой. Может, где-то и существовали те светочи духа, создававшие богословские трактаты, намного опередившие свое время, но в Третьем Крестовом походе они точно не участвовали. Скорее всего, ученые мужи пребывали в уютных и хорошо укрепленных монастырях, беседуя по вечерам у горящего камина с такими же философами от религии.

«В монастырь податься, что ли?»

От тоски и безделья Гунтер скучал и тихо зверел. Сопратники по великому Походу, даже те, чей возраст приближался к солидной дате в тридцать и сорок лет, вели себя, точно хвастливые подростки тринадцати-четырнадцати лет. Мессир фон Райхерт никак не мог взять в толк, притворяются они или в самом деле таковы. Все указывало на то, что ни о каком притворстве здесь и речи не заходило. Его сотоварищи были истинными детьми Средневековья — жестокими, чрезмерно религиозными и догматичными, охотно верящими любой чепухе, сказанному слову и данному обещанию. Благородные шевалье отправились спасать свои души и вызволять Гроб Господень из рук неверных, а все остальное их мало занимало. Гунтеру казалось, его занесло в огромный бивак скаутов-переростков. Энергичных, говорливых и не видящих дальше собственного носа.

К тому же германца навязчиво беспокоила еще одна проблема — отсутствие подходящего женского общества. Собственно, женщин в лагере хватало. Гулящие девки из любого города на побережье Средиземного моря — европейского, сарацинского или иудейского. Невесты, сопровождающие женихов-крестоносцев, и почтенные матроны, отправившиеся в дальнее паломничество вместе с воинственными супругами. Возникшие невесть

откуда ахайские и византийские леди, подходившие под определение «гетер» — миловидные, приятные в общении и весьма высоко ценящие свои услуги.

Флирт с замужней дамой или нареченной какого-нибудь рыцаря Гунтера не прельщал. В таком многолюдном месте полно любопытных глаз и доносчиков. Не хватало еще влипнуть в скандал, став жертвой разъяренного супруга, превратившегося из крестоносца в рогоносца. Дешевыми девицами обер-лейтенант, потомок старинного рода, брезговал. Не говоря уж о том, что любая из них прятала под юбкой целый букет заболеваний, могущих привести в этом необразованном времени к скоропостижной кончине. Или, что было бы еще хуже, к долгой и мучительной агонии.

Оставались куртизанки. Свести близкое знакомство с дамой полусвета шевалье фон Райхерту мешала врожденная немецкая экономность. Знакомство подразумевало достаточно длительную связь и денежное содержание подруги. Гунтер уже вволю наслушался историй о том, как очередная «византийская патрикия» ловко лишила графа такого-то и барона сякого-то фамильного состояния. Лучше уж в одиночестве, зато с сохраненными деньгами, которые позже пойдут на обустройство заслуженного земельного владения.

«Может, продать этот грешный Мелвих? — размышлял неудачливый шотландский барон. — Или выменять на что-нибудь более пристойное, в Аквитании или Лотарингии? Только где сыскать идиота, готового обзавестись десятком акров каменистой земли на северном побережье Шотландии?»

Жизнь, еще недавно бившая ключом и сулившая захватывающие приключения, оборачивалась стоячим болотцем.

Спустя несколько дней после высадки и захвата Лимассола пришло известие о том, что Исаак Комнин вкупе с небольшой дружиной и императорской казной укрыл-

ся в Епископи, небольшой римской крепости в двадцати лигах к западу от гавани. Кликнув верных сподвижников и не имея терпения дожидаться, когда неповоротливая армия сдвинется с места, Ричард умчался преследовать коварного деспота.

Взять цитадель с наскоку не удалось. Высокие стены и крепкие ворота Епископи оказались не по зубам горстке европейских рыцарей. Беглый император прислал гонца с посланием и предложением мирных переговоров. Львиное Сердце, действуя в своем излюбленном стиле «благородного короля-рыцаря», повелел казнить вестника, а письмо демонстративно сжечь перед воротами крепости.

Из Лимассола по прихотливо извивающимся горным дорогам доползло подкрепление. Изнывающий от затянувшегося стояния под стенами Ричард немедленно учинил штурм, закончившийся для крестоносцев досадной неудачей. Комнин повторил попытку договориться. На сей раз под давлением советников английскому венценосцу пришлось согласиться.

Брызгая слюной и рубя воздух латной перчаткой, Львиное Сердце требовал почетной сдачи врага и торжественной передачи Кипра в руки европейцев. Ромей имел нахальство отстаивать свою непричастность к Мессинскому пожару, ехидно предлагал оплатить издержки Ричарда в Крестовом походе и намекал, что доблестные паладины перепутали маленький Лимассол с Иерусалимом. Усугубляя политическую неразбериху, за деспота неожиданно вступилась ее величество Беренгария. Ричард попытался указать супруге, что женщине не следует вмешиваться в дела, ее не касающиеся, и получил прилюдный должный отпор. Свидетели шумной семейной сцены немедленно разнесли слух о том, что Львиное Сердце заполучил в жены вторую Элеонору Аквитанскую, только куда моложе и острее на язык.

Переговоры закончились ничем, ибо следующим же

вечером Комнин призрачной тенью улизнул из Епископии, объявившись севернее, в Пафосе. Рассвирепевший Ричард ринулся вдогонку... и все повторилось сызнова.

За полтора прошедших месяца Исаак Комнин сменил уже четвертое убежище, повсюду разыгрывая один и тот же сценарий. Он скрывался, франки настигали его и громогласно, под рев труб и стук барабанов, вызывали на честный бой. Киприот под благовидным предлогом отказывался. Крестоносцы штурмовали крепость, чаще всего — неудачно. Наступала очередь переговоров — и, когда накал дипломатических страстей становился невыносимым, киприотский базилевс вновь исчезал, запасливо прихватывая с собой внушительный обоз и сказочную казну, которой мечтал завладеть Ричард.

Деспот наверняка мог бы нанять корабль и тайком покинуть остров, но почему-то не делал этого, упрямо продолжая злить англичанина и перебегать из одного замка в другой.

Мысленно вороша страницы летописей и исторических изысканий, мессир Райхерт пытался найти логические обоснования для подобного поведения. Однако прочитанные им в XX веке материалы вопиюще противоречили друг другу, и Гунтер по-прежнему оставался в недоумении: зачем Комнин рискует своей драгоценной шкурой? Ромей надеется достичь перемирия с франками или уповает, что Ричарду надоест мотаться по Кипру в поисках ускользающего противника и тот уберется в Палестину? Всем известно, если Львиное Сердце не получает желаемого сразу — будь то крепость, женщина или золото, — англичанин быстро охладевает, теряет интерес и устремляется на поиски нового приключения.

Крестоносная армия тем временем обращалась в аморфное, на глазах распадающееся скопище людей. Энтузиазм, вспыхнувший среди крестоносцев при известии о том, что Святая Земля совсем рядом, рукой подать, постепенно сходил на нет. Мирная жизнь на цве-

тущем Кипре многим казалась куда приятнее, нежели война с сарацинами в недосыгаемой покуда Палестине.

Меньшая часть крестоносного воинства кочевала по горам и долам Кипра вслед за неумным Львиным Сердцем, преследуя Комнина. Бóльшая обосновалась возле Лимассола, чудесным образом превратившегося из захолустного приморского поселения в обширный город. Французская армия, наиболее сплоченная, организованная и почти не участвовавшая в стычках, перебралась к соседнему городку Колосси, без труда и особого сопротивления захватила его и расположилась в тамошней крепости, ставшей резиденцией Филиппа-Августа. Сей достойный муж с схиством взирал на эскапады Ричарда, не забывая всякий раз после очередной неудачи англичанина прислать ему длинное сочувственное послание.

Прослышав о длительной задержке крестоносной армии, на Кипре немедля объявились торговцы из Генуи, Киликийской Армении и близлежащего Триполи. Лишенный правителя и ставший фактически ничьим остров нуждался в управлении. Недолго думая и вспомнив собственную клятву в Мессине, Ричард объявил, что дарует Кипр («Еще толком не завоеванный», — язвительно уточнил про себя фон Райхерт) своей драгоценной супруге. Во исполнение обещанного и в ознаменование того, что к грядущей Пасхе царственное семейство ожидает приплода.

Беренгария милостиво приняла подарок. К общему удивлению, молодая королева подыскала себе с десятков помощников и принялась рьяно наводить порядок.

Странно, однако ни мессир Казакофф, ни Гунтер фон Райхерт, ни Мишель де Фармер в число новых приближенных ее величества Беренгарии не вошли. Гунтер заподозрил, что наваррка нарочно оборвала прежние знакомства и более не желает видеть бывших друзей. Ибо они вольно или невольно могут напомнить ей о том, кого она утратила.

Мимолетный и стремительный роман Сержа де Шательро и наваррской принцессы, ныне английской королевы, прервался в день драматического бегства из Лимассольской цитадели и нелепой гибели Хайме де Транкавелия. Гунтер мог только строить предположения о том, что произошло на стене крепости. С Беренгарией он больше не сталкивался, Казаков в ответ на осторожный вопрос скривился и предложил заглянуть в ближайшую таверну, помянуть Хайме. Стороной фон Райхерт признал, что «польский дворянин» настойчиво добивался встречи с Беренгарией, но ему вежливо отказывали.

Когда Сержа в очередной раз выставили за дверь, русский заявил, что намек он понял. «Разошлись, как в море корабли!» — с фальшивой трагичностью провозгласил он, в тот же вечер устроив грандиозную попойку и драку в таверне. Райхерт же озадачился вопросом, от кого все-таки умудрилась понести прекрасная и ветреная наваррка: от собственного венценосного супруга, давнего поклонника Хайме или Сержа? Германец был склонен поставить на уроженца Ренн-ле-Шато и посочувствовать Беренгарии, так неожиданно лишившейся верного паладина.

Говоря по правде, русскому было грех жаловаться. Романтически-лихое спасение Беренгарии повлекло за собой дождь королевских благодеяний и благодарностей. Досадный инцидент на мессинской улице, когда Казаков умудрился приложить Ричарда Львиное Сердце физиономией о мостовую, благополучно предали забвению. Барон де Шательро получил место при дворе, кругленькую сумму в золоте и возможность по собственному усмотрению выбрать лен в пределах Кипра — когда оный остров окончательно перейдет под руку Ричарда. Спасенные фрейлины наперебой рассказывали о невероятном героизме польского дворянина и английского шевалье, сокрушаясь о безвременной кончине третьего

участника событий, отважного Хайме де Транкавеля из Лангедока, и самое малое полдюжины менестрелей уже состязались меж собой на предмет, кто сложит о героическом побеге лучшее лэ. (Ни один из них, верно, не пел о том, о чем рассказывал Казаков Гунтеру, когда они наконец остались наедине. Ни о трех полных магазинах «Тоцкого», которые Казаков выжег по стражникам, куда Тедди с женщинами спускали на воду лодку; ни о том, как беглецы на хлипкой рыбацкой лодчонке выгребали против ветра, а благородные дамы в бешеном темпе вычерпывали стремительно прибывающую воду со дна шлюпки; ни о том, как вконец ополоумевшая погоня принялась садить из луков, и, когда стрела раздробила шевалье Чиворту локоть, его весло подхватила мадам де Куртенэ; ни о том, как чистым провидением спасся сам Казаков — он потом демонстрировал Гунтеру разряженный «Панасоник» с намертво застрявшим в нем кончиком стрелы...)

Незамедлительно после получения всех указанных милостей Серж де Шательро навестил в приватном порядке своего недавнего патрона, мессира Ангеррана де Фуа. (Тут надо сказать, что остававшиеся в «гостях» у Комнина свитские Беренгарины не пострадали совершенно. После того, как самая ценная птичка с легкой руки барона де Шательро и покойного Хайме де Транкавеля покинула золоченую клетку, остальные пленники как заложники немногочисленные стоили. Закрыться ими от ричардова нашествия не представлялось возможным, казнить не было решительно никакого смысла — на что и рассчитывали, планируя свою авантюрную эскападу, заговорщики, — так что все они, несколько ошалевшие и отошавшие, но в полном здравии, были извлечены из узилища в день взятия лимассольской цитадели.) Беседа за закрытыми дверями была краткой, но явно бурной, и после нее Казакофф выглядел совершенно довольным, а Ангерран де Фуа пребывал — мягко выражаясь — в бе-

шенстве. На этом, натурально, их недолгое сотрудничество и завершилось.

Деньги предприимчивый Серж немедленно обратил в заемное письмо Ордена Храма, заявив, что чекам доверяет больше, а хранить их не в пример легче, чем мешки с драгоценными камнями. К придворным обязанностям русский относился наплевательски — да и двор Львиного Сердца постоянно кочевал с места на место.

К крайнему удивлению мессира фон Райхерта, хамоватый и нахальный пришелец из ХХI века умудрился сдружиться с Бертраном де Борном, менестрелем и обладателем двусмысленной репутации очень близкого друга его величества Ричарда Английского. Казалось, трудно было представить две столь разительно несхожие личности, как Серж и шевалье де Борн. Однако странноватая парочка быстро нашла общий язык — язык издевательства над обществом.

Их последняя совместная выходка повергла герра фон Райхерта в шок, а крестоносную армию поразила грехом азарта и разорения.

Барон де Шательро и Бертран ввели в обращение карты. Обыкновенную и привычную для ХХ и ХХI веков, но еще не виданную в веке XII колоду из пятидесяти двух листов. Гениальная идея осенила, разумеется, Сержа — однажды тот стал свидетелем игры в местные карты, тарок, ведущие начало от египетских гадальных карт. С их таинственными «чашами», «мечами» и «пентаклями» в качестве мастей, символическими фигурами и запутанными правилами. Любопытный русский провел небольшое исследование, гнусно хихикнул и совершил вояж в лавку, торгующую пергаментом. Там он приобрел несколько листов телячьей кожи в размер «ин фолио» и собственноручно искромсал их кинжалом на потребное количество частей.

Изображения на листках нарисовал Бертран, которому идея мессира Сержа показалась весьма занимательной.

Окончив труды праведные, развеселый дуэт прямым ходом отправился в ставку Ричарда. Где продемонстрировал диковину всем знакомым и приятелям, заявив, что это — традиционное арабское развлечение. Просто и легко. Смотрите и запоминайте. Каждый игрок получает по пять карт, вот эту назначаем козырем, мастей всего-навсего четыре, туз старший, двойка младшая... Вот это — «покер», вот — «очко», а вот так будет «преферанс»...

Зараза распространилась, как пожар в сухостойном лесу. Она не миновала никого — от конюхов и рядовых копейщиков с лучниками до высокородных свитских его величества. Традиционные кости-зернь были забыты. Любой перевернутый бочонок становился игорным столом. Вокруг него мгновенно сплывались отважные воители с хищным блеском в глазах, тискающие дрожащими пальцами последнюю серебряную монетку. Появились жертвы карточного поветрия, уныло кланчившие в долг «до спасения Иерусалима» или трагическим шепотом просящие места в шатре и возможности доесть остатки из общего котла. Предприимчивые еврейские и итальянские торговцы срочно скупали запасы пергамента и нанимали искусных рисовальщиков для изготовления новых колод.

Ужаснувшийся фон Райхерт изловил Казакова, возопив: «Зачем вы это натворили?»

— Да только глянь, какое зрелище! — довольно ухмыльнулся собрат по путешествиям во времени. — Блистательные вельможи расписывают «пулю» вечером! Здоровенные рыцарские лбы на последний грош режутся в «очко»! Абсолют абсурда! Ну согласишься, смешно же!

— Мне — не смешно, — отрезал обер-лейтенант. — История — не полигон для сомнительных развлечений. Ты даже не задумываешься, что вытворяешь и чем это может обернуться в будущем!

Прищурившись, Серж посмотрел на германца так, будто у того выросли крылья или прорезался третий глаз во лбу.

— Скучный ты тип, барон фон Мелвих, — категорично заявил русский. — Тоскливый. Сидишь, как сыч на суку, ожидаешь великого дела. Которого нет и не предвидится. Я ведь говорил — ошибочка вышла. Миру требуются истинные герои, а прислали нас с тобой. Подружку себе заведи, что ли. Увидишь, сразу жить веселее станет.

— Серж, ты...

— Я, я, натюрлих. И будь добр, впредь не зуди и не читай мне нравоучений, ага? Велено ассимилироваться, я и стараюсь, как могу. Между прочим, куда успешнее тебя. Мне всего двадцать пять, а уже барон. Глядишь, скоро в графья с князьями пролезу. Королеву вон сперва куртуазно поимел, а потом спас от лютой участи. Почему не поразвлечься малость на досуге, благо есть возможность? Я ведь не подучиваю здешних алхимиков сострять порох и не нашептываю Ричарду, какую новую глупость сделать. Ты вспомни, мы ведь так досконально и не выяснили, тот это XII век, который мы изучали в своем времени, или теперь уже совершенно другой!

Самое обидное, что самонадеянные рассуждения Казакова вполне могли лежать недалеко от истины. Карьерные успехи русского вызывали у мессира Райхерта плохо скрываемую зависть. Похоже, Серж был из числа прирожденных лидеров и любимчиков удачи, а он, Гунтер из Райхерта — всего лишь добросовестным исполнителем, напрочь лишенным предприимчивости. У германца имелся неплохой шанс проявить себя по время осады Мессины и вылазки через подземный ход, но, как честно признавал Гунтер, он не сумел использовать эту возможность.

Ближе к середине декабря Исаак Комнин и его небольшое войско объявились в Никосии, крупном торговом городе в центре острова. Пробыли они там один-единственный день, пополнив запасы и перепугав жителей, после чего улизнули в какой-то из близрасположенных

горных замков. В какой именно, доселе оставалось невыясненным.

Получив донесение, неугомиый Ричард Львиное Сердце кинулся следом.

Мессир фон Райхерт в кои веки решил присоединиться к небольшой армии Ричарда, вышедшей из Лимассола в Никосию. Довольно быстро ему удалось сыскать и подходящую компанию попутчиков. Формально бывший обер-лейтенант приносил оммаж шотландскому принцу, став подданным маленького государства в составе Британии. У шевалье Райхерта даже дарованный свыше герб имелся, серебряный ворон в лазоревом поле. В минуты душевного расстройства Гунтер находил, что полученный герб весьма символичен. Белая ворона в любом веке остается белой вороной.

К сдержанному неудовольствию германца, безвылазно околачивавшийся в Лимассоле Казаков тоже возжелал походной романтики. В отличие от фон Райхерта, русский и его новый приятель де Борн отправились в недалекое путешествие со всеми возможными удобствами — в поместительном фургоне королевского обоза. Жизнерадостная парочка умудрилась еще и приятельниц с собой прихватить, лимассольских куртизанок. Чтоб не скучать в дороге, надо полагать.

15—20 декабря.

Никосия и окрестности

Для простодушных и буйных нравом подданных Эдварда Шотландского война стала прекрасной возможностью совершать подвиги, а затем многословно и красочно бахвалиться ими друг перед другом. Заодно кельты не упускали случая разжиться трофеями (захватив оные в честном бою, выменяв или просто стянув), подпалить что-нибудь и устроить добрую тризну в честь достигнутой победы. Если же одержать победу не удавалось, гулянка

была призвана подсластить горечь поражения и послужить подъему боевого духа в следующем сражении.

В общем, доблестные шотландские воины ничем не отличались от прочих рыцарственных собратьев по оружию. Разве что управляющий Никосии их единственных из всей армии Ричарда вежливо попросил удалиться из города и подыскать место для лагеря где-нибудь неподалеку. Иначе, мол, добрые горожане пугаются, думая, что Никосию захватили язычники-варвары. У одной почтенной матроны, пребывавшей на сносях и вечером столкнувшейся в переулке с тремя отважными крестonosцами, случился выкидыш. А из десяти городских трактиров уцелели только три, самых захудалых и расположенных на окраине.

Шумно возмущавшиеся скотты не рискнули возражать собственному правителю, принцу Эдварду, собрали невеликий скарб и перебрались за городские стены. Там они привычно растянули несколько десятков холщовых палаток, сколотили и расставили под навесами деревянные столы, соорудили коновязь, на чем сочли устройство бивака законченным. По исконной горской неприхотливости в большем они и не нуждались.

К навязавшемуся в соратники германцу уроженцы королевства Шотландского относились с дружелюбной снисходительностью. Охотно приглашали за общий стол — отчего Гунтер изрядно сократил свои расходы на пропитание, — делились свежими новостями и зазывали наведаться как-нибудь в дареный Мелвих.

— Ребята шумные, но компанейские, — высказался Казаков, заявившись как-то поведать германца. — Смахивают на ораву поклонников экстремального вида спорта. Альпинистов там, парашютистов или напроочь свихнувшихся автогонщиков. Только у них увлечение — война и пьянки. Я на них Берти натравлю. Мы как раз новую балладу состряпали. Невыносимо мрачную и готишную. Им наверняка понравится.

— Вы что, уже и баллады вместе сочиняете? — устало поразился мессир фон Райхерт. Тому, что Бертран де Борн превратился в устах русского в «Берти», он не удивился. Серж обожал сокращать вычурные имена своих знакомцев. В особенности от него досталось Плантагенету, ибо Казаков в частных беседах не величал английского короля иначе, чем Полоумный Рыцарь Дикки. Трепет перед выпестованными и историческими личностями в нем отсутствовал начисто.

— Угу, — хмыкнул Серж. — При всем таланте Берти недостает полета фантазии и свеженьких идей. Знаешь, возникает до чертиков интересный эффект, если переложить песни моего времени на здешнее наречие и здешние понятия. С аналогиями, правда, тяжело, но ничего — выкручиваемся.

Представив возможный итог эдакого совместного «творчества», Гунтер тихо ужаснулся. Как показало будущее, германец был абсолютно прав.

Исполненная мессиром де Борном сирвента на первый взгляд ничем не отличалась от избитых средневековых сюжетов. Отважный рыцарь собирается в поход на дракона и храбро преследует мерзкую тварь. Все бы ничего, кабы не последний куплет, где выясняется, что рыцарь и дракон есть одно существо, проклятое и обреченное столетиями гоняться за собственным хвостом.

В наступившей тишине стукнула о дощатый стол чья-то с силой поставленная кружка. Тихо сидевший в уголке импровизированного трактира отче Лабрайд кротко заметил, что не берется судить светское искусство, однако ж мессиру Бертрану лучше впредь воздерживаться от сложения и исполнения подобных песен. Так сказать, во избежание. Де Борн обиделся на такое неприятие своего таланта, Казаков же легкомысленно махнул рукой: не беда, завтра сочиним новую.

Мессир фон Райхерт, приговоривший уже пятую не то шестую кружку слабенького местного пойла, был

склонен относиться к миру дружелюбно. Как убедительно доказала практика, обильные ежевечерние возлияния были единственным средством примирить обер-лейтенанта с окружающей реальностью. К третьему кувшину Гунтеру становилось все равно, в каком веке он пребывает. Барон Мелвих почти искренне хохотал над рассказами собутыльников, пусть и понимал в них одно слово из пяти.

Пребывая в легкой прострации, германец не сразу сообразил, что напротив него за стол грузно плюхнулся былой сюзерен и повелитель, сэр Мишель де Фармер из герцогства Нормандского. Мишель был уставшим, злым и голодным, аки волк. Здоровенная свиная нога на деревянном блюде перед ним исчезала с невероятной быстротой, под аккомпанемент хруста костей и торопливого чавканья. Жуя, сэр рыцарь королевской свиты умудрялся отвечать на расспросы потянувшихся к их столу кельтов — тем позарез не терпелось узнать последние новости.

«Мальчик-то как вырос, — с умилением, вызванным не иначе как воздействием дурного алкоголя, вдруг подумал мессир Райхерт. — Давно ли я его, засранца эдакого, в канаве от грязи отмывал? И грозного папеньку его, Фармера-старшего, уговаривал не пороть сыночка на конюшне, за грехи его премногие и жизнь бестолковую? Видел бы папаша Александр сейчас своего непутевого старшенького. Рыцарь свиты Его величества Ричарда Английского, поди ж ты! Без доклада не входить, без письменного разрешения не обращаться!...»

— В Липене он, — де Фармер шумно отхлебнул из заботливо подsunутой кружки, — закопался, как клещ в шерсти. На вызов опять не ответил, а штурмовать там... — он не договорил, выразительно скривившись.

Слушатели понятливо закивали, вполголоса переговариваясь между собой. До мессира Райхерга долетали обрывки слов, самостоятельно витавших в воздухе и

никак не желавших складываться в разумные фразы. Мишель с жаром повествовал о коварстве киприотского деспота, для пущей убедительности размахивая в воздухе обглоданной косточкой. Фигуры обступивших рассказчика слушателей странно видоизменялись, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах. Темные силуэты близлежащих гор тоже лихо раскачивались из стороны в сторону. Германец ожесточенно затряс головой, прогоня внезапно навалившуюся сонливость. Если память ему не изменяла, и авторы многотомных трудов по истории Третьего Крестового похода не заблуждались, этой свистопляске и погоне за неуловимым Комниным было суждено длиться еще два или все три года...

«Я же сопьюсь», — обреченно понял мессир Райхерт. Как ни странно, этот довод угасающего разума оказался весьма действенным. Прыгающие горы вернулись на отведенное им место, усыпанный соломой земляной пол и холщовый потолок перестали меняться местами. Гунтеру даже удалось без запинок выговорить:

— Мишель, долго еще вы намерены маяться этой дурью?

— А? — нормандец раздраженно зыркнул в сторону дерзкого злоязычника. На миг Гунтеру почудилось, что де Фармер сейчас вполне серьезно рявкнет: «Сударь, извольте назваться и объяснить!» Однако мгновенное замешательство сгинуло, Мишель признал бывшего оруженосца, буркнув: — Ты это к чему клонишь?

— К тому, что вся ваша погоня за киприотом — сущее безобразие. — В голове мессира Райхерта сделалось легко, звонко и пусто. Нужные слова тяжеловесного норманно-франкского наречия сами собой прыгали на язык. Подавшей неуверенный голос совести было строжайше велено заткнуться и впредь не путаться под ногами. Коли мы сами устанавливаем правила здешних игрищ, так чего маяться в углу и стесняться в средствах? Какому-то русскому прохиндею можно, а ему,

потомственному дворянину, чьи предки упомянуты в Готском Альманахе — нельзя? — Помяни мое слово, вы до следующего Рождества будете за ним скакать да не поймаете.

Короткая энергичная речь вызвала у скоттов одобрителное гудение. Им тоже была не по душе перспектива торчать на Кипре, буквально в шаге от Святой Земли.

— Ты можешь что-то предложить? — насупился Мишель. Удивительное и явленное воочию подтверждение тому, как быстро выросли люди Средневековья. Шалопай и бездельник двухмесячной давности успешно продвигался по пути превращения в достойного и уважаемого члена рыцарского сословия. Даже усы умудрился отрастить — которые, между прочим, ему весьма шли. Однако стоило молодому де Фармеру начать сердиться, и он опять становился похож на прежнего заносчивого и скандального юнца, способного затеять драку в странноприимном доме монастыря или вдрызг проигратися в кости.

— Могу! — самоуверенно заявил барон Мелвих. — Проку с этого, правда, будет немного. Все равно ведь не послушаете. Будете до посинения биться головой в стену, вместо того чтобы поискать обходный путь...

— Ты дело говори, а не каркай! — с тягучим хайлендским акцентом посоветовал некто, неразличимый среди прочих собравшихся.

— Ага, дело, — усилием воли Гунтер заставил себя сосредоточиться и вспомнить текст попавшей как-то ему в руки методической брошюры для служащих «Geheimstaatspolizei», в просторечии Гестапо. — Сколько раз вы уже упускали Комнина, пять или шесть?

Среди слушателей вспыхнул оживленный спор. Гунтер положил ему конец, от души треснув кружкой по столу.

— Да наплевать, сколько раз он уже сбегал! — провозгласил германец. — Я не о том! Мишель, как вы всякий раз поступаете? Предлагаете Комнину выйти в поле

на честный бой, он отказывается, вы штурмуете, он удирает. Почему, спрашивается?

— Потому что сей схизматик от рождения черен душой и не ведает рыцарских законов! — не раздумывая, отчеканил достойный сын своей эпохи.

Мессир Райхерт скорбно вздохнул. Он старался произносить слова медленно и внятно, чтобы до пестрой аудитории дошла хотя бы часть его рассуждений:

— Он удирает, потому что вы оставляете ему лазейки. Войско Ричарда... извиняюсь, Его величества Ричарда в полном составе располагается у входа в замок и долбит в ворота, как мышка в кирпич. Вы ни разу не пытались окружить крепость и отыскать ведущие из нее потайные ходы. Поэтому Комнин умудряется не только смыться, но вывести с собой дружину и обоз. Стало быть, он преспокойно уходит по какой-то дороге. Причем дороге немаленькой, раз конные проходят.

— Э-э... — светло-серые глаза Мишеля остекленели. Бравый рыцарь отчаянно пытался усвоить новые знания. За спиной у Гунтера ожесточенно шушукались и препирались кельты. Похоже, они соображали намного быстрее уроженца Нормандии.

— Имейся у меня возможность, — поневоле загорелся собственной идеей германец, — я б этого Комнина выловил в два счета! Пусть Ричард со своими паладинами и дальше отважно ломится в запертые ворота. Тем временем две — нет, лучше три! — сотни верхами рассыпаются по окрестностям замка, дотошно обшаривая местность на предмет тропок, укромных расщелин и малоезжих дорог. Думаю, не составит труда вычислить, где надо поджидать удирающего Комнина. Учинить засаду, и все трудности решены!..

— Это недостойно, — вяло и без обычной напористости возразил де Фармер.

— Конечно, куда достойнее гоняться два года за самозванным императором по крохотному островку! — в

запале возразил Гунтер, всей шкурой ощущая, что шумное сборище в трактире готово встать на его сторону. Это чувство подсказало ему следующую фразу, оказавшуюся безошибочной: — В то время как Святой Город остается в лапах неверных, крестоносное воинство попусту тратит время и силы на Кипре!

Он перевел дух и разочарованно протянул:

— Да только разве ж Ричард рискнет разрешить что-то подобное? Упрется рогом и поставит нас с нашими стратегическими планами в первые ряды, штурмовать замок.

Простоватое лицо Мишеля выразило напряженную работу мысли.

— То есть будь у тебя отряд, — неуверенно начал он, — ты бы сумел поймать Исаака Комнина?..

— Разумеется, клянусь Господом! — Гунтер запоздало выругал себя за несвоевременный и неуместный энтузиазм. История должна идти своим чередом. Совершенно напрасно некий обер-лейтенант пытается подгонять ее, как заупрямившуюся лошадь. Разговоры ни к чему не приведут. Господам рыцарям ведом только прямолинейный образ действий, а все прочее — от лукавого.

Мессир фон Райхерт не понял, отчего Мишель столь изумленно таращится на своего бывшего оруженосца, и озадаченно спросил:

— Ты чего? Я что-то не так сказал?

— Н-ну, э-э... — замялся нормандский рыцарь. Вокруг предвкушающе шептались и переругивались. — Вообще-то ты только что принес обет, призвав в свидетели Отца нашего...

— Какой такой обет? — германец поперхнулся содержанием очередной кружки.

— Так рыцарский же, — охотно разъяснил бывший сюзерен. — Ты во всеуслышание поклялся изловить коварного ромея!

— Да не клялся я, — быстро пошел на попятный Гунтер, предчувствуя, что вот-вот окажется втянутым в оче-

редную смертоубийственную средневековую авантюру. — Я только сказал, мол, будь у меня под рукой конный отряд и возможность распоряжаться им по своему усмотрению...

— Отказываться от своих слов нехорошо-о, — ехидно-укоризненно протянули рядом на чистейшем английском, тут же повторив на местном наречии: — Очень даже нехорошо. Можно сказать, недостойно. Истинные-то паладины эдак не поступают!..

Мессир фон Райхерт неприязненно скосился в сторону источника звука — за соседним столом восседал ужасно довольный собой барон де Шательро-Казакофф. Шевалье жизнерадостно скалился до ушей, призывая собравшихся высказать справедливый укор безответственному болтуну, позорящему славный род фон Райхертов. Здешнее пестрое сборище было напрочь лишено умения воспринимать иронию как фигуру речи, и Гунтер с ужасом понял — демагогия русского сейчас обретет уйму сторонников. Шуточки Сержа, надо признать, с каждым прожитым днем становятся все более и более дурного пошиба. Кто его за язык тянул, спрашивается?

«А, пропадать — так с музыкой! Вспомнить бы еще теперь, была ли какая-нибудь традиционная формулировка для этих треклятых обетов?..»

— Призываю в свидетели слов моих Всевышнего и всех присутствующих! Здесь и сейчас клянусь своим добрым именем, что... э-э... не будет мне покою ни днем, ни ночью, покуда не возьму в плен злокозненную тварь, Исаака с Кипра! — для пушей эффектности обер-лейтенант от души грохнул кружкой о стол.

Глиняная кружка с треском разлетелась на кусочки. Мишель глядел на сотоварища с нескрываемым уважением, «свидетели» жизнерадостно заорали. Язвительный Серж, обращаясь к собутыльнику и сотоварищу де Борну, творчески развил мысль:

— И не надругаюсь над треклятым ромеем с помо-

щью кола неструганного всеми мыслимыми и немислимыми способами...

Бертран совершенно некуртуазно расхохотался.

— Осталось только придумать, где взять необходимый отряд и как убедить его величество Ричарда в разумности нашей затеи, — уже спокойнее закончил мессир фон Райхерт. — Эй, добровольцы сыщутся?

Кельтская вольница откликнулась мгновенно, дружно и разногласно, убедительно подтвердив, что за желающими принять участие в охоте на беглого императора дело не станет. В первый миг Гунтер оторопел от такого энтузиазма, но припомнил сентенции отче Лабрайда касательно своей буйной паствы, всегда готовой ввязаться в рискованное предприятие.

— Была бы здесь мадам Элеонора, мы бы нижайше попросили ее повлиять на его величество, — изрек де Фармер. — К материнскому совету он бы прислушался...

— А к моему? — задумчиво спросили за спинами германца и Мишеля.

Бравые освободители Гроба Господня и будущие поимщики узурпатора Комнина развернулись почти синхронно. Мишель умудрился зацепить локтем и опрокинуть свою кружку. Гунтер торопливо вскочил на ноги, но зацепился ножами меча.

— Отчего-то кажется мне, господа, что мое скромное мнение покуда что-то да значит, — заявил правитель маленькой, но гордой страны на севере Британских островов, сейчас мало чем отличавшийся от своих подданных — ибо имел привычку разгуливать по лагерю в традиционном плеле. Принц Эдвард Шотландский ободрительно кивнул германцу и завершил свою мысль: — Ваш план, мессир... Мелвих, верно? — кажется мне вполне здравым и разумным. Так что я намерен приложить все усилия к его осуществлению. Начнем прямо сейчас, навестив нашего безупречного воителя. Вы идете со мной, барон.

Стремительно трезвеющий фон Райхерт невольно икнул. Дороги назад больше не было — в здешних временах проще покончить жизнь самоубийством, чем отказать от данного прилюдно обета.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Цепи для базилевса

20 декабря.

Окрестности замка Липена

Утро рокового и судьбоносного дня выдалось холодным, с хрусткой изморосью на холщовых стенках палаток. В низинах скопился плотный серый туман, в котором бесследно растворялись очертания всадника, едущего в двух шагах от тебя. Фыркающие кони смахивали на маленьких драконов, пускающих пар из ноздрей. Не слышно было ни разговоров, ни смешков. Негромко позвякивали железные части на лошадиных сбруях. Несколько десятков подкованных копыт слитно топотали по разбитой поселочной дороге, напоминавшей след, оставленный пьяной сороконожкой. Дорога забиралась куда-то вверх, время от времени два-три человека отделялись от общей массы отряда, пропадая в распадках и узких долинах.

Мессир фон Райхерт, которому минувшей ночью так и не довелось толком вздремнуть, судорожно зевал, мечтая о большой кружке горячего кофе. С кофе мысли сами собой свернули на скользкую тропку размышлений: «Вот окончится Поход, наладим дружеские отношения с арабами, и начнем ввозить кофе в Европу мешками...»

Усилием воли германец заставил себя встряхнуться и кинуть взгляд по сторонам. Бурые холмы в увядшей траве, террасы убранных полей, неизменные корявые оливы, ободранные и дремлющие в ожидании следую-

шей весны виноградники. Зимний Кипр в преддверии Рождества.

Дорога сделала очередной поворот, и головные всадники придержали коней, сворачивая к левой обочине. Кто-то, откашлявшись, сипло известил сотоварищей: «Вон она, Липена».

Очередное укрытие беглого кипрского деспота выглядело достаточно внушительно. Шестиугольная в плане крепостца оседлала вершину небольшого холма с обрывистыми откосами. В восточной части укрепления топорщилась приземистая и толстая башенка-донжон, к ней уступами лепились здания хозяйственных служб. Прищурившись, Гунтер разглядел перемещающиеся по стенам фигурки дозорных и суету во внутренних дворах.

С северной стороны, где к крепости подходила дорога и темнел провал запертых ворот, раскинулся небольшой лагерь франков. Некогда белые, а теперь изрядно перемазанные грязью шатры рыцарей с пестрыми вымпелами, неровные ряды палаток служилого люда и крестоносцев рангом пожиже, коновязи и прочие неотъемлемые атрибуты военного похода. Лагерь, несмотря на ранний час, был весьма оживлен: Его величество Ричард явно задался целью доказать соратникам и противникам, что сегодня — его день. Или до сих пор бесился после вчерашнего, срывая дурное настроение на всех, кто под руку попадет. Мессир фон Райхерт мысленно посочувствовал Мишелю, как рыцарю свиты, вынужденному неотлучно находиться при короле, и нервно зевнул, припомнив вчерашний визит к Плантагенету.

Два месяца беготни за неуловимым Комниным скверно отразились на характере короля-крестоносца, и без того не отличавшегося кротостью нрава. Ричарду хотелось кого-нибудь убить — желательно долго и мучительно. Явление же шотландского союзника с откровенно авантюрным и противоречащим всем законам рыцар-

ской чести планом привело к тому, что из королевского шатра донесся воистину львиный рык:

— Да как вы осмелились предлагать мне — мне! — такую мерзость?..

Мессир фон Райхерт счел свою жизнь, миссию и карьеру законченной. Принц Эдвард преспокойно пропустил недовольство союзника и сюзерена мимо ушей. За сильными мира сего в шатер на редкость вовремя проскользнул мессир де Борн, сумевший убедить своего бешеного покровителя и сердечного друга сперва выслушать посетителей, а уж потом негодовать.

Часа через два Ричард сдался. То ли ему надоело спорить, то ли ужаснула перспектива торчать еще два года на Кипре в виду недостижимой Святой Земли. Король Англии обреченно махнул рукой, тем самым претворив грандиозный план в действие.

И теперь, во исполнение этого замысла, около трех или четырех сотен подданных Эдварда Шотландского рассыпались по холмам, окружающим замок Липену. В точности, как предписывалось достопамятной брошюрой: «Вспомогательные мобильные отряды малыми группами как можно тщательнее прочесывают окружающую местность, уделяя особое внимание заброшенным строениям, оврагам, дренажным канавам, зеленым насаждениям и скрытым коммуникациям...»

Совесть германца по-прежнему упрямо напоминала о том, что не стоило тащить в патриархальный XII век методики века XX, однако усилием воли фон Райхерт заставил ее заткнуться. Комнина все равно поймают, и нет ничего плохого в том, что это случится на год раньше. Тем самым остров Кипр избавится от разорительной необходимости содержать крестоносное войнство, а осада Акки не превратится в позорное безобразие, тянувшееся аж целых три года. Его, мессира фон Райхерта, поступки продиктованы только и исключительно стремлением восстановить историческую справедливость...

В стылом утреннем воздухе плыли надрывные рулады жестяных труб, извещавшие о начале очередного штурма. Штурм под командованием Ричарда Львиное Сердце, несравненного полководца и рыцаря без страха и упрека, разумеется.

Еще один взгляд вниз удостоверил мессира Райхерта, что покамест события развиваются как по писаному. Малая, но красочная горстка рыцарей крутилась под воротами крепости, явно призывая Комнина не быть трусом и выйти сражаться в чисто поле. Комнин ответит им очередным отказом, сославшись на нездоровье, преклонный возраст или обет, запрещающий ему по пятницам брать в руки оружие. Крестоносцы попытаются выбить ворота замка тараном...

Минуло часа два или три. Нехотя выползшее на небосвод тусклое зимнее солнышко разогнало туман, стало немногим теплее. К барону Мелвиху, высочайше назначенному руководить осуществлением замысла, время от времени наведывались гонцы. Смысл принесенных ими сообщений сводился к полному отсутствию новостей. Неподалеку от замка кельты наткнулись на медленно ползущую крестьянскую телегу. Переворошив груз, ничего подозрительного не обнаружили, однако на всякий случай задержали виллана с его имуществом — во избежание, так сказать.

Ощущая себя истинным полководцем, бывший обер-лейтенант сидел на каменистом склоне, подложив под себя сложенную попону, и задумчиво созерцал хлопотливое действо внизу. Для полного счастья ему не хватало только хорошей сигареты. Вот на поле боя появился сооруженный из подручных материалов и установленный на колесах тяжеловесный таран. Под дружные вопли его подкатили к воротам и с размаху грянули по створкам. Отзвук глухого удара долетел даже до холма. С надвратного укрепления принялись швыряться камнями и пускать стрелы, отгоняя развоевавшихся

франков. Мессир фон Райхерт углядел всадника на белом коне, деятельно размахивавшего поблескивающим мечом, и счел, что это — Ричард собственной персоной.

«А если ничего не получится? — прошмыгнула по задворкам сознания подленькая трусливая мыслишка. — Представляешь, как ты тогда будешь выглядеть?»

«Все получится, — прикрикнул на собственные дурные предчувствия Гунтер. — Комнин ускользал от крестоносцев подобным образом уже четыре или пять раз. Если ему не придет сегодня в голову блажь принять вызов и выползти из-за стен, он снова сбежит. Подождем. День только начинается».

...Первыми добычу обнаружили дозорные Мак-Иннесов. Лазутчики безмерно поразились, когда из выглядывшего совершенно невинным скалистого распадка один за другим выползли пять неповоротливых фургонов, запряженных четверками низкорослых местных лошадок и сопровождаемых по меньшей мере полусотней вооруженной стражи. Переваливаясь на камнях и колдобинах, фургоны доползли до проселочной дороги, где остановились, вытянувшись цепочкой. Охранники бдительно палились по сторонам, упустив из виду залегших на вершине холма уроженцев далекой северной страны, о которой здесь и слыхом не слыхивали.

Через задний борт второй повозки прыгнуло несколько человек. Им подвели коней, кто-то довольно громко скомандовал «вперед», и кавалькада неспешно стронулась с места, держа путь на восход.

Между соглядатаями развернулась краткая, но емкая дискуссия на тему: напасть на обоз имеющимися силами прямо сейчас или все-таки послать за подмогой? В кои веки здравый смысл одержал верх: с помощью затрещин и пинков по трепетному Ллердан Мак-Инес убедительно доказал соратникам, что три человека вряд ли сумеют достойно проучить беглого императора и его

прихвостней. К тому же прочие собратья по клану и оружию будут крайне возмущены, узнав, что остались в стороне от веселья.

Загонная охота на ценную дичь шла по всем правилам. Тяжело груженные повозки продвигались по разбитой дороге, вокруг них стремительно стягивалось кольцо довольно похмыкивающих охотников. К тому времени, как к месту грядущей победы примчался мессир фон Райхерт, всем было понятно — беглецы обречены. К тому же они навредили сами себе, втянувшись в неширокую долинку между двумя холмами.

— Аминь, — только и сказал германец, мельком глянув на диспозицию. — Будем надеяться, что это и в самом деле Комнин, а не трусоватый комендант крепости, решивший смыться... *En garde*, Шотландия!

Второй раз повторять не понадобилось. С улюлюканьем, завыванием, малопонятными, но чрезвычайно громкими боевыми кличами на удирающих ромеев с двух сторон обрушилась их гибель. Внутренне мессир Райхерт содрогнулся, увидев стремительно катящуюся пешую лавину, в мановение ока преодолевшую сотню ярдов вниз по пологим склонам и налетевшую на фургоны. Коротая время ожидания, германец не раз задумался над тем, надлежит ли ему лично принимать участие в грядущей вылазке. По законам рыцарственности выходило, что вроде как всенепременно должен. Но ужасно не хотелось. Оставим такие глупости вечным мальчикам навроде Ричарда Плантагенета.

Когда германец подъехал к фургонам, побоище — занявшее от силы четверть часа — в основном уже благополучно завершилось в пользу подданных маленькой горной страны на севере Британии. Подобно догорающим уголькам костра, кое-где еще шли отдельные стычки между уцелевшими стражниками самозванного базилевса и кельтами. Кое-кто из победителей уже шарил по повозкам, и барон Мелвих озадачился нешуточным воп-

росом: сумеет ли он, уповая только на авторитет отсутствующего принца Эдварда, удержать разгулявшуюся шотландскую вольницу от намерений ограбить побежденного врага? Если в обозе и в самом деле перевозилась императорская казна, она должна быть в целости и сохранности доставлена бедствующему предводителю крестоносцев, его величеству Ричарду. И, кстати, удалось ли ему выполнить собственный нелепый обет, пленить Исаака Комнина?

К удивлению мессира фон Райхерта, его приветствовали обрадованными воплями. Упреков в том, что он не принимал личного участия в стычке, слышно не было. Облаченное в клетчатые пледы диковатое воинство вполне искренне восхищалось человеком, чья голова породила столь замечательный и остроумный план.

— А вот и ваш трофей! — с этим возгласом к Гунтеру, подталкивая и подпихивая со всех сторон, вытащили весьма раздосадованного мужчину почтенных лет, облаченного в бронзовый доспех наподобие римского. — Он сам сказал — он Исаак Комнин!

— Это правда? — Барон Мелвих чувствовал себя до крайности нелепо, восседая на коне и разговаривая с человеком, который ему в отцы годился. Они бы его еще на колени швырнули и связали, истинные дети Средневековья. Но ничего не попишешь, положение и этикет обязывают, он вроде как победитель, а Комнин — побежденный.

— Правда, правда, — огрызнулся пленник. — Верительные грамоты предъявить? Или поверите на слово? Да умирите вы своих дикарей, я не настолько глуп, чтобы бросаться на мечи. Вы служите Ричарду? Как ваше имя? А-а, какая, в сущности, разница! Предаю свою жизнь в ваши руки, благородный рыцарь... — на последних словах кипрского базилевса перекосило, — и напоминаю, что Господь заповедовал относиться к пленным с уважением.

Вокруг жизнерадостно загоготали. Мессир фон Райхерт хотел распорядиться, чтобы изловленному деспоту

ту дали коня и приглядывали за ним в оба, но тут сквозь общий гомон прорезался тонкий, высокий визг. Стоявший до того спокойно Комнин нервно дернулся, германец в недоумении оглянулся через плечо, выискивая взглядом источник столь диковинного звука. Кельты, что, уже успели где-то свинью поймать и теперь режут в преддверии славной вечеринки?

Визжал, как немедля выяснилось, вовсе не влекомый на заклание поросенок. Кучка зверообразных типов в сине-зеленых цветах Мак-Эванов, рыскавших по фургонам в поисках, чего бы стянуть под шумок, извлекала из повозки и, регоча, представила всем свою добычу. Двух нарядных и растрепанных девиц, рыженькую блондинку и брюнетку. Блондинка истошно голосила, на одной пронзительной, сверлящей ноте. Чернявая молчала, только в ужасе озиралась вокруг. «Должно быть, с перепугу лишилась дара речи», — подумал барон Мелвих — и ошибся. Как только кто-то протянул к брюнетке руку, в ее ладони немедля выросло короткое кривое лезвие, наискось полоснувшее нахала по лицу.

В наступившей тишине обреченно зарыдала рыженькая. Кирие Исаак криво ухмыльнулся. Черноволосая прижалась спиной к огромному колесу фургона, шипя разъяренной змеей, выставив нож перед собой и замахиваясь на всякого, кто пытался к ней приблизиться. Раненый скотт громко и непристойно возмущался, перечисляя, что нужно сделать с дерзкой девицей, не понимающей своего счастья и не желающей ответить взаимностью доблестным победителям. Судя по негодующему ворчанию шотландского воинства, жить киприоткам оставалось от силы четверть часа.

— Прекратить. — Мессир фон Райхерт не ожидал, что сумеет с такой точностью имитировать интонацию незабвенного капитана Браухича — тихую, наполненную скрытой яростью. И еще он не ждал, что кельтская орава стихнет и прислушается. — Комнина — на седло. Ты и ты, —

он ткнул в первых попавшихся на глаза скоттов. — Глядеть за ним в оба, обид не чинить, рук не распускать.

Он пнул фыркнувшего коня, подъехав ближе к мести драмы. Чернявая девица — наложница, не то придворная дама поверженного деспота — вскинула глаза на подъезжающего всадника.

Бывший обер-лейтенант и пилот доблестных ВВС Третьего рейха, посвященный рыцарь и почти что натуральный барон, участник свержения канцлера Лоншана, человек, которому было сужено появиться на свет через семьсот с лишним лет от нынешнего дня, поперхнулся воздухом.

Это было как молния с безоблачного неба. Как падение в пропасть внезапно распахнувшейся под ногами ловчей ямы. Как водоворот, как смерть от прямого попадания в сердце. Как в слащавом голливудском фильме, как в идиотском сентиментальном романе для гимназисток. Сразу и наповал. Бездонные, мерцающие очи, блеск золотых цепочек в смоляных кудрях, стиснутые узкой щелью губы.

— Вам нечего бояться, — хрипло каркнул мессир фон Райхерт, запоздало сообразив, что перешел на родное наречие и она при всем желании его не поймет. Откашлявшись, повторил: — Вам больше нечего бояться... миледи. Вас никто не тронет. Уберите нож, и я отвезу вас в лагерь.

Мгновение киприотка колебалась, изучающе смотря снизу вверх на германца. Коротко тряхнула ладонью — клинок пропал в складках пестрого одеяния, — подошла ближе, ухватила за ремень упряжки и сноровисто взлетела на круп лошади. Под дополнительным грузом животное переступило с ноги на ногу, недовольно помотав головой. Тонкие руки, перехваченные в запястьях множеством позвякивающих золотых браслетов, обхватили мессира фон Райхерта за пояс.

— Поворачивайте фургоны, — бросил германец. — Возвращаемся.

Уже удалившись на десяток шагов, он краем уха слышал приглушенный женский вопль и вспомнил про вторую девуцу, блондинку. Передернулся, представив, каково ей придется в обществе скоттов.

— Такова извечная судьба женщины, — негромко произнесла спасенная. Голос у нее оказался низкий, грудной, с еле заметным придыханием, а норманно-франкские слова она произносила с легким прищептывающим акцентом, не всегда правильно выстраивая фразы. — Хотя порой Приснодева шлет нам спасение. Ничего, Лидия сильная, она выдержит. С ней уже было такое.

— Кто вы? — наконец-то собрался с духом мессир фон Райхерт. — Как вас зовут?

— Хониата, — с достоинством представилась сидящая на крупе его лошади благородная девушка. — Елена-Даниэлида из фамилии Хониатов. Рожденная в Константинополе, если кирие рыцаря это интересует. Последние два года я... я была... как это на франкском языке... амика здешнего господина. Невенчанная жена, подруга. — Четко и недвусмысленно обозначив свое социальное положение в мире, византийка добавила: — Моя семья щедро заплатит, если кирие пожелает выкуп.

— Я ничего с вас не возьму, — пожалуй, слишком поспешно откликнулся германец. — Как только появится возможность, я немедленно отправлю вас к вашим родным...

Ему послышался еле различимый гортанный смешок. Весь путь до лагеря крестоносцев Елена-Даниэлида хранила молчание, и мессир Райхерт сожалел только об одном: что обратная дорога оказалась такой короткой.

* * *

Уже подъехав к пределам лагеря, мессир фон Райхерт выругал себя за непредусмотрительность и скудость. Он не содержал слуг и у него не имелось оружие-

носца, чьим заботам он мог поручить леди Хониату. Барон Мелвих располагал местом в общем шатре, где, помимо него, обитало еще пять человек. Было бы до чрезвычайности неловко разместить в сугубо мужском обиталище утонченную кипрскую даму. А уж ехать через крестоносный лагерь с женщиной за спиной... От этой мысли Гунтеру сделалось не по себе.

— Вам некуда меня поселить? — пронизательная византийка на редкость верно истолковала ерзанье и озадаченное покашливание своего спасителя. — Не беда. В великом походе вас наверняка сопровождают братья или сестры какого-нибудь монашеского ордена? Они милосердны и наверняка не откажут в приюте, пусть я не совсем одной с ними веры.

— И то верно, — со вздохом облегчения признал фон Райхерт. Где-то ему попадались на глаза несколько шатров бенедиктинцев, помогавших пользоваться раненых, и между ними вроде как сновали монахини...

На навязанную им гостью в откровенном восточном наряде хлопотливые и скромные черницы воззрились с явственным неодобрением. Елена-Даниэлида скромно потупила очи, обведенные густо-синей краской, и укрылась за широкой спиной защитника и покровителя. Старшая над монахинями, сестра Фелицата, недовольно поджала губы, но все же согласилась принять под благословляющее крыло невинную жертву военных действий.

— Не забывают меня, — то ли в шутку, то ли всерьез прошелестела Хониата, исчезая за пологом шатра.

Благополучно устроив подопечную и мысленно пометив себе: «В ближайшее же время озаботиться шатром, прислужой и иным полезным добром», шевалье фон Райхерт смог наконец позаботиться о собственных делах, помчавшись выяснять — добрались ли до места назначения высокородный пленник и драгоценные фургоны.

Со стороны осаждаемой Липены долетел всплеск криков — не поймешь, торжествующих или разочарован-

ных. Штурм все еще продолжался, ворота замка оказались на удивление прочными.

Несмотря на буйный нрав и полнейшее отсутствие дисциплины, шотландцы исполнили порученное в точности. Четыре массивных фургона выстроились позади алого королевского шатра с золотыми леопардами. Слуги в одеждах с гербами Плантагенета уже сновали вокруг, составляя опись содержимого. Сам Комнин куда-то сгинул — но встревожившегося барона Мелвиха немедленно окликнули кельты в уже знакомых цветах Мак-Иннесов, сообщив, что неуловимый император не смылся по дороге, жив и относительно здоров. Ради вящей безопасности лично принцем Эдвардом приказано взять его в железа, что сейчас и исполняется в походной кузне. Где его высочество Эдвард? Да вроде только что прискакал от крепости и проезжал тут... Хей, каро, принца никто не видал?

— А вот и наш герой. — Правитель маленькой страны объявился сам, в полном военном снаряжении, верхом и с десятком спутников за спиной. В сером облачном небе плыло ярко-синее с косым белым крестом знамя Шотландии. Гунтер решил, что принц не слишком усердствовал при штурме — просто присутствовал, ибо положение обязывало. — Мои поздравления, шевалье Мелвих. Я восхищен, — в голосе Эдварда не слышалось ни малейшей издевки. Он и в самом деле говорил то, что думал. — Вам удалось всего за день проделать то, на что Ричард и его доблестное воинство потратили два месяца. Кстати, замок сдался. Готовьтесь — в ближайшие дни вам придется владеть на себе тяжкое бремя славы.

...Праздновать победу, естественно, было решено в захваченной Липене. Сначала предполагалось, что пиршество с соответствующими развлечениями и раздачей наград будет проходить в главной зале крепости, потом выяснилось, что зал слишком мал и торжества лучше перенести во двор. Мессир фон Райхерт с удивлением

отметил, как буквально на пустом месте и из ничего возникают столы — кóзлы с уложенными на них досками, скамьи, помост для персон королевской крови и их приближенных, а в лагере — наскоро сколоченные трибуны около будущего ристалищного поля. Турнир среди победителей — это неизменно и настолько традиционно, что его проведение даже не обсуждается.

Напророченное Эдвардом тяжкое ярмо славы обрушилось в первые же часы после известия о пленении Исаака Комнина. Германца немедленно вытребовали под ясны очи его величества Плантагенета — еще не успевшего отойти после горячки боя у врат крепости и изъяснявшегося короткими, рублеными фразами. Из сказанного королем фон Райхерт уловил только то, что им весьма довольны (подумав про себя, что Ричард здорово покривил душой — он наверняка мечтал изловить вражину самостоятельно, желательно в какой-нибудь драматической обстановке) и что ему надлежит быть на празднестве, которое состоится завтрашним же днем. Засим Гунтера вежливо оттерли в сторону, ибо явились представители Ордена Храма — горевшие желанием обсудить с Ричардом нечто высокополитическое, секретное и чрезвычайно важное.

Остаток дня барон Мелвих провел в хозяйственных хлопотах. Выяснилось, что через лагерных маркитантов можно достать практически все: от самую малость бывшего в употреблении трофейного сарацинского шатра с необходимой обстановкой до церемониального блии (тоже почти новехонького, с тщательно заштопанной прорехой на левом боку), приличествующего благородному шевалье на завтрашней церемонии. Не возникло проблем и с прислугой. В лагере околачивалась уйма личностей обоего пола, прямо-таки изнывавших от стремления за малую мзду принять на себя заботы о рыцарском имуществе.

Удивленный конкуренцией и опасаясь в одно прекрасное утро проснуться обворованным, немец на-

хально потребовал рекомендаций от прежних хозяев. Желательно — письменных. Или устных, если бывший работодатель находился в лагере военных действий.

Половина претендентов на рабочее место немедленно растворилась в воздухе. Оставшиеся, поскребя в затылках и поохав, раздобыли-таки требуемое. Проведя небольшое собеседование, Гунтер решил, что четырех человек ему вполне хватит — сделав выбор в пользу людей среднего возраста, уже достаточно проживших на свете и осознавших преимущества честной службы перед быстрым обогащением за счет опустошения хозяйского кошелька. Заодно мессир барон нанял двух девиц, местных уроженок — прислуживать леди Хониате. Которую он собирался завтра же забрать из-под опеки монахинь... если ромейка пожелает, конечно. Ибо вопрос о статусе спасенной дамы и надлежащем поведении благородного рыцаря по отношению к ней до сих пор оставался для германца загадкой.

В разгар установки новоприобретенного шатра появился взъерошенный и ужасно деловитый Мишель де Фармер. С поздравлениями по случаю грандиозного успеха и банальным вопросом «Пожрать сыщется?».

Наскоро проведя ревизию запасов, господы рыцари обнаружили здоровенный кусок холодной солонины, которую сжевали, сидя на свернутых пополах и наблюдая за вечерним мельтешением лагеря. Поколебавшись, мессир фон Райхерт решился задать давнему приятелю деликатный вопрос касательно пленной византийки. Мишель восхищенно и завистливо присвистнул, увесисто хлопнул бывшего «оруженосца Джонни» по спине и заявил, что тут и раздумывать нечего. Даму надо немедленно перевезти сюда, устроить со всеми возможными удобствами, не забыть дать ей обещание верно хранить ее честь от нападок и клеветников... ну, дальше и сам сообразишь. Не маленький, чай.

На физиономии Мишеля читалось явственное желание подробно обсудить таинственную ромейку со всех

возможных сторон, но долг оказался превыше любопытства. Разочарованно крикнув, нормандец взгромоздился на лошадь и умчался дальше, исполнять обязанности «рыцаря королевской свиты».

На смену ему явился Серж де Казакофф. Русский рассыпаться в красочных и многословных поздравлениях не стал, лишь поинтересовался деталями, как он выразился, стратегической операции «Поймай Комнина за хвост». Выслушав краткий и довольно сдержанный отчет, похмыкал, побродил вокруг шатра, зачем-то пиная ногой шнуры-растяжки, и ушел, оставив по себе привкус сдержанной неприязни. Мессир фон Райхерт честно попытался понять, с чего бы это ему питать к собрату по несчастью такое странное чувство. Не разобрался, плюнул и завалился спать — с удобствами, без назойливого храпа соседа над ухом и в относительном комфорте. Выругав себя за то, что не догадался раньше обзавестись личным имуществом.

21 декабря. Замок Липена

В какой-то из объемистых монографий, посвященных истории Средневековья, обер-лейтенант фон Райхерт наткнулся на запомнившуюся фразу: «Мир Средних веков — это мир театральных представлений, стремление придать всякому и каждому действию характер эффектной церемонии, желательно сопряженной с религиозным оттенком». Сегодняшнее действо лишний раз подтвердило тезис историка XX века, заставив германца недоуменно хмыкнуть. А еще он вновь поразился гибкости психики уроженцев Средневековья, с легкостью воспринимающих глобальные перемены своего социального статуса. Только что ты был всевластным повелителем маленького островка, теперь ты пленник завоевателей, и твой двор тут же изъявляет готовность повиноваться новому владыке.

Без всякого принуждения, словно у них в головах размещен некий переключатель, позволяющий не испытывать мук совести или колебаний. Правитель сменился? Значит, настало время служить новому. Ему угодно нас казнить? Что ж, Господь приветит нас и всем воздаст по заслугам — обидчику и невинным жертвам.

Торжества начались со скандала между представителями западной и восточной ветвей христианства о праве на проведение благодарственного молебна. Мессир фон Райхерт умудрился проспять сие представление, но, как ему азартно поведали очевидцы, дело шло к тяганию за сановные бороды и угрожающему помаванию кадилами.

Мир, как ни странно, восстановила мадам Беренгария (за спиной которой маячили хмурый дядюшка Педро Барселонский и десяток его вассалов), предложив отслужить молебен сперва по греческому обряду, а затем по римскому. Священнослужители обеих конфессий покосились на молодую королеву с некоторым неодобрением, но предпочли смириться с таким оригинальным решением.

За хоровым примиряющим молением последовал турнир, к самому финалу которого успел барон Мелвих. На трибунах вовсю шел обмен последними сплетнями, история пленения Исаака Кипрского уже успела обрести массой подробностей и исказиться до полнейшей неузнаваемости — благодаря обожавшим прихвастнуть скоттам, участвовавшим в вылазке. Вовсю обсуждалась величина казны, угодившей в руки Ричарда. Остроумцы уверяли соседей в несомненной выгоде отсутствия в Липене его величества Филиппа-Августа. Ведь, ссылаясь на памятное соглашение, неосмотрительно подписанное Львиным Сердцем, французский король вполне мог претендовать на половину захваченной добычи.

«Ничего-ничего, он еще свое вытребует, дайте только гонцам с известиями добраться до Колосси», — зло-

радно предсказал германец, ища свободное место на скамьях. В кои веки репутация героя дня оказалась полезна: мгновенно нашлось и удобное место, и одолженная кем-то подушка на жесткую скамью, и благородные девицы, крайне заинтересованные в том, чтобы лично расспросить героя о его подвигах. Общество щебечущих девиц напомнило барону Мелвиху о даме из фамилии Хониатов, подсказав замечательную идею — взять ромейку с собой на праздник! Она наверняка будет благодарна, а ему не придется больше маяться в одиночестве.

На вытоптанной арене под выкрик распорядителя тем временем грянул заключительный этап турнира: бугурт, общее сражение, весьма точно имитирующее рыцарское побоище на поле боя. Гунтеру показалось, среди прочих гербов и радужных цветов мелькнул синезелтый щит де Фармера, и он поежился. Бугурт, если верить летописям, весьма часто заканчивался для участников так же, как и подлинное сражение — смертью либо увечьями.

Обширное поле постепенно заволокло густое облако пыли, из которого доносилось конское ржание, молодецкое хеканье, кастрюльно-лязгающий звон сшибающихся мечей и неразборчивые вопли. Девицы оглушительно завизжали. На нижнем ярусе, где толпились простые воины, улюлюкали и вопили, подбадривая своих сюзеренов и покровителей. На верхних ярусах, отведенных для аристократии, присутствующие тщетно пытались сохранять предписанные хладнокровие и выдержку.

По хронометру фон Райхерта ожесточенная мясорубка всех со всеми длилась немногим более четверти часа. Участвовало в ней около тридцати человек, и треть из них по завершении боя покидала ристалище с посторонней помощью. Руководствуясь известными только им критериями, судьи провозгласили трех победителей — короля Ричарда, кого-то из шотландских дворян и старшего отпрыска аквитанского рода Бетюнов. Церемонию

награждения Гунтер досматривать не стал, отправившись к шатрам бенедиктинских монахинь на поиски черноокой Елены-Даниэлиды.

Праздник начался около пяти часов вечера, но мессир фон Райхерт опоздал. По вине киприотки, безусловно вежливо, но непреклонно отказавшейся куда-либо идти в том наряде, что был на ней в момент пленения и который она не имела возможности сменить. Пришлось сломя голову нестись к торговцам, где — надо отдать ей должное — миледи Хониата на удивление быстро сделала выбор, обзаведясь ало-черным бархатным сюрко, смотревшимся на ее роскошных формах откровенно вызывающе. Добавить к этому многочисленные золотые украшения в волосах и на запястьях, и итог получался весьма странным: византийка в одеждах европейской благородной дамы. У врат замка германец на миг даже струхнул — ну как с такой яркой и диковинной спутницей его не пропустят? — но распорядитель, отвесив гостям положенный вежливый поклон, без единого слова провел их на места за столом, стоявшим у подножья помоста для высоких особ.

Усевшись и расправив складки платья, Елена-Даниэлида с живым любопытством огляделась по сторонам, шепотом расспрашивая мессира фон Райхерта о том, кто есть кто среди франков. Направленные на нее со всех сторон заинтересованные мужские взгляды бессильно соскальзывали по ледяной броне полнейшего безразличия. То ли шкурой, то ли каким-то шестым чувством германец почуял, что становится объектом сдержанной зависти окружающих мужчин и неприязни женщин.

Действо катилось заведенным чередом. Краткая, на удивление лаконичная и емкая речь Ричарда Львиное Сердце, обращенная к верным соратникам и посвященная доблестной победе над врагом. Опрокинутые кубки и дружное бульканье вина, устремившегося в луженые рыцарские глотки. Завывание труб, первая перемена

блюд, музыка, ответная речь Эдварда Шотландского. Вновь слаженное бульканье, «мессирь, поприветствуем нашего героя!.. и его... э-э... прекрасную даму!..»

Сдвоенный толчок под ребра: слева деликатный, от восторженно ахнувшей Хониаты, справа сокрушительный, от здорового и шумного мордоворота в цветах герцогства Нормандского — «мессир, вас приглашают к королевскому столу!»

Прогулка под нестройный грохот кубков о столы и каблуков по камням двора к помосту. Вежливо-протокольный взгляд Беренгариин («Веселой и категорически не средневековой, как однажды выразился Серж, девочки больше не существует, есть только Ее величество королева Английская...»). Тяжелая золотая чаша с темно-багровым вином в руках Ричарда, оглушительный ор в честь героя — а вино густое и кислое, с характерным смолистым привкусом.

Раскатистый бас Львиного Сердца, оповещающий всех и каждого: «И поелику кесарь Андроник есть наш вернейший союзник в деле спасения Гроба Господня из рук неверных, решено нами отправить нашего общего врага к его престолу, дабы он сам вынес ему надлежащий приговор... Поручение сие с радостью и доверием возлагаем мы на мессира фон Райхерта, дав ему в спутники и сопровождающие тех шевалье, на кого он укажет, и отряд числом не менее двадцати мечей, дабы оберегать его в многотрудном пути...»

Обратно Гунтер вернулся в несколько обалдевшем состоянии, пытаясь разобраться в услышанном. Его громгласный сосед был справа потеснен, рядом с ним нарисовался молодой де Фармер, упорно пытающийся завязать разговор с миледи Хониатой. Ромейка отвечала односложными «да» и «нет», однако своего спасителя-покровителя встретила более чем приветливо.

— Э-э... — многозначительно изрек германец, падая на скамью и вцепляясь в заботливо подсунутый Хониатой

полный кубок. — Миледи Хониата, это шевалье де Фармер, в недавнем прошлом — мой сюзерен, а ныне верный соратник и лучший друг... Мишель, это благороднейшая леди Елена-Даниэлида... Слушайте, у меня все в порядке со слухом? Поправьте, если я ошибаюсь: Ричард только что высочайше распорядился отправить меня в Константинополь? Во главе посольства и с пленным Исааком Комниным в качестве живого подарка Андронику?

Две головы — светловолосая и темная — согласно закивали.

— Я с тобой? — немедленно осведомился нормандец. — Смотри, как все замечательно складывается! Если выйдем в море через два-три дня, то, коли Господь будет милостив, спустя две седмицы будем в Константинополе! Мы, конечно, изрядно опоздаем, но, может, мессир Гай и Мак-Лауд все-таки нас еще дожидаются?

Договор, заключенный около хижины святого отшельника в баронстве Фармеров более трех месяцев назад, за странствиями, скитаниями и приключениями совершенно вылетел из памяти Гунтера. Теперь же, припомнив данное обещание, он с досадой треснул себя ладонью по лбу.

— Свины мы, шевалье, а не добрые католики, — с горечью изрек он. — Нет нам прощения и оправдания. У меня так просто напрочь из головы выветрилось, что к Рождеству мы намеревались встретиться в Византии. Думаю, наши друзья подождали-подождали, плюнули и подались по своим делам. В лучшем случае мы обнаружим оставленную ими записочку, извещающую нас о том, что они здесь были.

— Может, они еще и не добрались до... — начал де Фармер, заглушенный всплеском множества людских голосов. Оглянувшаяся через плечо Хониата быстро перекрестилась — справа налево, следя чуть расширившимися глазами за новым персонажем общего действия, появившимся во дворе замка Липена.

Новоприбывший без труда привлёк к себе всеобщее внимание. Фантазия неведомого распорядителя — или пожелание нового владыки, Ричарда — решила, что самое время явить крестоносцам их неуловимого врага во плоти.

Бывшего кипрского базилевса вывели из какой-то неприметной дверцы, проведя по открытой галерее. Сопровождала его пятерка рыцарей в полной боевой выкладке, что, учитывая количество навешенных на Комнина цепей, было совершенно излишне. Он и передвигался-то с трудом, медленно переставляя ноги и мелодраматично лязгая кандалами.

— Бр-р, — передернулся германец. — Они переусердствовали. Пары наручников было бы вполне достаточно.

Мельком глянув по сторонам, германец с неудовольствием сообразил: здесь никто не разделяет его мнения. Слово «милосердие» по отношению к побежденному противнику не в почете.

Мучительно медленно, спотыкаясь и задерживаясь на каждой ступеньке, Исаак Кипрский спустился вниз, встав перед королевским столом. Гунтер решил, что, будь у него под рукой фотоаппарат, получился бы весьма неплохой исторический этюд: «Ричард Львиное Сердце и его поверженный враг». Воздвигшийся из-за стола во весь свой немалый рост торжествующий англичанин и приземистый коротышка киприот, за пару дней плена изрядно осунувшийся и словно бы утративший волю к жизни. Впрочем, желчности Комнина достало на то, чтобы в ответ на высокомерный вопрос Ричарда: «Всем ли вы довольны, мессир? Не чинят ли вам каких неудобств?...» во всеуслышанье огрызнуться: «Разумеется, я всем доволен, кirie... вот только цепи малость тяжеловаты!»

Ирония в XII веке от Рождества Христова воспринималась славными освободителями Гроба Господня с изрядным трудом, однако в дальнем конце стола кто-то довольно громко расхохотался. Ричард на мгновение утратил са-

мообладание, под маской торжественной надменности сверкнул раздраженный оскал... и тут короля Англии в кои веки осенил достойный ответ. Никем не подсказанный, придуманный совершенно самостоятельно.

— Цепи тяжеловаты? — грохнул повелитель Англии. — Мне говорили, остров Кипр славится своими серебряными рудниками? Так пусть, чтобы впредь ни один злой язык не заикнулся о том, что мы не уважили достоинство бывшего кипрского короля, ему скуют серебряные цепи!..

— Браво, — саркастично констатировал мессир фон Райхерт, не расслышанный в общем оглушительном гаме. — С этой фразой Ричард победным маршем войдет в историю. Серебряные цепи, надо ж до такого додуматься!

— По-моему, весьма достойный жест, — заявил Мишель. Как заметил германец, за несколько минувших недель отношение его молодого приятеля к сюзерену претерпело значительные изменения. Де Фармер по-прежнему скептически воспринимал фигуру Ричарда в целом, однако умудрялся выискивать в характере Плантагенета черты, заслуживавшие уважения либо подражания. Если дело так пойдет и дальше, мрачно предрекал барон Мелвих, к концу Крестового похода из Мишеля получится образцово-показательный рыцарь: воинственный, простоватый и туповатый.

Комнина увели, с галереи донеслась весьма нестройная и заунывная музыка, и развеселое празднество покатилося дальше. Подумав о том, что вскоре грядет Рождество, мессир фон Райхерт невольно содрогнулся — подобные торжества растянутся самое меньшее на две-три недели. Пусть Кипр настолько близок к Святой Земле, что даже шторма и ураганы из Африки не смогут мешать кораблям добраться до побережья Палестины, но неповоротливое Воинство Христово еще не скоро двинется в дальнейший путь. Плантагенет — невеликий стратег, но даже ему ясна простая мысль: без координа-

ции сил европейцев Поход обречен на провал. Где-то неспешно движется по болгарским землям огромное войско Фридриха Барбароссы, может быть, уже приближающееся к Константинополю. По всему выходит, что посланцам Ричарда придется не только вручать живой дар, но и быть посредниками между двумя армиями. Интересно, Львиное Сердце снарядит в далекий поход кого-нибудь из свитских, имеющих опыт в подобных делах, или по своей всегдашней непосредственности взвалит все обязанности на некоего бывшего обер-лейтенанта?

Чутье подсказывало Гунтеру, что последний вариант ближе всего к истине.

25 декабря

Сегодняшний день был последним, который мессеры фон Райхерт и де Фармер проводили в Липене. Завтра королевским посланникам, их эскорту и пленнику предстояло совершить переход в гавань Фамагусты, дабы сесть там на корабль и отправиться в далекое путешествие.

В крестоносном лагере шла непрекращающаяся попойка, несколько облагороженная мыслями о пришедшем Рождестве. За отсутствием традиционной омелы на шатрах красовались связанные венками оливковые и кипарисовые ветви. Барон Мелвих наведлся в ставшую почти родной шотландскую стоянку — там, оглушая присутствующих, гремел и ревел айстедфорд, песенное состязание бардов. Принц Эдвард, по долгу и высокому происхождению призванный в судьи, восседал на перевернутом бочонке посреди своих клетчатых подданных. Вид у него был меланхолический и смиренный.

В шатре Ричарда Львиное Сердце тоже распевали, но более проникновенно и возвышенно. Безошибочно опознав сладостные рулады де Борна и, что удивительно, выступавшую вторым голосом мадам Беренгарию,

фон Райхерт плюнул и сбежал, покуда не зазвали на огонек. Его вынесло к палаткам бенедектинцев, где шла непрерывная рождественская служба, потом к самым стенам крепости, еле освещенным редкими факелами... и тут его окликнули.

Обернувшись на голос, вполне могущий принадлежать человеку почтенных лет, барон Мелвих изумленно заморгал и на всякий случай протер глаза рукавом. Не помогло.

«Вроде ж нарочно не пил сегодня, — тоскливо подумал германец. — Даже у скоттов, хоть и зазывали, всего кружку эля опрокинул. Не могло ж с одной кружки так развезти, чтобы призраки начали мерещиться!..»

— Грех неумеренного винопития, сын мой, тут вовсе не при чем, — язвительно обнадежило чудное видение, имевшее образ высокого старикана, седого, с двумя залысинами и лопатообразной, довольно неухоженной бородой. Облачен сей достойный муж был в выцветшую серую рясу, подпоясанную размочаленной веревкой. Если Гунтера не подводили память и воображение, старец должен был откликаться на имя «отца Колумбана». «Мученика, долготерпеливца и страстотерпца», как непременно добавлял сам святой отшельник, проживавший на землях барона де Фармера и в данный миг обязанный находиться вовсе не здесь, а на сотни лиг севернее. — Однако ж в рассуждениях своих ты не ошибаешься. Меня здесь нет и быть не может.

— С кем же я тогда разговариваю? — туновато уточнил мессир фон Райхерт, автоматически добавив: — С Рождеством вас, святой отец.

— И тебя тоже, дитя мое, — хмыкнул нормандский отшельник. — Можешь считать, что разговор ты ведешь со своей совестью. Кстати, как там поживает мой крестник?

— Карьеру делает, — склонив голову набок, германец попытался выяснить, не просвечивают ли через фигуру святого отца огни близлежащего лагеря. Вроде

не просвечивали. Отец Колумбан вполне устойчиво стоял ногами в плетеных сандалиях на местной каменистой почве, не собираясь развеиваться обрывками тумана. — При короле нашем Ричарде подвизается.

— Это хорошо, — одобрительно покивал святой брат. — Я всегда говорил: обождите, из мальчишка таки выйдет толк. Ну а ты сам, Гуннар, уроженец будущих времен? Ты прожил здесь уже полгода. Каково себя ощущаешь?

— Странновато, — честно признался обер-лейтенант. — Привыкаю потихоньку. Баронство вот заслужил... на севере Шотландии. С гербом в виде белой вороны на лазурном поле. Если ж вы касательно нашего обещания, святой отец, то каюсь. Позабыли за всякими хлопотами и войнами. Но мы завтра отправляемся в Константинополь, вы не думайте!

— Отправляетесь -- и правильно, — рассеянно согласился отец Колумбан. — Там вас ждут — не дождутся. Только, сын мой, видишь ли, в чем дело... Я, собственно, затем и пришел в сей дальний край, чтобы тебе сказать... Именно тебе, не Мишелю — он по молодости лет да неопытности моих слов покуда в толк не возьмет, — старец побряхтел, явно не зная, как перейти к главному. — Не скажу, чтобы я и сам их до конца уразумел... Только привиделся мне на днях во сне перекресток, вроде того, где я вас в дальний путь провожал. И вы все. Каждый из вас уехал по собственной дороге, а некий глас с Небес молвил вслед: «Се вышло время ученичества и пришло время выбора». Как думаешь, что бы это значило?

— Н-ну, мнэ-э... — несколько невразумительно откликнулся фон Райхерт, сомневавшийся в своем умении верно истолковывать вещие сны святых подвижников.

--- Вот и я так думаю, — поддакнул старец. — Видно, явилось мне знамение того, что кончилось то время, когда вы нуждались в советах и наставлениях.

В шотландском лагере нестройным хором грянули нечто воинственное. Отец Колумбан прислушался и, взъерошив пятерней бороду, довольно крякнул:

— Душевно поют, аж слеза прошибает... Куда хоть вас занесло в ваших странствиях, сын мой?

— Это остров Кипр, — удивился вопросу германец. — Замок Липена неподалеку от города Никосии. Мы почти достигли Святой Земли.

— Кипр, Кипр, — пробормотал себе под нос святой отшельник, явно освежая в памяти начатки космогонии и географии мира. — Да уж, далековато. Что ж, благодари вас Господь в ваших начинаниях и делах, вас и тех, кто с вами заодно... — старик развернулся, явно собираясь уходить.

— Погодите, святой отец! — Гунтер наконец сообразил, что именно услышал, и здорово растерялся. Он как-то свыкся с мыслью, что их авантурные замыслы были сперва выслушаны и одобрены отцом Колумбаном, в мудрости своей зревшим гораздо дальше и глубже кучки предприимчивых молодых людей. — Как же мы теперь справимся?.. Как узнаем, что надлежит совершить и что повлечет за собой ошибку? Скажем, захват Кипра. В моей истории... во временах, когда жил я, крестоносцы убили на покорение острова почти два года. Теперь же им понадобилось всего два месяца... потому что я им малость помог. Это хорошо или плохо? Скажется ли это на истории будущего, и если скажется, то каким образом?

— Того, Гуннар, я не ведаю, — с искренней печалью отозвался святой отшельник. — Всевышний рассудил, вам надлежит учиться самим отличать плевелы от добрых злаков, свершая в мире то, что вы сочтете разумным и правильным. Мне остается лишь уповать на вашу добродетель... а если таковой не сыщется, — он хмыкнул в бороду, — то хотя бы на ваш разум. Да, и еще. Ты приглядываешь за вашим третьим товарищем, тем, что угодил из еще более удивительных времен, нежели ты?

— Нет, — довольно резко заявил мессир фон Райхерт. — Я не сторож брату моему. К тому же у него и без нашей помощи все прекрасно получается. Он освоился здесь куда быстрее, чем я.

Наставительная проповедь, которую рассчитывал услышать германец, так и не прозвучала. Старый священник удрученно покивал лысеющей головой, сгинув также незаметно и беззвучно, как и появился. Мгновение назад он вроде стоял напротив, но стоило германцу на миг отвести глаза — и перед ним осталась только потрескавшаяся кладка старой крепостной стены.

«Рассказать Мишелю? Нет, наверное, не стоит, — ошарашенный и озадаченный Гунтер брел через лагерь, ища взглядом свой шатер с прикрепленным над входом гербом белой вороны. — Не то чтобы он не поверит... Просто ему и в самом деле ни к чему думать над такими проблемами. Высшие силы отложили партию, даровав шахматным фигуркам право самостоятельно перебираться с клетки на клетку. Даже соизволили послать вестника, дабы сообщил нам об этом. Почему именно сейчас, в этот день? Он какой-то особенный? Следует ли из этого, что нас бросили на произвол судьбы — или, напротив, предоставили полную свободу выбора?»

* * *

Благородный шевалье Ангерран де Фуа (в недавнем прошлом известный как Рено де Шатильон) тоже этим вечером принимал гостя. Незваного. Обнаруженного лично мессиром де Фуа в собственном бдительно охраняемом шатре. Гость восседал на раскладной постели и бодро хлебал редчайший дамасский бальзам на жасминовых лепестках прямо из горлышка глиняной бутылки. Сосуд был нахально позаимствован прямиком из личных запасов шевалье Ангеррана.

— Грабить верных соратников — грех, — меланхо-

лично заметил мессир де Фуа, устраиваясь напротив гостя в сделанном на заказ кресле и вытягивая длинные ноги в новехоньких сапогах. — Чем обязан, мэтр?..

— Сие не грабеж, но взимание контрибуции; — булькнул собеседник. Невысокий, упитанный, с толстыми щеками, окаймленными рыжеватой сарацинской бородкой, и хитро прищуренными маленькими глазками. Непрошенный гость носил бархатный камзол темно-коричневого цвета, украшенный золотой вышивкой и обильно заляпанный жирными пятнами. Весь его вид наводил на размышления о пронирыливом торговом сословии и невольно внушал желание проверить сохранность своего кошелька. — Славно вы тут устроились, милейший Ангерран, как я посмотрю. Тяжеловато вам будет расставаться с этой роскошью. Ну да ничего, вы у нас человек военный, к трудностям привычный. Вскочили в седло и понеслись. А добро что, добро — дело наживное...

— С какой это стати я должен куда-то мчаться? — нахмурился мессир де Фуа.

— С такой, что я так сказал, — холодно отрезал визитер. — Завтра же чтоб духу вашего здесь не было. Вы отплываете в Константинополь. Вместе с этими молодыми идиотами, посланцами Ричарда. Не возражать! — визгливо прикрикнул он, в корне пресекая попытку Райнольда заговорить. — Совсем распустились, последний страх потеряли! Расселись, весь такой из себя самодовольный бездельник, вино хлещете, девиц да мальчиков портите, и понятия не имеете, что мы в заднице!

— С мальчиками — это к Ричарду. «Мы в заднице» следует понимать в буквальном смысле или в переносном? — с убийственной вежливостью уточнил де Фуа, на удивление быстро взяв себя в руки и проглотив оскорбления рыжебородого толстяка.

— Буквальнее не бывает! — гость заметался по тесному пространству шатра, два шага туда, два обратно. Мессир Ангерран следил за ним настороженным взглядом.

дом ярко-голубых глаз, чуть подавшись вперед и украдкой проверив, как поживает спрятанный в рукаве метальный нож. — Все наши безупречные лангедокские замыслы — ослу под хвост! Бешеного Семейства, которое мы пестовали столько столетий, больше нет! Рамон мертв, Хайме погиб, Железный Бертран фактически отстранен от дел, младшая девчонка сбежала с любовником, да так ловко, что не сыскать!

— А Тьерри? — напомнил мессир Ангерран.

— Незаметный молчун Тьерри в данный миг во главе победоносного окситанского воинства входит в Блуа, — раздраженно хрюкнул поздний гость, известный в провинциях Лангедок и Прованс под странноватым прозвищем «мэтр Бегемот». — Южане разгулялись вовсю. Сплошное «*I amigem!*» под рев восхищенной оравы!

— Разве не этого вы добивались? — хмыкнул де Фуа. Толстяк замер, не довершив шага. Лихо развернулся на месте, злобно прошипев прямо в лицо благородному рыцарю:

— Нет! Нет, нет и нет! Нам были необходимы Рамон на троне Франции и его отпрыск, о чем вы осведомлены не хуже меня. Проклятье, даже сам мессир де Гонтар не мог предположить, что несколько болванов, оказавшихся в ненужное время в плохом месте, смогут настолько все испортить!

— Милорд не сумел предвидеть последствий деяний смертных? — выражение лица Ангеррана стало крайне задумчивым. — Сколь поразительная новость...

— Вы бы поменьше размышляли о том, что может и чего не может Милорд, — угрожающе буркнул коротышка. — Ваше дело маленькое, слушаться да исполнять приказы...

— Да-а? — заломил бровь де Фуа. — У меня почему-то сложилось совсем иное впечатление. Я союзник, а не слуга, дорогой мэтр, зарубите на своем коротеньком носу. В данный миг я нужен вам больше, чем вы мне.

— Вот даже как? — мэтр Бегемот нехорошо оскалился. Свечи на столе испуганно замерцали, по колыхающимся стенам шатра пробежали тени — уродливые, скалящиеся тени созданий, никогда не ступавших по земле. Прижмуренные, заплывшие жиром глазки распахнулись, являя плещущуюся в них Тьму. Даже вкрадчивый голос пришлеца изменился, громыхнув отдаленным рыком. — Помни свое место!

— Простецов пугайте такими маскарадами, — отчетливо выговорил мессир Ангерран, намертво сцепив слегка подрагивающие пальцы на колене. — Да не забудьте отрастить копыта, рога и хвост... мэтр.

— Трудно с вами, умниками, — сварливо пожаловался гость, возвращаясь в прежний облик говорливого купчишки. — Всякая жаба на кочке ныне мнит себя гиппотавром. Так вот, о Константинополе, куда вы отправляетесь...

— Неужто в сем прекрасном граде не сыскалось ни одного вашего ставленника? — наигранно удивился де Фуа. — Мэтр Бегемот, имеется ли насущная необходимость гнать пожилого человека через бурные моря, кишящие пиратами?

— Не прибедняйтесь, — огрызнулся мэтр. — Разумеется, у меня там есть доверенные лица. Но Константинополь отнюдь не тот, каким был всего седмицу назад.

— Только не говорите мне, что ромеи затеяли мятеж против базилевса, — Ангерран с мученическим видом закатил глаза. — Право слово, это уже не смешно.

— Угадали, у них опять бунт, — хихикнув, со вкусом сообщил толстяк. — Андроника, на помощь которого уповали Ричард и Барбаросса, больше нет на свете. В Палатии новые лица, и мессир де Гонтар желает, чтобы они там не задержались. Вообще странно это, — мэтр Бегемот тяжеломерно плюхнулся на жалобно скрипнувшую кровать. — В последнее время все чаще и чаще мы натываемся... даже не на обдуманное проти-

водействие, а на досадные случайности. Совпадения. На лиц из одной и той же компании, на первый взгляд ничем не связанных между собой. Они вроде бы не вынашивают хитроумных замыслов, их поступки продиктованы то ли наитием, то ли глупостью. Их не поддерживают... там, — рыжебородый многозначительно указал большим пальцем на провисший холщовый потолок шатра. Ангерран, на сей раз слушавший крайне внимательно, понимающе кивнул. — Кажется, какие мелочи. Позаимствованная на время старая чаша. Визит в библиотеку. Несвоевременный разговор у костра. Трое убитых стражников. Песня, подумать только, банальнейшая песенка бродячего трувора! Песок в жерновах, горсточка праха. Но мельница перестает вращаться, и наши планы раз за разом терпят неудачу. Наш господин пожелал, чтобы вы — именно вы! — разобрались с этим. И пресекли.

— С этого и надо было начинать, — сухо процедил мессир де Фуа. — Теперь будьте любезны изложить в подробностях — где, кто, когда, зачем, с кем и что из этого вышло. И кстати о нарушенных планах, мэтр. Один человек... я просил за него перед Повелителем... Я хочу, чтобы этот человек умер. Я хочу...

— Отставить, — негромко, но железным голосом перебил мэтр.

— Вы не понимаете. Из-за этого человека — способного исполнителя, не скрою, я имел на него серьезные виды — этого, да еще одного, ныне покойного, полностью провалились наши замыслы на Кипре. Этот... этот... — обычно непоколебимо спокойный, де Фуа при одном воспоминании о Серже де Казакоффе начинал давиться злобой и брызгать желчью. — Он был обязан мне всем! Его вмешательство, буквально за час до того, как...

— Успокойтесь, Рено, — хохотнул Бегемот. — Подобные истерики вам, ей-тьма, не к лицу. В свете последних константинопольских событий безвременная кончина

Беренгариин Наваррской все равно ничего бы существенно не изменила. А Казакова — не трогать.

— Нет, я хочу...

— Не трогать! — зрочки толстяка полыхнули жутким багровым пламенем. — Чтоб было понятно: это не моя воля, это Его воля. Теперь уже Он имеет серьезные виды на вашего человека. Так что повторяю: не только не трогать, не только не чинить ни малейших препятствий, но и всячески способствовать здоровью, славе, богатству и процветанию Сержа де Казакоффа, барона де Шательро. Это приказ. Впрочем, в утешение вам напомним: одной из высших форм неудовольствия Князя является клятва *никогда* не вставать у человека на пути, чего бы он ни добивался. И тогда человек сам, без всякой мистики, отыщет на свою голову таких неприятностей, которые все демоны Нижнего Мира не могли бы измыслить нарочно. Эх... люди, люди...

Мэтр удалился глубоко за полночь — выйдя из шатра, как подобает приличному человеку. На пороге недовольно поежился, раздраженно бормотнув: «Ну да, ну да, Рождество все-таки...», и заторопился к коновязи, где одиноко скучал белый иберийский мул под высоким седлом, в сбруе, украшенной множеством колокольчиков. Взгромоздившись на верную животину, мэтр Бегемот растворился в темноте.

Что сочетал на небе Бог,
То на земле не разорвать.
Я думал двинуть время вспять --
Ну что ж, спасибо за урок.
Пусть плачет сердце, трепеща,
И так же платит по счетам.
В плаще ли я иль без плаща —
Оно и орден мой, и Храм.
И от триумфа до скорбей
Качался маятник надежд.
Но мы, лишённые одежд,
Отнюдь не сделались слабей.
Смеется сердце, и поет,
И вечно платит по счетам.
Кто все изведal, тот поймет,
Что только в нем возможен храм,
Господень Храм.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИЕРУСАЛИМ: ГРАД ОБЕТОВАННЫЙ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Жизнь частная и общественная

20 января 1190 года.
Константинополь,
столица Византийской империи

Город выплывал из тумана медленно и неторопливо, как разворачивающийся на рейде броненосец, складываясь в огромную мозаичную панораму из скалистых обрывов, предместий, выходящих к берегу городских укреплений, дворцов и перенаселенных кварталов, карабкающихся вверх по склонам холмов. Над городом висело свинцово-серое облако исторгнутого печными трубами. Горький запах горящей древесины долетал даже сюда, на борт неторопливо входящего в гавань нефа.

— У них там, что, пожар был? — обеспокоился Мишель де Фармер, герончески торчавший на верхней палубе почти с самого рассвета — так ему хотелось первым увидеть великий град базилевсов. — Или беспорядки? Смотрите, вон сколько сгоревших домов! -- Более дальнорский по молодости лет нормандец указал на черное пятно пожарища, раскинувшееся почти на четверть квартала. Посреди сожженных огнем жилищ гордо возвышался закопченный остов церкви, легко опознаваемый по двум уцелевшим малым куполам.

— Все может быть, все может стать... — меланхолично отвечал собеседник Мишеля, почтенный Ангерран де Фуа. Долгое путешествие — протекавшее гладко, но скучно — настроило старого рыцаря на желчно-скептичес-

кий лад. — Мятежи и бунты — традиционное развлечение ромеев, мой юный друг. Так же, как и поджоги родного города. Легкая разруха является столь же характерной и неотъемлемой чертой Константинополя, как базары в Александрии или религиозные процессии в Риме.

— Ага, — уважительно кивнул де Фармер, хотя понял из сказанного едва ли половину. Мишелю казалось большой удачей, что мессир де Фуа вдруг пожелал разделить их общество и отправиться в Константинополь. Старый рыцарь повидал почти весь свет, он многое знает, всегда сумеет подать добрый совет и предостеречь от ошибок. А Гунтер отчего-то недоволен и твердит о том, что людям, особенно столь почтенного возраста, несвойственно внезапно срываться с места и отправляться на другой конец света. Мол, подозрительно это. Впрочем, в последние дни мессир Райхерт держал свои замечания при себе, ибо вел героическую борьбу с недугом морской болезни, валяясь пластом на расшатанной койке, монотонно чертыхаясь и не расставаясь с помятым жестяным ведром. Сам Мишель качку переносил на удивление хорошо, искренне недоумевая, с чего так мается соратник?

Неф с трогательным наименованием «Белая лилия» закрипел всеми своими деревянными сочленениями, над головой гулко хлопнули паруса — корабль огибал далеко выбежавшую в море каменную косу. Серые волны в грязно-белой пене облизывали торчащие из воды гранитные глыбы с обильными следами птичьего помета. Взъерошенными белыми комочками вдоль косы расцелись чайки.

— Адрианов мол, — сообщил мессир Ангерран. — Возведен полтысячелетия назад, а еще стоит... Вон там, по правую руку — Палатий...

Мишель кивнул в знак того, что слушает, и изумленно вытаращился на открывшуюся просторную гавань, до отказа забитую сотнями кораблей, больших и малых, борт к борту выстроившихся вдоль извилистой береговой ли-

нии. На берегу густо лепились вплотную друг к другу дома и склады, над ними поднимался к небесам огромный мрачный собор темно-алого камня под тускло сияющим медью куполом. Де Фармер заморгал, сообразив, что видит перед собой легендарную Святую Софию, и бессчетный раз поразившись извилистым путям судьбы, забросившим нормандского рыцаря в такие невообразимые дали. Дома ведь ни за что не поверят, если только он не привезет каких-нибудь неоспоримых доказательств!

...Выгружались шумно и суматошно. Несмотря на то что письменным распоряжением его величества Ричарда предписывалось снарядить для его посланцев отдельное судно, преисполненные нахальства итальянские корабельщики заявили: ежели уж отправлять неф в плавание до самого Константинополя, то с выгодой. И немедля загрузили полный трюм каких-то бочек, ящиков, корзин, тюков и сундуков, изрядно потеснив как послов, так и высокорожденного пленника. Исаак Кипрский к неожиданному повороту своей судьбы отнесся фаталистично, бежать по дороге не пытался, хотя дважды или трижды делал попытки улестить стражей обещаниями богатого подкупа. Серебряную цепь для него все-таки смастерили, прикрепив ее звенья к обычным железным «браслетам» на запястьях. Мелодраматично звенья драгоценными оковами, Исаак Комнин сошел на пристань родного города, огляделся и некуртуазно сплюнул, проворчав: «Мир не меняется».

Обретя твердую опору под ногами, мессир фон Райхерт немедля уселся на ближайшую швартовочную тумбу и для пушей надежности вцепился в нее руками.

— Не качается, — обескураженно поделился он. — Мишель, неужто мы и с в самом деле приплыли?

— Приплыли, приплыли, — фыркнул Ангерран де Фуа, озираясь по сторонам и высматривая кого-то. — Добро пожаловать в великий Константинополь, вотчину Комниных... Где бы нам преклонить усталые головы,

прежде чем наведаться к императорскому двору?.. Эй, добрый человек! — мессир де Фуа с легкостью перешел на наречие, с некоторым запозданием опознанное фон Райхертом как архаичный вариант греческого.

«Добрый человек» — побродяжник, сидевший на груде камней в обществе таких же оборванцев, с поразительной готовностью слетел вниз, вытянувшись перед важным франкским гостем. Истово закивал в ответ на краткую речь де Фуа, внезапно заржал, как жеребец на выгуле, и замахал руками, обращаясь к сотоварищам — уже делившим между собой скарб гостей. Мессир Ангерран, выслушав нищebroда, озадаченно поскреб заросший седой щетиной подбородок и нахмурился.

— Что-то случилось? — заинтересовался германец.

— Не то слово, — кивнул де Фуа. — У них, извольте видеть, смена власти.

— В каком смысле? — Гунтер торопливо переворошил багаж своих знаний по истории Византийской империи. В 1180 году умер базилевс Мануил Комнин, оставив правителем малолетнего наследника Алексия. Наследник вкупе с прочей родней через два года был свергнут и убит собственным дядей, Андроником. В том мире, из которого был насильственно исторгнут фон Райхерт, базилевс Андроник в 1186 году от Рождества Христова принял мученическую смерть от рук собственных взбунтовавшихся подданных. На смену ему пришел безвестный Исаак Ангел, отравленный спустя десять лет правления. Здесь же старый Комнин был вполне жив и здоров, заключал договоры с Барбароссой и Ричардом Львиное Сердце, юлил и интриговал. — Мишель, господа, идите сюда! Мессир Ангерран говорит, якобы базилевса Андроника свергли! А кто стал правителем Византии — Ангел?

Де Фармер, деловито распределявший багаж между носильщиками, подошел. За ним потянулись остальные соратники по путешествию и сходившие на берег пассажиры «Белой лилии». Мессир Ангерран вел оживлен-

ные переговоры с константинопольскими нищими, время от времени перевода для слушателей с греческого на норманно-франкский:

— Комнина свергли три седмицы тому... Низложили, взяли штурмом Палатий... Он пытался бежать, его изловили и казнили... Семья базилевса тоже погибла... Нет, мессир Мелвих, новый базилевс не из династии Ангелов... Карвона? Кто такой Карвона? Ах, она? Базилисса Карвона?..

На пристанях образовалась довольно большая и шумная толпа, в которую со стороны берега внезапно врезалась кучка небогато, но пристойно одетых личностей. Один из них вел на поводке здоровенного косматого пса, утробно гавкнувшего на бродяг. Завидев компанию с собакой, увлеченно расписывавшие недавний бунт нищebroды на удивление быстро сникли, притихли и поспешно устремились за поклажей. Предводитель небольшой группки, к удивлению франков, вполне гладко заговорил на искаженной, но все же узнаваемой латыни, поприветствовав гостей столицы и извинившись за неподобающее поведение своих соотечественников. Как краем глаза заметил фон Райхерт, парочка мрачных типов, отделившихся от свиты говоруна, уже раздавала зарвавшимся нищebroдам затрешины, заодно реквизируя выклянченную ими милостыню. Германец решил, что пожаловал либо какой-то мелкий чин из таможенной управы, либо местный глава нищенской гильдии. Второе вероятнее, ибо таможенники всю хозяйничали на борту нефа.

— Поздравляю, мессир, отныне в Константинополе — императрица, — потолковав с ромеем, громко объявил де Фуа. — Императрица Зоэ из рода Склиров. Наш друг, почтеннейший Никифор, — кивок в сторону собеседника, — уверяет, якобы лично принимал участие в свержении узурпатора. О чем с удовольствием и в подробностях поведает нам по дороге в итальянский квартал. За скромную плату в один серебряный кератий.

— Почему в итальянский? — удивился Мишель. На лице нормандского рыцаря отражалась затруднительная и тяжкая работа мысли. Поручение его короля состояло в том, чтобы целым и невредимым доставить Исаака Комнина в Константинополь и там передать пленника в руки правящего базилевса Андроника, но базилевса более нет в живых... Фон Райхерт от души посочувствовал приятелю, вынужденному самостоятельно решать столь запутанный политический вопрос, и предположил, что в скором времени Исаак Кипрский тоже пожелает узнать: как отразится на его участии смена византийского правителя?

— Потому что английского, французского или немецкого кварталов в Константинополе нет, — любезно разъяснил мессир Ангерран. — Торговыми делами Европы здесь последние сто лет заведуют итальянцы либо венецианцы. Они, конечно, посмотрят на нас косо, но в гостеприимстве вряд ли откажут.

Добровольный проводник хмыкнул и что-то произнес, указывая на де Фармера.

— Что он сказал? — немедля обеспокоился нормандец.

— Гордитесь, вам сделали комплимент, — из меланхоличного настроения де Фуа бросило в язвительное. — Мол, вы изрядно смахиваете на сердечного друга новой базилисы. Только помладше. Гм, как любопытно... Правительница молода, не замужем и хороша настолько, что ее уже успели прозвать «второй Феофано»... При этом ее вернейший сторонник — франк...

«Ничего этого не было и быть не могло! — упрямо стоял на своем здравый смысл мессира фон Райхерта, подкрепляя свое утверждение цитатами из научных трудов и летописей. — Единственная известная мне базилисса Зоэ жила во времена императора Константина! Андроник умер не три недели назад, а два года тому как! Это не та история, не та Византия, и я не могу понять, к добру это или к худу».

* * *

Итальянский консул, как именовали здесь на греческий манер старшину иноземного квартала, совершенно не обрадовался внезапно свалившимся ему на голову визитерам. Добро бы требовалось устроить одного или двух человек, а тут пожаловали почти два десятка, да еще привеза с собой высокородного пленника, да еще настойчиво потребовали обеспечить им визит в Палатий — причем в самые ближайшие дни. Фон Райхерт был уверен, что непрошеным гостям укажут на дверь, но ничего, обошлось — мессир консул мрачно буркнул себе под нос нечто на простонародном итальянском, и прибывшую с Кипра ораву впустили за ворота.

«Иноземный квартал», отделенный от прочего города добротной высокой стеной с острыми копьями решеток поверх, смахивал на маленькую крепость, способную в случае чего выдержать самую настоящую осаду. Под защитой стены толпились дома, мастерские, постоянные дворы, конюшни, склады, лавки, даже часовня и кладбище при ней — городок в миниатюре. Приезжим сперва любезно предложили занять одну из гостиниц, заплатив за постой всего лишь четверть цены, но де Фуа решительно возразил, потолковал о чем-то с раздраженным консулом — и в пользование гостей отвели небольшой отдельный флигель. Тесноватый, ветхий и грязноватый, зато с собственным внутренним двором и отдельным колодцем.

К вечеру, когда все более-менее устроились, произошло то, чего втайне ожидал германец. Стража, бдущая подле Комнина, доложила, что их подопечный желает побеседовать с кирие Фармером. Или с кирие Райхертом. Или с ними обоими.

— Созрел наконец. Вот увидишь, сейчас будет то еще представление, — пакостно хмыкнул барон Мелвих. — Слушай, сделай одолжение — дай мне с ним потолковать, а?

— Толкуй, -- охотно согласился Мишель, все еще ломавший голову над неразрешимой проблемой — как теперь поступить с пленником. — Откуда ты знал, что он захочет с нами поговорить?

— Логика! — важно заявил обер-лейтенант, наставительно воздев кверху указательный палец.

— Это та, которая железная?.. — понятиливо уточнил нормандец, вспомнив о давней беседе и стараниях Гунтера растолковать рыцарю начатки хитрого греческого умения выстраивать цепочку последовательных размышлений.

Бывшего императора устроили сообразно его сану — в отдельной комнатухе с зарешеченными окнами с видом на пресловутый внутренний дворик в темной зелени подстриженных лавровых кустов. После долгого морского путешествия кипрский деспот выглядел несколько осунувшимся и постаревшим, но еще вполне бодрым. Вопреки обыкновению, он не стал заходить издалека, интересуясь здоровьем и благополучием собеседников, сразу перейдя к волновавшей его теме:

— Кирие Михаил, кирие Гунтер, как я понимаю, власть в Империи опять переменилась, и мой драгоценный братец Андроник приказали долго жить? Может бедный узник осведомиться, как это прискорбное событие скажется на его судьбе?

— Н-ну... э-э... — красноречиво высказался Мишель, впросительно зыркнув в сторону германца.

— Может-может, — уверил киприота фон Райхерт. — Мы с мессиром де Фармером тут как раз над этим размышляли. Будет весьма познавательно сравнить ход наших мыслей, мессир Исаак.

Физиономия неудавшегося базилевса выразила глубокое внимание и глубочайшую заинтересованность. Откашлявшись — то ли для солидности, то ли от подлинного волнения — он вполголоса произнес:

— Поговаривают, новая базилисса весьма любезна к франкам, но крута на расправу... Кто может знать, чего

ожидать от женщины, недавно пришедшей к владычеству? Мой царственный брат Андроник, конечно, тоже не отличался мягкостью нрава, но с ним порой можно было договориться... путем некоторых уступок. Он мог бушевать и швыряться молниями, аки языческий Юпитер, но в конце концов следовал доводам разума... С этой же новой правительницей...

— Знакомый черт лучше незнакомого, — сострил барон Мелвих. Киприот понятливо хмыкнул и кивнул:

— Что-то в этом роде и я имел в виду. Я мог бы побиться о заклад, что сумею убедить Андроника в своей безвредности или даже полезности, но базилисса с решительным нравом...

— Короче говоря, вам совершенно не хочется навещать Палатий, — подвел итог германец, и, выкроив на лице задумчивость, добавил: — А хочется вам, кирие Исаак, тихой мышкой шмыгнуть куда-нибудь и там затаиться. Однако не будем забывать, что на нас возложено поручение короля... Как верные рыцари своего сюзерена, мы не в силах отвести глаза в сторону, а потом оправдываться, что, мол, вы перекинулись струйкой тумана и утекли в окно.

Серебряная цепь на запястьях Комнина мелодично звякнула, когда сидевший за низким столиком человек подался вперед, ближе к собеседникам.

— Тысяча безантов, — почти беззвучно предложил бывший повелитель Кипра. — Обоим. Все, что нужно сделать — отправить восточку нужному человеку, проживающему в Столице. Никто ничего не узнает, вас никто ни в чем не заподозрит. Я просто исчезну.

— Две. Каждому, — мгновенноотреагировал германец, с силой пиная под столом возмущенно раскрывшего рот Мишеля. Де Фармер передернулся, но сумел удержать возмущенный язык за зубами.

— То есть всего — четыре тысячи, — без труда подсчитал Комнин и нахмурился, проворчав: — Вот они,

слухи о моем якобы богатстве... Не забывайте, молодые люди, покойный базилевс меня ограбил, а ваш король окончательно разорил. Хорошо, пусть будет четыре. Что вас больше устроит — заемное письмо, драгоценности или монеты?

— Монеты, — фыркнул увлекшийся игрой Гунтер, чуть было не добавив часто встречавшуюся в американских детективах фразу «потертые купюры мелкого достоинства». Недоумевающий Мишель переводил взгляд с сотоварища на киприота. — Стало быть, вы цените свою свободу и жизнь в жалкие четыре тысячи безантов?

— Это годовой доход процветающего поместья! — возмутился ромей. Его голос стал вкрадчивым, убеждающим: — Да даже если ваш Крестовый поход увенчается успехом, вам, молодые люди, никогда в жизни не удастся получить во владение такую сумму! Вернувшись домой, вы станете богаты до конца дней своих!

— Мишель, хочешь быть богатым до конца дней своих? — рассеянно поинтересовался фон Райхерт, и, не дожидаясь ответа растерявшегося нормандца, заявил: — Пять тысяч полновесных золотых безантов мне и моему сотоварищу, и ваша свобода близка, как никогда!

Исаак Комнин открыл рот. Закрыл, проглотив невысказанное ругательство. На миг его лицо исказило нервным тиком — грек явно подсчитывал имеющиеся сбережения, решая, достанет ли их для подкупа двух непомерно жадных франков.

— Десять тысяч, — если бы взгляд убивал, от барона Мелвиха и мессира де Фармера остались бы две неприглядные лужицы. — Хорошо. Вы их получите. Мы договорились?

— Ага, стало быть, раздобыть десять тысяч безантов для вас не составит затруднения, — обрадовался германец. — А двенадцать? Или пятнадцать? Скрыга вы все-таки, мессир Исаак, верно про вас говорили. Даже собственную жизнь стараетесь выкупить подешевле. И ни-

каких безантов у вас, скорее всего, нет. Так что представим мы вашу особу пред ясные очи императрицы, и пусть она решает, как с вами поступить. А наш долг на сем будет выполнен.

Мессир фон Райхерт подобрался, приготовившись к тому, что разъяренный ромей сейчас бросится на них. Однако Исаак Комнин сидел неподвижно, только на лице его возникла кривая, нехорошая ухмылка да глаза заledenели. Если Гунтер верно освоил тонкости средневековой психологии, только что он приобрел заклятого врага.

«Пустое, — ободрил сам себя германец. — Что он мне... нам может сделать? Ничего».

— Зря ты с ним так, — внезапно заявил Мишель, когда они покинули комнату, и стражник тщательно запер за ними дверь на засов. — Если ты не собирался брать с него выкуп, то лучше бы сразу сказал, что мы отведем его в Палатий. Зачем дразнить попусту? Это Серж вполне бы мог так подшутить над своим противником.

С последним утверждением мессир фон Райхерт был вынужден поневоле согласиться. Шутка, казавшаяся поначалу такой забавной, под конец стала откровенно злой и циничной — в духе русского. Но Казаков довел бы игру до конца, взяв деньги и ежедневно потчуя Комнина уверениями, что завтра тот будет на свободе.

Насупившийся де Фармер заявил, что уходит спать. Германец кивнул в ответ, но в отведенные гостям комнаты не пошел, решив перед сном побродить по крохотному садику во внутреннем дворе. Над византийской столицей повис холодный, прозрачный осенний вечер, как нельзя больше подходивший к меланхоличному настроению барона Мелвиха.

Тоску разогнало внезапное и шумное явление. Мимо сада с топотом и воплями пронеслась ребячья стайка, сопровождаемая заливисто лающими охотничьими собаками и негодующей нянькой. Дети — шестеро или семеро мальчиков и девочек лет десяти-двенадцати — раз-

махивали подожженными ветками, хохотали, вырывали друг у друга игрушки, ведя себя, как свойственно резвящимся подросткам любого столетия. Завидев иноземца, ребятня приостановилась, с любопытством разглядывая незнакомого человека. Обеспокоенная нянька торопливо погнала своих подопечных дальше.

В доме, стоявшем наискосок от посольского флигеля, распахнулась дверь, в освещенном проеме возник силуэт женщины, мягко окликнувшей: «Александре... Дэви!..» Если верить звонкому голосу, женщина была очень молода.

Двое мальчиков, отделившись от остальной компании и распрощавшись, юркнули в дом. Их мать обменялась парой фраз с нянькой, и, закрыв створку, исчезла. Маленький кусочек чужой жизни, сценка из жизни обитателей итальянского квартала города Константинополя, случайно разыгранная перед глазами стороннего наблюдателя. Просто бегущие домой дети. Всего лишь.

25 января

Ждать аудиенции при дворе базилиссы Склирены пришлось целых пять дней. Как уверил спутников многоопытный де Фуа, им посчастливилось — обычно в первые месяцы нового правления чужеземцам в Палатий вообще не попасть. Ромен увлеченно решают собственные трудности, им не до иностранцев с их хлопотами и просьбами. Нынешнее исключение произрастает из сложной политической обстановки, в которую угодила Империя, и обусловлено топотом приближающейся армии Великой Римской империи. Говорят, передовые отряды уже преодолели Фракию и постепенно занимают мыс, на котором стоит город Галлиполи. Там — самое узкое место пролива Дарданеллы, оттуда крестоносцев на предоставленных греками судах начнут переправлять на азиатскую сторону. В Константинополе ходят устойчивые

слухи, что скоро прибудет и сам престарелый Барбароса — а если не сам император лично, то его посольство.

За это время Мишель де Фармер, наняв проводника, наведалься в иоаннитскую прецепторию, вернувшись обескураженным. Гай Гисборн из королевства Английского благополучно добрался до столицы Империи, но в одиночестве, утратив своего попутчика из Шотландии. 18 ноября мессир Гай оставил своим друзьям своеручную записку о том, что проживает в прецептории. Как объяснили Мишелю служители, молодой франкский рыцарь находился в странноприимном доме до конца декабря. Незадолго до памятных волнений против тирана Андроника кирие Гисборн вышел за ворота монастыря и более не возвращался. Спустя седмицу явились люди за его имуществом, собрали все и унесли. Какие люди? А дворцовая стража. Почему им не воспрепятствовали? Так кто ж в здравом уме будет препятствовать ликторам, когда они при исполнении?

— Не было печали, — удрученно заявил германец, выслушав рассказ сотоварища. — Из всей нашей компании мессир Гисборн казался мне самым разумным и предусмотрительным. Во что его угораздило влипнуть? Как нам его теперь отыскать?

— Попробовать выведать в Палатии? — здраво предложил встревоженный де Фармер.

— Ага, вот у императрицы больше дел нет, как следить за участью подозрительных иностранцев, — огрызнулся фон Райхерт. — Хотя попытаться все равно надо. Византия — оплот бюрократии. У ромеев наверняка есть какой-то департамент, куда стекаются сведения о задержанных. Сунемся туда, заплатим клеркам, поспрашиваем.

У барона Мелвиха хватало своих забот. Перед отъездом с Кипра ему вручили несколько мешков, до отказа забитых пергаменами, настоятельно потребовав ознакомиться. Выяснилось, что сие — бумаги с разнообразными сведениями о делах Палестины, причем некото-

рые из них были составлены лично королевой Элеонорой. Его величество Ричард Плантагенет в качестве напутственных инструкций сообщил посланнику о своем твердом намерении в конце весны высадиться под Аккой, захватить таковую и далее напрямиком направиться к Иерусалиму — «а коли почтеннейший Барбаросса запоздает, то мы мешкать и ждать его не будем! Да, прямо так ему и передайте — пусть пошевеливается, не то Святой Град без него освободят!»

«Кое-кто точно не умрет от скромности», — буркнул про себя Гунтер, по врожденной дотошности решив все-таки прочитать выданные документы. Теперь он безвылазно сидел в полутемной комнатке, обставившись свечами, разложив пергаменты и продираясь сквозь витиеватый стиль средневековых писцов. Голова у германца потихоньку шла кругом, малой отдушиной были только воспоминания об оставшейся на Кипре Елене-Даниэлиде да голоса за окном. Давешняя шумная ребячья компания по меньшей мере дважды в день навевалась в облетевший сад, носилась по дорожкам, играла с собаками и убегала дальше. Несколько раз германец видел из своего окна матушку мальчиков, что жила в доме наискосок. Темноволосая миловидная женщина и в самом деле выглядела слишком юной, и Гунтер решил, что она доводится подросткам не родительницей, а близкой родственницей. Между собой дети и девица разговаривали то погречески, то на норманно-франкском, и мальчики частенько обращались к собеседнице «тетушка Агнесса».

Мессир де Фуа целыми днями где-то пропадал, объясняя свое отсутствие тем, что хлопочет над ускорением аудиенции и исполняет поручения, данные ему мадам Пуату. Впрочем, как-то раз он прихватил с собой Мишеля, проведя нормандца по достопримечательным местам Константинополя. Прогулка произвела на молодого де Фармера весьма сильное впечатление — он честно признался, что никогда не видел столь большого, на-

селенного и богатого города, и даже не думал, что такие бывают на свете.

Памятный день визита в императорский дворец начался задолго до рассвета. Для Комнина из Палатия прислали крытые носилки алой кожи, расшитой золотом, и бывший кипрский деспот чуть приободрился, сочтя это за хороший знак. Прогрохотав через пробуждающуюся столицу, франкская кавалькада выехала на огромную площадь, образованную уменьшенным подобием римского Колизея, дворцом в античном стиле и огромными каменными воротами с бронзовыми решетками. Мишель, вообразив себя заправским гидом, важно сообщил германцу, что площадь и дворец зовутся единым именем Августеон, маленький Колизеум — это форум императора Константина, а ворота — Халкидия, главный въезд в Палатий. Стало быть, ромеи сочли их посольство достаточно значительным, чтобы впустить их тем же путем, каким попадают в свое владение базилевсы.

Крамольную мысль о том, что опытные и собаку съевшие на всяких церемониях ромеи просто-напросто устрашают впечатлительных европейцев, мессир фон Райхерт решил придержать при себе. Германцу тоже было до чрезвычайности интересно. Он искренне сожалел о том, что среди имущества гостей из будущего не заваялось кинокамеры или, на худой конец, фотоаппарата. Ведь к XX веку от этих величественных построек ничего не останется, и археологи будут вести бесконечные споры о том, принадлежал ли обнаруженный фундамент дворцу Августеон или нет.

Тяжеленные решетки Халкидии на удивление беззвучно уплыли вверх. Проезжая через укрепление, барон Мелвих обратил внимание на выщербленные участки каменной кладки и разбитые зубцы, задумавшись над вопросом: это результат небрежения или недавнего штурма? Если штурм, то пресловутый «народный гнев» разгулялся тут всюю.

За воротами прибывших ожидали, да не один человек, а целая маленькая армия. Челядь и охрана Палатия, несколько напыщенных сановников в алых одеяниях на римский манер, переводчики с греческого на норманно-франкский, да еще какие-то непонятные юркие личности. Комнина, высунувшегося было из своих носилок, вежливо и непреклонно затолкали обратно. Гостей попросили спешиться и разоружиться — к счастью, об этой местной традиции франков предупредили заранее, и досадных затруднений не возникло. Собранное оружие уложили на носилки, закрыли отрезом бархата и унесли, пообещав вернуть по окончании аудиенции. Слуги подхватили паланкин с томящимся внутри кипрским деспотом и потрусили вперед, прочим оставалось только следовать за ними.

Недлинный, но извилистый путь завершился в просторной многоколонной зале, уже на треть занятой ожидающими приема у императрицы. Посольство Ричарда отвели в укромный уголок за колоннами, посоветовав набраться терпения. Когда наступит их очередь предстать перед базилиссой, их известят. Если во время ожидания гости пожелают есть или пить, достаточно сообщить об этом первому же попавшемуся на глаза дворцовому прислужнику.

— А я думал, нас сразу пустят... — совершенно по-детски разочаровался де Фармер.

— Мы птицы невысокого полета, — хмыкнул Гунтер. — Подумаешь, какой-то Ричард. Представь, что ты в засаде. Сиди, терпи, жди.

Шестерни государственного аппарата Византии вращались с воистину царственной неспешностью. Спустя час потерявшие терпение Мишель и несколько франков помоложе удалились на прогулку по медленно наполнявшемуся залу — поискать соотечественников, выпросить новости и поглазеть на присутствующих. Явившиеся слуги молча разложили на полу толстые кожа-

ные подушки, заменявшие здесь привычные скрипучие стулья. Де Фуа, с меланхоличным видом побродив туда-сюда, тоже улизнул. Возмущенный повальным дезертирством мессир фон Райхерт решительно свалил обязанность стеречь пленника на подчиненных и отправился знакомиться с обстановкой.

Довольно быстро выяснилось, что европейцы здесь присутствуют, хотя и в малом количестве — в основном аудиенции ожидали местные уроженцы. Новости о захвате Кипра в Константинополь уже дошли, но смутные и противоречивые, у очевидцев падения острова взалёб выпрашивали подробности.

Обогнув зал по периметру, германец добрался до небольшой решетчатой двери в дальнем конце, пребывавшей под бдительной охраной местной стражи. За прихотливым сплетением золотых прутьев в мерцании свечей и факелов смутно различался большой зал, где, видимо, и шельприем. Время от времени решетку открывали, впуская новую группку алчущих узреть императрицу. Прикинув, сколько еще придется ждать, фон Райхерт тягостно вздохнул. Может, стоило дать взятку кому-нибудь из встречавших чинуш?

По зале ветерком пролетел сдержанный ропот, какой возникает при приближении важной персоны. Присутствующие без всяких указаний торопливо раздались в стороны, и из неприметного бокового прохода в залу широким шагов ворвался некто, сопровождаемый отстающей и едва не трусившей свитой из писцов, охранников и слуг. Издалека германец разглядел только светло-волосую голову, топорщившийся на широких плечах ярко-алый плащ, и переливчатый блеск золотого шитья и украшений. Почтительную тишину разбил низкий, уверенный голос, произносивший греческие слова с резким акцентом уроженца Северной Европы. Голос показался мессиру фон Райхерту смутно знакомым, и, вспомнив усвоенные начатки греческого, он полушепотом

спросил у оказавшегося рядом ромея, с виду — богатого торговца:

— Кирие, это кто пришел?

— Протосеваст Склир, — неприязнь к иноземцам уступила желанию посплетничать. — Правая рука и карающий меч базилисы. Вот увидите, сейчас половину ожидающих лично вышвырнет за дверь, привычка у него такая...

«Протосеваст в европейской аналогии чинов и титулов будет вроде коннетабля, королевского полководца, — припомнил Гунтер. — Доверенное лицо императора, ближайший советник и второй в Империи человек после базилевса. Повезло кому-то».

И точно — после краткого обмена репликами несколько человек с понурым видом удалились. Кто-то, повысив голос, начал возмущаться, на что франк с византийской фамилией коротким взмахом руки приказал вывести смутьяна прочь.

Более возражений и возмущений не последовало.

Меж ожидающими аудиенции зашныряли слуги, негромко что-то выкликая, и собеседник германца встретился:

— Посланцы короля англов — вы? Базилисса желает видеть иноземцев...

Спохватившись и забыв поблагодарить, мессир фон Райхерт ринулся к своим спутникам. Издалека заметный алый с золотом плащ багровел рядом с франками, протосеваст разговаривал с мессиром Ангерраном. Гунтер заметил донельзя изумленную физиономию Мишеля с округлившимися глазами. Поймав взгляд бывшего оруженосца, нормандец довольно невежливо ткнул указательным пальцем на византийского сановника. Тот как раз сорвался с места, стремительно прошагав мимо окаменевшего фон Райхерта и задев обер-лейтенанта краем разлетающегося плаща.

— Это же Гай, — смятенно пробормотал молодой де Фармер, когда посольство гуськом потянулось к распа-

нутой золотой решетке. За ними тащили совершенно неуместный во дворце паланкин. — Мессир Гай Гисборн собственной персоной. Он меня то ли не признал, то ли не захотел узнавать. Но это Гай, долей наследства клянись и спасением души! Как же так?..

— Потом узнаем, — оборвал нормандца барон Мелвих, наконец-то сообразивший, отчего ему померещился знакомый голос. Похоже, мессир Гисборн в отсутствие друзей не терял времени зря, неведомым способом добравшись до сияющих вершин имперской власти. — Мишель, ты только не вздумай к нему кидаться с воплями: «Здравствуйте, мессир Гай, сколь рады мы вас видеть!» Человек при исполнении обязанностей, ему сейчас не до прежних знакомств. Если он нас видел и узнал, то помни мое слово, после торжественного приема нас наверняка попросят задержаться.

* * *

Мнения относительно внешности византийской базилисы у мессира фон Райхерта так и не сложилось — ибо на золотом троне с подлокотниками в виде крылатых львов восседала закутанная в ворох пурпурных тканей статуя с тщательно прорисованным идеально-красивым личиком. Трон громоздился на ступенчатом возвышении, и на нижней ступеньке, вполоборота к залу, замер широкоплечий человек в алом плаще. Кажется, присутствовали еще какие-то люди, выстроившиеся вдоль стен, но Гунтер никого толком не разглядел, пораженный фактом своего присутствия в византийском Палатии.

Металлически-четкий голос императрицы был отлично слышен во всех углах огромного помещения. Она не нуждалась в переводчиках, безупречно изъясняясь как на родном греческом наречии, так и на норманно-франкском вкупе с латынью.

А еще базилисса Склирена оказалась весьма расчетливой и хладнокровной дамочкой. То есть именно такой, какая и могла выжить и успешно править страной в Средневековье. Судьбу Исаака Комнина она решила мгновенно, едва только доставленного с Кипра пленника вытряхнули из носилок и явили пред ее подведенные темной синевой очи.

Бывший кипрский деспот, надо отдать ему должное, перед ликом правительницы не струхнул, даже попытался сказать что-то в свое оправдание. Застывшая фигура на троне чуть повела пальчиком. Позади ромея выросли две молчаливые и грузные фигуры в темно-синих одеяниях внутренней стражи Палатия. Фон Райхерт еще успел заметить, как взлетела, захлестываясь петлей, пресловутая серебряная цепь, плод выдумки Ричарда Плантагенета, и отвернулся. Звуков, впрочем, почти не было — единственный сипящий выкрик да шлепанье кожаных подошв по мраморным квадратикам пола. Выполнив приказ, стражники извлекли заранее припасенный вместительный мешок, затолкали в него обмякшее тело и деловито утащили прочь из тронного зала.

«Византия, — растерянно подумал про себя германец, — ведь она такая и есть, как описывалась в хрониках. Новой правительнице совершенно ни к чему выход из былой династии базилевсов, и наилучшим выходом она полагает быструю казнь вероятного бунтаря. Без всяких судебных процедур, обвинений и обжалования приговора по инстанциям. Абсолютная тирания в ее идеальной форме. Если эта женщина пожелает, нас тоже выволокут отсюда в завязанных мешках».

Аудиенция оказалась до смешного короткой. Франков сухо и коротко поблагодарили за оказанную Империи услугу, пообещали всемерное содействие в их богоугодных замыслах — и подоспевший сановник-распорядитель самым недвусмысленным образом подтолкнул

гостей к выходу. Заготовленная речь мессира фон Райхерта пропала втуне, никому из посланцев даже рта не позволили раскрыть.

Обнадеживало только одно: за дверями тронного зала их и в самом деле поджидал челядинец, на внятной латыни известивший германца и де Фармера о том, что им надлежит следовать за ним. Прочих же гостей Палатия препроводят к воротам, где им вернут отобранное имущество.

На сей раз местом ожидания стала довольно уютная небольшая комнатка с видом на хмурое зимнее море и заранее накрытым столом.

— Я же говорил! — нарочито бодро провозгласил барон Мелвих, устраиваясь на тяжеленном табурете и с любопытством разглядывая местные блюда. — Перекусим, а там тем временем и аудиенция закончится.

Мишель кивнул в знак согласия, прошел туда-сюда по комнате, зачем-то подергал кованую решетку на полукруглом окне и шепотом высказался:

— Странно как-то... Почему императрица совсем не пожелала с нами разговаривать?

— Может, не хотела обсуждать дела Крестового похода при своих советниках, — предположил фон Райхерт. — В Византии недолюбливают иноземцев, но принять посланцев от короля-крестоносца было необходимо. Вот ради нас и изобразили эдакое дипломатическое расшаркивание.

— Не понимаю, — честно признался де Фармер. Обошел стол, принялся к острым и пряным ароматам незнакомой пищи. То ли в шутку, то ли всерьез поинтересовался: — Как думаешь, нас не отравят?..

Ожидание растянулось на несколько часов. Небо за окном уже начало сереть, день перевалил за половину, а вызванные перезвоном гонга слуги заменили опустошенные тарелки и кувшины на столе на полные, когда снаружи донесся четкий, энергичный перестук каблуков.

Настежь распахнулась дверь, и посланцы Ричарда Английского обернулись навстречу вошедшему.

— ...Вот так и вышло, что наша дорога в Марсель пролегла через Тулузу, Ренн-ле-Шато и Камарг, — Гай поднял за ножку тяжелый серебряный кубок с россыпью крохотных топазов по ободку, но пить не стал. Оба его приятеля зачарованно внимали причудливой истории странствий английского рыцаря, де Фармер даже рот открыл от изумления. — В Камарге... в болотах Камарга произошло много всяческих событий, страшных и пред удивительных, но самое невероятное — что мы все ж таки выбрались оттуда живыми и почти невредимыми, достигнув Марселя. Оттуда я отправился на Сицилию, разминувшись с вами от силы на седмицу. Вручил мадам Элеоноре архив покойного Лоншана и рассудил, что должен попытаться выполнить обещанное — добраться к Рождеству до Константинополя. Дорога была трудной... но к середине ноября я был в Византии. — Мессир Гисборн помолчал и невозмутимо добавил: — И никуда больше не двинусь. Мой поход в Святую Землю окончен.

— Из-за императрицы? — понимающе спросил Мишель.

— Из-за нее тоже, — не стал отрицать Гай. Тон, которым он объявил о своем намерении, звучал так спокойно и ровно, что любому становилось ясно: человек принял решение. Бесплезно отговаривать его или разубеждать. Путь, начавшийся от подножия каменного креста на границе баронства де Фармеров, привел уроженца Ноттингамшира в Константинополь — к подножию трона базилевсов и женщине, ставшей для Гая дорожкой всех прочих сокровищ мира. — А еще из-за предсказания... и ощущения того, что мое истинное место — здесь и больше нигде. Между прочим, вы по дороге не слышали каких-нибудь новостей из Южной Франции? Сдается мне, мы посеяли достаточно ветра, чтобы разразилась нешуточная буря.

— Ничего мы не слышали, — удрученно признался фон Райхерт. — Да и откуда бы? Новости путешествуют неспешно. Мы сидели на Кипре, потом две седмицы плыли в Константинополь... Кстати, где ты потерял Мак-Лауда?

Англичанин язвительно хмыкнул:

— Я его не терял. Это он улизнул своими кривыми тропами. Месяц назад эта ходячая кельтская неприятность была в столице и натворила изрядных дел. Надеюсь, у него достало ума ради собственной же безопасности покинуть Империю. Ничуть не удивлюсь, если он вновь попадется вам навстречу — там, где вы меньше всего этого ожидаете. В Иерусалиме, причем в качестве ближайшего доверенного лица султана Саладина. Или среди конфиденентов Конрада Тирского.

«Гм, — Гунтеру вспомнились подозрительные обмолвки мадам Элеоноры относительно их диковатого спутника, казавшиеся бредовыми рассуждения Сержа Казакова о тайных службах Средневековья и закулисных игрищах. — И еще раз гм. Неужели Серж, что называется, угодил в самую точку? С самого выезда из Лондона рядом с нами находился человек, осуществлявший какую-то свою миссию и преспокойно водивший нас за нос? Но... но этого просто не может быть! Это же XII век, простота нравов, Крестовые походы! Откуда тут взяться секретным департаментам, разведчикам и двойным агентам?»

— Хочу вам кое-что вернуть, кстати, — Гай отошел к стоящему в углу пузатому шкафчику. Побренчал ключами и, вернувшись на место, уронил на столешницу два увесистых кожаных мешочка. Очень знакомых мешочка — тех самых, в которых отправившаяся в путь компания авантюристов некогда хранила позаимствованные сокровища Уильяма Лоншана, несколько пригоршней драгоценных камней. — Мне они теперь ни к чему, а вам в дороге лишние деньги пригодятся.

Приглушенно скрипнула, отворяясь, толстая дубовая створка, скругленная поверху. Мессир Гисборн, даже не оглядываясь, поднялся со стула, его собеседники тоже привскочили — ибо в комнату вплыла женщина. Высокая и тонкая девица, облаченная в европейское платье-сюрко светло-зеленого бархата, с небрежно переброшенной через плечо длинной косой темно-рыжего цвета, украшенной низкой золотых монеток. Когда она вошла в пятно свечных отблесков, фон Райхерт разглядел решительное скуластое личико, голубые с прозеленью глаза и изогнутые в легкой усмешке тонкие губы. Девица преспокойно оглядела присутствующих, пальчиком небрежно стукнула Гая по плечу — садись — и встала позади его кресла, облокотившись на резную спинку.

— А, — растерянно пискнул Мишель, на сей раз сообразивший быстрее германца. — Госпожа...

— Зоэ, — металлический голосок был из числа тех, что не скоро забудешь. — Кирия Зоэ. Или Склирена. А вы друзья Гая, о которых я многое знаю понаслышке, и заодно посланцы Ричарда Плантагенета. Гай уже поведал вам о нашем увлекательном путешествии через Лангедок? И по своей всегдашней скромности наверняка умолчал о собственных подвигах?

— Зоэ, — укоризненно протянул англичанин. — Много ли их было, тех подвигов?

— Уж поверь, мне лучше знать, — весело хмыкнула девица. Без торжественного наряда и парадной маски на лице императрица Византии предстала самой обычной женщиной, хозяйкой, вместе с супругом принимающей гостей. Впрочем, через миг впечатление мирного добродушия пропало, ибо кирия Зоэ деловито осведомилась: — Ну, а теперь, когда встретившиеся друзья перемыли косточки всем знакомым, я бы хстела узнать у очевидцев — что стряслось на Кипре? Исаак Комнин, конечно, весьма ценный подарок, но я бы желала получить обратно и свой законный остров. Или я могу с ним

смело распрощаться? Или нам придется выкупать у франков наше же владение? Вы говорите, говорите, не стесняйтесь. На самом деле я не столь кровожадна, как кажется на первый взгляд. И еще не обзавелась привычкой карать гонцов за дурные вести.

Насчет судьбы захваченного Кипра посланцы, к сожалению, не могли сказать ничего конкретного. Перед отъездом мессир фон Райхерт, имевший беседу с Плантагенетом, настойчиво пытался завести разговор о принадлежности Кипра, но Ричард с досадой отмахнулся. С английского короля было достаточно того, что кипрский деспот изловлен, а остров взят под руку крестоносцев. Пусть законники двух государств потом решают, чьим владением считать Кипр — византийским, английским или чьим-нибудь еще.

Осторожная речь германца была воспринята благосклонно, хотя и недослушана до конца. Миледи Зоэ оборвала его рассуждения на полуслове:

— Понятно. Ваш король совсем не прочь меня ограбить, да только мы будем настойчиво возражать. Вот еще одна забота, словно нам своих недостает. Впрочем, кое-какие хлопоты я охотно свалю на вас, — она хихикнула, показав мелкие острые зубки, — у нас тут сидят посланцы Барбароссы. Покойный базилевс в помрачении рассудка отнесся к ним весьма резко, бросив за решетки Влахерны. Теперь они на свободе, и вам в ближайшие же дни придется с ними встретиться. Узнайте, что им понадобится для их великой армии, составьте перечень, известите... Гай, кому поручено заниматься вопросами снабжения франкской армии и вообще Крестовым походом?

— Вранасу из военного ведомства, — незамедлительно откликнулся рыцарь. — Им отвели бывшее здание квартального суда у... как его... у ворот Милия. Со всеми вопросами и хлопотами — туда. Я лично наведуюсь и наору на тамошних писцов, чтоб шевелились резвее. Иначе они будут вымогать бесконечные подачки и пе-

речитывать всякий пергамент по десяти раз кряду. Традиции, чтоб им пусто было...

«Гай и в самом деле оказался здесь на своем месте, — в который раз удивленно отметил про себя фон Райхерт. — Доблестный английский паладин ехал освобождать Гроб Господень, а сделался приближенным базилисы. Коли они с миледи Зоэ поженятся, Гай, что, станет византийским императором? Если отец Колумбан, говоря о «разных дорогах», имел в виду именно его, то святой отец еще слабо выразился... Зато я теперь должен ломать голову: как эдакий феномен скажется на мировой истории и скажется ли?»

Визит в Палатий затянулся почти до наступления темноты. Здешние порядки строжайше воспрещали любым визитерам, особенно иноземцам, оставаться во дворцах на ночь — и после церемонии прощания прибывший эскорт стражи с топотом и звоном повел гостей по запутанным коридорам и полутемным залам к выходу. Мишель, удостоенный чести поцеловать тонкие пальчики императрицы Зоэ, пребывал в задумчивости, спросив:

— Как думаешь, мы больше их не увидим? Ни Гая, ни мадам Склирену?

— Разве что издалека, — предположил Гунтер. — На каком-нибудь торжестве. У них теперь своя жизнь и своя судьба, у нас — своя.

— Сколь удивителен Божий мир, — заключил нормандец. — Жаль, Гай так и не побывает в Иерусалиме.

— Кто знает? — пожал плечами барон Мелвих. — Тебе доводилось слышать о том, что раньше, лет пятьсот тому, Палестина была владением Византии? Вдруг миледи базилисса вздумает отвоевывать свои земли обратно?

— С нее станется, — де Фармер тихонько хрюкнул. — Решительная особа, по всему заметно.

У выхода из Палатия гостей поджидал сюрприз: повозка, в которой громоздилось несколько внушительного вида сундуков. Позевывающие слуги, державшие в

поводу коней франков, охотно растолковали, что сие — дары светлейшей базилисы иноземным посланцам. Древняя традиция, отказываться не принято.

— Сколько у них тут традиций? — искренне поразился Мишель. — Мне порой кажется, что у ромеев всякий шаг определяется обычаем, причем обычаю этому должно быть не меньше сотни лет. Вот мессир Ангерран рассказывал...

Долгая история удивительных византийских обычаев растянулась на всю дорогу от площади Августеон до итальянского квартала. Впереди погромыхивала повозка, за ней с достоинством вышагивал приставленный к послам эскорт, размахивая факелами, в хвосте ехали мессеры иноземные посланники. Гунтера клонило в сон, он дремал, покачиваясь в седле и вполуха внимая болтовне спутника.

У ворот квартала, считавшегося землей вне пределов византийских законов, охрана, исполнив свой долг и благополучно сопроводив гостей, повернула обратно. Маленькие подслеповатые окна на втором этаже флигеля тускло светились — кто-то (скорее всего, мессир де Фуа) дожидался возвращения задержавшихся в Палатии.

«Сейчас начнет выпрашивать, что да как, — с неудовольствием подумал германец, в полутьме спотыкаясь на крутых ступеньках лестницы вверх. — Отговориться тем, что завтра расскажу все в подробностях? Или пусть Мишель отдувается?»

Однако в маленьком зале, громко поименованном «общей гостиной», обнаружился не только де Фуа. Компанию ему составлял незнакомый Гунтеру и Мишелю господин — белобрысый, плотного сложения крепыш средних лет с сонным взглядом водянисто-серых глаз, явственный уроженец германских либо северных земель Европы.

— Ну, вот и они, — с явным облегчением провозгласил мессир Ангерран, заведя входящих в дверь посланников. — Живые, целые и невредимые. А вы, Амори, целый вечер каркали, точно старый ворон на дубу!

Восседавший в огромном кресле белобрысый Амори пожал плечами, окинул каждого из молодых людей быстрым и на удивление цепким взглядом, после чего перегнулся через подлокотник и потеревил кого-то, мирно прикорнувшего в кресле по соседству.

— Они вернулись, — негромко известил он спящего.

— А то я не слышу, — огрызнулись в ответ. Проснувшийся человек выпрямился, усаживаясь и быстрым взмахом руки отбрасывая назад мешающие волосы. Ухмыльнулся и чуть сипловато осведомился: — Что новенького в Палатии? Как поживает высокородный протосеваст со своей рыжей злючкой? Долго же вы добирались, почти на месяц опоздали. Гай вас ждать утомился — и сами видите, какую заварушку учинил от скуки!

— Данни, — устало и, видимо, уже не в первый раз попросил белобрысый, — сделай одолжение, заткнись. Хоть ненадолго. Мир был прекрасен, пока ты спал и молчал. Добрый вечер, господа. Или, что будет точнее, доброй ночи. Барон Амори фон д'Ибелен, из Тира, вассал маркграфа Конрада Монферратского, к вашим услугам. Вы, надо полагать, Гунтер фон Райхерт, вы — Мишель де Фармер? Данни много о вас рассказывал, причем хорошего — и, похоже, для разнообразия не врал.

— Я вообще не вру, мессир Амори! Я слегка приукрашиваю, исключительно для пользы дела, — возмутился Дугал Мак-Лауд, которого здесь почему-то называли Данни.

«Д'Ибелен, — плохо соображавший и растерявшийся Гунтер решил отложить выяснение вопроса о внезапном появлении шотландца на потом, пытаясь вспомнить, откуда ему знакома фамилия барона Амори. — Д'Ибелен, живая здешняя знаменитость! Король Иерусалима, командовавший два года назад обороной города от армии Саладина! Ему пришлось сдать Святой город, однако он добился от арабов выгодных условий и спас множество иерусалимских христиан, заплатив за них

выкуп. Потом он вроде бы перебрался в Тир, сделавшись правой рукой Конрада Монферрата... Как он очутился здесь, в Константинополе? И, похоже, он прекрасно знает мессира де Фуа и кельта... Серж был прав, а я не верил — воистину, у них тут сплошные шпионские тайны, о которых ученые XX века не подозревали...»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Легионы на марше

10 апреля 1190 года. Малая Азия.
Конья (Иконий), столица Конийского султаната

Утром ветер переменился, зайдя с юга, с гор Тавра, и наконец-то разогнав висевшую над огромным лагерем едкую хмарь, дым подожженной Коньи. Взятый крестосной армией город полыхал, что не мешало доблестным шевалье грабить опустевшие дома, набивая шатры и обозные повозки захваченным добром.

Лагерь сорокатысячной — огромной по меркам XII века и весьма небольшой для века XX — армии Великой Римской империи полукольцом раскинулся по окрестным холмам. Летом здесь, наверное, было очень красиво: персиковые и вишневые сады, виноградники, живописные деревушки, возделанные поля, сплетение блестящих под солнцем оросительных каналов. Однако ранней промозглой весной местность представляла весьма неудобной. Листва на деревьях только-только проклюнулась, свежую траву быстро подъели тысячи лошадей, люди вытоптали землю и сожгли город. Уцелевшие сельники Коньи образовали свой собственный бивак и, сидя на спасенном имуществе, дожидались часа, когда можно будет вернуться обратно.

Бывшего обер-лейтенанта Третьего рейха несказанно поражала прямо-таки муравьиная способность лю-

дей Средневековья приспособливаться к меняющимся условиям и восстанавливать свои жилища из пепла. Сейчас уцелела только крепостная стена Коньи, все остальное лежит в руинах и пожарищах. Но, если заглянуть сюда через год, город вновь будет бурлить, торговать и жить. Завоевателям потребовалось бы снести дома и городские укрепления, перепахать землю и засыпать ее солью — и только тогда бы бывшая византийская крепость Иконий умерла. По слухам, император Барбаросса пытался именно таким способом стереть с лица земли досадивший ему Милан, но не преуспел. Дело ограничилось символическим разрушением одного из соборов и части крепостного вала.

«Сами виноваты, — философически думал мессир фон Райхерт, уже начавший проникаться немудреной и насквозь циничной точкой зрения идущих через Переднюю Азию крестоносцев. — Соблюдали бы собственный уговор, и все закончилось благополучно. Мы бы спокойно прошли мимо. Так нет, им приспичило цапнуть Барбароссу за пятку».

Отсюда, со склона холма, где был разбит маленький лагерь английских посланников и примкнувших к ним соотечественников, Гунтер отлично видел большой императорский шатер с лениво развевающимся желтым полотнищем стяга. Черный римский орел на знамени хищно разевал клюв и топорщил перья. Около шатра, по обыкновению, толпилось пестрое сборище приближенных старого императора, сегодня изрядно увеличившееся за счет конийских посланников.

За шелковыми стенами разыгрывалась очередная партия в политические шахматы — молодой конийский султан Орхан, явившийся с просьбой о перемирии, расплачивался за свою ошибку. Впрочем, не он первый принял желаемое за действительное, самоуверенно решив, что стоящий во главе крестоносной армии дряхлый старик шестидесяти пяти лет уже ни на что не годен. Пове-

литель Римской империи с величайшим удовольствием разыгрывал из себя скандального и вздорного старца, то порывающегося развернуть войско на ненавистную Италию, то без причины отчитывающего приближенных, свитских и родичей — но под этой маской по-прежнему скрывался жесткий, решительный и умный правитель, державший огромную армию в железном кулаке и лично возглавивший штурм Коньи.

По сравнению с воинством Ричарда, где каждый отважный воитель кичился собственной доблестью, а приказов мало кто слушался, армия германского императора представляла прямо-таки образцом муштры и организованности...

Штурм начался около полудня и закончился к шести вечера, когда с грохотом пали главные ворота. Султан с малой свитой сумел улизнуть из города, чтобы спустя несколько дней униженно притащиться на поклон к победителям. Как подозревал германец, попытка воспрепятствовать Барбароссе обойдется Орхану и его подданным очень и очень дорого — припасами, золотом и всем, что потребуется армии. Не говоря уж о том добре, которое франкские рыцари позаимствовали в городе.

Де Фармер и Мак-Лауд принимали участие в штурме. Двое сорвиголов зазывали и его, но германец отказался наотрез — хватит с него ратных подвигов, метаний под стрелами и копьями, и рискованной игры со смертью. Вернулись герои-крестоносцы ужасно довольными, притащив с собой уйму подвернувшегося под руку барахла, ценного и не слишком. Ненужное тут же продали в лавки воинских маркитантов, прочие трофеи оставили себе. Мишель и Дугал в качестве мародеров еще поскромничали, Гунтер видел повозки, до отказа набитые трофеями и еле передвигавшиеся.

Франкское войско пятый день стояло в весенних садах, отдыхая после боя. Конья горела, а султан Орхан мрачно выслушивал условия, на которых европейские

захватчики соглашались вернуть его же собственную столицу. И, наверное, мысленно проклинал себя за решение бросить вызов Барбароссе. А старый император веселился вовсю, притворно вздыхая и сочувствуя бедам правителя Коньи.

* * *

Четыре месяца путешествия через пустынные края Малой Азии, вдоль незримой границы Византийской империи и Румского султаната, наглядно показали мессину фон Райхерту, как выглядит средневековая армия на марше. Многоголовый, топчущий сотнями копыт зверь неуклонно влачил по разбитым дорогам и бездорожью к югу, к берегам Средиземного моря. За конницей грохотала пехота и надрывно визжало колесами охвостье многочисленных обозов. Передвижной город с лавками, мастерскими, кузницами и походными часовнями. Гунтеру казалось, армия движется страшно медленно. Однако те, кто минувшей осенью преодолел Венгрию, Фракию и Болгарию, уверяли, что на самом деле войско перемещается довольно бодро. Константинополь в лице новой императрицы и Синклита — может, не слишком охотно, скрипя зубами и подсчитывая истраченные безанты — выполнил обязательства, подписанные покойным Андроником, предоставив крестоносному воинству корабли для переправы через Босфор и знающих проводников по азиатским землям. Уклонились ромеи только от обещания поддержать крестоносцев воинскими силами, заявив, якобы не могут распылять свою армию и верят в доблесть франков.

— Скатертью вам дорога, Иерусалим — вон там, и нечего маячить под нашими стенами, — цинично высказался по этому поводу Дугал.

Железная змея ползла через пустынные, незаселенные холмы — которым через пару столетий предстояло

стать оживленными турецкими провинциями, — от одной сторожевой крепости до другой, от источника к источнику. Вода была здесь величайшим сокровищем, ценностью превыше золота и человеческой жизни. Мутная, грязная вода крепостных колодцев — сперва лошадям, потом людям. Когда крестоносное воинство уходило дальше, приходилось ждать по нескольку дней, чтобы высушенные до дна колодцы снова наполнились. Некоторые так и оставались пустыми, вода больше не возвращалась.

Два зимних месяца, морозных, ветреных и пыльных. Однообразные безлесные холмы, переходящие в выветренные горы, редкие бедные деревушки. Подъем, свернуть лагерь, в седло, рысью-трусцой-шагом до наступления вечера, разбить лагерь, ночлег — бесконечно-непрерывное, однообразное движение вперед. К побережью. Туда, где шумные города Киликии, а не эта наводящая уныние и тоску смерзшаяся холмистая степь.

В начале весны разделенное на полутысячи крестоносное воинство преодолело никому не принадлежащие и никем не заселенные пустоши. Порой из-за холмов в облаках пыли выскакивали конные отряды неведомой национальности. Мессир фон Райхерт решил, что нападающие должны быть сельджуками, захватившими изрядную часть бывших византийских провинций. Его сотоварищи по Походу, не вдаваясь в различия, скопом именовали любых противников «турками» либо «сарацинами». Завязывалась схватка, врагов истребляли либо отгоняли, уцелевшие грабители исчезали в распадках, утняя лошадей, подводы с припасами, и порой похищая людей.

Однажды в сумерках такой разбойничий отряд налетел на посольскую стоянку. Гунтеру еще долго вспоминался конь, прыгнувший прямо через сыплющий искрами костер, вопли, божба, перемещаемая отборными проклятиями, — и широкий светлый полукруг летящей клейморы, подсекающей ноги лошади. Бедное животное, визжа, покатилося по земле. Всадник успел выпрыгнуть

из седла и несколько мгновений ожесточенно рубился с «неверными» — пока его не прикончили набежавшие со всех сторон франки.

Покалеченного и бившегося посреди стоянки коня хладнокровно прирезал де Фуа. Мессир фон Райхерт поначалу содрогнулся, когда мертвого жеребца деловито выпотрошили, мясо закоптили и преспокойнейшим образом съели. Однако, как убедился на собственном опыте германец, жареная конина ничуть не хуже любой другой пищи. Особенно, если выбирать не из чего, ибо в армии начинались трудности с провиантом. Тот, что везли с собой из Византии, подходил к концу, а приобрести новый в пустынных областях было попросту негде. Оставалась надежда на Конью — Кылыч-Аслан, третий десяток лет правивший султанатом, мудро предпочел дать крестоносцам все, что они просят, и пропустить воинство Христово через свои земли к пределам Киликии.

До границ Конийского султаната оставались считанные дни, когда по войску зашелестела тревожная новость — старый Кылыч, ненадежный, но все-таки союзник, умер. То ли по дряхлости лет, то ли с посторонней помощью. Новый султан, младший сын Кылыч-Аслана, не намерен кланяться перед неверными и выполнять договор, подписанный его отцом.

— Припасов не будет, проводников не будет, стало быть, конец спокойной жизни, — подвел итог де Фуа, вернувшийся с известиями из императорской стоянки и желчный более обыкновенного. — Нас ждут подвиги, лишения и испытания во имя веры. Готовьтесь, мессирры. Все, за исключением Данни, ибо ему, согласно древней варварской традиции, наплевать на любых врагов.

— Купно и розно, — хмыкнул Мак-Лауд. — Ибо два кельта — уже войско, три — несокрушимая армия, а четыре — подходящее число для доброй пирушки.

Мрачные прогнозы мессира Ангеррана сбылись. В пределах султаната крестоносцев встретили без вся-

кого дружелюбия и приязни. Прибывшее посольство высокомерно заявило Барбароссе, что здесь франкам совершенно не рады, обеспечивать их чем-либо не собираются и в города не впускают. Мелкие стычки завязывались почти каждый день, не принося императорскому войску особенного ущерба, но вынуждая всех постоянно быть настороже. Византийские проводники честно признались, что здешних дорог не ведают, и франкской армии придется выбирать путь на свой страх и риск.

Огрызаясь и изрядно замедлив ход, рассылая вокруг многочисленных разведчиков, голодая и мучаясь от жажды, воинство, ведомое нестигаемым старым императором, нацелилось на Конью. Конью с ее высокими и крепкими стенами, возведенными еще во времена расцвета Византии, за которыми рассчитывал отсидеться султан Орхан. Имевший весьма смутное представление о том, на что способен франкский правитель в гневе — а Барбаросса пребывал в ярости. Той ее самой опасной разновидности, что не сразу бросается в глаза, сдержанной и тлеющей под спудом, обращающейся в точный и безошибочный расчет. Как не раз приходило на ум Гунтеру, историки будущих времен были правы, именуя Ричарда Львиное Сердце прирожденным тактиком, а Фридриха фон Штауфена, более известного под прозвищем Барбаросса — великим стратегом.

Соппротивление Коньи длилось всего несколько часов. Рыкнув на свитских, робко пытавшихся удержать императора вдали от битвы, Барбаросса лично повел рыцарей в атаку на пестрое сельджукское воинство, с откровенным вызовом гарцевавшее под стенами города.

Первый раз в жизни пришелец из будущего увидел, что такое — атака тяжелой рыцарской кавалерии Запада. Нежно зеленеющая степь, по которой прошелся вал конницы, превратилась в насмерть разбитый танкодром после особо сложных учений гудериановской Четвертой бригады. Черная перекопанная земля. И больше ниче-

го. Закованный в латы вал, скатившийся вниз по пологому склону холма на явно превосходящие в количестве отряды султана, взметнувшийся вверх низкий гул, звон, металлический скрежет, слившиеся в общую какофонию истошные вопли. Малая часть конийского воинства, вырвавшись из мясорубки, едва успела ворваться в городские ворота — буквально на четверть часа опередив штурмующую группу франков, с их таранами и стеноломами на колесах. Остальным было не суждено уйти с поля боя, обратившись в разбросанные там и сям изломанные фигурки.

«Хорошо все-таки, что я с ними не пошел, — похвалил себя за предусмотрительность мессир фон Райхерт. — Вот Серж наверняка бы потащился следом. Мол, это так интересно — штурмовать крепость. Ну уж нет! Куда лучше планировать этот самый штурм и наблюдать за ним со стороны, чем в нем участвовать».

Подле императорского шатра обозначилось некоторое оживление. Хрипло и немзыкально проревели трубы, грохнули палки по натянутой козловой коже барабанов. Получивший свой урок, разбитый наголову и здорово поплатившийся за самонадеянность султан Орхан покидал ставку правителя франков.

— Сарацинский нахал еще легко отделался, — глубокомысленно заметили рядом с германцем. Тот невольно вздрогнул, никак не в силах свыкнуться с манерой Дугала появляться совершенно беззвучно. — Он остался жив, его даже не спихнули с трона, а только обобрали до последнего пенни. Ты почему не при делах? Ты ж вроде как посол Ричарда и приятель Младшего.

Заглазным прозвищем «Младший» именовали последнего из отпрысков Барбароссы, тезку сиятельного папашин-императора. Фридриху-младшему недавно исполнилось восемнадцать годков от роду, он был на удивление любознательным и образованным молодым человеком, эдаким идеалом рыцарства, не в обиду Ричарду Английскому.

Портил сей букет достоинств единственный недостаток: принц Римской империи был в искреннем восторге от головной боли своего батюшки, непокорной Италии. Его привязанность частенько приводила к громким семейным ссорам. Усугубляла конфликт поколений дама сердца Младшего, сопутствовавшая ему в Походе, римлянка Ваноща с непроизносимой и заковыристой фамилией. А также ее фрейлины, отряд жгучих и языкатых красоток, и их не менее яркие сопровождающие.

Барбаросса рвал и метал, но ничего не мог поделывать — итальянцы распоряжались его казной, снабжали императора средствами на Крестовый поход и сидели с ним за одним столом. Стоило тратить жизнь на покорение страны, чтобы твой же отпрыск восхищался побежденными!

— Сегодня должность посланника у нас исполняет Мишель, — объяснил мессир фон Райхерт. — Ему позарез приспичило потолкаться среди придворных, глаза на настоящего сарацина.

— Девку свою ему повидать приспичило, — хмыкнув, уверенно заявил Мак-Лауд. — Спорим, до ночи не вернется? Кстати, есть хочешь? У нас сегодня будет настоящая баранина. Сам покупал. Если старая карга Лугареция не зажарила мясо до угольков, то так и быть, обеды и кости — твои.

После двух голодных месяцев в азиатских степях вопрос «есть хочешь?» мог расцениваться только как утонченное издевательство. Или как образчик специфического шотландского юмора.

— Щедрый ты наш. Смотри, при Мишеле не назови его прекрасную даму «девкой», — ядовито посоветовал барон Мелвих, заслужив в ответ снисходительное ворчание. Подразумевающее: «Я, может, и сумасброд, но ума покуда не лишился».

«Никогда не знаешь, что способны выкинуть ближние твои. Не угадаешь, что они скрывают, — размышлял Гунтер, шагая через многолюдный шумный лагерь

к биваку маленькой компании, старавшейся держаться вместе. — Все их Средневековые — один огромный карнавал. Марди Гра евразийского размаха. И нет никакой гарантии, что под снятой маской не прячется еще одна. Взять, к примеру, Дугала. Данни, как он теперь почему-то предпочитает себя называть. Мы-то думали: случайный попутчик, дикарь с высот Хайленда. А он — свой человек для де Фуа, для д'Ибелена и для Конрада Монферратского, который, как говорят, рвется в короли Святой Земли. И выясняется, что и в Лондон Дугала занесло отнюдь не случайно, и в охране Лоншана он служил не заради выгоды, и сейчас вовсе не к Иерусалиму стремится, а в Тир... По крайней мере, уверяет, якобы добирается в Тир, к Конраду. Может, лжет. Пойди, разгадай, что у кельта на уме. Наша встреча в Византии была для него только удобным предлогом, а в Константинополь ему требовалось по собственным загадочным делам. Он исполнил свое поручение и уехал. Причем очень тихонько уехал, улизнул, затесавшись в армию Барбароссы. Барон д'Ибелен, если я не ошибаюсь, не мог дожидаться, когда Дугал со своим семейством покинет итальянский квартал. Семейство еще это... Раз — и человек умудрился обзавестись женой и парой приемных детишек. Вроде как брошенных щенков на улице подобрал и заботится о них по мере сил. А в ответ леди Агнесса и мальчики его искренне обожают... Интересно, как там поживает Елена?...»

Что поразило мессира фон Райхерта, так это количество женщин и детей, сопровождающих германскую армию. Собирая свое воинство, император Барбаросса учел досадный опыт предшествующих Походов, поставив строжайшее условие: крест примут лишь те, кто в силах внести три марки серебром за себя и своих спутников. Также настоятельно рекомендовалось оставить невест и жен дома, молиться в ожидании благополучного возвращения рыцарей из Похода. С последним тре-

бованием многие крестоносцы не смирились. И теперь дамы — благородные и не слишком — катили в обозе вслед за армией, терпя лишения наравне с мужчинами, умудряясь прямо в дороге давать жизнь новым поколениям, приторговывая трофеями, сплетничая и ничуть не унывая. Леди Агнесса умудрилась даже создать нечто вроде общества дам и девиц ромейского происхождения, помогавших друг другу в трудном пути и собиравшихся вечерами поболтать вокруг костра.

Движимая собственность семейства Мак-Лауд — вместительный фургон на огромных колесах, сколоченных из нескольких широких досок — приткнулся в одном из распадков, где было потеплее. Рядом с повозкой, пофыркивая и мотая гривами, бродила четверка распряженных тяжеловозов, деловито пощипывающих молодую траву. Дымил костерок, жарился пресловутый баран, рядом хлопотала Лугареция, служанка кирии Агнессы — ворчливая и деловитая особа средних лет, уроженка греческого города Лепанто. Благородная леди сидела около фургона на свернутых пополах, прилежно возясь с каким-то рукоделием. Из-за своей полосатой сарацинской накидки, темных кос и огромных золотых серег кольцами она напомнила мессире фон Райхерту цыганку рядом с кибиткой.

...Агнесса, с чем соглашались все ее знакомые, была удивительным созданием. Настолько беспомощным, беззащитным и трогательным в своей неумелости, что любой охотно кидался исполнять ее просьбы. Агнесса была безупречно вежлива и приветлива со всеми без исключения, от пленных сарацин до императорских свитских. Ее попытки хозяйничать были умирительны и обречены на провал. Когда Агнесса попыталась самостоятельно развести костер, она чуть не подпалила шатры по соседству. Ее стряпню не смогли одолеть даже Мак-Лауд и бродячие псы, тащившиеся за армией. При этом она неплохо справлялась с упрямыми конягами, тащив-

шими фургон, сама правила и однажды без колебаний пристрелила из арбалета подозрительного типа — ей показалось, тот восхотел обидеть «ее мальчиков».

Как полагал Гунтер, приемные детишки кельта и Агнессы, несмотря на нежный возраст, могли сами обидеть кого угодно. А как же иначе, с таким-то отчимом.

Обсудив загадочную подругу Мак-Лауда, мессир фон Райхерт и Мишель де Фармер дружно сошлись во мнениях: Агнесса — дама безусловно высокого и благородного рода, но во всем мире не сыскалось бы женщины, более противоположной по складу характера Дугалу из клана Лаудов.

— Везет же некоторым, — завистливо высказался Мишель. — Где он только ее отыскал?

— В Константинополе, полагаю. — Германцу припомнился итальянский квартал и женщина из дома напротив, каждый вечер зазывавшая домой детей-подростков. Мак-Лауд и его семейство жили по соседству с посланниками Ричарда, но кельт объявился перед знакомцами лишь тогда, когда счел нужным. Мак-Лауд, похоже, всегда и всюду поступал только по собственному усмотрению, мало заботясь о мнении окружающих.

Заметив приближающихся мужчин, Агнесса с нескрываемым удовольствием отшвырнула работу, вскочила и побежала навстречу. Фон Райхерт успел вовремя шагнуть в сторону, когда Мак-Лауд подхватил свою ненаглядную византийку и закружил в воздухе под восторженное повизгивание. Вихрем мелькнули истрепанные юбки и стоптанные башмачки. Германец понимающе хмыкнул — да уж, любви никакой Крестовый поход не помеха. Сперва Гай и его императрица, теперь кельт с Агнессой. Да и Мишель туда же. Нормандец познакомился с девицей из фрейлин Ваноццы, дамы Фридриха-младшего, и таскается к ней едва ли не каждый день. Куртуазировать прекрасную Мариэтту делла Фриерту в соответствии с канонами образцовых рыцарей.

— А где мальчишки? — поинтересовался кельт, поставив девушку на землю. — Опять где-то шлятся?

— Сказали, пойдут с друзьями посмотреть на конийских сарацин, — леди Мак-Лауд очень старательно выговаривала норманно-франкские слова, как человек, осваивающий незнакомое наречие. На греческом она болтала столь бойко, что получивший неплохое лингвистическое образование Гунтер затруднялся переводить.

— Так сарацины уже отбыли. — Общество чинно расселось у чадающего костерка. Насаженный на вертел баран — вернее, ягненок — капал жиром в огонь и пах так, что урчало в желудке. — Скорбеть о потерях и своем безрассудстве. Гуннар, ты ничего не слышал касательно того, когда нас опять погонят в дорогу?

— Дня через два или три, — германец припомнил беседы в ставке. Фридрих-младший дипломатично старался доказать отцу, что после долгого изнурительного перехода и штурма Коньи войско нуждается в длительном отдыхе. Старый император непререкаемо стоял на своем: отдохнем в Киликии. Там союзники, благодарные за разгром давнего врага, конийского султана. Там рукой подать до границ Антиохийского княжества. В приморских городах крестоносцев наверняка ждут новости с Кипра и побережья Святой Земли. Взята ли наконец многострадальная Акка? Может, подталкиваемый соратниками Ричард собрался с духом и его корабли сейчас пересекают ту полосу моря, что разделяет Палестину и Кипр? — Все говорят, дальше будет идти гораздо легче. Перевалим через горы, попадем в христианскую Армению.

— В Киликии сейчас тепло, — мечтательно протянула Агнесса. — Сады цветут...

«И где-то бежит к морю маленькая речка Салеф, — мессир фон Райхерт вспомнил виденную в одном из исторических трудов фотографию обшарпанной средневековой фрески, изображавшей кончину Барбароссы через утопление. Художник нарисовал перевернутого вниз

головой императора в волнах и ангела, доставляющего на небо младенца — символ души Барбароссы. — Может, нам нужно глаз не спускать с императора? Или пусть все идет своим чередом? Раз это не тот 1190 год, может, здесь Барбаросса вовсе не тонул, а добрался до Святой Земли? Черт, что-то я совсем запутался... Может, рассказать все Дугалу — все, как есть, с самого начала, с августа прошлого года? Поверит, не поверит? Раз он тутошний конфиденд и шпион — во что плохо я верю, хоть режьте меня... — то наверняка разбирается в этой пресловутой Большой Политике намного лучше нас с Мишелем. Но можем ли мы ему доверять? Гай рассказал о своем путешествии через Европу, а кельт ни словечком ни обмолвился. И чем занимался несколько седмиц в Константинополе, тоже умолчал».

* * *

В отличие от взрослых, способных потратить годы на бесцельную скорбь по утраченному, подростки любого века наделены полезной способностью быстро забывать бывшие горести. Особенно если взамен размеренной и упорядоченной жизни в императорском дворце жизнь швыряет их в клокочущий водоворот военного похода.

— Прошлого больше нет, — спокойно и серьезно толковывала своим подопечным Агнесса. — И нас больше нет. Анна, Алексей и Давид Комнины умерли. Отныне мы — другие люди. Агнесса, Александр и Дэви. Я — жена Данни, вы — мои племянники, дети моего покойного брата. Мы идем вместе с франкским войском в Иерусалим. Вам придется научиться держать язык за зубами — если вы по ошибке проболтаетесь, нас всех могут убить. Новой базилиссе совершенно ни к чему наследники сверженной династии. Она отпустила нас, но ее слова вполне могут быть лживы, а ее соглядатаи — у нас за спиной.

Мальчики дружно кивнули. Рожденные в Порфире, одном из дворцов Палатия, они рано узнали, что такое месть базилевсов и как в Византии избавляются от неугодных. Им и Анне посчастливилось. Они уцелели и на свободе. Правда, ценой свободы стала невозможность вернуться в Константинополь и потеря законных титулов, но по молодости лет дети об этом не задумывались.

Мир оказался куда интереснее и занимательнее, чем они представляли. Наследники Империи редко видели собственных родителей, их воспитанием с рождения занимались сперва няньки, потом наставники и учителя. Теперь рядом с ними постоянно была Агнесса — спустя пару седмиц мальчики привыкли окликать бывшую базилиссу «тетушка Агнесса», и Данни — ее шумного приятеля-франка, за которого она вышла замуж. Дугал придумал им новые имена, самоуверенно заявив, что его фамилия ничем не хуже и даже древнее императорской.

Больше никто не указывал им, чем им надлежит заниматься и как вести себя подобающим образом, не читал долгих нравоучений, не заставлял часами неподвижно стоять на непонятных и скучных церемониях. Бывшие принцы Византии вместе со сверстниками бегали между телегами и фургонами воинского обоза, восхищенно глазели на конный рыцарский строй, таскали воду и дрова для костра, учились ездить верхом и сражаться на деревянных клинках — жили, как и подобало детям своего времени. Стайки ребятишек обоего пола крутились повсюду, с воплями проносясь даже через императорскую ставку, играли в «крестоносцев и сарацин» и мечтали о том дне, когда очередной возникший на горизонте город окажется Иерусалимом.

Вдоволь наглазевшись на конийское посольство, разноголосая детская ватага побрела вверх по склону холма, решая, чем бы заняться. Кто предлагал сбежать к предместьям Коньи, кто — поискать трофеев на месте бывшей битвы у городских стен. Маленький Дэви ук-

радкой потянул старшего брата за рукав, вполголоса напомнив:

— Пошли назад. Мы ведь обещали тетушке надолго не уходить и помочь собираться в дорогу. Сандри, я есть хочу!..

— А если Данни там воркует с Агнессой, и мы им помешаем? — здраво возразил подросток, чье имя, претерпев беспощадные сокращения, стало средним между франкским и греческим. — В прошлый раз он здорово рассердился...

— Так мы не полезем в фургон, — не отставал младший. — Скажем Лугареции, чтобы накормила нас, и пойдем дальше. Сходим к Конье, а? Может, отыщем чего-нибудь?

— Стой, — Сандри довольно заухмылялся, — вот куда мы наведемся.

Он указал на большой светло-зеленый шатер, над входом в который висел щит с изображением крепости и солнечного диска.

Многочисленные друзья и знакомцы нового отчима с удовольствием привечали мальчишек, и мессир де Фуа не составлял исключения. Он частенько навещал их временное жилье в итальянском квартале Константинополя и всегда находил время поболтать с подростками — хотя Агнесе старый франк почему-то внушал опасение. Дэви собственными ушами слышал, как тетушка говорила об этом с Дугалом. Кельт отнесся к женским подозрениям скептически, заявив, якобы знает де Фуа без малого лет пять и не видит причин не доверять ему. Тогда Агнесса настрого велела мальчикам в присутствии кирие Ангеррана помалкивать о своем происхождении, ни в коем случае не упоминать Константинополь и стараться избегать любых расспросов.

Нанятые де Фуа слуги за время пути привыкли к внезапным появлениям мальчишек и без возражений пускали их в хозяйский шатер, с одним строжайшим условием — ничего не ломать и не портить. Однако сегодня

незванных гостей перехватили у самого входа, не разрешив ворваться внутрь и многозначительно прошипев: «Господин занят. Обождите».

Дабы скрасить ожидание, мальчикам немедленно сунули по огромной лепешке, свернутой кульком. Арабская кухня предписывала начинять лепешки мелко рубленным мясом и таким количеством острейших приправ, что поначалу франки принимали угощение за отраву. Комнины-младшие сперва наотрез отказывались от кушанья, высокомерно заявляя, что это — пища нищих простолудинов и собак. Дугал добродушно высмеял их, обозвав малолетними воображалами, тетушка Агнесса удивленно подняла брови, а через пару седмиц путешествия по степям мальчишки охотно набрасывались на все, что выглядело мало-мальски съедобным.

Прихватив угощение, братья обогнули шатер и уселись с подветренной стороны, на солнышке. Зеленый посекавшийся холст за их спинами чуть вздымался и шелестел, изнутри доносились беседующие голоса. Старательно работая челюстями, дети не обращали внимания на разговор, скользивший невнятным шумом по краю сознания, — пока один из беседующих не упомянул знакомое имя. Обтерев перемазанные в тесте и жире пальцы прямо о штаны, Сандри склонил голову набок и прислушался, уловив окончание фразы. Беседа шла на персидском, и подростку пришлось изрядно напрячь память, вспоминая начатки языка неверных.

— ...Сперва те двое, — произнес хозяин шатра, мессир де Фуа, старый франк с глазами шкодливого подростка, — что постоянно крутятся рядом с Данни. Ты их видел. Рыжий из Тевтонии и белобрысый нормандец. Они живут сущим табором, в шатрах постоянно кто-то шастает туда-сюда, так что возможность сыщется... Ну да не мне вас учить.

— А верзила? — голос был молодой, быстрый, не прозносивший слова, но точно выплевывавший их.

В шатре замолкли. Одолевший свою лепешку Дэви заговорил о чем-то и обиженно заморгал, когда брат стукнул его кулаком по плечу. Сандри скроил зверскую рожицу, приложил палец к губам и выразительно покопился в сторону шатра. Ничего не поняв, Дэви на всякий случай прикусил язык и испуганно съежился.

— Пусть пока бегаёт, — наконец вынес решение де Фуа. — Я сам с ним потолкую. Может статься, я знаю цену его службы. Вы выяснили то, о чем я просил? Относительно девицы и мальчишек?

— Да. Похоже, ты был прав, — неохотно признал собеседник. — Но, даже если ты пригрозил ему, он не встанет на твою сторону. Он из тех людей, что служат только сами себе.

— Далась мне его служба, — презрительно фыркнули за матерчатой стеной. — Если я и в самом деле не ошибаюсь, я выстрелю из него стрелу. Ядовитую и смертоносную, которой суждено нанести один-единственный неотвратимый удар и переломиться... Кстати, как поживает эмир Фаркух?

— Благополучно, — коротко и сухо отрезал незримый гость де Фуа. — Только его терпение на исходе. Он желает знать, сколько еще придется ждать.

— Столько, сколько нужно, — рыкнул мессир Ангерран. — Все произойдет тогда, когда я сочту, что подходящее время пришло. Коли досточтимому эмиру не достаёт выдержки, он может начинать действовать сам. На собственный страх и риск. То-то будет забавное и поучительное зрелище, над которым я вдоволь посмеюсь. Издалека. Так ему и передай. Слово в слово.

Повисла длинная, исполненная тягостного молчания пауза. Наконец молодой холодно процедил:

— Я передам.

— Не смею больше задерживать, — голос старика прямо-таки сочился благодушием, как надрезанный спелый гранат. До слуха подростков долетел быстрый шорох от-

кинутого входного полога — гость удалился. Пешком, ибо они не расслышали топота конских копыт и подле шатра не стояло лошади, ожидающей хозяина.

— Сандри? — неуверенным шепотом окликнул старшего брата Дэви.

— Тихо. Идем отсюда.

Мальчики сбежали вниз по склону, затерявшись меж стволов старых вишневых деревьев, осыпанных пробуждающимися бутонами. Сандри хмурился, его младший братишка недоумевал, но не решался лезть с расспросами. Оба понимали, что разговор в шатре де Фуа не предназначался для чужих ушей. Они невольно стали обладателями чужой тайны. Непонятной, пугающей тайны мира взрослых людей. Тайны из тех, обладание которыми может оказаться смертельным.

...Сидевшая у костра Агнесса, увидев возвращающихся подопечных, обрадованно хлопнула в ладоши и вскочила на ноги. Еще в лагере присутствовал гость, франкский приятель Данни, рыжий уроженец Великой Римской империи. Отчим и его знакомец препирались — наполовину в шутку, наполовину всерьез — и над чем-то смеялись. Диковинная новость жгла Сандри язык, однако подросток терпеливо дождался, когда германец уйдет, и только тогда подал голос:

— Данни, можно с тобой поговорить?

— Угу, — приемный отец беглых византийских принцев весело мотнул разлохмаченной головой. Вгляделся, чуть прищурившись, и ухмыльнулся: — Сдается мне, ты тащишь с собой мешок с гадюками. Давай, развязывай. Посмотрим, что выползет оттуда на Божий свет. Излагай.

Сандри изложил. Стараясь не запутаться и в точности передать услышанное, переведя его с персидского на греческий. Агнесса старательно учила «племянников» языку франков, но мальчикам было куда проще изъясняться на привычном с детства греческом наречии.

Больше всего подросток опасался, что ему не пове-

рят. Искося поглядывая на сидевшего рядом человека, он пытался по выражению его лица определить, о чем тот думает. Тщетно. К признакам волнения можно было отнести разве что заострившиеся скулы да чуть побелевшие костяшки переплетенных пальцев.

— А того, второго, вы в лицо не видели? — спокойно осведомился шотландец, когда недлинная повесть подошла к концу и выдохшийся Сандри умолк.

— Мы... Я растерялся, — обескураженно признал мальчик. — Надо было перебраться ко входу в шатер и проследить, кто выйдет.

— Глупо, — возразил Дугал. — Еще не хватало, чтобы вы лишний раз попались на глаза тем, кому не следует. Сандри?..

— Да, кирие?

— Ты молодец. — Подросток смутился. — Только ты и в самом деле принес мне целый мешок со змеями. Излови своего братца и скажи ему, чтобы никуда не уходил от фургона. И сам держись поблизости. Агнессе о том, что вы разузнали, — ни слова. Соображаешь, почему?

— Соображаю, — заверил Сандри и нерешительно спросил: — Кирие Данни... что нам теперь делать?

— Вам — помогать тетушке собираться в дорогу, — невесело хмыкнул кельт. — Мне — сидеть и ломать голову над твоими рассказами.

— Я ничего не выдумал, — тихо, но очень твердо повторил подросток. — Ни единого слова.

Он ушел, на ходу окликая Дэви, а Дугал Мак-Лауд еще долго сидел, привалившись к огромному колесу фургона, размышляя и изредка поругиваясь себе под нос. Похоже, он поторопился, сочтя себя, Агнессу и мальчиков в безопасности. Однако Монферрат доверял де Фуа. Расчетливый д'Ибелен доверял де Фуа — пусть и с оглядкой, — и он сам не имел никаких оснований сомневаться в честности старика. Его не раз предупреждали, что де Фуа чрезмерно хитроумен, сплетая из людских

взаимоотношений столь сложные и запутанные сети, что посторонний в них ни за что не разберется. Разговор, подслушанный Сандри, мог означать очень многое... а мог вообще ничего не значить, оказавшись очередными силками, наживленными Ангерраном на какого-то зверя. Дугал попытался сообразить, доводилось ли ему слышать имя «Фаркух» и если доводилось, то где и в связи с чем. Он вспомнил аж трех обладателей такового арабского прозвища, заработал головную боль и пришел к выводу, что все как-нибудь да образуется. Главное — не забывать поглядывать по сторонам. И на всякий случай предупредить друзей, чтобы тоже не зевали. Мало ли что.

20 апреля. Таврийские горы, граница Конийского султаната и Киликии

Наступление южной весны ни шло ни в какое сравнение с медленной сменой природных сезонов в Европе. Казалось, только вчера крестоносную армию нещадно поливало холодным дождем и засыпало снегом. Сегодня повсюду журчали ручьи, распускались белые цветы вишен, от земли валил теплый пар, а окрестные холмы подернулись изумрудной зеленью.

Вместе с оживающей природой воспрянули духом и люди. Все дорожные трудности, казалось, остались позади. Впереди поднимались горы Тавра, лиловые на фарфорово-голубом апрельском небе, и сложенная из темно-желтого камня приземистая крепость Святого Ангела, оседлавшая невысокий перевал и уже которую сотню лет верно оборонявшая северную границу Киликийской Армении. За стенами крепости жил и разрастался небольшой торговый городок, а пологие холмы к югу и востоку от крепости постепенно заполнялись разноцветными шатрами крестоносного воинства.

Армия Барбароссы вторые сутки маршировала через

небольшие крепостные ворота, втягиваясь в них, как огромный поток в слишком узкое горлышко бутылки, огибала городок и располагалась на стоянку. Старый император не ошибся в расчетах: здесь, в Армении, были рады воинству Христову, здесь армия могла пополнить запасы провианта и прийти в себя после изнурительного перехода через зимние степи Малой Азии. Однако рассчитывать на долгий отдых не приходилось. Еще два, самое большее три дня, чтобы успели подтянуться отставшие отряды — и воинство снова двинется в путь. Сперва к Тарсу, столице Киликии, оттуда к границам графства Эдесского, затем, следуя изгибу морского берега, повернет южнее. А там — последний долгий переход вдоль побережья Средиземноморья, через княжества и графства Святой Земли, спасать осажденную Акку — и Иерусалим...

По сохранившейся в имуществе обер-лейтенанта истрепанной карте мира малого масштаба предстоящий путь выглядел крайне простым и даже не слишком длинным. Месяц, от силы два. По давно обжитым и процветающим землям Палестины. Если, конечно, ничего не произойдет. Если история не возьмет того, что ей причитается по праву. Если Барбаросса благополучно минует грешный Салеф, тонкую царапинку посреди хребтов Таврийских гор. Вертя карту так и эдак, Гунтер прикидывал, где могла располагаться треклятая речушка. Где-то в окрестностях города Сис... но уцелело ли бывшее византийское поселение к началу XX века, когда печаталась карта? Или сменило имя, превратившись в малоизвестный турецкий городок?

Речка Салеф стала для германца навязчивой идеей. Все предыдущие недели и месяцы путешествия он старательно избегал раздумий о грядущем инциденте, легкомысленно решив: а, доберемся до места — решим, что делать! Берега Салефа становились с каждым днем все ближе и ближе, а мессир фон Райхерт не пришел ни к какому разумному выводу. Вмешаться? Оставить все как есть?..

А тут еще Дугал со своими загадками!

Кельт появился на следующий день после того, как армия оставила позади дымящиеся руины Коньи. Сперва долго выпрашивал обиняками, не замечали ли они с Мишелем в последние дни чего-нибудь подозрительного, да не крутился ли рядом с их стоянкой кто-то незнакомый... Впавший в желчное настроение де Фармер заявил кельту, что вокруг обретается по меньшей мере несколько тысяч совершенно незнакомых людей, а бивак английского посольства уже давно превратился в маленькую отдельную армию. В общем, прекращай ходить вокруг да около, и говори толком, что стряслось!

Однако прямого ответа нормандец так и не дождался. Мак-Лауд уклончиво похмыкал и посоветовал быть начеку. Мол, у него скверные предчувствия. Фон Райхерт немедленно сделал точный и правильный вывод: шотландец что-то разузнал, но, как всегда, не спешит посвящать знакомцев в свои планы.

— Ну его! — раздраженно заявил Мишель, когда Дугал, так ничего и не объяснив, убрался. — То треплется без устали, то вдруг замолкает, ровно еретик на инквизиторском дознании! Чего он хотел нам сказать, а, Гунтер?...

Мессир фон Райхерт в ответ вяло пожал плечами. У него хватало собственных забот. Экстремальный верховой вояж по Малой Азии дался уроженцу XX века дорогой ценой. Никогда еще прежде на долю Гунтера не выпадало подобной нагрузки, изматывающей человека телесно и духовно. Он хронически недосыпал, судя по ощущениям, потерял несколько килограммов, и постоянно хотел есть. Ежедневное многочасовое сидение в неудобном седле вызывало судороги в икрах, от холода и резких порывов пустынного ветра слезились глаза, а психика пришла в совершеннейшую негодность. Усугубляли мучения необходимость постоянно таскать на себе легкий доспех — ха, одно название, что «легкий», к вечеру кольчуга казалась Гунтеру весящей не меньше двух

десятков килограммов! — пыль и налипающая на ноги людей и лошадей грязь, смерзающаяся огромными комьями. Благородные рыцари считали чистку обуви совершенно излишним занятием, ибо «полфунта — не вес, а больше — само отвалится». Бритье и личная гигиена также почитались в походе излишними, и обросший рыжей щетиной обер-лейтенант уже не задумывался, от кого воняет больше — от его коня или от него самого.

Германец смертно завидовал Казакову, всю зиму благополучно прохлаждавшемуся на Кипре, до зубовного скрежета возненавидел Ричарда Львиное Сердце, отправившего пленителя Исаака Комнина на эту убийственную прогулку, и недоумевал, почему его приятели не испытывают никаких особенных мучений. Словно происходящее для них в порядке вещей. Даже хрупкая дамочка Агнесса и ее малолетние племянники переносили тяготы пути лучше, чем кадровый офицер германского вермахта!

В этом крылось нечто неправильное, нарушающее общепринятый порядок вещей...

Скверное настроение и усталость не желали проходить даже здесь, в относительно теплой Киликии. Царившая вокруг весна не радовала, головную боль усугубляла царившая вокруг неразбериха. Мишель, теперь выглядевший изрядно старше своих законных семнадцати с небольшим лет, вел жизнь, подобающую благородному рыцарю. Сиречь довольно быстро обзавелся дамой сердца, несколькими слугами и мальчишкой-оруженосцем, дальним родственником своей итальянской подружки Мариэтты. Его стараниями маленький бивак стремительно превращался в подобие кочующего табора. Оруженосца де Фармер подобрал себе под стать, такого же склонного к авантюрным выходкам юнца. Гунтер невзлюбил Джентиле, смазливое чернявое создание, с первого дня знакомства, сам толком не зная почему. И самым натуральным образом разозлился, когда Мишель выразил

искреннее недоумение, отчего сотоварищ не следует его примеру, упрямо пытаясь сам обслуживать себя и всякое утро подолгу возясь с укладкой походного скарба.

Германец попытался объяснить свое нежелание обзаводиться свитой дармоедов, запутался в аргументах и не на шутку рассвирепел. Мишель остался в искреннем недоумении — что вызвало у сотоварища такое раздражение? Он ведь хотел, как лучше...

В маленьком лагере жизнь английских подданных была ключом. Кто-то хлопотал около костра, где булькал котелок, кто-то возился с имуществом Мишеля. Снедаемый меланхолией Гунтер забрался в шатер, рухнув на изрядно потрепанный тюфяк и провалившись в полудрему. Раздающиеся поблизости голоса неразборчиво долетали до него, словно преодолевая водную толщу. Некоторые он узнавал даже сквозь сон — басок Мишеля, звонкий дискант его оруженосца, рывканье старшего конюха, бывшего сержанта в армии Старого Гарри... Несколько раз кто-то заходил в палатку и уходил, хлопая тяжелым входным полотнищем. Явившиеся де Фармер и Джентиле долго болтали вполголоса, сдавленно хихикая, точно парочка мальчишек. Фон Райхерт лениво подумал, не швырнуть ли в них сапогом, чтоб заткнулись, и приоткрыл один глаз. Похоже, близилась ночь, и под потолком шатра, как обычно, зажгли вставленную в слюдяной арабский фонарик свечу.

В следующий раз германец проснулся в полной темноте — от звуков яростной возни по соседству. Поначалу он не сообразил, снится это ему или происходит наяву. Кто-то надсадно хрипел, слышались глухие удары и сдавленные вскрики. Ему в бок с размаху врезалось нечто увесистое и тут же отдернулось. Пронзительно взвизгнул оруженосец Мишеля. Мессир фон Райхерт автоматически бросил ладонь к висящей на поясе кобуре. Вспомнил, что пистолета нет и быть не может — он хранится где-то на дне вьюков с личным имуществом баро-

на Мелвиха. Зашарил руками под импровизированной подушкой, ища кинжал... Об его ноги снова споткнулись, и стало понятно, что без огня в охватившей шатер суматохе не разобраться.

Свеча то ли догорела сама, то ли была потушена. Под аккомпанемент побоища Гунтер лихорадочно искал зажигалку. Провернувшееся зубчатое колесико больно царапнуло палец. Колеблющийся огонек с трудом осветил ближайший кубический дециметр пространства. Борющиеся тени внезапно застыли. Что-то коротко хрустнуло — так мерзко, что звук дрожью отдался в зубах и костях.

— Э-э... — неуверенно подал голос барон фон Райхерт.

— Все живы? — спросил Джентиле. Германец повернулся на голос, пытаясь осветить трещащей зажигалкой как можно больший объем палатки. Взырошенный оруженосец Мишеля, чуть пригнувшись, стоял у входа в шатер — с мечом в руках и явным намерением преградить путь любому злоумышленнику. Под ногами у него лежала продолговатая куча тряпья, из которой угловато торчала согнутая в колене нога. Неподвижная.

Сам нормандский рыцарь восседал около опорного шеста. Восседал верхом на ком-то, чьей голове он собственноручно придал удивительную способность вращаться во все стороны сразу. Мишель выпустил своего обмякшего противника и ошарашенно вытаращился на сотоварищей.

— Мессеры, что это было?.. Сплю себе преспокойно, и вдруг меня пытаются задушить...

— Не что, а кто, — поправил Гунтер, мимоходом поразившись, до чего спокойно он говорит. — Кажется, к нам ночью кто-то забрался. Может, вор. Может, убийца. Джентиле, что там валяется у входа, как раз у тебя под ногами?

— Симон, — отрапортовал мальчишка, перевернув покойника и мельком глянув в лицо. — Зарезанный. Сегодня была его очередь сторожить вход.

Последовав примеру оруженосца, де Фармер также провел быструю процедуру осмотра убитого им злодея-теля.

— Я его не знаю, — бодро оповестил рыцарь. — И герба на нем нет.

«Так тебе опытный ассасин и явится на дело, обвешавшись родовыми гербами», — желчно подумал Гунтер, но предпочел держать свое мнение при себе. Вместо этого он запалил от зажигалки свечу и тоже подошел посмотреть на убитого.

Человек как человек. Довольно молодой, явственный местный уроженец, одетый в поношенное и выдавшее виды тряпье. Что называется, без особых примет. Из имущества при загадочном типе нашлись изогнутый кинжал византийскойковки — каким в крестоносной армии мог похвалиться едва ли не каждый третий — и очень тонкая веревка конского волоса, натертая чем-то скользким и дурно пахнущим. Скорее всего, салом. Один конец веревки оплетался вокруг колышка с примотанным к нему кусочком желтой ткани. Мишель долго разглядывал этот трофей с изумлением ребенка, впервые увидевшего механическую железную дорогу, а затем с решительным видом заявил:

— Завтрашний день я начну с того, что пойду и убью Дугала.

— Боюсь, мессир, госпоже Агнессе это не понравится, — совершенно серьезно заметил Джентиле. — Она совсем недавно вышла замуж. Вряд ли ей захочется так быстро превратиться в безутешную вдову.

— Я его не буду совсем до смерти убивать, — огрызнулся де Фармер, от волнения став несколько косноязычен. Поднялся на ноги и ожесточенно пнул мертвеца. — Гунтер, хочешь, побьемся об заклад? Горская сволочь что-то пронюхала, а нам, как всегда, ни единым словом не обмолвилась! Он наверняка знает, кто этот проходимец, зачем залез к нам в шатер посреди ночи и почему пытался меня убить!

— Интересно, только тебя или меня тоже? — меланхолично заметил фон Райхерт. — Кстати, у меня есть занимательный вопрос. Что станем делать с трупом?

Мишель и Джентиле переглянулись и с искренним недоумением уставились на германца.

— Выбросим, — твердо заявил де Фармер. — Причем немедленно. Или ты предлагаешь оставить его здесь до утра? Знаешь, мне как-то не очень нравится спать в обществе покойника!

— Ты собираешься лечь спать? — поразился Гунтер.

— Ну да, — удивился вопросу нормандец. — А ты что, намерен бдеть до утра?

«Средневековые, — в который раз обреченно подумал бывший обер-лейтенант. — У них не психика, а крепостная стена. Непрошибаемая».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Игры со смертельным исходом

Начало мая.
Где-то между Коньей и Тарсом,
Киликийская Армения

Жеребец пал ночью. Без каких-либо предварительных признаков сразившей его болезни. Вечером был живой и здоровый гнедой фессалийской породы, бодро хрупавший отрубями из торбы. Наутро в загончике из тонких жердей лежала, отбросив нелепо длинные ноги, неприглядная раздутая тушка.

Мессёр Ангерран де Фуа, собственник погибшей животины, после краткого дознания мимоходом двинул проштрафившемуся конюху в ухо — рука у старого рыцаря была тяжелая, и слуга еще два дня жаловался на звон в голове — и в полном недоумении признал:

— Ничего не понимаю. Отравился, что ли? Здоро-

вый же был конь, всю Малую Азию прошел, а тут — на тебе...

Стоявшие рядом Мишель де Фармер и его бывший оруженосец сочувственно, как того требовала ситуация, закивали. Нормандец озадаченно пощелкал языком — мол, тайна сия велика есть. То Божий промысел, а Господь, как известно, призывает не только человек, но и всякую тварь, бегающую, плавающую или летающую. Видимо, Он решил, что срок лошадиной жизни исчерпался и единым росчерком подвел под ней итог. А некий де Фуа остался без верхового скакуна и теперь будет вынужден срочно потратиться на нового.

Слишком увлеченный собственной бедой и грядущими расходами, мессир Ангерран упустил из виду перешептывания своих молодых друзей — весьма подозрительные перешептывания, надо заметить.

— Да быть такого не может!..

— Но лошадь-то сдохла. Не веришь — подойди ближе.

— Совпадение... — пробормотал де Фармер.

— Не верю я в такие совпадения, — отрезал Гунтер.

— Лошадь сдохла. Дугал клялся, якобы собственными глазами видел — старик отдал концы. Что же он, восстал из мертвых? Может, наведаться к капеллану, попросить святой воды да поднести ему за ужином?

— Интересный теологический вопрос: какое средство более надежно? Патентованный византийский яд или освященная водица? И влияют ли степень веры и сила убежденности совершающего обряд священника на качество святой воды? — съязвил фон Райхерт.

— Не богохульствуй, — серьезно заметил Мишель.

— Я не богохульствую, я рассуждаю!

— Вот и рассуждай так, чтобы Господь остался доволен твоими рассуждениями.

Вместо ответа Гунтер сплюнул на вытопанную землю, вежливо раскланялся с удрученным де Фуа и заша-

гал в сторону их палатки. Через несколько шагов его нагнал замешкавшийся Мишель и теперь уже в полный голос, не боясь быть услышанным, спросил:

— Ну, и как же нам теперь быть? Что делать?

— Для начала пойдем и порадуем опочившего на лаврах Дугала, — злобно фыркнул германец. — А потом... Потом — не знаю. Я вообще сейчас ничего не знаю и не понимаю. Чем дальше — тем больше. Ты будешь смеяться, но мне ужасно хочется обратно в Нормандию, в ваш захолустный Фармер. Пока мы сидели там в лесочке и взахлеб чесали языками о судьбах мира, все казалось таким простым и понятным. Сделаем то, свершим вот это, прославимся в веках!..

— Прославиться в веках — это хорошо, — заметил Мишель. Ирония собеседника была ему непонятна и недоступна, а какие-нибудь подходящие к случаю ободряющие мысли в голову не лезли.

...Грандиозная идея с покушением на жизнь де Фуа принадлежала Мак-Лауду. Родилась она в приснопамятный вечер, когда разъяренные компаньоны явились к шотландцу, обвиняя его во всех смертных грехах. Но в первую очередь — в том, что, зная об угрожающей сотоварищам опасности, он даже не подумал предостеречь их. Скотт, что показалось Гунтеру превесьма странным, спокойно выслушал их возмущенные речи, не перебивая и не пытаясь оправдываться, и заявил:

— Собственно, что вы хотели от меня услышать? Кучу ни на чем не обоснованных подозрений? Вы бы первые меня высмеяли, попросив не рассказывать баек. Мне нужно было убедиться в том, что в моих словах скрывается хотя бы доля истины.

— Убедился — за наш счет! — вспылil Мишель. Кельт смерил его дружелюбно-снисходительным взглядом и язвительно изрек:

— Согласись, было бы исключительно глупо, если б столь доблестный воитель дал себя придушить или при-

резать в собственном шатре. Я верил в вашу способность постоять за себя — и не ошибся.

Де Фармер открыл рот, не нашелся с ответом и сконфуженно примолк. Ему вроде как сделали комплимент, обижаться на который было глупо.

— Ну хорошо, — германец попытался в очередной раз призвать на помощь логику. — Ты убедился в своей правоте. Что из этого следует? Мессир де Фуа ни того, ни с сего проникся к там настолько сильной неприязнью, не поскупился нанять убийц и отправить их к нам с дружеским ночным визитом. Но почему? Мне казалось, Ангерран с первого дня нашего знакомства на Сицилии был к нам весьма и весьма дружелюбно расположен. Помогал в затруднениях, давал советы... И вдруг решил от нас отделаться. Разве мы ему чем-то помешали?

— Все может быть, — признал Мак-Лауд. Было видно, что шотландец напряженно о чем-то размышляет и колеблется — поделиться итогом своих раздумий с товарищами либо промолчать?

Наконец он нехотя проговорил:

— Де Фуа — слишком старый и слишком хитрый лис. Я никогда не был с ним близким знаком, но мы... мы уже несколько лет служим одному господину. Который не сомневался в преданности старика. Только чем дальше, тем больше мне кажется, что де Фуа переметнулся на чью-то иную сторону... нашел себе другого покровителя и следует новым замыслам... по случайному или намеренному совпадению вы оказались у него на дороге. Ваши поступки препятствуют замыслам его хозяина, и старик Ангерран, ничего не имея против вас, просто-напросто выполняет отданный ему приказ. Но тогда спрашивается — не последует ли за покушением на вас и покушение на меня, грешного... Или на Агнессу?

— Леди Агнесса-то здесь при чем? — удивился фон Райхерт, заплутав в прихотливых лабиринтах средневековых интриг.

— При том, — невнятно откликнулся Дугал. Подобрал прутик и начал вычерчивать на пыльной земле смыкающиеся окружности, одну за другой выстраивающиеся в длинную цепь.

— Хватит морочить нам головы, — решительно потребовал обеспокоенный затянувшимся молчанием Мишель. — Объяснись толком!

— Не могу, — отрезал кельт. С таким видом, что становилось понятно: это его последнее слово, и никакого иного из него не вырвать. Даже поджаривая на костре и угрожая немедленной смертью через повешение. Мишель, однако, не унимался, с простодушием сына своего века заявив:

— Почему бы нам не пойти и не рассказать все императору?

— Так нам и поверили, — на редкость единодушным хором заявили германец и Дугал. Искоса глянули друга на друга и понимающе хрюкнули. Кельт растолковал: — Я ведь уже говорил, нам не в чем напрямую обвинить де Фуа. У нас ничего нет, кроме подозрений и собственных домыслов. Нас просто не станут слушать.

«Мы могли бы поведать Барбароссе о роковой случайности на речке Салеф, — чуть было не сболтнул Гунтер, но вовремя прикусил язык. Однако в его голове закружилось странное, невероятное предположение. Нелепая гибель германского императора на переправе — и де Фуа, человек с фальшивым именем, которого королева-мать Элеонора, оговорившись, поименовала Райнольдом. Хитроумный старикан, запросто входящий к королям и императорам, знающий всех сильных мира сего... Как говорил Казаков, водящий близкое знакомство с примечательной личностью, представляющейся милордом де Гонтаром... Что же это выходит, если вдуматься?»

Мысль была жутковатой и донельзя пугающей... но завораживающей открывающимися перспективами.

— Дугал, — тщательно подбирая слова, начал германец, — предположим... только предположим, что мессир де

Фуа во время перехода через Малую Азию скончался. Самым естественным образом, от трудностей пути и старости, ведь ему уже немало лет. Вечером заснул, утром не проснулся. Могло ведь быть такое? Как его безвременная кончина скажется на планах твоего... гм... работодателя?

— Он будет весьма огорчен, — быстро откликнулся Мак-Лауд, словно только и ждал такого вопроса. — Но коли так случилось, и в том никто не повинен... На «нет», как говорится, и суда нет. К тому же мой сюзерен в последнее время частенько высказывал свое неудовольствие поведением де Фуа. Милейший Ангерран из тех друзей, что порой становятся хуже самых злейших врагов. Старик всегда все делает по-своему.

— Ты тоже, — съязвил Мишель.

— Но я-то так поступаю заради общей пользы, — убежденно возразил кельт. Подумал еще немного и размашисто кивнул: — Да, эта мысль мне по душе. Не исключено, что завтра... или послезавтра ночью Господь приберет к себе эту смятенную душу.

Мессир фон Райхерт был бы не прочь узнать, каким именно образом шотландец намерен привести свой план в исполнение. Однако понял, что расспросы бесполезны и ни к чему не приведут. Дугал не станет делиться тайнами с дорожным попутчиком, пусть даже и приятелем. Он предоставит им маяться неопределенностью в ожидании результата.

— Тебе не кажется, что мы... малость погорячились? — несколько смятенно поинтересовался де Фармер, когда они шагали через шум и плавающий в воздухе едкий дым костров вечернего лагеря. — Может, тот тип с удавкой был самым обычным грабителем, залезшим к нам на предмет стянуть пару золотых да новые сапоги? Ведь кельт так и не ответил, почему он вдруг заподозрил де Фуа в измене... Измене кому? Кто этот человек, которому служит Дугал? Мадам Элеоноре? Королева-мать его знает, и даже расспрашивала нас о скотте... Монферрату?

— В последнее верится больше всего, — подумав, согласился фон Райхерт. — Знаешь, я что-то перестал доверять случайностям. Всякий раз, когда мы думали — «это чистой воды случайность», потом выяснялось, что никакой случайности вовсе не было, а был чей-то тонкий и дальний расчет. Чья-то воля. Чьи-то планы, в которых нам отводилось заранее определенное место. Вдруг и сейчас нас всего лишь передвигают по шахматной доске в нужном направлении?

Мишель задумчиво погрыз отросший ноготь, ругнулся, споткнувшись об растяжку чужого шатра, и глубокомысленно заявил:

— На земле нет воли, превыше Господней...

— Так-то оно так, — согласился германец. — Но люди-то тоже не плошают.

...Теперь Дугал мог только похвалить себя за предусмотрительность. За сохраненный маленький хрустальный флакон с притертой пробкой и бесцветным водянистым содержимым. Тщательно припрятанный флакон пропутешествовал через всю Азию, и Мак-Лауд опасался, как бы зловещее содержимое не растеряло своей силы. Напрасно — гнедой жеребец, перед чьей мордой возникла рука с поблескивающей стекляшкой, сперва удивленно расширил ноздри, потом чихнул, потряс головой и закружил по загончику. После второго или третьего круга конь неуклюже завалился на бок, негромко заржал, пытаясь поднять голову; и больше не шевелился.

Бедное животное не заслуживало такой участи. Но, как убедил себя скотт, надо же было проверить на ком-то действенность византийского снадобья. Отчего бы не выбрать для этой цели лошадь де Фуа? Она разделит судьбу хозяина.

Ржание умирающего коня не привлекло ничьего внимания. В темную палатку удалось проникнуть без особого труда, медленно двигаясь и не споткнувшись у спавших у порога слуг. Де Фуа негромко и безмятежно похрапывал,

как свойственно человеку, чья совесть не обременена никакими угрызениями. Внезапно храп перешел в короткий задушенный хрип, и в шатре стало на удивление тихо. Дугал выждал еще с четверть часа — ничего не изменилось. Плохо различимый в темноте человек на походной лежанке не шевелился и не дышал, снаружи доносилась переключка часовых и сонное конское ржание.

Дело исполнено. Чисто и безукоризненно, как всегда. Без свидетелей и малейших улик.

Наутро вполне живой и здоровый де Фуа, как ни в чем не бывало, вышел из своего шатра, обнаружил в загоне павшую лошадь и устроил славную выволочку конюху.

Троим заговорщикам волей-неволей пришлось признать, что подлунный мир еще не оскудел на чудеса. И что у них не имеется ни одного мало-мальски подходящего объяснения случившемуся.

20 мая. Тарс, столица Киликии

Мало что может сравниться с удовольствием от возвращения в цивилизованные края после долгого и изнуряющего похода. Пусть даже здешняя цивилизация устроена на средневековый лад, отсутствует паровое отопление и горячая вода из крана, а пищу подают на кусках хлеба вместо тарелок, но все же это — город. Настоящий, большой город, в архитектуре которого слилось воедино наследие римской империи, традиции византийские, сирийские и даже отчасти франкские — с времен первого из Крестовых походов.

Армянская столица Тарс — или, как ее еще называли, Тарсус, — принимала у себя крестоносную армию. В городской цитадели управитель города и посланцы царя Тороса раскланивались с Барбароссой и его свитскими. Героические освободители Гроба Господня, любопытствуя, шатались по узким прокаленным улочкам, продавая военные трофеи, скупая припасы и местные

диковины на память. Выручка городских таверн увеличилась едва ли не вдесятеро — при том, что городской совет специальным указом обязал торговцев снижать цены для франкских покупателей. Город мог предложить все, что необходимо усталому путнику, в том числе и последние новости.

Слухи ползли и множились. Доставляемые корабельщиками и торговцами, странствующими монахами, заключенные в письмах к родне, проживающей в Святой Земле, — сплетни и новости не знали преград и дальних расстояний. Гунтер фон Райхерт собирал обрывки сведений с каким-то болезненным любопытством, пытаясь выложить из них некую единую мозаику.

Король английский Ричард Плантагенет по-прежнему находился на Кипре, влипнув в очередной финансовый и юридический кризис. Чья-то сметливая голова надумала его объявить Кипр отторгнутым от Византийской империи, взяв провинцию под свою руку — и тут же заложить роскошный островок со всеми его промыслами, доходами и виноградниками Ордену Тампля. Орден весьма охотно согласился принять щедрое подношение, отсчитав Ричарду не то сорок, не то сто сорок тысяч полновесных безантов серебром и золотом. В Константинополе возмутились, и в треугольнике, составляемом Ричардом Львиное Сердце, Тамплем и Палатием, вспыхнула ожесточенная бюрократическая грызня. Покамест в виде обмена возмущенными и полными яда посланиями.

В окружении Ричарда появились новые лица. Ги Лузиньян, номинальный правитель Святой Земли и король без королевства, бросил тянувшуюся уже второй год безнадежную осаду Акки и с несколькими кораблями примчался на Кипр. Одни говорили: для того, чтобы способствовать скорейшему продвижению крестоносного воинства к Палестине, другие — дабы удрать из лагеря, где свирепствовали чума, лихорадка и королева Сибилла,

дама с весьма тяжелым и крутым характером, искренне недолгоблывавшая своего трусоватого благоверного.

А вокруг Филиппа-Августа Капетинга, второго короля этого имени, творилось нечто странное. Безвылазно засев в кипрской крепости Колосси, всю осень и начало зимы он хворал различными недугами, не позволявшими ему принять участие в военных забавах и турнирах Ричарда. Несколько раз вспыхивал слух о том, что якобы Филипп при смерти. Англичанин и его присные лицемерно выражали сочувствие и готовились к объявлению траура, однако Филипп вновь поднимался на ноги.

В январе из пределов Франции начали приходить невнятные, противоречащие друг другу донесения. Якобы на Юге трудами ощутивших вкус независимости правителей Прованса и Лангедока вспыхнул мятеж, стремительно охватывающий провинцию за провинцией и лесным пожаром устремившийся на Север, к Парижу. Вести эти докатились до Кипра, и в один прекрасный день, вернее, в одну прекрасную ночь маявшийся от очередного жестокого приступа лихорадки Филипп-Август исчез из Колосси. Проскользнул в сопровождении малого отряда в гавань Лимассола и отплыл в западном направлении.

Львиное Сердце рвал и метал, упрекая союзника в коварстве, предательстве и вероломстве вместе взятых. Однако в глубине души английский венценосец, наверное, ликовал. Ибо никто более не претендовал на его военную славу, а заодно пропала тягостная необходимость соблюдать соглашение о разделе военных трофеев.

С Кипра француз исчез, однако в собственную страну не прибыл. Доходившие до пребывавших в Малой Азии крестоносцев слухи касательно его участи были странными, путанными и противоречивыми. Кто-то утверждал, будто бы он собирает армию для надлежащего разгромления южных мятежников, кто — что королевский неф попал в жесточайший шторм и потерпел крушение у берегов Ифрикии. Зная хитроумный нрав Филиппа,

многие предполагали, что француз нарочно озаботился распространением слухов о своей кончине, а сам тем временем готовится нанести врагам удар в спину.

Исторические исследования XX века перечисляли такое множество мятежей на юге королевства Французского, что порой складывалось впечатление — для тамошних уроженцев подобный образ жизни стал обыденностью. Подобно вечно беспокойному северу Англии, юг Франции не ведал и не желал ведать покоя, отстаивая собственное право на выбор. Особенно сейчас, когда королевская власть казалась пошатнувшейся, а законный правитель пребывал в отъезде.

Однако Гунтер, как ни старался, не мог припомнить ни одного прецедента, при котором мятежи выплескивались за пределы южных провинций, да еще с таким успехом. Несмотря на противоречивость сведений, германец — да и не он один — без труда вычислил новость, которую никто не оспаривал и которая повторялась на разные лады. Мятежники собрали крупное войско и, успешно беря одну крепость за другой, продвигались к столице. Им, похоже, даже не оказывали особого сопротивления — что, с точки зрения обер-лейтенанта, свидетельствовало о неплохой предварительной работе, проведенной мятежниками, их обширных финансах и знании обстановки.

«Похоже, у них в заводилах в кои веки оказался не крикун-фанатик, но истинный стратег, — рассуждал сам с собой мессир фон Райхерт. — Интересно, кто? Сплетники перебирали разные имена — де Фуа, Плантавы, де Кабар, Фенуйэды, графы Тулузские... Транкавели. Опять и снова — знатное, древнее, окруженное легендами и слухами семейство Транкавель из замка Ренн в провинции Разэс. Вырезанное под корень во время Четвертого Крестового похода, случившегося в той истории, которую изучал я. Поговаривают даже о возвращении Старой династии, Меровингов... Неужели такое возможно? А вдруг тамошние мятежники настолько предусмотр-

рительны, что и Филиппа-Августа того... Как выражается Серж, устроили его величеству несчастный случай тяжелой и непродолжительной болезни со смертельным исходом? Сколь удивительно и необычно для Средневековья с их простодушным и наивным способом разрешения проблем... Положительно, история мира становится какой-то иной. Знать бы еще, зависело это от наших действий или произошло само собой? К добру или к худу приведет такое развитие событий?»

Барон Мелвих задавал себе десятки вопросов — но покамест не получил ответа ни на один. С каждым днем эта невозможность узнать и понять все больше выводила его из себя. Он чувствовал себя уже не фигурой на шахматной доске, передвигаемой игроком, но «болваном» в бридже, необходимым ради того, что кто-то должен занимать условленное место за столом и вести подсчет чужим взяткам. Это злило. Это раздражало. Это сводило с ума — особенно если принять во внимание невозможность посоветоваться с кем-либо, умеющим рассуждать так же, как ты. Хотя бы с Сержем — невзирая на его злой язык и циничный образ мыслей.

Ответы на многие из вопросов германца наверняка знал Мак-Лауд. Однако Дугал теперь предпочитал держать язык за зубами, и фон Райхерт не знал способа заставить шотландца стать хоть малость разговорчивее.

Во времена Третьего рейха не существовало понятия «информационный голод» — иначе Гунтер обозначил бы свое состояние именно такими словами.

* * *

— Мелвих, Мелвих... А где это, собственно?

— Люби и знай родной свой край, — строчку из патристического стихика мессир фон Райхерт процитировал сперва на языке оригинала, то есть на немецком начала XX века, а затем — в собственном переложении на нор-

манно-франкский конца века XII. — Как мне объяснили, это крайний север Шотландии. Побережье с роскошным видом на Оркнейские острова. Камни пополам с вереском, там и сям для живописности понатыканы овцы. Думаю, я туда никогда в жизни не доберусь.

— Угу, — согласился Дугал. — Далековато.

Тихо зверевший от непонятиц здешнего мира и скудоумия окружающих обер-лейтенант решил в кои веки предпринять собственный маневр: явился на стоянку семейства Мак-Лауд и без особого труда уговорил шотландца составить ему компанию — прогуляться в город. Леди Агнесса от приглашения отказалась, сказав, что уже вчера побывала в Тарсе вместе с мальчиками, и, проявив неожиданное для благородной леди понимание, ехидно посоветовала не рушить городские стены головами местных блюстителей и не поджигать трактиры. Жизнь с кельтом явно шла византийке на пользу — она даже изъясняться стала, подражая своему благоверному.

«Мы западноевропейские туристы на экскурсии по восточному городу, — хмыкал про себя Гунтер. — Недостает только фотоаппаратов и путеводителей».

Определенной цели у франков не было. Они просто шатались по столице, издалека разглядывая царскую резиденцию на холме, здешние непривычные дома темно-красного камня с узкими окнами, плавно закругляющимися поверху, многоголосые рынки, приземистые церкви и остатки римских акведуков. Несостоявшийся историк, обер-лейтенант помнил, что Армянское царство переживало свой недолгий расцвет — спустя десяток лет местных жителей ожидало очередное турецкое нашествие, разгром, утрата родного края и массовая эмиграция к северу, к горам Кавказа, под защиту воинственного царства Грузинского. Где сейчас, если мессире фон Райхерту не изменяла память, правила женщина. Молодая царица Тамар, дочь и наследница умершего в 1184 году короля Георгия с непроизносимой фамилией Багратид.

Любопытный складывается конклав вокруг Черного моря: с одной стороны — Склирена, самоуверенная императрица на троне дряхлеющей Византии, с другой — не менее упорная и мудрая девица в пограничной стране на восточном побережье. А что, если две незаурядные юные дамы, у подданных которых имеется общий враг — сельджуки, однажды сумеют договориться между собой?..

Германец настойчиво пытался вывести собеседника на разговор о загадках, сопутствовавших им в пути, но добился иного — Дугал вдруг заинтересовался новым титулованием германца, на каковое раньше не обращал внимания.

Майское солнышко карабкалось все выше по небосклону, начинало припекать, тени сделались резкими и синими, а густой воздух дрожал и переливался мельчайшими частицами пыли. Праздношатающиеся гуляки, не сговариваясь, свернули в прохладный дворик — где под аркой болтался глиняный кувшин, означавший таверну, а под ажурным переплетением молодой виноградной ливы выстроился с десятков столов. Здешняя кухня немногим отличалась от той, какой потчевали своих гостей содержатели трактиров в европейских городах. Разве что блюда были куда поострее, с обильным добавлением пряностей — все-таки через здешние края пролегалла часть великого Шелкового Пути, соединяющего франкскую Европу, Византию и далекие, как мечта, страны Востока.

Зато местное вино было легким, сухим и кисловатым, лившимся в пересохшие после пыльных дорог Малой Азии глотки, как родниковая вода.

— М-да, ну и захолустье тебе досталось, — сочувственно поддакивал Мак-Лауд. — Правильно говорили — не будет с него никакого дохода, а хлопот — целая куча. Ну, правда, еще баронское достоинство с гербом впридачу. Каков герб-то, говоришь? Белый ворон в лазурном поле?.. Слушай, твоя баронская милость, как ты смотришь на то... — Пауза, сочное чоканье толстостен-

ных глиняных кружек: — Твое здоровье... На то, чтобы продать свой грешный Мелвих?

— И кто его купит? — саркастически осведомился германец. Мысль избавиться от «подарочка» вспыхивала уже не раз, но беспомощно гасла под холодной водой аргумента: кто, будучи в здравом уме, захочет обзавестись такой собственностью?

— К примеру, я...

Мессир фон Райхерт поперхнулся очередным глотком и изумленно скосился на сидевшего напротив человека. Похоже, шотландец в кои веки не шутил, но говорил вполне серьезно.

— Ты?! Решил заделаться лендлордом на старости лет?

«Хотя Дугала можно понять: семейный человек, запасливо подыскивает уютное местечко, где провести остаток жизни... Продать ему это баронство, что ли? На кой оно мне сдалось?» — подумав так, Гунтер хмыкнул и перешел к практической стороне дела:

— Но ведь мы в военном походе. Как можно подтвердить и засвидетельствовать, что пожалованная мне собственность отошла другому человеку? Да и сколько может стоить поместье наподобие Мелвиха, хотя бы приблизительно?

— Н-ну, в год хозяева едва-едва наскребают с таких владений тридцать-сорок золотых шиллингов, — прищурившись, подсчитал Мак-Лауд. — Слышал поговорку: десятина церкви, треть в королевскую казну, остальное — на прожитие лорду с домочадцами, чтоб не прозябали в бедности?.. Устроит тебя шестьдесят золотых? Сделку нам охотно заверят в ставке Барбароссы, уж там наверняка отыщется стряпчий, который за малую мзду напишет грамоту на владение и привесит к ней печать. Ты же вроде как подданный Римской империи?

— Вообще-то я присягал вашему принцу Эдварду... — припомнил германец, окончательно запутавшись в здеш-

ней ступенчатой системе вассалитета и собственном статусе. — Да, но за кем в этом случае остается титул «барона Мелвиха» — за мной или за тобой?

— Титул есть дарованная и не отторгаемая часть землевладения... — заунывно начал Дугал, глянул через плечо собеседника и чуть нахмурился. Раздраженно понизил голос: — Десяток таверн в городе, так нет, он непременно выберет именно ту, где ему совсем не рады.

Можно было не оглядываться, проверяя, и не переспрашивать — тяжелые приближающиеся шаги, шелест и потрескивание ломающейся под ногами соломы, которой в обилии засыпан двор, падающая наискосок черная тень. В последние дни Гунтер и его знакомцы почти не сталкивались с мессиром Ангерраном. С одной стороны, утратив доверие к попутчику, они невольно старались его избегать, с другой — старый рыцарь сам постоянно пропадал по своим загадочным делам. Мишель говорил, якобы несколько раз видел его в ставке Барбароссы, где мессира де Фуа принимали со всем уважением.

— Жаль, что наши райские деньки опять подходят к концу — через пару дней снова в седло, и марш-марш по побережью, навстречу Иерусалиму, — де Фуа грузно опустился на скрипнувшую скамью, махнул служанке — та без лишних расспросов грохнула на столешницу перед новым посетителем неизменный кувшин местного вина, тарелку с начиненными рубленным и обильно приправленным специями мясом лепешек и мисочку с крупными белыми семечками, сладкими на вкус — их тут щелкали все, от нищевородов до вельмож. — Прогуливайтесь? А где прекрасная леди Агнесса, что-то я давно не имел чести засвидетельствовать ей свое почтение? Должно быть, ей нелегко дались тяготы долгого пути... После той роскоши, к которой она привыкла с рождения, — и вдруг такая фатальная перемена обстоятельств! Ну да ничего, полагаю, в Тире мессир Конрад будет рад предоставить нашей госпоже такое жилище и такую жизнь,

каких она заслуживает. Уверен, она сумеет по достоинству оценить тех, кто позаботится о ней. А самое главное — в замке маркграфа Монферратского леди Агнесса окажется в полной безопасности. Чем скорее мы туда доберемся, тем будет лучше для всех нас. А для нее — в особенности.

— Со мной она и сейчас в полной безопасности, — коротко и зло буркнул шотландец. Его собеседник неторопливо пригубил вина из кружки, довольно крикнул и только после этого согласно кивнул:

— Конечно-конечно, кто бы сомневался. Однако дворцовые покои кажутся мне более подходящим местом для такой дамы, нежели кочующий военный лагерь... и общество человека, чья судьба целиком и полностью зависит от прихотей удачи и благосклонности его покровителей.

Гунтер уже достаточно поднаторел в здешних нравах, чтобы сообразить: за прозвучавшими сейчас словами де Фуа, такими невинными и обыденными, кроется нечто иное. Нечто, касающееся прошлого Агнессы Мак-Лауд.

— Это ты к чему клонишь? — мрачность скотта внезапно сменилась нездоровым, наигранным весельем. Недоумевающий мессир фон Райхерт переводил взгляд с одного из сотрапезников на другого, всей шкурой чуя неладное, но не зная, как поступить. Вмешаться или промолчать, уповая на то, что Мак-Лауду известны правила здешних подковерных игр? — То мои дела с Конрадом тебе покоя не давали, теперь вдруг начал беспокоиться о моем будущем да заботиться о моей жене... Что, приглянулась Агнесса? Подружку себе сыщи да утешься. Или давно покладистой девицы не встречалось?

Последняя фраза сопровождалась откровенно глумливой ухмылкой. Германец в растерянности заерзал по скамье, мельком заметив, что на них начинают оглядываться прочие посетители таверны — как местные уроженцы, так и заглянувшие в трактир крестоносцы армии Барбароссы.

— Отчего ж не встречалось? Кто ищет, как говорится, всегда обретет, — взгляд ярко-голубых зрачков де Фуа остался совершенно безмятежным. — Я вот просто никак в толк не возьму, к чему тебе жена, когда в окрестных холмах полно овец? Поддержал бы традиции своего народа...

— А к чему тебе подружка, когда в Конье было навалом смазливых пленников? — не замедлил с ответом Дугал. — Я слышал, ты прикупил нескольких — за лошадьё ходить, жаровню разжигать да держать свечку по ночам?

— Когда мне понадобится поддержать свечку, я непременно обращусь за твоей помощью.

— А что, без посторонней помощи твоя свечка уже не стоит?..

За соседним столом откровенно заржали. Слушателям, не разумеющим франкского наречия, вполголоса пересказывали суть речений, коими обменивались иноземцы.

— Господа... — нерешительно заикнулся мессир фон Райхерт. Дело пахло ссорой, а старый рыцарь и шотландец прилагали все усилия для того, чтобы обратить пустячный обмен колкостями в настоящий публичный скандал. — Мессир Ангерран, Дугал, право слово, такое поведение совсем не приличествует благородным шевалье...

Миротворца из обер-лейтенанта не вышло — его речи проигнорировали, да вдобавок оба спорщика раздраженно зыркнули в его сторону, явно желая сказать: «Не лезь под руку!»

«Ну делайте, что хотите! — оскорбился Гунтер. — Господь свидетель, я честно пытался их остановить, но они уперлись, как упрямые бараны. В таком случае я умываю руки!..»

Додумать мысль германец не успел — все произошло как-то очень стремительно. Вроде бы они только что спокойно сидели за столом, выпивая и закусывая, и вот уже Мак-Лауд выбросил вперед длинную руку и мимолетно, не прикладывая особых усилий, смазал де Фуа по губам —

словно большая кошка наискосок отмахнула когтистой лапой. Роковой фразы старого рыцаря фон Райхерт не расслышал, и в растерянности сморгнул. У него за спиной громко ойкнула служанка. Кто-то из рыцарей витиевато выругался, помянув святого царя Давида и всю кротость его, кто-то вскочил, собираясь вмешаться.

— Вот даже как? — протянул Ангерран. Он не выглядел разгневанным или обозленным, скорее, безмерно пораженным чужой глупостью. По давней привычке де Фуа поднял руку и поскреб отросшими ногтями тянувшийся справа на шее длинный шрам — давнюю синеватую полосу зарубцевавшейся кожи. — Что ж, это в корне меняет дело. Ты сам выбрал и сам решил. Право на удовлетворение за мной. Здесь, сейчас и немедленно. Равные условия, без доспехов, без кинжалов, до смерти. Мессир фон Райхерт выступит свидетелем, да и иных очевидцев предостаточно.

К стыду своему, первое, о чем подумал германец: не требуется ли по условиям здешних поединков чести от свидетеля-секунданта принимать активное участие в грядущей мясорубке? Вроде бы не требовалось, и на том спасибо...

Потом до него дошел истинный смысл случившегося. Мессир фон Райхерт взвился со скамьи, как укушенный осой в седалище, и вцепился в рукав Мак-Лауда, зашипев:

— Ты что натворил, образина горская?

— Ничего особенного, — невозмутимо, но тоже приглушив голос, отвечивал шотландец. — Просто я не вижу иного способа избавиться от старикана. Либо я его прикончу сейчас, либо в долгой дороге к Палестине он прикончит всех нас. Это меня совершенно не устраивает. Если что — позаботьтесь об Агнессе и мальчиках. Помогите им добраться до ближайшей гавани и уплыть отсюда.

— В Тир, к Монферрату? — туповато уточнил германец.

— В Лондон, к мадам Элинор, — вполне серьезно ответил Дугал. — Кстати, сделай доброе дело, одолжи меч. Коли мессир де Фуа желает равных условий поединка, то будут ему равные условия.

Длинная и тяжелая клеймора шотландца и в самом деле на добрых две ладони превышала обычные мечи-бастарды крестоносцев. Гунтер машинально вытащил из ножен свой клинок — который он почти всякий вечер добросовестно полировал и затачивал, но редко пускал в дело, — положив поперек стола, рядом с кружками недопитого вина, обгрызенными костями и шелухой от семечек. Мак-Лауд избавлялся от своей скрипучей ременной амуниции, де Фуа со скучающим видом потягивал вино, зрители гомонили и, как понял германец, заключали пари на исход поединка. Во двор, оповещенный встревоженными слугами, шустрым колобком выкатился хозяин таверны и заголосил на скверном норманно-франкском, требуя от спасителей Гроба Господня идти драться на улицу и не портить репутацию его заведения. На голосистого тавернщика прикрикнули, однако упрямец ни в какую не желал успокаиваться.

— Да пес с ним, на улицу так на улицу, — пожал плечами кельт, примериваясь к одолженному клинку и с легкостью выписывая им в воздухе восьмерку. На шум забрел переходящий монах в черной рясе, служитель местной православной церкви, спросил что-то. Судя по интонации, предложил исповедь и отпущение грехов. Зеваки гомонили, солнце светило, дряхлые Норны вращали свои веретена и плели бесконечную пряжу, творя историю. С тоской осознающий свое полное бессилие Гунтер вместе с толпой набежавших желающих поглазеть на бесплатное развлечение вышел со двор на неширокую улицу.

За время пребывания армии Барбароссы в Тарсе дуэли между воинственными франками стали для горожан привычным явлением — поэтому никто не удивлялся, не пугался и не бежал сломя голову за стражей. Извест-

ное дело, северные варвары повздорили. Сейчас один прикончит другого и пойдет отмечать победу.

«Де Фуа по крайней мере в два раза старше Мак-Лауда, — рассуждал обер-лейтенант. — Уровень... кхм... скажем так, физической подготовки у них примерно одинаковый. Как владеет клинком Дугал, я видел. Мессир Ангерран, надо полагать, не меньше него искушен в искусстве мечного боя — если верить его рассказам о войнах с арабами и многочисленных сражениях в Палестине. А преклонный возраст опыту не помеха. Ой, что же мы натворили и во что влипли... А если, не приведи Господь, де Фуа одолеет скотта? Тогда мы останемся без помощи единственного человека, который хоть что-то знал о потайных входах и выходах этого Средневековья, будь оно трижды неладно!»

Попытки примирения в славном XII веке от Рождества Христова, похоже, были не в чести. Во всяком случае, никто из присутствующих — а Гунтер заметил среди посетителей безымянной таверны некоторое количество господ вполне знатного вида и почтенных лет, наверняка обладавших немалым авторитетом — не сделал попытки остановить поединщиков, ссылаясь, к примеру, на указ императора с запрещением поединков в военное время и в действующей армии. Иное дело, что сами де Фуа и Дугал, за несколько мгновений до того, как скрестить мечи, обменялись несколькими фразами. В общем гаме обер-лейтенант не сумел расслышать, что эти двое сказали друг другу — увидел только хищную ухмылку шотландца и надменно заломленную бровь старого рыцаря.

Гунтер не знал, существует ли в нынешние времена определенное слово или формулировка для начала дуэли. Несколько сорвавшимся голосом он выкрикнул запомнившееся с юношеского периода запойного чтения романов Александра Дюма «*En garde!*...» и быстренько отскочил в сторону. Его немедля толкнули локтем в спину, чтоб не мешал смотреть. Зрители обступили место

будущего поединка широким кругом, готовые в любой миг разбежаться — если в пылу сражения они окажутся в опасной близости от полосующих воздух мечей.

— Зря ты со мной связался, щенок, — вот что процедил сквозь зубы человек, без малейших на то оснований именовавший себя Ангерраном де Фуа. — Может, ты и хорош в бою... только против меня тебе не выстоять. Меня благословила рука того, чья власть превышает вашего нелепого Иговы и его распятого сынка. Я умер и воскрес, и буду жить, когда твои кости давно истлеют в могиле. Знаешь, почему я тебе это говорю? Через десяток ударов сердца ты умрешь и не сможешь ничего разболтать своим бестолковым друзьям. Не переживай, они ненадолго переживут тебя. А твоя Агнесса и ее племянники в скором времени тихо и незаметно исчезнут. Но знаешь, еще не поздно все изменить. Остановим этот бессмысленный поединок, договоримся — и...

— А я везучий, авось как-нибудь выкручусь, — откликнулся на эту зловещую тираду Мак-Лауд.

Все-таки, по мнению обер-лейтенанта, в средневековом поединке на мечах не было ничего, схожего с эффектной шпажной дуэлью мушкетерских времен. Хотя, возможно, представление о дуэли XVI века у мессира фон Райхерта тоже было в корне неверным, основанным на фильмах французской кинокомпании «Гомон» и гравюрам в старинных трактатах, посвященных этому великому и опасному искусству. Здесь же была просто рубка, стремительная и смертельная — ибо противники не были обременены тяжелыми и сковывающими движения, но спасительными кольчугами, оставшись в обычной одежде. Для зрителей — и местных, и франков, — похоже, не имело значения, на чьей стороне окажется победа, они с равным энтузиазмом поддерживали воплями и свистом обоих соперников. Клинки лязгали, сшибаясь, почтенный де Фуа выглядел помолодевшим лет на двадцать, ничуть не уступая более молодому противнику ни в скорости, ни

в проворстве. Двое выплясывали на прокаленной солнцем немощеной улице под аккомпанемент улюлюканья, испуганных женских вскриков и громогласных рыцарских возгласов на древнем, но отнюдь не потерявшем своей исконной выразительности саксонском наречии.

«Не могу я на это смотреть, — честно признался себе германец. — Вроде бы столько здесь прожил, в войне участвовал, должен был ко всему привыкнуть — а не могу, хоть убей. Люди с азартом рубят друг друга на кровавую колбасу во имя невесть каких целей... Может, прав был Серж — гори оно все ясным пламенем, какое нам дело до здешних трудностей?»

Выпад — парирование — косой взмах снизу вверх — прыжок... Въедливая красноватая пыль, жара, вонь, жужжащие мухи над кучами отбросов. Киликийский город Тарс, развалины которого предприимчивые потомки нынешних праздных зевак будут в двадцатом веке показывать любопытствующим туристам из Европы, прапраправнукам доблестных крестоносных воителей.

Отвлечшийся мессир фон Райхерт внезапно сообразил, что ситуация в круге претерпела изменения. Де Фуа сумел вплотную приблизиться к шотландцу, мечи сцепились крестовинами и теперь каждый из поединщиков изо всех сил давил на рукоять, пытаясь заставить другого отступить, теряя равновесие. Перевес оказывался то на одной, то на другой стороне, щекоча нервы зевакам и повергая Гунтера в отчаяние. Он поймал себя на том, что неразборчиво выкрикивает что-то вместе со всеми... и тут Мак-Лауд резко отшатнулся назад, высвободив свой клинок из захвата. С разворота нанес мессиру Ангеррану хлесткий удар поперек корпуса и завершил движение стремительным прямым выпадом.

Фатальным. Финальным.

Обаятельный старикан с загадочным прошлым, встреченный Гунтером фон Райхертом в кабаке на далеком острове Сицилия, пошатнулся, сложился пополам и упал

вперед. Германцу помстилось, будто он разглядел выражение на прокаленном солнцем Аравии и продубленном солеными ветрами Средиземноморья лице мессира Ангеррана — не боль, не испуг, но вновь безмерное, безграничное удивление. Словно господин де Фуа был неколебимо уверен в том, что смерть не имеет права коснуться его своим крылом, а вот сегодня на собственной шкуре убедился в обратном. В том, что Господь ведет счет всем душам — праведным и заблудшим, отмеривая им положенный срок и прибирая к себе в тот день, который он сочтет нужным.

Вытоптанная уличная земля быстро пропитывалась кровью.

— Еще немного — и зуб даю, уходил бы меня бойкий старец, — рядом возник Мак-Лауд, переводивший дыхание с таким трудом, будто ему только что довелось проскакать от Тарса до Коньи. — Меч у тебя скверный. Пошли, выпьем за помин души раба Божьего Ангеррана.

— Мне думается, на самом деле у него было совсем другое имя, — неожиданно для самого себя брякнул германец. — И он не имел никакого отношения к роду де Фуа из Лангедока.

— Очень даже может быть, — рассеянно согласился Дугал. — Но какая нам теперь разница? Его нет, а мы живы. Так продашь Мелвих или нет?..

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Малая речка Салеф

Вечер 9 июня.
Окрестности города Сис,
Киликийская Армения

Вошедшая в историю речка Салеф ничуть не заслуживала своей громкой славы. Гунтер даже не был уверен, что перед ним именно Салеф — по окрестным лож-

бинам в скалистых холмах, через которые сейчас шла армия, к морю бежало не меньше пяти подобных речек. Раздувшиеся от весенних дождей и тающих где-то на вершинах Таврийских гор снегов, неглубокие, но бурные ручейки, каменистые и холодные. Через них даже мостов не наводили и переправ не искали — тяжелые на ногу рыцарские кони без труда пересекали эти малые преграды вброд и вплавь, довольно фыркая и рассыпая вокруг себя облака сверкающих брызг.

Армия бодро шла вдоль побережья на восток, между отрогами затянутых густой темной зеленью холмов, мимо армянских деревушек и оседлавших горные перевалы крепостей. «День-ночь, день-ночь, мы идем по Африке...» — бормотал про себя мессир фон Райхерт, рассеянно созерцая меняющиеся и вместе с тем однообразные пейзажи Киликийской Армении: горы, леса-перелески, возделанные поля, виноградники, снова горы и узкие долины. Чужая страна, живущая своей обыденной жизнью, и вытянувшаяся длинной змеей армия, за передвижением которой можно следить по висящему над ней облаку пыли. А поскольку края здесь вполне цивилизованные и обжитые, с дорогами и трактами, то и войско движется достаточно бодро, покрывая, по примерным подсчетам, до тридцати-сорока лиг в день. Нет недостатка ни в воде, ни в корме для лошадей, ни в провианте для людей. Никто не нападает из засады, никто не чинит препятствий, местные жители оказывают воинам Гроба Господня изрядное уважение — не поход, а благодать какая-то. Разве что который день стоит жара, и солнце, как прибитое к безупречно синему небосклону, сверкающим золотым безантом висит над головой.

Настроение у мессира фон Райхерта было странным. Двойким. С одной стороны, он вроде приспособился к местным условиям и привык к походной жизни. С другой — берега Салефа с каждым днем неуклонно приближались, а ему и его спутникам так и не удалось ничего

толком разузнать. Да и спутников, если признаться честно, у Гунтера больше не было. Как и почетного, но ничего не означающего титула «барон Мелвих».

Имение в северных шотландских землях было продано ровно за семьдесят два золотых английских шиллинга. То есть за шесть фунтов стерлингов, имеющих хождение на землях английской короны и сопредельных владениях. Каковая сумма была вручена мессире фон Райхерту в ювелирных изделиях и драгоценных камнях — охотно взвешенных, осмотренных и оцененных сопровождавшими армию итальянскими ростовщиками и менялами.

— Ты чего, в Константинополе успел забраться в императорскую сокровишницу? — хмыкнул германец, с некоторым удивлением взирая на изрядной величины кучку золотых побрякушек греческой работы. Вещицы были довольно тяжелыми и грубоватого литья — как и почти все средневековые изделия, да и пошедшее на них золото было не самой высокой пробы. Камни тоже выглядели плохо ограненными, и лишь изредка вспыхивали в солнечных лучах острым и ярким радужным бликом. У Мак-Лауда достало совести не предлагать в качестве оплаты свою долю Лоншановых драгоценностей — полученную от компаньонов фактически задаром.

«А я ведь теперь очень богатый человек, — размышлял Гунтер. — Надо же, какой вышел круговорот денег в природе. Гай своей долей сокровищ почти не воспользовался, как благородный рыцарь, вернул их сотоварищам. Поместье я продал — пусть теперь Дугал с ним мается. Осталось только найти способ обзавестись землевладением где-нибудь в Европе — и можно считать, жизнь удалась. Крестоносный воитель вернулся из похода с богатыми трофеями. Одно неясно — зачем все это было, к чему?»

Сделка была заключена в процветающем приморском городке под названием Айяс, Мишеля пригласили быть

свидетелем. Нормандец вволю похихикал над тем обстоятельством, что Дугал Мак-Лауд отныне становится бароном Мелвих, но любой бы заметил — случившееся с друзьями не слишком занимает молодого де Фармера. У нормандца имелись свои заботы, да и сам он уже больше не был тем рыцарем-неудачником с большой дороги, что почти девять месяцев назад самоуверенно выступил в поход из далекого баронства в лесах Нормандии. Однако и Мишель, и Гунтер были изрядно удивлены решением кельта, высказанным сразу же после подписания высокими договаривающимися сторонами всех потребных пергаментов и перехода денег из рук в руки.

— Уезжаем мы, — просто и незамысловато брякнул Мак-Лауд. — Завтра утром. В гавани сыскался корабль, идущий с грузом в Ираклион на Крите. Оттуда поплывем в Мессину, а там наверняка отыщется судно до французского побережья. Решено и кончено — будет с меня. К осени, глядишь, доберемся до Острова... — Выражение лица и зеленоватых глаз Дугала стало ностальгически-мечтательным — или Гунтеру так показалось.

— Ты же вроде в Тир к Конраду собирался... — заикнулся германец. Ответом послужил непристойный жест и раздраженное:

— Ничего, господин маркграф и без меня как-нибудь обойдутся. Послужил и будет. Ежели доведется встретить мессира Монферрата — передайте ему поклон от Данни. Так, мол, и так, спасибо за добро и ласку, но разошлись наши дороги. И вот что... как и куда я подался — никому ни слова. Ясно?..

Обер-лейтенанту отчаянно хотелось на прощание выпросить у шотландца какую-нибудь тайну, какой-нибудь здешний великий секрет — но, к сожалению, он не знал, с какой стороны подступиться к столь щекотливой теме и как верно сформулировать вопрос. Мишель же, простая душа, предложил выпить за удачное и благополучное возвращение Мак-Лауда и его близких до-

мой — что, учитывая трудности пути, представлялось весьма и весьма немаловажным.

И они уплыли. На торговом судне под стягом Родосской морской гильдии. Новоиспеченный барон Мелвих, загадочная леди Агнесса и мальчишки. Навсегда исчезнув за туманным горизонтом — ибо Гунтер сомневался, что им когда-нибудь доведется вновь встретить непредсказуемого кельта, его византийскую даму и приемных детей. Сандри и Дэвид, забравшись на высокую корму, еще долго махали остающимся на берегу и что-то кричали — но ветер уносил их голоса, превращая в мешанину непонятных звуков.

— Вот и ему оказался не нужен Иерусалим, — пронищательно заметил Мишель по дороге из шумной гавани в лагерь крестоносцев. — Он, похоже, обрел свой Небесный Град на земле. Повезло человеку... — Нормандец помолчал, явно собираясь с духом, и признался: — Гунтер, знаешь, а я скоро женюсь.

— На Мариэтте? — зачем-то уточнил германец, хотя и так все было ясно.

— Ну не на Джентиле же...

Оба невесело рассмеялись.

— Он пойдет в качестве приданого. Поздравляю. Когда свадьба? — вежливо поинтересовался мессир фон Райхерт, думая в этот миг совсем об ином.

— Как доберемся до Антиохии, там и обвенчаемся. Хорошо бы, конечно, провести церемонию в самом Иерусалиме, — мечтательно протянул де Фармер и прозаично закончил: — Но его когда еще вырвут из лап неверных... Имей в виду, ты будешь свидетелем со стороны жениха, так что не дай себя убить, пока мы не войдем в Антиохию. До нее уже недолго осталось — две или три седмицы пути. Или даже меньше, если повезет. Знаешь, я вот думал... Когда все закончится, возвращаться в Нормандию или остаться здесь? Мне тут понравилось. Мариэтта говорит, ее семейство ведет торговлю по всему побережью Пале-

стины, у них есть обширные земли под Яффой... Может, там и поселиться? Освободить Иерусалим и провести остаток жизни в Святой Земле — что может быть лучше для истинного христианина и рыцаря? Отец будет доволен, а Фармер перейдет к братцу Хью...

— Угу, — рассеянно согласился германец. Вот и распалось их недолго существовавшее братство по духу — не из-за происков коварных врагов или безвременной кончины соратников, а просто потому, что жизнь в конце концов берет свое. Престол в Константинополе, дом в Яффе и поместье в Мелвихе на самом деле куда важнее, чем исторические загадки и закулисные заговоры. Даже профессиональные герои рано или поздно вкладывают скопленные сокровища в основание торгового общества и покупают благоустроенный замок с видом на апельсиновую рощу...

«Ну и ладно. Ну и подумаешь. А я поступлю по-своему, доведу дело до конца. Буду присматривать за Барбароссой! Если что-то пойдет не так, попробую вмешаться. Авось, мне за это еще и награда какая перепадет — ведь леди Елена тоже наверняка мечтает о собственном доме в Яффе... Далась мне эта Яффа, будь она неладна!»

Во исполнение столь решительных и далеко идущих намерений мессир фон Райхерт первым делом решил почаще бывать при походном дворе старого императора. Где немедленно наткнулся на неожиданные препятствия. Со стороны казалось — при Барбароссе околачивается уйма бездельничающих дворян, делающих карьеру молодых отпрысков знатных семейств Великой Римской империи, и среди них всегда отыщется место для еще одного человека. Но не тут-то было! У мессира фон Райхерта не имелось ни влиятельных родственников, чья поддержка могла бы помочь ему вскарабкаться вверх по сословной лестнице, ни каких-либо собственных выдающихся заслуг. Да и положение его, прямо скажем, было шатким — роль посланца Ричарда Льви-

ное Сердце куда успешнее и удачнее выполнял Мишель, сумевший за время пути по Малой Азии примелькаться среди спутников Барбароссы и обзавестись полезными знакомствами. Даже законная фамилия обер-лейтенанта принадлежала ему не по праву — ныне Райхертом владели и получали с него доходы его далекие предки.

Гунтеру не оставалось ничего, как маячить поблизости от императорской ставки да выжидать подходящего удачного случая — чем, как вскоре выяснилось, занимался не он один. Всякий рыцарь победнее и не будучи знатного рода, стремился обратить на себя внимание если не Барбароссы, то кого-нибудь из его приближенных, подыскав себе сюзерена с набитым кошельком и родословной толщиной не меньше Готского альманаха.

К началу июня армия миновала богатый и древний город Сис, углубившись в Таврийские предгорья и остановившись на ночевку как раз на берегу рокового Саллефа. Лагерь оживленно гудел, полыхали костры, жарилось мясо и откупоривались многочисленные бутылки и бочонки. Его императорское величество Фридрих фон Штауфен праздновали наступление своего шестьдесят восьмого дня рождения. Праздновал в походе — потому без гуляния на широкую ногу, затевания турниров на неделю и грандиозными попойками, — однако ж шума, криков, славословия и выпивки было во множестве. Угощали всех, при определенном везении можно было даже заглянуть в большой открытый шатер императора, узрев там цвет немецкой армии и собственно виновника торжества, топорщившего все еще огненно-рыжую бороду веником и браво оравшего, точно прусский бюргер в пивной на праздновании Дня Труда. Соратники поддерживали кто во что горазд, дамы смеялись, бегавшие вокруг столов собаки залиvisto лаяли — жизнь была ключом, а у мессира фон Райхерта в итоге жутко разболелась голова. Попытка вернуться в их с де Фармером шатер не удалась: в темноте кто-то пыхтел и сопел, ут-

робно рывкнув на Гунтера, чтоб тот убирался прочь и не мешал людям.

Германец устало выругался, пожелав захватчику мужского бессилия на всю оставшуюся жизнь, и побрел через шумный бивак, куда глаза глядят. В итоге он внезапно обнаружил себя на берегу Салефа, где пахло камышами и сырой водой, а около берега бродили, хрустя травой, стреноженные кони. На востоке, над вершинами Таврийских гор мерцало еле заметное бледно-розовое сияние, предвестие грядущего рассвета июня десяти дня, 1190 года от Рождества Христова.

Гунтер сидел, безучастно размышляя о том, что отец Колумбан, пусть он и святой, наверняка ошибался. Да и сами они заблуждались, ничего им тут не суждено свершить, они не режиссеры этого огромного спектакля, не ведущие актеры и даже не статисты, они просто декорации... Да нет, какое там — даже не декорации, а так, случайные зеваки: забрели не в ту дверь, попав за кулисы вместо уютной зрительской ложи, и бестолково тычутся в поисках выхода. Ему уже пытались это втолковать. Ему даже предлагали вернуться домой, в кажущийся теперь нереальным двадцатый век. А он забыл об этом разговоре. Вылетело из памяти, словно кто-то размашисто стер мокрой тряпкой с черной доски все буквы и формулы. Две Вселенные, три, четыре — какая ему, Гунтеру фон Райхерту, в сущности разница? Его швырнули в водоворот времен и он камнем пошел на дно, не оставив по себе даже расходящихся кругов на поверхности воды.

За невеселыми раздумьями германец как-то упустил наступление рассвета — просто только что вокруг колыбался влажный, ознобный сумрак и доносился неумолчный плеск реки, и вот уже из темноты выступили ровные ряды палаток и шатров, хрипло и надсадно переключнулись сигнальные рожки и трубы, а невдалеке на берег выехала большая группа всадников. До находившегося шагах в пятидесяти Гунтера долетели ожесточен-

но спорящие голоса и крепкий запах перебродившего вина — должно быть, за ночь благородные сэры успели опустошить немало кубков.

— В-вот она, граница К-киликки и к-княжества Антиохийского! — торжественно, однако слегка запинаясь, провозгласил кто-то. — Вы-выпьем же за успех нашего ор... оружия... и вообще!

Тост был поддержан дружным «хайль!» и бульканьем. Мессир фон Райхерт вгляделся в конные силуэты, пытаясь опознать знакомых, и вдруг, точно некая незримая рука увесисто стукнула его по затылку, сообразил: вот она, творящаяся прямо перед ним история! То самое роковое утро 10 июня, когда император Великой Римской империи при невыясненных обстоятельствах расстался с жизнью в волнах речушки Салеф! И всадники, которых он сейчас видит — наверняка Барбаросса и его присные, выехавшие проветриться после затянувшейся ночной пирушки!

Гунтер вскочил. Сел. Снова вскочил, не зная, что предпринять. Метнулся влево-вправо. Как назло, рядом не оказалось друзей и соратников, никого, способного помочь или подсказать!

— Это что? Это р-река? Тоже мне, река -- ровно б-бык отлил! — во всеуслышание поделился с окружающими громогласный бас, в обладателе коего германец безошибочно опознал старого императора. Речь Барбароссы была несколько замедленной, а выражался его величество примерно как ефрейтор Первой мировой, только что выбравшийся из окопов на Марне. — Х-храниц-ца, тож-же мне...

Выехавший вперед всадник покачивался в седле взад и вперед с размеренностью метронома. Рассеянно помахал перед собой левой рукой, разгоняя облако несуществующих мух, и рявкнул:

— В-вперед!.. За мной! На Иерусалим, пр-ровались он во веки веков, аминь!.. Х-хде этот сволочной поганец

Ричард? Х-хде сарацины?! А-а, боитесь меня...Пр-равильно, бойтесь...

Пьяный в дым и великолепный в своем амплуа «нажравшегося тирана» Барбаросса завалился назад, едва не выпав из седла. Его успели подхватить и не без натуги усадить прямо. Кто-то хохотал. Кто-то настойчиво пытался убедить императора в том, что сейчас совершенно неподходящее время для форсирования реки. Заглушая разговоры, некий рыцарь свиты нетрезво пел, вернее, немелодично орал непристойное лэ про милую Клотильду, которая всегда готова к услугам и горячее печки. Оторопевший Гунтер в растерянности взирал из камышей на историческое безобразие.

— Отец, вам вредно много пить и волноваться! Только представьте, что скажет матушка, узнав о вашем поведении! — Морализаторский пассаж явно принадлежал Фридриху-младшему, однако не возымел результата.

— Скажет, что муж ее, хоть и стар, а будет покрепче иных юнцов... Назад, я сказал! То есть вперед! Х-хде треклятая Антиохия? -

— Там, за рекой! — легкомысленно выкрикнул кто-то. Фраза оказалась роковой. Разметав в стороны собственных придворных, германский венценосец прищиприл коня и сиганул с невысокого бережка в реку. Взлетели брызги, раздалась дружные, но противоречащие друг другу вопли, от бравого «Вперед, за императором!» до панического «Остановите старого дурня!».

Впрочем, пока не происходило ничего ужасного. Здоровенный фламандский жеребец осторожно брел через неширокую речку, порой оступаясь на скользких и затянутых тиной камнях, вокруг его столбообразных ног бурлила вода. Барбаросса, вдохновенный, аки ветхозаветный пророк, извлек из ножен меч и прокрутил им над головой свистящую восьмерку, явно вдохновляя соратников последовать его примеру. Верные сподвижники, Впрочем, не спешили бросаться в бурные воды.

Конь и всадник благополучно добрались почти до середины Салефа, когда все и произошло. Жеребец, поскользнувшись, завалился на бок и забился, пытаясь встать. Барбаросса под общий вопль ужаса упустил стремя и грузно ухнул в воду. Всего прочего Гунтер уже не видел — ибо с разбега сиганул навстречу своему предназначению и будущей славе в веках.

Прыжок вышел неудачным — германец окунулся с головой, выяснив, что течение у узкого Салефа весьма сильное, а вода ледяная. Потом его со всего маху задел крупом конь императора: умное животное сочло, что спасение утопающих зависит только от них самих и целеустремленно рвалось через поток к антиохийскому берегу. Барбаросса отсутствовал — впрочем, он с изрядным шумом и плеском, словно арктический морж, вынырнул метрах в пяти ниже по течению, гаркнул нечто ругательное и вновь с бульканьем скрылся под водой. Мессир фон Райхерт — загребая руками, стуча зубами и ожесточенно шаря ногами скользкое дно — устремился следом. Свита Барбароссы неслась по берегу, давая советы и сыпля проклятиями.

Мучительная погоня за уносимым потоком Фридрихом фон Штауфеном завершилась в тот момент, когда Гунтеру невероятным усилием удалось поймать край императорского бархатного плаща, намокшего и тяжеленного. Тут обер-лейтенант угодил сапогом между камней, потерял равновесие и рухнул вперед, заодно сбив с ног старого императора. Отстраненно мессир фон Райхерт поразился тому, что речка вроде неглубока, едва ли по пояс, но ему никак не удастся выплыть на поверхность, а перед глазами звонко лопаются большие разноцветные пузыри...

Его рванули вверх — показалось, не меньше чем крюком армейского тягача. Благородный спаситель жадно втянул воздух и сквозь плеск воды разобрал выкрикнутый ему прямо в ухо вопрос:

— Чего дурью маешься, убогий, али жизнь надоела?

— Я... вас... спасаю... — в три приема выдохнул германец.

— Чего, ты меня?! — оглушительно заржал Барбаросса. — А не наоборот, точно? Х-хе! Из пеленок едва вылезли — а все-то им подвиги вершить, скудоумным!..

И, размашисто загребая одной рукой бурную воду, а другой волоча «спасителя» за шкурку, престарелый император попер к берегу, как танк через болото, весь в пене и брызгах, успевая на ходу ругаться на чем свет стоит, костеря Палестину, Крестовый поход, Иерусалим, верных сподвижников и Божий мир без исключения. У самого берега Барбаросса поскользнулся, всем немалым весом грянувшись на мокрые, облепленные тиной валуны — что на краткое мгновение прервало поток извергаемых им ругательств и позволило некоему доблестному шевалье первому подлететь к грохнувшемуся старцу. С диким воплем «Хвала деве Марии, наш император спасен!» сей отважный рыцарь принялся вытаскивать грузного правителя на берег. Лишенный поддержки Гунтер тоже шлепнулся, но ему, в отличие от Барбароссы, никто помогать не спешил. Говоря по правде, на мессира фон Райхерта просто никто не обратил внимания. Германского императора общими усилиями выволокли на сушу и с непрерывными молитвам и призывами к Господу начали приводить в себя — что, как скоро выяснилось, было излишне. Барбаросса отпихнул доброхотов, рявкнул на совершенно безвинного отпрыска, сипло потребовал коня и повелел начинать общую переправу.

О борющемся с течением и с трудом выкарабкивающимся на берег мессире фон Райхерте он и не вспомнил. Единственным, кто уделил внимание насквозь промокшему и стучащему зубами крестоносцу, был принц Фридрих фон Штауфен-младший. Подъехав и сверху вниз глядя с высоты конской спины на копошащегося в грязи человека, его светлость вполголоса, однако довольно внятно процедил:

— Какого дьявола вы это сделали?

— Как? — забормотал туго соображающий Гунтер. — Но как же можно было поступить иначе, это ведь Барбаросса, ваш почтенный отец, император...

— Это ярмо на моей шее! — Только спустя несколько дней германец понял, что от неминуемой смерти в водах Салефа его вторично спас Барбаросса, громогласно потребовавший Младшего к себе. Еще мгновение — и потерявший контроль над собою наследник вполне мог столкнуть Гунтера обратно в водные хляби. Но Фридрих-младший лишь ругнулся себе под нос, развернул коня и ускакал.

Бывший обер-лейтенант остался сидеть на берегу шумящей речки Салеф, капая водой и постепенно замерзая. Спустя какое-то время рядом объявился Мишель де Фармер: кто-то из свитских рассказал ему об инциденте у реки, и, встревожившись долгим отсутствием приятеля, нормандец отправился на поиски. Застав Гунтера в столь плачевном положении, Мишель усадил его на круп своего коня и торопливо погнал в лагерь.

Хлопоты оказались напрасны — к вечеру того же дня у германца началась простуда, плавно перешедшая в крупозное воспаление легких с лихорадкой и прочими радостями жизни.

Середина июля. Где-то между Тиром и Аккой, побережье Святой Земли

Полтора последующих месяца сохранились в памяти германца отрывочными воспоминаниями, подернутыми флером горячечного бреда и внезапных прояснений рассудка. В эти мгновения здравого восприятия реальности он осознавал, что лежит в покачивающемся и медленно движущемся фургоне, задыхаясь, непрерывно кашляя и сплевывая набившиеся в горло вязкие сгу-

стки. Память сохранила смутный образ некоего появлявшегося рядом человека, старательно потчевавшего страждущего омерзительными на вкус снадобьями — от которых, впрочем, становилось немного лучше. В один из периодов просветления обер-лейтенант вспомнил, что среди его имущества должна лежать штатная армейская аптечка «Юнкерса». Возможно, лекарства XX века и могли ему помочь — если бы, шаря трясущимися руками в полутьме фургона, он сумел бы разыскать мешок со столь необходимой коробкой, помеченной красным крестом и обтянутой темно-зеленым фетром.

За это время армия Барбароссы, продвигаясь на юг вдоль побережья древней Палестины, миновала Антиохию, Латакию, Триполи, Тир и с каждым днем приближалась к осаждаемой сарацинами Акке. Ничего этого Гунтер не знал и не видел, цепляясь за жизнь и упорно пытаясь выстоять в борьбе с распространившейся инфекцией.

Организм победил. В неведомо какой день неизвестно какого месяца германец проснулся, чувствуя себя совершенно ослабевшим — но вроде бы живым и очень голодным. Прополз к заднику фургона, откинул полотнище и выглянул, узрев с одной стороны сияющее всеми оттенками зелени и лазури море, а с другой — пологие, мягких очертаний холмы, рваную зелень пальм и повозки, неспешно движущиеся под аккомпанемент ржания, скрипа, хлопанья бичей и криков погонщиков. Над армией висело ставшее уже привычным облако вонючего тепла, под тяжелыми колесами хрустел светлый песок, с моря тянуло свежестью и водорослями. Орали парившие над берегом чайки — крупные, белые, с черными головами и алыми клювами.

«Палестина? — Гунтер уселся, свесив ноги и оглядываясь по сторонам, словно увидев Божий мир в первый раз и поразившись его красоте и устроенности. — Мы в Палестине? Крестовый поход идет своим чередом, и вот мы уже в Святой Земле... Я, наверное, похож на

ожившего покойника, — он провел рукой по лицу, нащупав жесткую многодневную щетину и выступившие кости черепа. — И воняет от меня соответственно. Но до чего же хочется есть, кто бы знал!»

Остаток дня германец с горем пополам пытался привести себя в порядок. Наткнулся в фургоне на мешок с зачерствевшими сухарями и принялся усердно грызть похожие на камень кусочки хлеба, зная, что никакой горячей пищи раздобыть не удастся до наступления вечера и стоянки. Тогда нужно будет разыскать Мишеля, узнать, много ли времени прошло, где нынче марширует армия Барбароссы и как вообще обстановка — и у сильных мира сего, и касающаяся их маленькой компании.

«Вот лично мои дела хреновы донельзя, — мессир фон Райхерт вяло копался в сундуках в поисках чистой одежды, пошатываясь, когда колеса фургона попадали в выбоины. — Я чувствую себя так, будто меня пропустили через мельничные жернова, а потом сбросили со скалы в море...»

Под руку попался глиняный пузырек, внутри которого плескалось немного загадочной густой жидкости — бурой и скверно пахнувшей. Германец рассмотрел и обнюхал вещичку с большим подозрением, а затем, брезгливо держа ее двумя пальцами, точно дохлую мышь, выбросил прочь. Кувшинчик жалобно хрустнул, угодив под фургонное колесо.

«Они что, лечили меня вот этим? Знахарские варева... сушеные жабы и мох с черепа висельника... Бр-р, какой ужас. И ведь еще небось платили лекарю... Интересно, во сколько обошлось Мишелю мое выздоровление? Если он расплачивался своим золотом, надо будет ему вернуть долг... Ох, и свадьбу его я наверняка пропустил... Кстати, где мои денежки?»

В фургоне, куда свалили невеликое имущество мессира фон Райхерта, увесистых кожаных мешочков с золотыми монетами и драгоценными побрякушками ра-

зыскать не удалось. Германец перевернул сундуки и мешки, с каждым мгновением испытывая все нарастающую тревогу — ибо залог его будущего благосостояния отсутствовал. Усилием воли приказав себе прекратить панику и начать мыслить логически, Гунтер через пару минут перестал изображать обезумевшего старьевщика и с облегчением рассмеялся.

«Ну конечно, пока я здесь валялся, Мишель ради безопасности забрал мои деньги к себе! Похоже, я еще не отошел после болезни и плохо соображаю. А Барбаросса — сволочь редкостная, наверняка ни разу не осведомился, как поживает герой, спасший его драгоценную шкуру!»

...Походное жилище де Фармера претерпело значительные улучшения. Нормандец прикупил где-то новый шатер, куда больше и роскошнее прежнего, и, к удивлению Гунтера, начал собирать вокруг себя тех, кто в недалеком будущем мог бы стать основой его личного копия, маленькой дружины числом около дюжины человек, состоящей из копейщиков и лучников. У входа в шатер бдела охрана, уставившаяся на потрепанного и отошавшего «друга мессира де Фармера» с крайним подозрением. Гунтера отказывались пропускать внутрь, пока на шум снаружи не выглянул Джентиле, опознавший германца и, кажется, вполне искренне обрадовавшийся его возвращению в мир живых.

Однако изменения произошли не только в обстановке. В шатре и в жизни Мишеля теперь царила леди де Фармер — по-южному яркая и миловидная, однако, на взгляд германца, несколько перестаравшаяся с количеством носимых ею золотых украшений, и весьма острая на язык. Уже к середине ужина Гунтер заподозрил, что его скромная персона категорически не по душе Мариэтте. Ее можно было понять: ободранный нахлебник, бывший оруженосец, а ныне непонятно кто, безземельный рыцарь без господина! — но на душе все равно становилось досадно. Ведь именно он, Гунтер, заставил

Мишеля принять участие в Походе, они вместе прошли множество испытаний и разгадали уйму тайн, а теперь какая-то чернокудрая италяночка преспокойно оттесняет бывшего друга в тень и Мишель как-то виновато оправдывается перед ней.

Прием был гостеприимным, еда и вино — вкусными, но германцу больше не хотелось здесь находиться. Третий, как известно, всегда лишний. Потому, отужинав, он осторожно перевел разговор на свои сбережения, попросив вернуть их. Мишель недоуменно захлопал белесыми ресницами:

— А я это... Решил, ты их куда-то спрятал или отдал ломбардцам на хранение... Когда ты заболел, я через пару дней подумал — надо бы твое золото прибрать от греха подальше. Пришел к тебе, осмотрел все и ничего не нашел...

— Как это — «не нашел»? — выдохнул германец, ощутив, как вдоль хребта прокатилась пригоршня битого льда, а в брюхе вдруг скрутился тугой комок. — Слушай, ты не шути так...

— Да я вовсе не шучу, — в растерянности откликнулся Мишель. — Зачем бы мне шутить с такими вещами... А ты хорошо посмотрел, везде? Может статься, ты пока валялся в горячке, затолкал их куда-нибудь и забыл об этом?

— Ага, затолкал сундук с мешками так, что теперь не в силах его отыскать... — мессир фон Райхерт тщетно пытался обрести утраченную опору под ногами. — Мишель, скажи честно: ты их взял на сбережение, а теперь решил надо мной слегка поиздеваться, так? Ладно, я понял, я не в обиде, но...

— Да не брал я твоих денег! — насупился нормандец, позволив себе даже пристукнуть кулаком по столу. Присутствовавшая при разговоре леди Мариэтта недовольно поджала яркие губки и что-то вполголоса сказала молодому супругу.

— Получается, меня ограбили? — упавшим голосом подвел итог германец. — Так, что ли?

Ответа не последовало. Мишель смотрел на него с сочувствием, леди Мариэтта — с тщательно скрываемым раздражением и снисходительным презрением: мол, хорош доблестный паладин, даже собственных денег не сумел сберечь! Гунтер потянулся к чаше с вином, отхлебнул, не почувствовав вкуса и смутно представляя, как же ему теперь быть. Еще несколько месяцев назад молодой де Фармер, услышав такое известие, махнул бы рукой и беспечно заявил: «Что за беда, моего золота вполне достанет на двоих, а там, глядишь, еще раздобудем!», но сейчас Мишель промолчал. Только повздыхал, посетовал на воров, у которых нет ничего святого и которые за покражи у воинов Христовых после смерти попадут прямоком в ад.

Самое оно было бы съязвить — мол, хоть это радуется, — но, во-первых, Мишель, дитя своего времени, просто-напросто не поймет его сарказма, ибо для средневекового нормандца мир загробный реален точно так же, как и мир, существующий сейчас вокруг них. А во-вторых, язык не ворочался. Какое-то время Гунтер неподвижно сидел, уронив руки на колени и глядя перед собой. В голове повисла звенящая пустота.

— Я, пожалуй, пойду... — наконец неловко пробормотал он, поднимаясь и умудрившись опрокинуть легкое походное седалище. — Спасибо за все, извините, мои вам наилучшие пожелания...

— Мы... я тебе непременно помогу... если что! — крикнул в спину бывшему оруженосцу сэра Мишель.

14 августа.

Акка, королевство Иерусалимское

«Год прошел, надо же. Ровно год. С чем тебя и поздравляю. Ваше здоровье... господин Неудачник».

Когда-то здесь стояла то ли сторожевая башня, то ли пост для сбора пошлины для въезжающих в Акку. Теперь

остались только полузанесенные песком руины — и отличный вид на гавань с ее далеко выбежавшими в море укреплениями и город, широко раскинувшийся в плоской полукруглой долине. Городу изрядно досталось: длинная крепостная стена в нескольких местах обрушилась, восточные кварталы полностью выгорели, да и в остальных дома изрядно проредились. Апофеозом войны грозила огромная осадная башня на колесах — обгоревшая, переломившаяся на высоте шести-семи ярдов, похожая на великанский гнилой зуб. Башню подожгли отбивавшие очередной натиск франков горожане, ее здоровенные колеса увязли в песке и теперь она высилась, накренившись на левый бок, нелепая и страховидная.

Жизнь в Акке бурлила ключом. Корабли в гавани и на рейде, ряды палаток на окрестных холмах, пестрые знамена — алые, зеленые, синие, всех цветов радуги, лошади, люди, пыль столбом, сверкание железа и золота под ослепительным южным солнцем. Обширный ассортимент королей и правителей, франкских и арабских, и никому, ни единой живой душе из этой блистательной когорты хозяев мира нет дела до неудачливого рыцаря-крестоносца, мессира Гунтера фон Райхерта, уроженца Германии. Непонятно чьего подданного и чьего вассала, явившегося на свет в 1915 году от Рождества Христова, обер-лейтенанта ВВС Германии, которому было предназначено умереть от пулеметной очереди в августе 1940 года, но который почему-то остался в живых.

И уже год болтается в распроклятом Средневековье, никчемный, неудачливый и ровным счетом ничего не добившийся. Наоборот, один за другим упускавший все подбрасываемые жизнью шансы прославиться и выбиться из неизвестности, скатываясь все ниже и ниже. Живущий на подачки хорошо устроившегося покровителя, если быть честным перед самим собой. Да и подачки те с каждым разом все скуднее и скуднее, ибо при всей своей рыцарской добродетельности и христианском мило-

сердии Мишель де Фармер не горит желанием содержать унылого дармоеда — здорового, не обделенного разумом и силой, однако не способного позаботиться о себе. Должно быть, женины родственнички озаботились, чтобы делающий успешную карьеру зять не волочил за собой скверное напоминание о шалопайском прошлом. Посему даже почетная миссия — известить Ричарда Львиное Сердце об итогах поездки его посольства в Византию — выпала на долю Мишеля де Фармера. Его бывший спутник никуда не пошел и не удивился, узнав, что при английском дворе о нем даже не вспомнили. Впрочем, пойти куда-либо германец и не смог бы, ибо был мертвецки пьян.

В последние седмицы это состояние стало для него обыденным. Мессир фон Райхерт напивался ежедневно и целеустремленно — благо вино в лагере найти было проще, чем свежую воду. Алкогольный туман скрадывал острые углы окружающего мира, позволяя, если не свыкнуться, то хотя бы смириться с нелепостью своего дурацкого положения. Все что-то делали, крутились, добивались, находили себе подруг и покровителей, сколачивали состояния — Гунтер фон Райхерт болтался за бортом жизни, и никто не спешил бросить ему спасательный круг.

А события вокруг творились необычайные и прелюбопытные. На маленьком кусочке средиземноморского побережья собрались почти все участники разыгрываемой исторической драмы с громким наименованием «Третий Крестовый поход» — наконец-то покинувшие благодатный Кипр Ричард Львиное Сердце и его сердечный друг Ги де Лузиньян, иерусалимский король без королевства. Маркграф Конрад Монферратский, некоронованный владыка Палестины, чье политическое влияние безмерно усилилось с того дня, когда в пределы его владений вступила армия Барбароссы. Сам престарелый император, чья кровь под жарким солнцем Палестины

забурлила молодым вином, и который рьяно встречал во все, происходившее вокруг. Оставшаяся без военачальника французская армия, рыцари которой по большей части перешли под знамена Ричарда, сына бывшей великой герцогини Аквитанской. Две постоянно противоборствующие партии, английская и германская, оказались приблизительно равны по силам, а, столкнувшись лицом к лицу с Барбароссой, Ричард и Ги несколько оторопели.

Им, кстати, так и не удалось взять Акку, осаждаемую с 1198 года, хотя явившийся с Кипра Ричард и предпринял несколько рыцарски-героических, но тактически необоснованных попыток штурма города. Осада прекратилась с появлением — вернее будет сказать, торжественным прибытием — третьей могущественной силы, султана египетского Саладина и его воинства.

Стало ясно, что немедленное выступление объединенных франкских армий к стенам Иерусалима пока откладывается. Зато грядут активнейшие переговоры всех со всеми. Посланцы безостановочно метались туда-сюда между крестоносным и сарацинским лагерем, исписывались кипы пергаментов, заключались и расторгались кратковременные союзы и комплоты. В начале августа наконец-то пришли достоверные новости из Франции, также увеличившие сумятицу. Филипп-Август и в самом деле упокоился со святыми — угодив вместе с несколькими своими кораблями в зимний шторм в виду Марсельской гавани. Бунт южан — сейчас его уже обходительно именовали не «бунтом», но «войной за утраченное наследство» — завершился взятием Парижа и недавно проведенной церемонией коронации нового венценосца, Тьерри I Меровинга. Еще в начале этого года звавшегося просто Тьерри де Транкавелем, средним из отпрысков графа Разесского.

«Выскачка!» — так в кругу своих приближенных высказался о новом французском правителе Ричард Плантагенет.

«Мальчик далеко пойдет, коли так резво начал», — мимоходом заметил Барбаросса.

«Тьерри?! Как ему удалось? Впрочем, оно и лучше-му...» — вот о чем подумал, ни с кем не делаясь своими размышлениями, Конрад Монферратский.

Гунтер фон Райхерт узнал сию потрясающую новость от своего знакомого, Сержа Казакова, ныне более известного как барон де Шательро. Кстати, повидаться с русско-польско-французским шевалье оказалось одновременно и просто, и сложно. Отыскать-то его оказалось легче легкого: создавалось впечатление, что в пришедшей с Кипра английской армии почти всякий и каждый знает «рыцаря из Польши». «А-а, вы ищете Сержа де Шательро? — понимающе кивали спрошенные, ухмыляясь до ушей. — Идите к королевскому шатру, и вам наверняка повезет!»

Поразившись такому росту популярности, мессир фон Райхерт решил поподробнее разузнать, чем же таким необычайным сумел за эти месяцы прославиться выходец из России. Ответы посыпались на него, как горошины из прохудившегося мешка. Барон де Шательро вырвал из лап коварных византийцев королеву Беренгарию и лично пленил тирана Исаака Комнина (тут Гунтер изрядно напрягся). Барон де Шательро сумел навести порядок в вечно запутанных финансовых делах короля Ричарда. Барон де Шательро способствовал продаже острова Кипр тамплиерам и теперь весьма уважаем среди «банкиров королей», рыцарей Ордена Храма. Барону де Шательро весьма симпатизируют молодые кардиналы Римской курии — он предложил им внести некие полезные изменения в их диковинное новшество, листы индульгенций или освященного Церковью продажи права на отпущение будущих грехов. Барон входит в число близких знакомых короля Ричарда, всякий день ужинает в королевском шатре, слывет записным остроумцем и покорителем сердец юных дев.

Барон знает множество удивительных историй и вместе с Бертраном де Борном слагает поразительные стихотворные вирши, наполненные тем, что среди ученых клириков зовется *igonia*...

— Да *лохи* они тут все, без исключения! — заклеил цвет европейского рыцарства Серж, когда мессир фон Райхерт наконец сумел пробиться к нему на прием. — Как дети малые, право слово! Тупые-ые — сил нет! Чего скажешь — тому и верят, только ушами хлопают!.. Слышь, истинный ариец, а ты чего такой, будто тебя двадцать сарацин имели в очередь, а двадцать первый побрезговал и выбросил на помойку? Ограбили в пути, что ль?

Серж де Казакофф тоже изрядно переменился. Неубедительный ежик стриженных темных волос преобразился в коротенькую гривку, завязанную в хвостик, чуть раскосые глаза полыхали огоньком жизнерадостного глумления над основами мира, бархатный наряд был пошит по последней здешней моде и искрился драгоценными камнями, а роскошный шатер, как скромно поведал Серж, раньше принадлежал Исааку Комнину и был взят в качестве боевого трофея. Язык у Сержа по-прежнему был без костей, манеры оставляли желать лучшего, а высказывания отличались хамской прямоотой. Выражаясь образно, Серж цвел и благоухал, аки магрибская роза, — безмятежно игнорируя традиции этого мира или переделывая их ради собственного удобства.

— Ну, вроде того. Превратности дороги, так сказать...

— Тю-ю! — присвистнул Серж. — Куда ж ты глядел, старая сова? Сколько раз мне твердил: деньги — это святое, с них глаз спускать нельзя! То-то я гадаю, чего Мишель на расспросы о тебе кряхтит да отмалчивается? Может, подкинуть десяток-другой номизм на бедность? Или насчет места похлопотать? Я тут в последнее время вроде как преуспел малость, какую аферу не затеешь — все получается. Раньше у нас, ну, в смысле, в старой России даже поговорка такая была — «Как черт воро-

жит»... Так что, пристроить тебя куда? Сначала, конечно, побудешь мальчиком на побегушках, потом, глядишь, и пробьешься... Тут, оказывается, такие денежные дела можно проворачивать — закачаешься! Мы-то и не подозревали! Я тебя таким штукам научу, мы всю эту рыцарскую шатию просто сделаем!..

Возможно, предложение — пусть и в грубоватой форме — было сделано от всей души. Возможно, Гунтер, появившись для приличия, и согласился бы принять чужую помощь. Если бы, по злому стечению обстоятельств, снаружи не слышались женские голоса. Шелковый полог, обильно расшитый аляповатыми золотыми цветами, откинулся в сторону, пропустив некую благородную даму и двух ее служанок. Мессир фон Райхерт разглядел тонкий темный силуэт на фоне солнца и услышал мелодичный голос с легким греческим акцентом:

— Я вернулась, дорогой. Это друг, гость или у вас какие-то дела?

— Это друг пришел в гости по делу. — бодро откликнулся русский. Полог опустился, женщина вошла внутрь. Равнодушно-приятельно скользнула взглядом по вскочившему германцу, слегка кивнула и величественно проплыла во внутреннее помещение шатра, отгороженное толстым персидским ковром. Она явно не признала в оборванце своего бывшего знакомого — а может, сделала вид, что не признала.

Киприотская патрикия Елена-Даниэлида Хониата, подобно своей исторической тезке, была по-прежнему великолепно и неотразима — как ослепительная молния с ясного неба. Гунтер не мог взять в толк только одного: что она делает здесь, в жилище Сержа. Неужели?..

— Э-э... — Казаков как-то виновато заерзал в кресле. — Слушай, ты не обижайся?.. Ты умчался в Константинополь, бросил девушку в одиночестве... Елена, конечно, из тех железных дамочек, что сами о себе вполне позаботятся, но все-таки... В общем, слово за слово, так

и познакомились... Она чертовски привлекательна, я чертовски привлекателен, так чего зря время терять?

— Вы и не теряли, — деревянным голосом произнес мессир фон Райхерт.

Серж изобразил пантомиму глубочайшего раскаяния и смешливо фыкнул:

— Ты ж понимаешь, чего только в жизни не случается... Женщины — они и есть женщины. Рыбки в море. На самом деле этой рыбы куда больше, чем кажется на первый взгляд, и ее хватит на всех. Одна, другая, Елена, Беренгария, какая разница? Кстати, к слову о Константинополе. Вы где моего бывшего шефа потеряли, де Фуа в смысле? Что, старикан остался в Византии?

— Умер твой шеф, — буркнул германец, вставая. — Спасибо за гостеприимство.

Наверное, по традициям Средневековья следовало бы вызвать удивленно заломившего бровь Сержа на поединок. С надменным швырянием перчатки в лицо и криками: «Сударь, вы хам, извольте к барьеру!» или вроде того. Однако лишенный малейшего намека на благородство русский, скорее всего, воспринял бы подобный жест как неостроумную шутку или, подобно герою рассказанного им как-то анекдота, предложил бы германцу выбрать в качестве оружия собственные рога.

А хоть бы даже и согласился. Рубиться на мечах? Смешно. Стреляться?.. Последние патроны Гунтер две недели тому в припадке пьяного бешенства расстрелял в равнодушное белесое небо, после чего зашвырнул «вальтер» в пески. Но даже если б Гунтеру сейчас дали заряженный пистолет, он бы по хлебному амбару промахнулся на десяти шагах. Руки предательски дрожали, и время от времени мутилось в глазах от постоянного пьянства.

Поэтому обер-лейтенант молча удалился. Не хлопая дверями за отсутствием в шатре таковых и гордо пропустив мимо ушей брошенное вслед: «Эй, штандартенфюрер, так как насчет теплого местечка при дворе?»

«Ах, Елена, Елена... Как она могла? Воистину, имя женщине — вероломство, и есть она, как говорил блаженный Августин, тварь хилая и ненадежная... Впрочем, что я бы мог теперь предложить? Пустой кошелек и лопнувшие прожекты? Нет, здешние дамы, хоть и восхищаются куртуазными романами, на практике ценят нечто более материальное, с перспективами и персональным замком... Она предпочла другого. Ну да, я же не брал с нее никаких клятв сидеть на берегу, проливая слезы в ожидании моего возвращения. А если бы я вообще не вернулся? Ей жизнь надо устраивать, вот она и поступает по мере своего разума».

Странное дело, фон Райхерт был знаком с Еленой-Даниэлидой всего несколько дней, а горечь от осознания того, что ему предпочли другого, оказалась так велика... Та самая последняя соломинка, сломавшая спину верблюду.

Над Средиземным морем собиралась гроза. Одна из тех летних гроз, что зарождаются из множества маленьких облачков, сливающихся в свинцово-синюю тучу на полнеба, коротких и бурных, с хлещущим ливнем и дробью мелких градин. По руинам брошенной башни гулял ветер, посвистывая, передвигая с места на место крохотные барханчики. Старая корявая олива трясла на ветру жесткими светлыми листьями и заунывно поскрипывала. Купленный в долг бурдюк кислого местного вина иссяк и стал похож на высушенную солнцем тушку громадного мерзкого насекомого.

Жизнь была отвратительна и бессмысленна. Настолько бессмысленна, что утративший способность к здравому рассуждению разум начал прикидывать крепость ветвей оливы и вероятность того, что старый кожаный ремень выдержит тяжесть человеческого тела.

— В винной бутылке не сыщется спасения от невзгод мира, — презрительно хмыкнув, проговорили рядом на чистейшем языке Гейне и Гете, с легким акцентом ко-

ренного и истинного берлинца. Мессир фон Райхерт повернулся на звук — медленно, точно опасаясь того, что голова соскользнет с шеи и упадет, футбольным мячом покотившись по песку.

Солнце еще не скрылось за грозowymi тучами, и ко-сая синеватая тень лежала у самых ног германца, обу-тых в стоптанные и прохудившиеся сапоги. Тень, отбра-сываемая мужчиной почтенных, но еще не старых лет, чьи темные волосы едва подернулись сединой. Благо-родно-аристократические черты узкого лица, черный костюм («Не нынешних времен, века так семнадцато-го...» — механически отметил германец), шпага с гордой в виде переплетенных серебряных ветвей на правом боку, под левшу. Лихо надвинутый наискось черный же берет, украшенный вычурной пряжкой с алым рубином и маленьким белым пером цапли. Камень ослепительно сверкал, разбрасывая вокруг радужные вспышки.

— Милорд... — В уставшем и вялом разуме германца, скрежеща, внезапно сдвинулись тяжелые жернова, затя-нутые пылью и плесенью. То, что память скрыла в потай-ном чулане, что предпочла не ворошить лишний раз. Раз-розненные куски мозаики, вставшие на свои места, трак-тир на Алансонской дороге, нормандский лес, монастырь сестер-бенедиктинок в Мессине... — Он же мессир де Гонтар из Лангедока. Знаете, я догадывался, что рано или поздно вы объявитесь. Что, будете насмехаться и гово-рить: «Ну вот, а я же вас предупреждал»? Интересоваться, где мое взятое на шпагу герцогство, замок, прекрасная супруга, породистые гончие и золотые зубы?

— Пожалуй, не буду. — Господин, именовавший себя «мессиром де Гонтаром», обошел вокруг сидевшего на развалинах стены германца, как вокруг прелюбопытно-го музейного экспоната, сочувственно цокая языком и покачивая головой. Пряжка на берете сияла, дробя ис-чезающие солнечные лучи, окрашивая их алым. — За-чем зря глумиться? Сами все понимаете. Должен ска-

зять, я напрасно опасался вас. Год вашей жизни в XII веке ненамного изменил создаваемую мной картину Вселенной.

— Но все-таки Барбаросса остался жив, — пробормотал бывший обер-лейтенант. — А ваша «темная фигура», де Фуа, умер. Ведь на самом деле его звали совсем не де Фуа, правильно? Это был Шатильон, Рено де Шатильон, которому якобы отрубил голову сам султан Саладин?

Де Гонтар едва заметно дернул углом тонкогубого рта:

— Ну надо же, догадались наконец... Де Фуа — большая потеря, но это никак не ваша заслуга. Еще — новым королем Франции стал не совсем тот человек, которого я и мои союзники предназначали к престолу, но и эта победа не ваших рук дело... А Барбаросса — что ж, пусть старикан еще потопчет землю, пока от него не избавятся собственные отпрыски. Недолго осталось ждать. Впрочем, вам-то что?

— Ничего, — угрюмо сказал Гунтер. — Мне сейчас все — ничего. История — шлюха, а я — наивный дурак, поверивший этой шлюхе... Мне казалось, там, на Салеве, будет заговор, коварное нападение... и вот я срываю планы убийц, спасаю германского императора... А оказалось — всего-навсего пьяный император-самодур да кучка туповатых рыцарей. И вообще, это не я спас императора, а он меня. Нет в этом Средневековье ничего, о чем я мечтал. Ни благородства, ни романтики, ни верности и чести, ничего вообще... Такая же грызня за право вскарабкаться повыше, как у нас.

— Вдобавок сбережения спер какой-то проходимец, а подружка ушла к другому, — в унисон подхватил мессир де Гонтар. — Вот такое Средневековье без прикрас. Вообразили себя не иначе, как белым ферзем, а вышли битой пешкой. Кстати, милостивый государь, а с чего вы решили, что моей «темной фигурой» был де Фуа?

— Но... если не он, то кто же?

Тонкая улыбка мессира де Гонтара отражала разом и презрение, и жалость, и превосходство победителя.

— Ну будьте же последовательны, господин фон Райхерт, как-никак мы живем в реальном мире! Дайте себе труд сложить два и два! Кто появился в этом времени столь же мистическим образом и шел с вами рядом, но иной дорогой? Кто преуспел, а кто раздавлен? Кто богат, а кто нищ?

— Не... не может быть... Этот русский? Казаков?! Да скажите же прямо!

— Вот, вы сами и сказали. Эх, люди, люди... Что ж, господин гениальный актер и чужак в земле чужой, оставляю вас наедине с вашей скорбью и желаю всего наилучшего. Прощайте, герр Гунтер, более мы с вами не увидимся. — Де Гонтар лихо развернулся на каблуках и зашагал прочь, прямой, как лезвие его шпаги. Явившийся воочию представитель потусторонних сил, сейчас казавшийся Гунтеру единственной возможностью что-то изменить в его нескладной жизни, уходил, уходил навсегда и бесповоротно.

Германец сам не ожидал от себя, что вытолкнет сквозь разом пересохшее, точно ободранное наждаком и всеми песками Аравии горло:

— Подождите!

— Да-да? — рассеянно оглянулся через плечо де Гонтар.

— Что, вы так запросто уйдете?..

— Разумеется, — хмыкнул почтенный господин в черном. — Меня, знаете ли, ждут неотложные дела. Утешение неудачников в их число, к сожалению, не входит.

— Что же мне делать?

— Станный вопрос. Живите. Или не живите. Вы, помнится, присматривались к вон тому суку? Он выдержит. Ремень тоже.

— Но, мессир де Гонтар... Тогда, в Нормандии... — От

разгулявшихся нервов и нахлынувшего страха Гунтер никак не мог подобрать нужные слова, они рассыпались у него в руках, как бусины порвавшихся четок. — Тогда вы говорили, будто способны вернуть меня обратно, в сороковой год двадцатого века...

— Тогда нам помешали, но, хотите верьте — хотите нет, именно так я и намеревался поступить, — белое перо качнулось в такт легкому кивку.

— А... а теперь вы не можете этого сделать? — очень тихо выговорил фон Райхерт.

— Помилуйте, да зачем? — пожал плечами мессир де Гонтар. — Разве что... если вы *очень* попросите...

«Ты совершаешь ошибку. Ты знаешь, кто — вернее, *что* он такое. С ним нельзя заключать сделок. Даже если кажется, что иного выхода нет».

— Я не знаю... Просто попросить? — в отчаянии цепляясь за последнюю соломинку, промямлил германец. — И только?

Дьявол обернулся к обер-лейтенанту фон Райхерту — медленно, очень медленно — и пристально, очень пристально посмотрел на него. Зрачки Мессира были, как два провала в ночь. Их взгляд леденил и обжигал одновременно. Глядя в них, Гунтер ощутил головокружение, резкое и внезапное — и поспешно отвел взгляд.

«Тогда в Нормандии ты не боялся встречаться с Ним взглядом», — укоризненно напомнил внутренний голос. Совсем тихий голос.

«Тогда в Нормандии все было иначе. И это было так давно...»

— Так вы — *прóсите*? — вкрадчиво осведомился де Гонтар.

— Я... Да.

— Идите за мной.

Он направился вниз по склону, по остаткам старой дороги. Гунтер, как привязанный, в нескольких шагах следовал за ним.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Полет дракона

14 августа.

Акка, королевство Иерусалимское

Идти пришлось довольно далеко — не меньше пяти миль, за пределы лагеря крестоносцев, туда, где людское мельтешение сходило на нет и начинались пустынные холмы в зарослях пожухлой и выгоревшей травы. Гунтер вскоре выдохся и отстал, де Гонтар же неумоимо шагал вперед, пока не скрылся за ближайшим холмом. Шумно пыхтевший германец вскарабкался следом, остановился на вершине — перевести сбившееся дыхание — и вдруг ошарашенно заморгал, не веря своим глазам.

Внизу, в длинной, узкой и на удивление ровной ложине стоял «Юнкерс-87». Зеленая краска на фюзеляже и крыльях моноплана изрядно облезла и облупилась, но на корпусе все еще были видны две счастливые семерки и белый щит-домблон, перечеркнутый алым крестом. Неподалеку от пикирующего бомбардировщика, сошедшего с конвейера в 1937 году, приткнулась открытая фура, запряженная двумя унылого вида коньками. Вокруг фуры суеилось с дюжину человек, скатывая по подставленным доскам нечто, похожее на огромную бочку, но тускло отсвечивающее металлом и снабженное плавниками-стабилизаторами.

«Это же бомба. Фугас SC-500, полтонны тротила, — Гунтер одурело помотал головой. — Бомба, оставшаяся в Нормандии... и мой самолет, брошенный в предгорьях Этны!»

— Вот, — не без торжества в голосе сообщил мессир де Гонтар. Стоя в десятке шагов впереди, он широким жестом рекламного агента указывал на «Юнкерс». — Ваше имущество. Пришлось изрядно потрудиться, дос-

тавляя сюда то и другое. Заметьте, никакой магии, но только щедрая оплата и людская предприимчивость!

— Вы что, и самолет перевезли сюда с Сицилии? — не поверил мессир фон Райхерт. — Без всякой магии?! А топливо?!

— Бензин пришлось позаимствовать в будущих временах, — первый вопрос германца франт в черном проигнорировал. — Также пришлось провести некоторый ремонт приборов — за полгода бездействия они пришли в небрежение. Но ничего, полет продлится недолго, и такой опытный пилот, как вы, наверняка справится с заданием.

— Заданием? Каким заданием? Ведь вы говорили...

Только что мессир де Гонтар был далеко — и вдруг возник прямо рядом с германцем, вплотную, склонился так, что Гунтер мог бы уловить на своем лице его дыхание... однако все, что он в этот момент ощутил, был внезапный холод, пронзивший все его тело от макушки до пяток. Беспощадные обсидиановые зрачки смотрели в упор, как два пистолетных ствола.

— Я говорил, что вы должны *попросить*, и вы попросили, — ровным голосом сказал де Гонтар. — Но я не говорил, что услуга будет бесплатной. Вы передумали?

— Что...

— Да или нет?!

— Да, черт возьми! Но что мне предстоит сделать?

Де Гонтар легонько, удовлетворенно кивнул и сделал пару шагов в сторону — отчего Гунтер испытал огромное облегчение.

— Вы должны в течение ближайшего часа поднять машину в воздух, — бархатистый и низкий голос де Гонтара внезапно приобрел бесстрастно-механическое звучание. — Некоторое время покружите в районе Акки над пустыней, дабы не привлекать излишнего внимания. Я позволил себе внести в конструкцию приборной панели вашего «дракона Люфтваффе» некоторые усовершенство-

вания, так что в какой-то момент вы сумеете засечь появление вашей цели. Далее все просто и привычно — проводите бомбометание по указанной цели, разворачиваетесь и летите в сторону моря. Старайтесь держаться поближе к грозе — да, знаю, это опасно, но в данном случае необходимо. Вы увидите... скажем так, дверь с табличкой «Выход»... словом, не перепутаете. Направляйтесь туда — и обретете искомое. Правда, — он нехорошо ухмыльнулся, — теперь я не могу обеспечить вам прибытие в тот же час, день и год, из которых вы исчезли. Невозможно просто взять да вычеркнуть месяцы, проведенные вами здесь. Так что не обессудьте: доставка будет произведена в 14-й день августа 1941 года, в окрестности города Хайфы. Как вы станете выкручиваться, какую легенду преподнесете встречающим — целиком и полностью зависит от вас.

— Да, но... я не понимаю... никакой магии... Выходит, самолет и бомбу уже везли сюда, еще пока я валялся без памяти у Мишеля в фургоне? Так вы что же... заранее все рассчитали?

— Скорее предвидел, — без улыбки сказал де Гонтар. — Глядя на эволюцию ваших взглядов на мир, это было несложно, а я предусмотрителен. Не будем терять время, господин обер-лейтенант. Задание вам ясно?

— Так точно... — Что-то не давало покоя, грызло, напоминало о себе, вылившись в почти забытое, уставное: — Разрешите уточнить — каков характер цели?

— Да какая тебе разница, солдат? — рявкнул де Гонтар с дьявольски знакомыми интонациями, и на мгновение Гунтер увидел перед собой — действительно увидел! — капитана Вернера фон Браухича. — Твое дело — вертеть штурвал и дергать рычаг. С остальным пусть разбираются политиканы! Ты — всего лишь винтик в государственной машине, так что приступай к исполнению своих обязанностей!

— Слушаюсь! — рявкнул обер-лейтенант, сознание которого внезапно выкинуло странную штуку. Век две-

надцатый и век двадцатый перемешались между собой, вокруг была не Палестина, но расстилались бетонные плиты военного аэродрома около французского городка Бланжи-Сюр-Брель, и капитан эскадры StG1 раздавал подчиненным последние указания перед операцией «Орлиный налет». — Разрешите идти?

— Идите!

— Люди... — с непередаваемой интонацией, одновременно восхищенной и презрительной, протянул мессир де Гонтар, глядя вслед напряженно марширующему обер-лейтенанту германских ВВС. — Песок в жерновах, марионетки на ниточках. Твердят о своем праве на свободный выбор, а сами готовы продаться за миску чечевичной похлебки... В итоге они все равно оказываются в моих руках и свершают то, что нужно мне. Всегда. Так что счастливого вам полета, герр обер-лейтенант.

В небе тускло блеснула первая зарница, гулко заворочался далекий гром. В гавани на кораблях около пристани команда торопливо сворачивала паруса, накрывала грузы мешковиной и проверяла крепость швартовки. В загонах беспокойно топтались и ржали лошади, свежий и сильный ветер с моря тербил узкие языки флажков-баннеролей. В своем шатре барон Серж де Шательро продолжал мысленную перепалку с так поспешно ушедшим германцем, доказывая последнему, что тот всего лишь самонадеянный воображала, по собственной глупости оттолкнувший протянутую руку помощи. Сержу предстояло вскоре присоединиться к сюзерену, Ричарду Английскому, с малой свитой следовавшему на встречу, которую Серж, ухмыляясь, окрестил про себя «Брифингом Большой Семерки». Правителям Святой Земли и лидерам крестоносцев наконец-то предстояло сойтись за одним столом, под одной крышей.

«Будем надеяться, что предусмотрительные сарацины не угостят нас отравленным шербетом, а Дикки в скудоумии своем не схватится за меч», — хоть русский и

пытался казаться спокойным, на душе все равно скребли кошки. И Елена тоже что-то впала в меланхолию, сидела у себя, не пожелав выйти и проводить покровителя. Германца пожалела, что ли? Ерунда какая. Они и знакомы-то были всего пару дней. Да и что этот унылый ариец мог бы предложить такой взыскательной и сметливой для своего времени женщине, как киприотская леди? Ровным счетом ничего. В общем, кто первым встал, того и тапочки. Барону Шательро пора вершить высокую политику и удерживать Ричарда от заносов на крутых исторических поворотах.

* * *

С установкой авиабомбы провозились несколько дольше, чем рассчитывал Гунтер — хотя процесс закрепления огромного снаряда на штанге был, в общем-то, не таким и сложным. Наконец, увесистая туша SC-500 заняла место, отведенное ей конструкторами самолета, подручные Милорда торопливо забрались в фуру и укатили. Сам мессир де Гонтар предпочел наблюдать за взлетом издали — стоя на вершине холма и явственно слегка красуясь. А может, у него от природы имелась некая склонность к мелодраматизму: начинающаяся гроза, кружение песка в воздухе, плеск набегających на берег морских волн за дальним холмом.

Кресло пилота слегка качнулось и приветственно скрипнуло, принимая на себя тяжесть усевшегося человека. Пока подручные де Гонтара бестолково носились вокруг обмотанной веревками SC, обер-лейтенант совершенно машинально проделывал абсолютно обыденные вещи — отыскал свой форменный комбинезон и переоделся, открыл металлическую коробочку с бритвенными принадлежностями и, как сумел, привел в порядок физиономию, соскоблив нарощую щетину. Потом забрался в кабину и какое-то время просто молча глядел перед собой на шка-

лы, циферблаты и поблескивающие латунью рычаги. Отметил привнесенное Милордом новшество: маленький круглый экран, приткнувшийся чуть пониже альтиметра и светившийся изнутри бледно-зеленым светом. Зачем-то провел по приборной панели рукой, погладил обтянутый кожей штурвал. Возможность опять взлететь, испытать полное единение человека и крылатой машины — о да, за такое можно с легкостью продать душу, не раскаиваясь и не сожалея! И потом — домой, домой, домой...

«А как же Серж? — укоризной скользнуло по краю рассудка. — Ты вернешься обратно, а он останется здесь?»

«И пусть остается, — злорадно подумал германец, щелчками тумблеров оживляя приборы и прислушиваясь к их тихому, слаженному гудению. Зачем-то включил и рацию, пощелкал ногтем по эбониту мертво молчащего наушника — даже треска помех не было. — „Темная фигура“, подумать только... И ведь все эти месяцы, прямо рядом... за одним столом... Пусть ему дьявол ворожит и дальше. Этот *otmorożok* точно добьется для себя и герцогской короны, и вставной челюсти из чистого золота. Хоть вакантное место де Фуа пускай займет при своем покровителе, не жалко! А я — я умываю руки и удаляюсь. Как говорится, сделал, что мог, пусть другие сделают больше, если сумеют!»

Щелчок, щелчок, щелчок... Кашлянув несколько раз, заурчал и завелся двигатель. Сперва медленнее, затем все быстрее, сливаясь в единый серо мерцающий круг, завертелись лопасти пропеллера. Веером разлетелся песок, пригнулась трава, по плексигласу фонаря над кабиной проползли несколько размазавшихся дождевых капель. Полоса для взлета была почти что идеальной — ровная, прямая и твердая, без выбоин и трещин. «Дракон Люфт-ваффе», завывая движком, разгоняясь и вздрагивая всем корпусом, устремился сперва вперед, затем вверх, к небу в грозовых облаках. Прошлое и будущее более не имели

значения — только свобода, головокружительное чувство победы над силой тяжести, только полет и презрительный взгляд цивилизованного человека с небес на унылое скопище безобразных построек, громко именуемых «городом Аккой», на жалкие лоханки в гавани, на притаившуюся за холмами степь и неровные клочки возделанной земли в обрамлении извилистых канав.

Дождь становился все сильнее. Пару раз над морем раскатисто и увесисто шарахнуло молнией — от земли до изрытой ветром и каплями бурной поверхностью моря. В круглом окошке нового прибора, установленного де Гонтаром, загорелась яркая зеленая искорка — на три часа, у самого среза стеклянной линзы. Гунтер чуть качнул штурвал, разворачивая верный «Юнкерс» к югу — искорка сместилась и стала ярче.

Гунтер фон Райхерт летел, не сознавая, в каком веке он находится, наслаждаясь своей властью над крылатой машиной, не позволяя посторонним размышлениям взять над собой верх.

Он летал. Он снова вернулся в небо.

* * *

Усиливающийся дождь молотил по туго натянутому полотнищу шатра — врываясь своим равномерно шелестящим звуком в краткие паузы между речами собравшихся. Пауз этих, впрочем, набиралось немного. Можно сказать, их вообще не было — «Большая Семерка» не очень-то обременяла себя соблюдением протоколов, голосов не понижала и порой до смешного напоминала Казакову склоку барышников на ярмарке. Или бандитскую разборку блаженных девяностых годов минувшего века, причем даже не настоящую, где неосторожно брошенное слово может стоить жизни, а киношную, с размахиванием кулаками и разряженными пистолетами, хватанием за грудки и рыночными воплями.

Барон де Шательро в числе прочих свитских стоял у подрагивающей под ударами ветра шелковой стены и ухмылялся. Не скрываясь, ибо в просторном шатре было полутемно, несколько масляных ламп висели только над единственным, установленным в центре столом, а углы скрадывал сумрак. Серж бесцеремонно разглядывал оживших персонажей летописей; преданий и исторических романов, давая им собственные, не всегда лицеприятные характеристики, посмеиваясь и борясь с абсурдным ощущением того, что он угодил в один из пропитанных развеселым абсурдом фильмов Монти Пайтона о поисках Святого Грааля. Порой он ловил себя на том, что оглядывается по сторонам в поисках оператора, режиссера и сценариста с пачкой бумаг, вспоминал о том, что на дворе XII век от Рождества Христова и пытался сделать морду ящиком, но тщетно.

Перед его глазами шла дележка мира — мира, тщательно и совершенно неправильно вырисованного на огромной пергаментной карте, с Иерусалимом в качестве Центра Земли, с левиафанами в морях и путниками на дорогах. Мира, где города символизировались скоплением домиков, а по пустыням бродили нарисованные рыкающие львы, гиены и верблюды. Творцы этой карты не подозревали ни о масштабе, ни об истинных расстояниях между городами, ни о том, что Земля вообще-то круглая. Хотя порой практичного и склонного к цинизму Сержа посещала странноватая мысль о том, что, может статься, здешний Универсум вполне соответствует подобной карте. Багдад находится рядом с Дамаском, от Тира до Газы рукой подать, пустыни старательно выкрашены киноварью, реки синие, а трава зеленая, как на детском рисунке.

Прекрасен, дивен Божий свет...

В данный миг речь держала единственная дама в исключительно мужском собрании. Дама, разумеется, была королевой — но, если так можно выразиться, безработной. Нрав у сорокалетней Сибиллы Иерусалимской и в самом

деле был крут, а своего богоданного супруга Ги и его покровителя Ричарда она и в грош не ставила — что и доказала сразу после начала встречи, когда англичанин с грацией медведя попытался удалить Сибиллу со встречи. Королева без королевства язвительно осведомилась, кто помог Ричарду заделать супруге родившегося на Пасху ребенка (Беренгария благополучно разрешилась девочкой, названной Элеонорой). Также она безмерно удивилась тому, что англичанин сумел завоевать Кипр, а затем покинуть благословенный остров — не иначе, умные люди подсказали! — и спросила, не намерен ли Ричард в ближайшее время жениться на Ги. Благо она, Сибилла, подумывает о разводе с этим смазливym, но совершенно никчемным созданием. Вот Ричарду он будет в самый раз.

«Пять баллов!» — одобрил Казаков, за время сидения на Кипре вволю наглядывшийся на личную жизнь предводителя крестоносцев.

Ги, за годы брака привыкший к манерам Сибиллы, виновато хихикнул и сделал вид, будто сказанное к нему не относится. Плантагенет побелел, потом покраснел, с достойным ответом не нашелся, и Сибилла осталась. Произнесенная ею речь могла служить образцом того, каким изящным образом можно упаковать изрядную порцию едкой кислоты в золотую фольгу пышных словес и элегантно всучить эдакий подарочек верным союзникам. Все присутствующие, не исключая и саму мадам Сибиллу, понимали, что Вечным Городом ей более не править, однако пятнадцать лет на троне не самого спокойного из государств Азии давали рыжей женщине с пронзительным голосом немалые права в собрании. Сибилла, уходя со сцены, не пощадила никого. Ее супругу досталось за нерешительность. Ричарду — за постоянные проволочки. Монферрату — за плетение интриг. Почтенному Барбароссе — за то, что уже который час восседает в углу, не принимая в спорах никакого участия. Тишайшему султану Саладину, имевшему вид интеллигента, угодивше-

го в компанию агрессивных гопников — за арабское происхождение и коварные замыслы.

— Вино у вас тут скверное, — внес свое ценное замечание престарелый император. Серж де Шательро очень бы удивился, узнав, что размышления правителя Великой Римской империи весьма и весьма схожи с его собственными.

«Великое паломничество, великое паломничество... — ворчал про себя старый император. — Шайка разбойников с большой дороги, один ничуть не лучше другого. Ричард, молодой, а тот еще ханжа, строит из себя рыцаря без страха и упрека. Ги, та еще ошибка Господа. Француз вообще сбежал от греха подальше, да не добежал и кормит теперь рыбок на морском дне. С Конрадом можно бы иметь дело, только всегда нужно смотреть, не прячет ли он отравленный клинок в рукаве — наловчился от византийцев юлить словесами. Этот египетский султан вообще не пойми о чем думает, хотя с виду — единственный достойный человек в этом, кхм, высоком собрании. Выгнать бы всех, да выпить с ним из одного кувшина, потолковать за жизнь, может, и сговорились бы, ударили по рукам, чтоб никому было не обидно. Вот мы пришли сюда, никто нас тут не ждал, и что дальше? Войско скоро начнет голодать, войску надо платить, войско должно воевать, иначе оно не войско, а никчемный сброд, готовый переметнуться к любому, кто заплатит больше».

Беседа явно зашла в тупик, перейдя в подсчет имеющихся военных сил и обмен завуалированными — а порой и открытыми — угрозами. Казаков затосковал. В шатре стало душно и дымно, ему хотелось на свежий воздух, в висках настойчиво стучали голоса спорщиков, и Сергею хотелось гаркнуть во весь голос: «Цивилизация смотрит на вас, так уж решайте что-нибудь поскорее!»

Всевидящее око Матери-Церкви в лице молодого кардинала Орсини, ставшего добрым приятелем барона де Шательро после удачной перепродажи Кипра, сочло,

что самое время вмешаться. В обычное время мессир Орсини был милейшим человеком, краснобаем и любителем прикончить пару кувшинов темного кипрского, но, если того требовала ситуация, становился католиком похлеще самого Папы Римского.

— Не к лицу будет нам, явившимся в сей благословенный Господом край, начинать угодное ему дело с дрызг и раздоров, — господин кардинал очень удачно вклинился со своей речью между раскатами баса Ричарда и суховатыми, отрывистыми репликами маркграфа Монферратского. — В этот судьбоносный час я, смиренный слуга Божий, молю Господа нашего о ниспослании нам Знака, каковой мы могли бы истолковать как волю Его...

— И сколько мы будем дожидаться этого знака, ваше высокопреосвященство? — рыкнул Львиное Сердце, на миг вышедший из образа «истинного паладина».

— Откуда мне знать, сын мой? — в голосе Орсини немедленно прорезались сварливые нотки. — Я что, сам его подаю?! Я только попросить могу, а остальное все в деснице Господней...

— Когда Аллах создавал время, он создал его достаточно, — негромко, но так, что слышали все присутствующие, заметил молчавший до того египетский султан, говоривший на норманно-франкском наречии почти без акцента. И едко добавил: — В конце концов, вы шли сюда почти три года, так что лишний день или десять дней уже ничего не решают.

— Десять дней?.. — взвился англичанин, а Казаков вдруг насторожился. В сплетении привычных звуков — шелест дождя по покатой крыше шатра, непрестанный гул военного лагеря, глухой гром, перекатывающийся в отдалении — вдруг появилось нечто незнакомое. Незнакомое, неуместное в средневековье, но вместе с тем — привычное уху человека будущих времен. Низкое, басовитое гудение с характерным подвыванием, механическое, равномерное...

Барон де Шательро сморгнул и украдкой треснул себя по уху — может, это просто звон в голове от здешней духоты?

Не помогло. Звук не только не пропал, но еще и усилился. А соседи покосились на Сержа с понятным удивлением — с чего это благородный мессир начал лупить себя по голове и изумленно тарашиться вокруг?

Гул нарастал, взрезая повседневный гомон огромного лагеря, перекрывая его, превращая в серенький звуковой фон, размашисто перечеркнутый алой полосой приближающегося звука. Он проник во все уши и головы, оборвал разговоры, он заполнил собой весь мир.

Плюнув на писанные и неписанные традиции поведения, Казаков локтями распахнул стражу у входа в шатер и вылетел наружу.

В небе над Аккой, на фоне свинцовых грозовых туч, кружила механическая птица.

Барон де Шательро длинно и задумчиво выругался на языке, которого в здешних временах еще не существовало. Рассудок отказывался анализировать увиденное, выкинув табличку с краткой, но емкой надписью «Глюк системы». Кто-то с силой толкнул его в спину, из огромного шатра один за другим выбегали участники исторической встречи.

— Дракон, — выдохнул кто-то рядом с Казаковым. — Помилуй и защити нас, Господи, дракон!

«Ага, — тупо согласился Серж. — Как есть дракон. В натуре».

Над лагерем медленно, но верно нарастал истерический вой ужаса. Зеленый дракон кружил над гаванью, словно бы примериваясь к какой-то, одной ему известной точке. Ударившая с небес молния прочертила рядом с порождением двадцатого века кривой рассыпчатый зигзаг, на мгновение отразившись вспышкой в блестящем колпаке над местом пилота.

* * *

Сверху все казалось иным. Ненастоящим, игрушечным. Настоящими было только небо в кипении быстро меняющих конфигурацию облаков, испещренное белыми барашками серое море да изогнувшаяся дугой гавань. Все прочее, включая город на берегу, было просто декорациями. Фальшивый аэродром из бревен и фанеры, с выкрашенными серой и зеленой краской самолетами, созданный исключительно ради того, чтобы отвлечь внимание противника. Через четверть часа все это исчезнет в яркой, ослепительной вспышке пламени, городские кварталы превратятся в дымящиеся руины, ведь здешним зданиям, сшитым на живую нитку, многого не надо. Взрывная волна разметает постройки и людей, и на месте чуть ли не трети Акки останется воронка да пепелище. Эдакое проявление гнева Божьего, огненный перст с небес. И все кончится, раз и навсегда. Не будет никаких нелепых попыток перекроить историю, двойных Вселенных, чужих загадочных планов и заговоров. Не будет Елены с острова Кипр, я вернусь в мир, которого лишился по какой-то чудовищной ошибке. Все пойдет прежним путем. Как там говаривал Серж? «Перепутанные циркуляры не из той папки»? Небесный канцелярист разложит бумаги по надлежащим местам, Лили Марлен под одиноким фонарем дождетсa своего солдата, кончится война... кончится все.

Беззащитная, испуганно вззирающая в небеса Акка проплывала под крыльями пикирующего бомбардировщика. Мерцающая под стеклом искорка смещалась к перекрестью двух тонких шкал, меняя цвет с зеленого на красный.

*Ну что тебе рассказать,
Чем за любовь воздать?
Оглядываясь назад,
На цепь событий и дат?*

*Привкус трав на губах,
Да боль под левым ребром,
Да лай дворовых собак,
Да деготь, подмешанный в ром...*

Он услышал немудрящую песенку вчера, в лагере пилигримов. Не крестоносцев, обычных людей, однажды по зову сердца покинувших свои страны, города и дома, чтобы однажды добраться до стен Иерусалима, увидеть пустую гробницу Сына Божьего и исполнить ведомые только им обеты. Мессир фон Райхерт забрел туда случайно, смутно надеясь разжиться у добрых людей кувшином вина, да запнулся, словно споткнувшись о невидимую веревку. Здешние паломники не выкрикивали нестройным хором псалмов и молитв, в которых по неграмотности путали слова, а сидевший у костра певец был созданием светским до мозга костей и кончиков давно нечищенных ногтей. Суший юнец, судя по лицу — уроженец Апеннин, с чистым голосом, воспевавший отнюдь не положенные христианам добродетели, но рассказывавший о самых обычных вещах — дорогах, встречах и разлуках, любви и смерти, человеческих утратах и надеждах.

*А в той стране все не так,
Не так, хоть верь, хоть не верь.
Там воду в грубых горстях
Приносит младенцу зверь.
С гулякой монах делит хлеб,
А ложе — жонглер и граф,
Там храм, Рождественский хлев,
И каждый, кто любит — прав!..*

Гунтер простоял там долго, смотря из темноты на свет костра и лица сидящих вокруг людей. Он даже решил пожертвовать последними монетками из своего кошелька — но молодой человек не собирал подавание, он пел просто так, чтобы ободрить и поддержать своих спутников в

долгом и тяжелом странствии. Кто-то окликнул его по имени — «мессир Франческо!» — а потом обер-лейтенант увидел, что певца сопровождает молоденькая девушка, жена или подруга, пребывавшая в тягости, и, подобно доброй части женщин Средневековья, носившая свое раздувшееся чрево со спокойным достоинством. Парочка рука об руку прошла мимо него и затерялась в темноте, среди палаток и шатров, и, сидя за штурвалом «Юнкерса», он неведь почему вспомнил их. Безыскусные песни на грубоватом норманно-латинском и музыкальном провансальском наречиях. Лагерь паломников далеко, вряд ли он пострадает при взрыве. Хотя кто может предсказать, чем закончится неизбежная паника, вызванная падением пятисоткилограммовой бомбы?

Зеленая точка достигла перекрестья, замерцав ярче рубинов в пряжке берета мессира де Гонтара. Заход на цель выполнен безупречно. Скользящее движение рычага, освобождающего захваты — и SC-500, с воем разрубая металлической тушей воздух и вращаясь вокруг собственной оси, полетит вниз.

«А Серж говорил — сегодня наконец будет какой-то большой совет, — вяло напомнила память. — Вдруг это и есть твоя цель, а, солдат? Да, наверняка».

«Я просто выполняю приказ...»

«Чей приказ, солдат? — спросил у Гунтера тихий, твердый голосок. — Разве Он — твой командир? Разве Ему ты присягал на плацу летного училища в Кобленце? Веришь ли ты обещаниям того, кто называет себя де Гонтаром? Ты никогда не хотел быть пешкой в чужих играх, а сейчас даже не задумываешься о том, кто использует тебя. Ты — пылинка вне времен и обстоятельств, но пылинка, обладающая собственным разумом и правом выбора».

«Ну и что? Эти люди давно умерли, так или иначе. Они грубы, невежественны, наивны, одолеваемы суевериями и фанатизмом. А это... существо предлагает хорошую цену...»

«Ты не первый, кто продает свое первородство за миску чечевичной похлебки, и отнюдь не последний — на этом и держится могущество сатаны. На страхе, жадности, гордыне, похоти, лени... впрочем, ты знаешь список. Посрами дьявола в сердце своем, и он будет бессилен. А люди, что ж... Да, они не идеальны, эти рыцари, оруженосцы, короли и вилланы, королевы и горожанки. Они просто люди, люди своих времен. Они давно умерли, говоришь? Не далее как вчера ты плакал над песней одного из них, а другой предложил тебе свою немудрящую еду — не за деньги, а потому, что увидел в тебе, ободранном и изможденном, такого же пилигрима, как он сам. Бесплотные тени некогда прочитанных книг и хроник, здесь и сейчас они живут, грешат, смеются, поют и плачут, рождаются и умирают. Нет большой беды в том, что они оказались не такими, как ты представлял себе. Прости их и прими в сердце своем».

«Этот мир слишком жесток для меня. Мой дом не здесь. Я не принадлежу этому времени. Я хочу вернуться домой».

«Может быть, не мир жесток, а ты — слаб? И потом, ты называешь жестоким воина, который убил десятерых своим мечом — как же тогда ему назвать летчика, способного одним движением руки истребить сотню, и каким считать время, в котором железные птицы сеют с облаков воющую смерть? Подумай о том, куда ведут тебя твоя гордыня и твоя слабость».

«Но что случится, если я все-таки дерну за рычаг?» — осторожно окликнул собеседника мессир фон Райхерт.

Ответа не последовало. В общем-то, Гунтер и так его не ждал, понимая в глубине души, что беседует с собственной совестью — а что может ответить совесть на подобный вопрос?.. Только одно.

«Делай, что должен. И будь что будет».

Алый огонек чуть сместился, выйдя из захвата перекрестья. Гроза становилась все сильнее, машину ощути-

мо потряхивало, три лопасти пропеллера кромсали дождевую морось.

«Что станется с миром, если все они умрут сегодня — Ричард, Монферрат, Барбаросса, кирия Елена и певец из Италии со своей молоденькой женой? Кто займет освободившееся место? Мессир де Гонтар никогда ничего не делает просто так, и где-то наверняка уже затаились те, кого он предназначил взамен трагически погибших. Да, возможно, это не мое дело. Не мой мир, не мое время. Я ничего не совершил, ничего не добился, только растерял в пути друзей и союзников, ожесточился и замкнулся в себе, повернувшись к этому миру спиной... До цели десять секунд. Выбор. Время сделать выбор».

* * *

«Бомба. Она в подвеске. Я не знаю, как она там оказалась, но она там. Пятьсот килограмм, Господи ты наш на небесах, кто-нибудь, спасите нас...» — где-то далеко внизу Серж де Шательро, наравне с тысячью других людей, стоял, запрокинув голову к грозовому небу и не отрывая взгляда от парящей рукотворной птицы. И бесполезно орать — «Рассыпья!», или «Воздух!», или даже «Ложись!» — никто из них не видел Драконов Люфтваффе в действии, никто не представляет, какого рода опасность грозит им из-под облаков. Да в общем, уже и поздно.

Не мучаясь вопросом, откуда в Палестине взялся оставленный на Сицилии самолет, Казаков беспокоился об ином. Что на уме у того, кто за штурвалом? А если он сейчас заставит «Юнкерс» опустить нос вниз и с пронзительным воем под беззвучный аккомпанемент Вагнера отправится в свой последний полет? Казакову казалось, что самолет нарезает круги прямехонько у него над головой и приземлится точно ему на макушку.

«Герр оберштурмбанфюрер, не делайте этого! — мысленно взывал он. — Ядреная бомба, конечно, моменталь-

но восстанавливает справедливость, но я не желаю находиться в радиусе восстановления этой самой справедливости! Драпануть, что ли? Не успею...»

Высокое общество, выпавшее из шатра, отреагировало по-разному. Ричард выхватил меч из ножен и стоял, с несколько идиотским выражением лица взирая то на небо, то на клинок. Традиции рыцарства требовали вызвать дракона на поединок здесь и сейчас, но вот как осуществить вызов на практике, Львиное Сердце явно не представлял. Сибилла беспрерывно крестилась, как зачарованная, уставившись на летящий самолет и шепча что-то про себя. Монферрат побледнел, но с места не двинулся. Ги, похоже, наладился упасть в обморок, но вовремя заметил, что Ричард не сумеет его подхватить в нужный миг, и теперь просто глазел на стальную птицу вместе с остальными. Наиболее сообразно ситуации — хотя и диаметрально противоположным манером — вели себя Фридрих фон Штауфен, он же Барбаросса, и султан Саладин. Первый замысловато и громогласно ругался, в самых диковинных сочетаниях поминая Господа нашего и длинный перечень святых угодников. Саладин негромко молился по-арабски, прикрыв глаза и сложив ладони перед грудью. Худое, смуглое его лицо было на удивление спокойным.

«Юнкерс» описал еще один круг, резко завалился на правое крыло и, снижаясь, устремился в сторону пустыни, воистину ревя, как разгневанный дракон, и пронзая тучи. На миг самолет исчез из виду, вынырнул из облака, и под общее протяжное «а-а!» от него отделилось нечто крохотное, камнем полетевшее вниз. Спустя несколько мгновений над падающей человеческой фигуркой вспух широкий белоснежный купол.

«Прыгнул? — растерялся Казаков. — Мать его так, что же он творит? Его ж на земле растерзают!»

Лишившийся водительства бомбардировщик спускался по крутой дуге все ниже и ниже, уходя за холмы.

Вот он совсем скрылся из глаз — и тут земля вздрогнула, а в уши толкнулся басовитый грохот. Над песчаным морем встало чудовищное древо из багрового огня и черного дыма.

Невидимая ладонь мягко, но мощно прошла по беснующейся толпе — и, словно взрывная волна явилась неким условным знаком, крестоносное воинство начало опускаться на колени.

— Чудо! — иерихонской трубой взревел монсеньор Орсини. Надо сказать, что Казаков никогда прежде (и никогда потом) не видал столь живописно выкаченных глаз, как у его высокопреосвященства при виде «Юнкерса», и подобного по силе вопля ему более слышать тоже не доводилось. — Чудо Господне! Знак Божий!

Отголосок слов его высокопреосвященства побежал по толпе, переходя из уст в уста, распространяясь, как волны от брошенного в пруд камня.

— Миракль! Чудо Господне! Враг рода человеческого послал на нас свирепого дракона, а Господь — ангела, дабы поразить его! — громогласно витийствовал кардинал.

Ангел с германским акцентом тем временем приземлился где-то в расположении французской части Ричардова войска и приземлился, по всему, неудачно — темная фигурка осталась лежать, огромное полотнище белоснежного шелка накрыло и парашютиста, и пару шатров по соседству. Казаков уже хотел ринуться сквозь толпу к тому месту, куда должен был приземлиться оберлейтенант, когда в его голове зазвучал знакомый голос — тот самый, что на Сицилии предлагал ему папиросу и спорил с ним о вечном.

Но теперь этот голос не был вальяжным и ровным. Он скрежетал и шипел, и от ледяной нечеловеческой ярости, скрытой в нем, Сержу стало жутко.

«Твари! Неверные твари, вы, оба! Оба нарушили договор! Я лишаю тебя своего покровительства! Сдохни прямо сейчас!»

— «Нарушить клятву, данную Сатане, есть меньший грех, чем сдержать слово», — успел еще назидательно процитировать Казаков из «Сборника крылатых фраз» — чтобы в следующую секунду рухнуть со стоном.

Левую руку над локтем перехватило кольцом раскаленного металла, а самого Казакова согнуло вдвое. Содержимое желудка благородного шевалье фонтаном изверглось наружу, рука и плечо горели в невидимом огне, бархат парадного бляхи почти сразу же пропитался вонючей жидкой сукровицей. Земля вынырнула из-под ног, и Серж с удивлением понял, что рассматривает ноги стоящих рядом людей. Ноги торопливо отступали, заволакиваясь непроглядно-черным туманом. Вокруг стоял сплошной слитный рев, совсем как на рок-фестивале. А когда зрение отказало совсем, не родившийся на свет рокер хрипловато запел о той Тьме, что всегда приходит после заката и когда-нибудь поглотит весь мир.

...Добежавшие до сошедшего с небес «ангела» потом охотно рассказывали за кружкой доброго вина почти-тельно внимавшим собеседникам, что ангел оказался вполне человековиден, только сильно изможден, слегка безумен на вид и в странной невиданной одежде. Первой вымолвленной им на грешной Земле фразой, как и положено посланнику Всевышнего, было:

— Господь завещал вам жить в мире — а вы в чем живете?!

* * *

«Пристрелите меня. Кто-нибудь, пожалуйста, пристрелите меня. Я больше не могу. Все равно ведь помру, так хоть не мучаться...»

— Резать, резать, немедленно резать! — почтенный врачеватель, араб родом, внушительно потрясал в воздухе черной бородищей и воздетым перстом. — Просто удивительно, как сей муж умудрился столь долго про-

тянуть с подобным ранением, но сейчас выход один — резать! Немедленно. Иначе через день, самое большее — через два, отравленные кровь и желчь свернутся у него в жилах, и он скончается в непредставимых муках.

— А если — резать?..

— Тогда, если перенесет операцию, будет жить. Самое малое дня три после иссечения зараженной плоти. Потом, вероятно, все-таки умрет, но за три дня Аллах в неистощимой милости своей может явить нам чудо...

«У-у-у, всего одну пулю, неужели вам жаль единственной пули для верного камрада...»

Серж на удивление точно понимал, что умирает. Он сгорал в лихорадке, видел мир, как сквозь запыленное мутное стекло, и знал, что не дотянет до вечера. Заражение крови, излеченное полгода назад на Сицилии чародейством ныне покойного де Фуа, вернулось и впилося в него прогнившими зубами, распространившись во всему организму. Остановленная гангрена и сепсис навёрстали свое, и бывший любимчик удачи барон де Шательро даже говорить не мог — только мычал сквозь сведенные спазмом зубы. Где-то высоко над ним ожесточенно спорили смутно знакомые голоса, решавшие его судьбу, а Сергей хотел только одного: чтобы этот кошмар закончился. И он закончился. Но не так, как ожидал путешественник во времени — мгновенной вспышкой и полетом сквозь черный туннель к недостижимому белому сиянию.

В громыхающую над ним разноголосицу влился еще один смутно знакомый голос — ворчливое старческое бормотание. Потом разом сделалось как-то очень уж тихо, и на лицо Казакова легла прохладная тень.

— Ох и тяжело ты страдаешь, человеке, — прогудела тень. — Может ли смиренный раб Божий облегчить твои страдания?

— Можешь, — собрав все силы, прохрипел Казаков. — Там... в котомке... пистолет... Пристрели...

Неведомый собеседник аж поперхнулся от возмущения.

— Да ты... чего просишь?!

— Милосердия прошу, — выдохнул Казаков. — Больно ж как, ах зараза...

— Я те дам милосердие, — раздраженно бормотал голос. Отчего-то в воспаленном мозгу Казакова возник отчетливый образ — пожилой хирург перед операцией тщательно моет руки, осматривает сверкающие ряды инструментов... — Я тебе такое милосердие покажу... Больно — терпи, на то и мужик! И не зараза, а *infectia gangraina*, «антонов огонь», просторечно выражаясь... Раненого добить, ты посмотри на него... Что я тебе — наемник какой аль мавр некрещеный? Не-ет, я тебе святой отшельник отец Колумбан... Милосердие ему... Вот тебе мое милосердие!..

Казаков аж выгнулся на койке, давась воплем — такая боль прошила от пяток до макушки, будто жидкий огонь затопил каждую жилку в теле. И тут же отпустило, накрыло ласковой прохладой, и избавление от этой боли было тысячекратно сильнее всякого иного наслаждения. Пришла вдруг невероятная легкость, и сквозь эту неземную негу — быть снова здоровым! — настойчиво пробивался ворчливый басок:

— Вот так-то лучше, а то — пристрели... Эх, молодежь, киники все через одного!

— Святой отец, — взволнованно сказал совсем рядом другой голос, с сильным немецким акцентом, — с ним все будет в порядке?

— До ста лет доживет, если сызнава под стрелы не полезет, — заверил удивительный лекарь. — Теперь ты... ангел Божий. Полежи-ка смирно!

— Да я вроде бы помирать не собирался, отче, — отчего-то запротивился Гунтер. — Нога — ерунда, сама срастется. Шина вроде грамотная...

— А как же, непременно срастется. Через пару месяцев да криво. Ну, подумаешь, будешь хромать слегка, да болеть

будет в непогоду, да на коня больше не сядешь, а так — непременно... Еще позвоночник твой у меня си-ильные сомнения вызывает. Трещинки в нем, в позвоночнике. Ударился ты сильно, когда с дракона-то спрыгивал. Сейчас еще терпимо, а вот годика через три может и паралич приключиться, но опять же воля твоя, скажешь — не тро-ну. Хочешь так? Не хочешь? Тогда тихо лежи, терпи...

Неохотно выныривая из своего локального рая, Казаков открыл глаза. Россыпь цветных пятен в поле зрения потихоньку сложилась в знакомые образы: вот слезает со стоящего напротив лежака рыжий летчик, осторожно наступает на ногу, пока еще замотанную в лубок, потягивается, недоверчиво мотает головой: не больно! А вот — отец Колумбан, широкая спина, серая ряса и борода лопатой, скромно отходит в сторону, держа руки на отлете, точно как тот хирург из давешнего казаковского видения...

— Я живой, — неуверенно попробовал на вкус слова и ощущения Казаков.

— Ага, — охотно подтвердил отец Колумбан. Полотнища шатра хлопали на ветру, сквозь входной проем был виден кусочек ослепительно-голубого моря. — И проживешь еще изрядно, коли так будет угодно Господу, и ежели не станешь заключать необдуманных союзов.

— Вы меня вылечили! — Серж рывком сел на своем лежаке. Левая рука все еще побаливала — точно он отлежал ее, и теперь под кожей бегали полчища холодных мурашек. Но расплзшейся от плеча до локтя мокрой багровой язвы больше не было. — А я уж думал, все — *звиздец*...

— Отец Колумбан в святости своей и по Божьей милости сотворил чудо, — отчего-то в голосе германца совершенно не чувствовалось энтузиазма. А вот «заново родившийся» Казаков с каждой секундой преисполнялся неудержимой радостью.

— Истинно так! — пылко подтвердил он. — А то, что отец Колумбан здесь, в Акке — это чудо еще того покру-

че! Святой отец, неужели вы покинули Нормандию и отправились в путь вслед за нами?

— Можно сказать и так, — хмыкнул старец.

Реакция чудесно излеченного Казакова была, в общем-то, вполне предсказуемой. Экспансивный польский барон, вскочив с лежака, бросился пожимать руку своему избавителю. И вновь оторопел, да похлеще прежнего — его пальцы, встретившись с широкой мозолистой ладонью святого отшельника, без малейшего сопротивления прошли насквозь, как через дым.

— Серж, отец Колумбан умер, — хмуро произнес Гунтер. Отшельник поскуцел лицом и спрятал руки за спину. — Он был убит разбойниками после нынешнего Рождества. Нападавшие отыскиали и увезли фугас от «Юнкерса». Это было сделано по приказанию существа, известного нам как...

— ...как мессир де Гонтар, — сказал Сергей примороженным голосом, странно глядя на «тень отца Колумбана». — А также Мефистофель, Воланд и прочая, и имя им — легион. Подробности опустим. Та-ак... И какая легенда на этот раз?

— Ты о чем? — быстро спросил Гунтер.

— Да все просто, герр обер-лейтенант, — мрачно усмехнулся Казаков. — Профессиональная паранойя. Уже лечили меня как-то наложением рук, было дело, — он многозначительно похлопал себя по левому плечу, на котором от страшной гниющей раны остался аккуратный розовый шрам. — Потом спросили... кой-каких услуг, ага. А тут не какой-нибудь де Фуа, тут целый настоящий святой, да еще и в посмертии явился — значит, дело серьезное. И вот мне ужасно интересно: что от нас на сей раз потребуют в оплату за чудо? А, отче? Почему нынче чудеса?

Гунтер странно хмыкнул — так, словно бы Казаков только что выразил его собственные мысли. Отец Колумбан сперва не на шутку насупил, а потом только рукой махнул.

— Диву даюсь, человече, — прогудел он, — и как это ты «темной фигурой» не стал? Все задатки к тому. И должен был бы, по всему. Глумец ты, безбожник, киник и скептик, да еще никакого уважения к старшим. А вот, поди ж ты — недооценил нечистик и тебя, и этого рыжего, а свои силы, как всегда, переоценил. Не иначе, чувство твое к прекрасной деве...

— Старче, — строго сказал Казаков. — Ты мне зубы не заговаривай. Жизнь мне спас, а Гунтеру здоровье — за то тебе, конечно, пламенное от нас мерси. Но что дальше-то с нами будет?

Святой старец тяжело вздохнул.

— А ничего, — просто произнес он. — Дело свое вы сделали. Дальше, сын мой, просто — жизнь, а уж какая, где — выбирайте.

Ноги у Гунтера внезапно сделались ватными. Чтобы не упасть, он поспешно присел на свой топчан. По тону, каким были сказаны эти простые слова, по факту того, *кто* их произнес и при каких обстоятельствах, по твердому и спокойному взгляду отца Колумбана он понял со всей уверенностью: да, это действительно *всё*. Финал большой и непонятной Игры, последняя черта, за которой — *просто жизнь*.

Судя по обмякшему вдруг лицу Казакова и его остекленевшим на миг глазам, пришелец из далекого двадцать первого века ощутил то же самое. Но Казаков держался лучше (надо полагать, из чистого гонора), сказал елеинным тоном:

— Значит, святой отец, дело сделали, награды последуют? Воистину хорошая новость! Рассказали б вы еще напоследок, что это за дело такое было. А то выходит, как медалька к юбилею: вроде и награда, а носить зазорно...

Бывший отшельник, ныне примкнувший к сонму святых на небесах, снова кротко вздохнул и заговорил. Речь его лилась гладко, длинно, будто святой Колумбан

читал наизусть или рассказывал, перелистывая страницы неведомой книги. Сержу порой казалось, якобы он различает едва заметный ореол золотистого сияния, окутывающий согбенную фигуру отшельника, — но, скорее всего, это была просто игра света и тени.

— Две Вселенные, два Универсума, в каждом из которых история текла своим путем и своим руслом, — негромко повествовал отец Колумбан. — Два человека из иных времен, волею Того, кто превыше нас, вырванные из своего мира и оказавшиеся здесь. Конечно, вы не могли не привлечь стороннего внимания. Внимания того, кто всегда настороже, кто никогда не упустит случая оказать у кормила и развернуть корабль в нужную сторону. Два вестника иных времен, как вы однажды называли себя. Я не стану перечислять ваши ошибки и промахи, ибо нет во человецех божественного совершенства, но есть непреходящее стремление достигнуть оно. Главное... главное кроется в ином.

Он замолчал, словно бы не решаясь произнести то, что надлежало сказать. Двое мужчин напряженно смотрели на него. Гунтер, сам того не замечая, нервно комкал в пальцах подол рубахи.

— Вы были вестниками иных времен, гонцами, несущими благую весть. Но, как на поле брани победу творит не гонец, но воин — так и изменить русло реки под названием Время дано было не вам или, вернее, не только вам, — выговорил старец. — Вы и сами свершили немало. Однако основной вашей задачей было — отвлечь на себя внимание врага рода человеческого, отведя тем самым угрозу от... других людей.

— Ну, одна из личностей, которая и в самом деле много чего добилась — это явно Гай Гисборн... А вторая, не иначе, Дугал Мак-Лауд, — фыркнул Гунтер и осекся, поймав безмятежный взгляд старчески блеклых, но все еще ясных глаз святого отшельника. — Что, неужели правда? Гай и Дугал?! Все ради них?..

— А также ради девы, ранее звавшей себя Изабель, а теперь называемой императрицей византийской Склиреной, — добавил святой отец, и в голосе его Казакову послышалось легкое ехидство. — Ради незнакомого вам юноши из Италийских земель по имени Франческо, и юницы Бланки из семейства Транкавель. Ради молодого короля французских земель Тьерри. Ради королевы Беренгариин. Ради сотен и тысяч смертных в Европе и Палестине, которых вы никогда не увидите. Ради спасения одних и гибели других. Ради посрамления Врага и прославления имени Господа нашего. Вам этого недостаточно?

— С одной стороны, достаточно, — несколько примороженно сказал фон Райхерт. — А с другой... как же так... С другой — по вашим словам выходит, что нас просто использовали втемную, как приманку на хищника, а собственные наши деяния не так уж и важны...

А Серж неожиданно расхохотался, до слез и икоты, нелепо помавая в воздухе руками и выталкивая непонятные русские слова. Отсмеявшись, он наконец заговорил более-менее внятно, хотя и смешав от волнения в одну чудовищную кучу русскую, английскую и норманнскую речь:

— Обидно, да?! Мы-то себя считали пупом земли, а тут говорят — не, ребята, какие вы пупки, вы просто задницы! А знаешь что, Гунтер? Вот лично мне ни капли не обидно! Нормальная же операция прикрытия, ты-то, как военный человек, должен понимать! Главное — вставили хар-рошую спицу этому... фокуснику... Ведь вставили, а?

— Еще как, — подтвердил отец Колумбан, улыбаясь в густые усы.

— Во! — барон де Шательро в совершенном восхищении хлопнул себя по бедрам. — И вообще, кое-что ведь мы и сами сделали. Я вот принцессу от пирата спас, в лучшем духе старика Говарда. А ты, Гунтер, и вовсе специализировался на поимке важных государственных

преступников — сначала этот, как его... Лоншан, потом Комнин... Ангела Божьего сыграл, опять же...

— Не о том говоришь, — прервал его призрак отца Колумбана. — Внешнее это все, суетное. Главное в том, что каждый из вас посрамил нечистого в сердце своем. С каждым из вас он играл, каждого вводил во искушение — тебя, Серж, через праздность, похоть и корысть, а тебя, Гунтер, через гнев, зависть и гордость. Не скажу, чтоб вы очень уж стойко сопротивлялись искусу. Но в конце концов вы сделали свой выбор, и Враг проиграл. Тебя, Серж, на Кипре вела любовь и честь. Гунтер руководствовался милосердием и смирением. И пусть Божественную Игру делали другие люди, но окончательный ее итог определил именно этот ваш выбор. Теперь наступает новое время, время Вестников; измененное будущее этого мира, сколь мне дозволено его прозревать, хорошо есть, и хорошо весьма. Серж, тебя, я вижу, распирает. Ты что-то хочешь сказать, сын мой неразумный?

«Неразумный сын» Серж де Казакофф смущенно прокашлялся.

— Святой отец... — Сергей помялся, не зная, как бы поделикатнее объяснить свою просьбу. Любая «обтекаемая» формулировка почему-то казалась неуместной. Наконец, махнув рукой, «барон де Шательро» рубанул напрямую:

— Святой отец, верните нас обратно. Пожалуйста.

Призрак отца Колумбана молча уставился на Казакова — то ли потерял дар речи от такой наглости, то ли обдумывал поступившее предложение, а возможно, советовался с «Тем, кто превыше». Молчал он долго. Потом осведомился вкрадчиво:

— А что тебе сейчас не живется, сын мой? Богат, сыт-пьян, знаменит, шатер царский, женщина при тебе дивных статей... Жить бы да не тужить, другим на зависть, себе на удовольствие. Там, где «обратно», ведь ничего этого не будет. А?

Казаков притворно вздохнул, театрально шмыгнул носом, заговорил, глядя на отца Колумбана с нахальством беспризорного пацана, просящего целковик вместо копейки:

— Так ведь безблагодатное оно, богатство сие. Не трудом досталось, а единственно попустительством дьявольским. Опять же, праздности, похоти и корысти способствует весьма. И *Интернета* хрен сыщешь, а я без него не могу.

— Вот ведь звонарь беспутный, прости Господи, — неодобрительно покачал головой отец Колумбан. — Поди, язык твой на то посередине привешен, чтоб на две стороны трепать. Но, между прочим, хоть ты и ёрничаешь от стеснительности, а говоришь притом чистую правду. Ладно... Давно ты об этом просил. Будь по твоему.

— Это когда «давно»? — оторопел Казаков.

— А в прошлом годе еще. В Лимассоле дело было, — охотно пояснил призрак святого отшельника и вдруг отмочил штуку — сказал казаковским голосом на чистейшем русском языке: *«Вернул бы он меня домой, так моя бы благодарность была даже безгранична...»* Серж только глаза выпучил.

— Ну а ты, Гунтер? — продолжал отец Колумбан, поворачиваясь к сидящему на краю койки германцу. — Тоже — домой?

— Нет, — неожиданно для самого себя сказал Гунтер фон Райхерт.

Сказал и сам удивился. И в ту же секунду понял, что сказал правду. И удивился самому себе еще больше.

— Нет, — повторил он внезапно осипшим голосом. — Я остаюсь. Не все еще сделал... здесь.

Отец Колумбан недоуменно приподнял седую бровь.

— Уверен?

— Уверен. Мне бы только денег... Проклятье, если б какой-то негодяй не спер лоншановы драгоценности!..

Изумленно вздернутые брови отца Колумбана гроз-

но нахмурились, когда святой призрак сообразил, о чем идет речь. Но тут за порогом шатра послышался какой-то невнятный шум, и в шатер — спиной вперед — влетел сперва сильно потрепанный оруженосец Джентиле, а следом за ним, держа в руке обнаженный меч, ввалился Мишель де Фармер собственной персоной. При виде совершенно здоровых Сержа и Гунтера, а также отца Колумбана, возвышающегося посередине палатки, глаза Мишеля округлились.

— Потом объясню! — рявкнул Гунтер, предупреждая поток вопросов, на большую часть коих он и сам толком ответов не знал. — Что у тебя?

Шевалье де Фармер зверски оскалился.

— Вот это животное, — молвил он, указуя острием меча на скорченную фигуру своего оруженосца, — пришлось ко мне полчаса назад с признанием. Я не зарубил его сразу только потому, что хотел уступить сие удовольствие тебе. А ну, сын свиньи, рассказывай!

— Это я, — всхлипнул мальчишка. — Я виноват. Я украл...

— Словом, обокрал он тебя, — буркнул Мишель, швыряя на колени Гунтеру увесистый кожаный кошель — весьма знакомый кошель. — Пока тебя выхаживали, полез в тюки за какой-то надобностью, заглянул в кошель, увидел бриллианты россыпью, ну и... Да что ты хочешь, любой бы польстился. Кроме меня, конечно. А теперь мерзавца совесть замучила. Тебя ж, Гунтер, нынче считают если не ангелом, то по меньшей мере Божьим вестником. Каково ему — святого человека обокрал! Прибежал каяться... Может, все-таки не убивать его? Я уж всыпал стервецу, хотя мало, конечно... Выпороть как следует, а потом...

— Святой отец, — перебил Гунтер, поднимаясь. — Святой отец, раскаянием сего отрока я тоже вам обязан?

Лицо у отца Колумбана сделалось очень-очень хитрым.

— Нет, сын мой, — невероятно искренне молвил он. — Ныне узрели мы подлинное чудо — чистосердечно раскаявшегося грешника. Простим же ему!.. Хотя выдрать, безусловно, нужно.

— Да будет так, — буркнул Мишель. Ткнул оруженосца носком сапога в бок:

— А ну, пошел вон! У шатра меня жди. Розги в морскую воду положи отмокать — да побольше, для себя ведь стараешься!

И тут же забыл о нем, едва за мальчишкой запахнувшись дверной полог.

— Что тут у вас происходит, Гунтер? — настороженно спросил шевалье, переводя взгляд с одного лица на другое, с Сержа на святого отца и снова на Гунтера. — Откуда в Акке отец Колумбан? И как...

— Потом, Мишель, — отвечал германец. — Потом. Серж уходит.

— Как? — не понял де Фармер. — Куда? То есть... на-совсем?

— Насовсем, — сказал фон Райхерт.

Незримое напряжение сгустилось под пологом шатра, повисло между четверых Вестников.

Вот и все. Пора прощаться. Странно, но у Гунтера вдруг зашипало в глазах, заныло сердце. У несентиментального Казакова, впрочем, тоже.

— Так я, это... — сказал наконец Сергей. — Я что, прямо сейчас?..

Отец Колумбан кивнул.

— Эх... — Нечастый случай — у глумливца Сержа де Шательро не находилось подходящих слов. — Вы, ну... берегите тут себя. Под пули зря не лезьте.

— Что такое «пули»? — машинально спросил шевалье.

— Не изобрели пока, — отмахнулся Казаков. — Под стрелы, в смысле. В общем, всего вам самого-самого... Мишель, я чего хотел. За мной имущество всякое осталось. Дорогое, поди. Векселя, опять же. Так ты... или

люди твои... притяди, чтоб Ленке все осталось, ладно? Ну, моей Елене-Даниэлиде то есть. И, Гунтер, ты тоже...

— Не беспокойся, — скривился невесть отчего бра-
вый шевалье. — Елена-Даниэлида своего не упустит. Но
приглажу, раз просишь.

— С собой ничего не берешь? — спросил зачем-то фон
Райхерт. «Надо бы чем-то обменяться на память, — мель-
кнула мысль, — но чем?! Хоть бы значок люфтваффе
оторвать с летного комбинезона, так ведь и комбинезон
растасили на талисманы благородные рыцари, так их и
разэтак...» Тут он вспомнил про кошель, торопливо за-
пустил пальцы внутрь и выудил наугад крупный, с орех,
фиолетовый камень. — Вот, хоть это на память...

— О Лоншане, что ли? Спасибо, оставь себе, — ус-
мехнулся Казаков, похлопывая по висящему на шее под
рубахой кошелю — доставшейся ему доле лоншанова на-
следства. — Давайте, ребята, без сувениров... и вообще.
Не люблю долгие проводы...

ЭПИЛОГ

www.alter_history.com

*Когда прищурит глаз Умберто Эко,
Веля костры пожаров потушить,
Когда сгорит моя библиотека —
И мне не жить.
Шелка гербов опасны для здоровья,
Я вижу на скрещении полей:
Великий костолом Средневековья
Прошел по мне.
Тягучий аромат восточных специй —
Как благовест.
Я болен. Нет вопросов. Нет концепций.
Любовь и Крест.*

— ...Аль, посмотри на того чудака за шестнадцатым столиком. Только аккуратно, а то мало ли...

— Оу! Да, ничего экземплярчик, вполне коллекционный. Давно сидит?

— Минут десять. Вломился как дикарь, грязный, глаза безумные. Про одежду я вообще молчу. Ты заметил, что он босиком?

— Да ты что?! И в самом деле, с ума сойти... И чего он?

— Сразу за терминал, будто тыщу лет Глобалнета не видел. Я ему — «что будете заказывать?», а он говорит — «кофе эспresso, каждые пять минут по чашечке и сахара побольше», и опять в монитор уткнулся. Акцент какой-то странный, никогда такого не слышала. Ты не знаешь, что за кофе такой — эспresso?

— Понятия не имею. Сделай ему «арабику» в джезве.

— Уже. Он его залпом выпил. Две чашки. Аль, как ты думаешь, что лучше вызывать, полицию или врачей?..

Альберт Книзе, охранник компьютерного кафе «Вальхалл», присмотрелся к клиенту повнимательнее. И впрямь, странен парень донельзя и на вид диковат. Ладно бы только одежда — просторная, грубо сшитая холщовая рубаха, такие же штаны (хм, подумал Альберт, больше всего похоже на комплект армейского нижнего белья) и, в самом деле, босиком. В конце концов, август, жара, чего уж... А вот с лицом гораздо хуже, нехорошее лицо, *неправильное*. И дело даже не в недельной щетине и не в неопрятном пони-тэйле, а, как бы это... в выражении, что ли... Отслужив три года добровольцем в спасательной команде МЧС, Альберт таких лиц навидался с лихвой. Такое лицо могло бы быть у погорельца, который успел в последнюю секунду выскочить из огня. Или — у спасателя после кошмарной *командировки*. Вот, скажем, ребята с Кавказского землетрясения тоже...

В общем, явно аффектирован парнишка, не в себе, дерганный какой-то. Не натворил бы глупостей. Кто его знает, чего он там так лихорадочно высматривает, в Глобалнете-то. Вдруг прочитает сейчас в электронной почте какое-нибудь «письмо счастья», достанет тесак из-за пазухи — и банзай... На мгновение Альберт и впрямь прикинул, не набрать ли «три единички», чтоб через пять минут с проблемами странного посетителя разбирался вежливый городской.

И решил: нет, не набрать. Полиция в кафе — это уже ЧП. Может, и так обойдется, просто будем глядеть за «дикарем» в оба. Ну а случись край, черный пояс по хапки-до Альберту Книзе не просто так выдавали. Упакуем агрессора в два счета и качественно, не успеет «мама» сказать.

— Все нормально, Инга, — покровительственно сказал он девчонке-официантке. — Это, наверное, знаешь что? Помнишь, на прошлой неделе реконструкторы из «Волков Севера» у нас сидели? Ну, которые прямо с турнира зашли, в кольчугах, при мечах? Ольга Ярослав-

на им даже предложила бесплатный обед раз в неделю, только чтоб в полном обмундировании приходили — еще бы, неплохая реклама для «Вальхалла»!

— А, точно, были. Думаешь, из таких?

— Да наверняка. Они хоть и двинутые слегка, но в общем народ безобидный, так что не переживай. Снеси ему лучше банку тоника холодненького, а то третья чашка «арабики» по такой жаре — у парня дым из ушей пойдет и глаза на лоб вылезут. Вон, уже вылезают. Интересно, что он там нашел?..

...А глаза у Сергея Казакова, он же барон Серж де Шательро, и впрямь вылезали на лоб — хоть пальцами вправляй. Вот уже битый час вылезали, с того самого момента, как он шагнул в ослепительный свет за порогом синего шатра в крестоносном лагере, под городом Аккой, в Святой Земле — чтобы выйти в ослепительный свет питерского полудня из дверей университетской библиотеки имени Горького.

Немногочисленные студенты косились на странного оборванца с веселым недоумением. На газонах чирикали воробьи, купаясь в пыли. Проехала оранжевая поливочная цистерна, выставив перед собой трепещущий радужный веер водяных брызг — с отвычки Казаков шарахнулся от нее, как черт от ладана. Гулко ударила полуденная пушка на петропавловском равелине. Пребывая в непонятном оцепенении и запинаясь на ровном асфальте, горячем, как пески Аравии, барон Серж де Шательро побрел вдоль Университетской набережной, мимо Кунсткамеры, на Невский через Дворцовый мост. На набережной былолюдно, на Дворцовом — всегдашняя пробка. Цифровое табло на здании Зоологического музея показывало полное время и дату: год 2005 от Р.Х., август, шестнадцатое, начало первого пополудни.

Старший лейтенант Казаков шел по своему времени. По родному городу.

И не узнавал его.

Зимний дворец и Адмиралтейство щеголяли поразительно свежими красками. По-прежнему чистым золотом сверкал ангел на шпигеле Петропавловки, летя навстречу адмиралтейскому кораблику, и на крыше здания Генштаба гордо вздымалась конная квадрига Ники-Победы. На закрытой для транспорта Дворцовой площади, как всегда, с веселыми воплями катались подростки-роллеры, в саду Адмиралтейства сидели парочки, и мамы-бабушки выгуливали разновозрастных чад. Все было настолько привычным, настолько знакомым, что Казаков не сразу осознал причину возникшей вдруг острой подсознательной тревоги.

Александрийского столпа не было.

Медный Всадник, верно, был на месте. Сергей видел его издалека, через Неву, однако и камень, и конь, и в особенности всадник выглядели как-то... иначе. Дойти и посмотреть отличие было бы делом пяти минут, но странное суеверие погнало Казакова прочь, к Казанскому собору. Дойдя до «Казани», он вздохнул было с облегчением — собор никуда не делся, стоял себе, и фонтан в сквере перед ним играл прозрачными струями, и неспешно вращался огромный глобус на доме компании «Зингер». Сергей поднялся по истертым ступенькам колоннады, уселся там, где любил сиживать с друзьями-хиппарями в годы бурной молодости. И только тогда заметил, что памятников Кутузову и Барклаю де Толли на их привычных местах — нет.

В перспективе канала Грибоедова виднелись знакомые с детства расписные купола Спаса-на-Крови. Пойманный за пуговицу опрятный старичок охотно объяснил диковатому молодому человеку, что собор сей именуется Храм Спасения-на-Водах («Ну как же, когда яхта государя императора попала в ужасную бурю, он и семья его спаслись единственно Божьим чудом...»), а канал, натурально, Екатерининским каналом («Ну что вы, сударь! Александр Сергеевич Грибоедов прожил отмен-

но долго, прославился как блестящий дипломат, пробовал себя в качестве литератора, однако не преуспел... Его именем названа Дипломатическая Академия в Царском Селе, а канал, насколько мне известно, всегда назывался Екатерининским... Это? Шутите?! Невский проспект, конечно... но что с вами? Может быть, врача?...»)

Казаков был совсем плох. Пока словоохотливый старичок излагал историю о чудесном спасении на водах, до Сергея внезапно дошло, что из десяти проезжающих мимо автомобилей он может опознать марку дай Бог одного-двух, да и то с изрядной натяжкой. Вот рядом с остановкой (павильон из поляризованного стекла, изящный, с компактным таксофоном внутри, дающий, в отличие от привычных Казакову, хорошую густую тень) притормозил автобус 7-го маршрута, марки «Святогор». *Двухэтажный автобус.*

— АО «Софари ва времени», — пробормотал Сергей цитату из читанного давным-давно Брэдбери. — Эффект бабочки...

— Что?..

Издав невнятный страдальческий стон, Казаков отпихнул искренне недоумевающего собеседника и бегом устремился через Невский, к вывеске со скандинавским драккаром и надписью «Компьютерное кафе Вальхалл». В общих чертах происшедшее с реальностью ему уже было ясно. Но лейтенант Казаков хотел знать подробности. И путь к этим подробностям бывшему компьютерному технику КБ Камова был совершенно ясен, даже с учетом изменившегося мира: в Великой Паутине можно найти ответ на любой вопрос.

* * *

— ...Седьмую чашку «арабики» пьет. Аль, он точно ненормальный. Я краем глаза заглянула в монитор. Ты знаешь, что он с таким лицом листает в Глобалнете?

— Порнуху четыре икса?

— Не угадал. Учебник по всемирной истории под редакцией Игоря Божейко, 2000 г. Для старших классов.

«...Ричард Львиное Сердце умер спустя два месяца после прибытия в Акку, при невыясненных обстоятельствах, допускающих возможность убийства. На троне Англии его сменил младший брат, Джон или Иоанн, коего подданные уже через несколько лет правления прозвали Иоанном Благословенным.... Королева Алиенор, или Элеонора Аквитанская, прожила до восьмидесяти с небольшим лет, сохранив поразительную ясность ума. Деятельная и предприимчивая, Элеонора Аквитанская до последних дней своих принимала самое активное участие в европейской политике. Подчас престарелой королеве удавалось добиться блестящих успехов там, где терпели фиаско даже самые опытные дипломаты. Некоторые историки полагают — и небезосновательно — что невероятное влияние Элеоноры во многом объяснялось наличием у нее уникального по тем временам средства воздействия, а именно огромной подборки финансово-политического компромата, известной как „архив канцлера Лоншана“. Умело пуская в ход где убеждение, где подкуп, а где — документы из лоншановых сундуков, королева Алиенор почти магическим образом укрощала или, напротив, разжигала политические страсти, устраивала самые невероятные альянсы, проводила нужных людей на высокие государственные посты, а неудобных, натурально, смещала. Так, ее стараниями в 1196 г. после смерти дряхлого Климента III папский престол перешел к молодому и энергичному Годфри Клиффорду, архиепископу Кентерберийскому. Едва получив тиару, Годфри (Григорий IX, ум. 1228) провел целую серию прогрессивных церковных реформ и издал знаменитую „Буллу о примирении“, в которой...»

Поисковик был насквозь незнакомый — Гугля и Яндекс *эта* реальность явно не знала, — но принцип тот

же (да и каким еще ему быть?!). Скорость соединения впечатляла, ответы появлялись едва ли не раньше, чем Казаков набирал в строке поиска очередное имя. Имена, даты, страны, события...

«Беренгария Плантагенет, Беренгария Наваррская, молодая вдова Ричарда Плантагенета, оставшаяся в Палестине с малым ребенком на руках... Прекрасная наваррка поступила на редкость мудро — спустя положенный срок траура снова вышла замуж... вышла замуж за...»

Сергей торопливо водил курсором, прокручивая страницы в поисках имени нового супруга Беренгарии, желая узнать, чем закончилась история девушки, некогда так поразившей его воображение. Ага, вот — господин Божейко авторитетно сообщает, что в 1192 году вдовая Беренгария обвенчалась с, храни нас Господи! — с Тьерри Французским, новым правителем Франции, возродившим прервавшуюся некогда династию Меровингов, потомки коих до сих пор пользуются значительными привилегиями... Живописный портрет правящей четы, в вытянутой и слегка иконописной манере того времени — темноволосый коронованный рыцарь в доспехах и красивая дама с ребенком на руках, а рядом еще двое детей и почему-то лань.

Что же было дальше?

«Победоносные войны за Аквитанию с Англией, постепенное изменение политической структуры, советник и близкий друг короля, мессир Франциск де Разэс...» Так, с этими вроде все понятно, южане из Лангедока таки добились своего... Никаких упоминаний о Четвертом Крестовом против альбигойцев, никакой осады Монсегюра, ни странички о францисканцах, ни слова о Доминиканском ордене, будто и не было их в природе (а может, и впрямь не было?) — и, как следствие, широкое распространение катарического учения на юге Франции. Зато тамплиеры... так, полтора миллиона страниц ссылок. Отложим тамплиеров на потом. Дальше!..

Третий Крестовый, похоже, был последним — ибо после кончины Ричарда европейцы и арабы подозрительно быстро сумели найти общий язык, Иерусалим был объявлен свободным городом, открытым для любых паломников без различий вероисповедания, ибо «...в доме всеобщего Отца нашего много комнат и много дверей», опять уже виденное имя — Франциск де Разэс, ага, вот где начало его карьеры. Всего семнадцать, не то восемнадцать лет от роду. ПримириТЕЛЬные речи, имевшие успех среди рыцарей и среди сарацин, это как же был подвешен язык у парня, несмотря на юные годы? Талант-самородок, пошел в гору, женился на королевской младшей сестрице, настрогал детишек... Иерусалим отдали в правление двум наместникам, европейцу и арабу, первым его наместником стал Конрад Монферратский...

Ну-ка, теперь по персоналиям. Участники достопамятного саммита в Акке — что-то с ними случилось? Львиное Сердце сочтен, а что у нас с Ги Лузиньяном? Вот... почетная ссылка на остров Кипр, где, как ни странно, он показал себя неплохим и рачительным правителем... Барбаросса — старик крепок, как дуб, протянул еще пятнадцать лет, из коих двенадцать провел в азиатских походах. (Черт, что еще за «азиатские походы» — он что, по примеру Александра Великого решил завоевать Индию?! А ведь и в самом деле, похоже, решил и едва не преуспел. С другой стороны, оно и правильно — под Аккой собралась гигантская армия вторжения, и эту армию нужно было чем-то занять после того, как Третий Крестовый завершился столь невероятным образом...). Саладин — с 1193 г. эмир Дамасский, железной рукой объединивший мусульманский мир — Великий Халифат, мощная арабская империя от Туниса до Красного моря, притом многочисленные договоры «о дружбе и границах» с Византией и Священной Римской империей. Совместные действия с армиями византийцев против нахлынувших с востока сельджуков... фф-фух!

Казаков помотал головой, как загнанный конь. Мэтр Божейко отлично пишет, просто и доступно, но все эти династии, империи и великие завоевания уж больно глобальны. Красный сигнал, перегрев мозга. Вернемся к всемирной истории чуть позже, а сейчас — от большого к малому, от учебника к поисковику. «Где же вы теперь, друзья-однополчане?.. Ответь мне, о всеведущая Паутина...»

Мишель де Фармер, бывший рыцарь свиты Ричарда Плантагенета — никаких сведений, человек затерялся в истории. Бертран де Борн, дружище Берти — несколько лэ, преодолевших века и вошедших в поэтические антологии, четыре варианта биографии, три даты рождения и неустановленное время смерти. Дугал Мак-Лауд — три десятка одновременно живших полных однофамильцев, сгинул где-то среди гор родной туманной Скоттии... Фон Райхерт, фон Райхерт, Гунтер фон Райхерт... Надо же, а он-то каким боком попал в божейковский учебник?

— Мать моя женщина! — невольно вырвалось у Казакова.

«Гунтер фон Райхерт (ок. 1165 — 1245 г.), основатель и первый великий магистр Тевтонского ордена. Место рождения неизвестно. Первые сведения о нем относятся ко временам Третьего Крестового похода (1189—1191) и завоеванию Ричардом Львиное Сердце острова Кипр (осень-зима 1189 г.). Возведен в рыцарское звание лично королем Ричардом. Один из деятельных участников (по другим сведениям — непосредственный организатор) пленения кипрского деспота Исаака Комнина (см.), глава английского посольства в Византию. Современники отмечают также, что Гунтер фон Р. являлся ключевой фигурой („посланец Божий“) в неких странных, полумистических событиях, происшедших во время „Большого совета в Акке“ (см.) в августе 1190 г. и положивших начало процессу политического примирения между Востоком и Западом.

В результате указанных событий Гунтер фон Р. был замечен императором Барбароссой, выделившим немалые средства для основания рыцарско-светского „Тевтонского Братства церкви Святой Марии Иерусалимской“ (далее — Тевтонского ордена), объединявшего выходцев из Германии и требовавшего от адептов соблюдения обетов послушания и бедности. Однако устав Братства не требовал воздержания и безбрачия, что привлекло в Братство множество новых членов. 5 марта 1196 г. в храме Акки состоялась церемония реорганизации Братства в духовно-рыцарский Орден. На церемонии присутствовали магистры госпитальеров и тамплиеров, а также светские и духовные лица Иерусалима. Папа Римский Григорий IX подтвердил это событие буллой, датированной 19 февраля 1199 г., и определил задачи Ордена: защита немецких рыцарей, лечение больных, борьба с врагами католической церкви. Орден был подвластен Папе Римскому и императору Священной Римской империи.

Рыцари ордена Святой Марии и его Первый Магистр отлично зарекомендовали себя во время Азиатских Походов Барбароссы (см.), а после завершения военных действий (приблизительно 1199 г.) перебрались на север Европы, выкупив у императора право основывать крепости и города в покоренных землях Северной Прибалтики. Развивая экспансию в восточном направлении, рыцари Ордена в тридцатых годах XIII века вышли к пределам Новгородской республики. На этом рубеже без всяких видимых причин по личному распоряжению Гунтера фон Р. продвижение орденских войск было остановлено. Более того, в 1238 г. по инициативе Ордена в городе Псков состоялся т. н. „Псковский съезд“ (см.), где интересы рыцарей представлял сам Великий Магистр, а Новгородскую республику — молодой князь Александр Ярославич. На „Съезде“ было составлено и подписано историческое соглашение...»

Читать далее во всех подробностях у Казакова просто не хватило сил. От выпитого в чудовищном количестве крепчайшего кофе распирало организм, от наплыва информации плавился мозг, к тому же автоматом Сергей отметил, что пытается компьютер уже третий час — а по сию пору не выбрался из двенадцатого столетия. Он выскочил из-за монитора (едва отметив, как напрягся при его резком движении крепкий парень с бейджем на рубашке), бегом посетил санузел, вернулся — также бегом — к своему компьютеру и лихорадочно закрутил мышинным колесиком, по диагонали пролистывая всемирную историю с века двенадцатого по век двадцать первый. Итак...

...Энергичная совместная экспансия Священной Римской империи, Византии (где на четыре столетия воцарилась крепкая династия Склиров), Великого Халифата и объединенных русских княжеств на восток приводит к тому, что монголо-татарское нашествие фактически окончилось, не начавшись. Объединителем разрозненных княжеств (при военной помощи Тевтонского ордена) выступает юный новгородский князь Александр Ярославич, за свои заслуги нареченный Александром Завоевателем — и быть бы ему первым правителем всея Руси, когда б не скоропостижная смерть от неясной хвори в 1245 г. Эстафету власти приняли Рюриковичи, на северо-восточных рубежах Священной Римской империи формируется мощное славянское государство. Германские и византийские посольства ведут отчаянную борьбу за влияние при дворе первого русского царя...

...Династия Меровингов — полтысячелетия на французском престоле. Искусная дипломатия, отлаженная экономика, гибкая внутренняя и внешняя политика. Не грянуло ни Тридцатилетней, ни Столетней, ни Великой Французской, ни наполеоновских войн; сам лейтенант Наполеоне Буонапарте в составе группы армейских офицеров в 1790 г. обвинен в заговоре против короны, раз-

жалован и сослан в колонии; имя его бледной тенью осталось в истории лишь потому, что защитником на процессе выступал некий Максимилиан Робеспьер. впоследствии — блестящий адвокат, один из корифеев европейской юриспруденции...

...Процесса гамплиеров — не было ни в 1314 г., ни в каком ином. Сеть тамплиерских банков, успешно конкурируя с генуэзскими и венецианскими банкирами, к 17-му столетию охватывает всю Европу. В итоге — учитывая прочие существенные факторы — бурный рост экономики, промышленная революция на столетие раньше, единое экономическое пространство в Европе к началу двадцатого столетия. Американский континент открыт на семьдесят лет раньше и не испанцами, а французами...

...Запросы «Ленин», «Сталин», «Гитлер» — никакой информации. Первая мировая, Вторая мировая, Октябрьский переворот, Третий рейх — пустые сочетания букв. Конечно, свято место пусто не бывает, вместо них — какие-то иные названия, какая-то «Война за проливы», какой-то «Апрельский путч», череда колониальных войн... баталии на Тихом океане (крейсер «Аврора» поставлен на вечный прикол у набережной Памяти Цусимы в Санкт-Петербурге как памятник победе русского флота над японцами в 1874 г.)... Однако, судя по описаниям господина Божейко, судя по размеру глав, посвященных войнам, все эти вооруженные конфликты последнего времени и близко не стояли рядом с чудовищными гекатомбами *той* новейшей истории, что была памятна Казакову. Хиросима известна лишь как крупнейший центр японского автомобилестроения...

Давным-давно, еще в той реальности, где остались кошка Машка и Александрийский столп, Казакову довелось видеть занятный клип. Огромная пустая комната с полом, сплошь уставленным костяшками домино — тысячи, сотни тысяч маленьких черно-белых табличек,

стоящих вертикально. Аккуратный юноша, китаец не то кореец (только у жителей Востока хватит терпения расставить сто тысяч шашечек по полу в определенном порядке) кланяется в камеру, наклоняется и легко толкает пальцем одну-единственную костяшку. Падая, та опрокидывает соседнюю, от соседней падает еще несколько, дальше и дальше, расходясь спиралями, бежит с нарастающим костяным шелестом мгновенный ручеек... И после того, как падает последняя костяшка, на полу в большой пустой комнате белым по черному выложен иероглиф «юн» — «вечность».

Видимо, схожим образом и творится история. Даже маленькие люди, совершая мелкие дела, дают начало событиям, которые изменяют картину мира — а ведь дела, совершенные в прошлом этого мира двумя Вестниками и их спутниками, никак нельзя было назвать «мелкими» и «незначительными». Легчайший толчок может сдвинуть грозную лавину. Он и сдвинул, и теперь бывший старший лейтенант Сергей Казаков, он же бывший барон Серж де Шательро, чувствовал себя надежно погребенным в недрах этой самой лавины. Одно утешение — судя по учебнику господина Божейко, новый мир получился куда симпатичнее мира прежнего.

...«В ходе Иерусалимского саммита 1988 г. главы Трех Великих Держав и президенты шестнадцати ведущих стран мира подписали Конвенцию о запрете на использование ядерной энергии в военных целях (кроме Объединенных Военно-Космических Сил вне пределов Солнечной системы). Выступая по этому поводу с речью, российский император Николай III сказал...»

Последняя фраза Казакова добила.

Рухнув физиономией на скрещенные поверх клавиатуры руки, он погрузился в спасительное забытие.

* * *

«Оп-па... — ошеломленно подумал Альберт, глядя, как странный парень за семнадцатой машиной вдруг оседает в кресле. — Неужто наркоман?! Ладно, сейчас...»

— Эй! Глазки открываем, уважаемый! Ну-ка, очнулись быстренько! Э-эй...

— Не тряси, я в порядке, — проворчал посетитель, не без труда поднимая голову. Альберт быстро, привычно (не зря учили) прошупал на шее парня пульс, оттянул нижнее веко. Ну да, пульс слабоват, зрачки расширены, но на наркотический отходняк вроде не похоже, обычный обморок...

— Слава Богу. А ну, посиди пока тихо, не нравятся мне твои зрачки. Чего, сомлел? Хрена ли было столько кофе по жару жрать... Как чувствуешь себя?

— Нормально чувствую. Жить буду. Слушай... — парень покосился на бейдж. — Альберт... До Народной улицы как мне отсюда доехать?

Альберт откровенно почесал в затылке, пожал плечами:

— Да я такой улицы в Питере даже не припомню. Это где? В Царском Селе, что ли?

Клиент прерывисто вздохнул — не то всхлипнул, не то горько усмехнулся, сказал непонятно:

— Спасибо тебе, отче Колумбан, удружил по самые... — и еще добавил длинно, цветисто, многоэтажно. Альберт только языком прищелкнул с уважением. — Ну и ладно. Бойцовый кот нигде не пропадет!

— «Бойцовый кот есть боевая единица сама в себе», — машинально, как отзывом на пароль, откликнулся Книзе. Станный пришелец воззрился на него, как громом пораженный.

— Аб-балдеть! Неужто и здесь?! — потрясенно выдохнул он. — Ну, тогда точно — будем жить. Ты мне скажи, Альберт: у вас компьютерные техники хорошо за-

рабатывают? Ну, то есть не у вас конкретно, а — вообще? В Питере?

Он уже совершенно пришел в себя, поднялся на ноги и смотрел весело. Альберт ответил философски:

— Вообще по-разному, — удивляясь про себя: «Откуда ты такой взялся, братец?» — Смотри что ты умеешь. В ВКС, точно знаю, платят мама не горюй, но и служба там...

— Вэ-кэ-эс — это Военно-Космические Силы? — перебил парень. — На-армально! «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы...» Все, пошел заниматься в космический десант. Бывай здоров, братуха.

— Эй, — окликнул Книзе, когда посетитель направился к выходу, — а платить кто будет? Лермонтов?

— Так написано ведь, что бесплатно?

— Глобалнет — бесплатно. А ты еще кофе насосался рубля на три. Инга! Посчитай семнадцатый!..

Босяк в странной домотканой одежде остановился. Усмехнулся. Покрутил головой. Потом полез за пазуху и вытянул на длинном шнурке довольно большой кожаный кошель вроде того, в каком туристы таскают документы и деньги. Распустил на мешочке завязки, чуть потряхнул горловиной в пригоршню, убрал кошель назад под рубаху. Вернулся, сунул что-то Альберту в ладонь, махнул рукой — «сдачи не надо!» — и выскочил на Невский, мгновенно растворившись в потоке августовского солнца.

— Аль, он деньги-то отдал? — позвала Инга от стойки. — Два восемьдесят с него! Вот ведь чудак, скажи?..

— Ага, — примороженно сказал Альберт, таращась в ладонь на тяжеленный золотой кругляш с неровными краями и чьим-то коронованным профилем. — Отдал. Два восемьдесят. Чудак.

**КОНЕЦ КНИГИ ШЕСТОЙ
И ПОСЛЕДНЕЙ**

Оглавление

Пролог. Письма из Империи	7
Часть первая	
Константинополь: в ожидании Рождества	19
Часть вторая	
Кипр: остров войны и любви	232
Часть третья	
Иерусалим: град обетованный	357
Эпилог	497

Литературно-художественное издание

МАРТЬЯНОВ

Андрей

Время вестников

Ответственный редактор А. Сидорович

Корректор Л. Комарова

Верстка В. Смолянинова

Лицензия ЛР 010246 от 28.05.97 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.12.2007 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Петербургская.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 21,3.

Тираж 8550 экз. Заказ № 797.

Издательство «Лениздат»

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

E-mail: fankon@yandex.ru

Издательство «Ленинград»

Санкт-Петербург, Лиговский пр., 56.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Лениздат»

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Мартьянов Андрей

Родился в Ленинграде в 1973 году. Образование медицинское, работал в системе «Скорой помощи» и в МЧС. Активно занимается литературой с 1996 года, дебютный роман «Звезда Запада» (премия «Большой Зипант-1997» за лучший роман года в жанре fantasy). В 90-е годы А. Мартьянов издавался под несколькими иностранными псевдонимами. Известен историко-фантастическим циклом «Вестники Времен», циклом в жанре science-fiction «Войти в Бездну» в четырех книгах. Опубликованы романы «Танец с хаосом», «След Фафнира», «Иная тень», «Белая акула» и пр.

ISBN 5-289-02608-8

9 785289 026088